

STALKER

Левицкий А., Жаков Л.

Охотники на мутантов

Scan by dvvsta (<http://torrents.ru/forum/profile.php?mode=viewprofile&u=5427281>)
Edition by DarkScientist (darkscientist@tut.by)

Аннотация:

Могильник – дикие непроходимые земли, из глубин которых поднимается аномальная энергия старых захоронений. Это самый странный и опасный район Зоны. Здесь водятся существа, которых нет больше нигде, здесь происходят вещи, способные напугать даже бывалого сталкера.

В центре Могильника находится Крепость, таинственный объект, из-за которого столкнулись интересы двух сильнейших группировок Зоны. «Долг» пытается как можно быстрее доставить туда ценный груз, а «Свобода» хочет во что бы то ни стало помешать этому. «Долг» нанимает Лесника – лучшего охотника на мутантов, «Свобода» обращается за помощью к Цыгану – опасному наемнику-убийце.

Теперь эти двое стремятся уничтожить друг друга. А Могильник стремится уничтожить их. Смертельное противостояние началось!

Но нет Востока, и Запада нет,
Что – племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу
У края земли встает?
Редьярд Киплинг

Глава 1 ОХОТНИКИ

1

Лесник согласовывал картечь. Осторожно укладывал картечины в гильзу ровными столбиками и просовывал между ними спички, для верности пересыпая крахмалом. Хороший крахмал, вчера Лесник варил на нем кисель из черники.

Методично собирая патрон за патроном, сталкер прислушивался. В вечернем лесу было тихо. Высоко над привадой – привязанной к суку тушей молодого лося – каркала ворона. Туша лежала на покатам настиле в нижней части склона, от нее к дереву тянулась провисшая веревка, внизу была яма. Солнце зашло, тени деревьев поблекли. Сумерки сгустились. Скоро псевдопсы выйдут на охоту.

Шалаш из еловых веток, засидка Лесника, стоял в стороне от «волчьей катушки», из укрытия хорошо просматривались крутой склон и приманка. Туша ощутимо пахла, но сталкера это не смущало. Он вставил в стволы два патрона, остальные разложил на полочке перед собой. Все было готово для удачной охоты.

Засаду Лесник устроил возле рубежа, который вычислил, рискуя собственной шкурой. Дальше жила большая стая мутантов, но все, кроме самых крупных, побоятся перейти границу территории. Сколько их окажется, таких смелых или голодных? Найдя свободное от аномалий место, он вырыл яму с расчетом на пару-тройку тварей, прямо под склоном. Закончив, поставил вдоль земляных стенок плотный частокол. Сучки на кольях торчали вниз, чтобы помешать зверю выбраться из ямы. Конечно, мутант не волк, что ему какие-то сучки? Но для этого и сидит здесь Лесник с верной, двустволкой.

Наклонный настил тщательно натерт салом, на нем лежала привязанная туша, дно ямы утыкано колючками. Учувший лося зверь полезет вниз с крутого склона и скатится по настилу. Всё вроде бы в порядке, и даже ветер благоприятствует, однако что-то беспокоило сталкера. В Зоне нельзя предусмотреть всего, охота – дело опасное, но за шкуры редких пятнистых псевдопсов с рыжими полосами на хвостах очень хорошо платят.

А деньги нужны. Лесник кончиками пальцев дотронулся до правой стороны груди. Уже больно держать двустволку у плеча, выцеливая...

Быстро темнело. В укрытии сильно и пряно пахло хвоей, палой листвой и влажной землей, под коленями шуршал мох. Лесник пригладил всклокоченную темную бороду с нитями седины, задумчиво покачал стволом старой двустволки... И тут вдалеке раздался вой – стая перекликалась перед охотой.

Он встал на одно колено, просунув ружье в щель между колкими ветками, замер, глядя вдоль стволов. Так неподвижно он мог просидеть несколько часов, дожидаясь дичь.

Стая приближалась. Она уходила то влево, то вправо, но наконец вой и лай слились в голодный гомон, который быстро усиливался: псевдопсы учуяли приманку и мчались прямо на Лесника. Он навел ружье на вершину холма, палец на спусковом крючке напрягся. Металл под кожей уже согрелся, Лесник ощущал его приятное тепло.

Захрустели ветки, дернулась молодая елочка, и звери показались между деревьями.

Сердце заколотилось в груди, застучало резко и зло. Каким бы опытным охотником ты ни был, при виде добычи в кровь выбрасывается адреналин. Сталкер бесшумно втянул ноздрями холодный вечерний воздух.

Холм был границей. Первый, самый крупный мутант резко остановился у склона, лапы взрыли землю. Из оскаленной пасти свисали веревки слюны, глазки горели голодом и яростью. Аромат лежалого мяса бил в нос, туша совсем близко – но вне территории стаи!

«Давай же! – мысленно произнес Лесник. – Прыгни! Возьми его!»

Лопатка зверя была в прицеле, но сталкер не хотел спугнуть стаю.

Рядом с первым псевдопсом остановился второй, третий... Мутанты заметались и завывали от бессилия.

Тут какой-то из молодых, не сумев остановиться, скатился с холма. Когти проскребли по земле, зверь щелкнул зубами, пытаясь ухватить добычу, но поймал лишь воздух – и с растерянным воплем бухнулся с настила в яму.

Лесник моргнул. Этот желторотый всё испортил!

Стая недоуменно топталась на месте, слушая обиженный визг, несущийся из ловушки. Испугались, леший их задери! Теперь не сунутся к приваде. Сталкер хорошо видел мутантов, они крутились между деревьями на вершине холма. Их манил запах падали, однако выйти за свою территорию не позволял инстинкт, а тут еще и собрат, провалившийся непонятно куда...

Он подождал минуту, другую и понял, что охота сорвалась. Из-за какого-то тупого волчонка! Лесник тяжело поднялся, упершись макушкой в лапник, и тут один из мутантов прыгнул.

Похоже, это был вожак. У псевдопсов сохранилось что-то от волчьих повадок – падали они начинали жрать с брюха, на этом и зиждился принцип ловушки под названием «волчья катушка». Под холмом вырывали глубокую яму, на крутом склоне подвешивали тушу. Зверь перемахивал приваду, чтобы накинуться на еду с брюха, и катился в яму по скользкому, натертому салом настилу.

Лесник ощерился, увидев в щель между еловыми ветками, как мутант упал.

Но за вожаком посыпались еще несколько.

Стая небольшая, однако и ее должно хватить, чтобы заполнить яму и придавить первого зверя – крупного и очень дорогого. Сталкер выскочил из шалаша, вскинув двустволку к плечу. Вниз, суча лапами, полетел молодой псевдопес, за ним съезжала по настилу, царапая землю и воя, большая лобастая самка. Навстречу лился скулеж двух попавших в

западню мутантов.

Почти не целясь, Лесник выстрелил из одного ствола и сразу же из другого – пара псевдопсов свалилась на вершине. Молодой и самка шлепнулись в ловушку. Выругавшись, сталкер быстро перезарядил ружье и оба заряда картечи, которую так долго укладывал, всадил в грудь матерого зверя. Тот прижался к земле, готовясь прыгнуть, железная шерсть на холке встала дыбом... Он так и не прыгнул, упал на бок.

Стая заметалась. Какой-то недомерок, скуля, лег брюхом на траву и поехал к туше лося головой вниз, осторожно перебирая лапами. Склон был крутым, мутант почти сразу задержался, попытался отползти обратно, но не смог и покатился с холма. Лесник вновь зарядил двустволку, поднял к плечу. Это последний – в ловушке, не считая молодняка, окажутся три крупных зверя, за которых можно получить достаточно, чтобы... Сталкер прижался щекой к прикладу, вдавил один спусковой крючок.

И тут его скрутило. Боль полыхнула огнем, прожгла грудь. Он был здоровый мужик, хоть и в возрасте, с мощными покатыми плечами борца, жилистой шеей, широкой грудью – и все же его свернуло в узел. Громыкнуло, выстрел ушел в воздух. Руку свело судорогой, палец на крючке вывернуло падающим ружьем, и Лесник боком повалился в мох.

Недомерок упал в яму, оттуда донесся обиженный скулеж. Сочный удар лапой, короткий, почти человеческий вскрик – и на краю ямы зашуршало. Лесник с усилием поднял голову, окинул ловушку мутным взглядом. Первый приступ прошел, боль ослабла, и сталкер ощутил, как влажная от росы трава щекочет шею. Почти стемнело, в сумерках он увидел перед собой черный силуэт в рыжих пятнах.

Здоровый, чересчур крупный даже для вожака мутант выбрался по телам сородичей и припал к земле, готовый к прыжку. Сталкер скосил глаза. Двустволка лежала всего в метре, но, чтобы ее достать, надо пошевелиться – и спровоцировать псевдопса. А если лежать неподвижно, зверь, возможно, не станет нападать. Все-таки теперь он на чужой территории...

Вожак зарычал. Лесник скорее почувствовал, чем увидел, как напряглись его лапы, как под пятнистой шкурой перетекли мышцы... Он прыгнул.

Сталкер откатился, подхватил ружье и вскочил на колени, прицеливаясь. Потерявший жертву зверь проехался по земле, оставляя глубокие борозды. Огромная башка повернулась, раскрылась пасть. Клыки блеснули в свете встающей луны. Без единого звука мутант развернулся и кинулся на человека.

Лесник выстрелил.

Взвыв, псевдопс упал в трех шагах от него и сразу поднялся. Лесник перехватил ружье за приклад, выпрямился, занося, как дубинку. Из шеи псевдопса текла кровь. Зубы щелкнули у горла человека, вонь из пасти ударила в ноздри. Лесник едва успел отступить и в широком замахе обрушил приклад на мохнатую башку. Мутант упал, дергая лапами.

Лесник шагнул к раскидистой ели, прислонился спиной к стволу, несколько раз вдохнул и выдохнул, морщась от боли в груди. Быстро зарядил ружье. В патронташе на поясе оставалось шесть патронов с согласованной картечью и десяток обычных.

Сталкер выстрелил в голову пытающегося подняться псевдопса, и тот затих. Стая на холме, во время боя трусливо повизгивавшая, завывала.

– Так вас, – сказал Лесник, повернулся к издохшему вожаку спиной и побрел в сторону ловушки. В яме скулили, обдирая бока, пойманные звери, два молодых и большая сука. За пятнистую самку дадут как за вожака – ведь она немногим меньше его, наверное, подруга, – а за недомерков по...

Усилившийся вой заставил Лесника насторожиться, и он повернулся, вслушиваясь. Проклятье! Слишком долго провозился с псевдопсами на нейтральной территории – стая с соседнего участка, услышав шум, бежит сюда. Мутанты близко, будут здесь через пару минут.

Он огляделся – Лунный свет озарял лес, по сероватой траве протянулись длинные тени деревьев. Похолодало, из ноздрей вылетали струйки пара. Пахло палой листвой и собачьей шерстью.

Стая на холме оживилась, залаяла в несколько глоток. Сколько их там осталось? Лесник даже не пытался разобраться в темноте. Скорым шагом он вернулся в рожицу, где стоял шалаш и валялся убитый вожак. Засидка – укрытие ненадежное, озлобленное зверье снесет ее и не заметит, а человека внутри растопчет, порвет в куски. Поэтому возле шалаша Лесник даже не остановился, сразу пошел к высокой развесистой ели, закинув ружье на плечо.

Ветви гнулись и трещали, но залез он быстро, уже через минуту устроился в развилке метрах в двух над землей. Забираться выше не стал, чтобы удобней было отстреливать мутантов.

Хотя Лесник ждал их, хозяйничавшие на этом участке псевдопсы все равно появились неожиданно. Вынырнув из кустов на освещенную лунной поляну, они окружили труп зверя. Двое молодых, урча, накинлись на теплое еще тело. Вторая стая, оставшаяся без вожака, крутилась на холме.

Эти звери были обычные, не пятнистые. Серые шкуры и хвосты стоят копейки – нет смысла морочиться. Самый крупный мутант куснул одного из желторотых, тот взвыл, пятнистые на холме ответили нестройным хором. Приманку они больше не пытались достать, однако ее учуяли хозяева участка. Вожак подал сигнал, молодые бросили мертвого собрата, и мутанты повернули морды к туше лося.

– Только не надо падать в ловушку! – прорычал Лесник, вскинул ружье и выстрелил дважды. Самый крупный мутант повалился в лужу лунного света.

Обе стаи взвыли. Раненый зверь подобрал задние лапы, пытаясь встать, но упал мордой в траву. Лесник прижал приклад к плечу, выцеливая следующую жертву. Звери на холме бесновались, рыча, сновали вдоль невидимой границы участка.

И тут начался второй приступ.

Сталкер прижался к стволу, едко пахнущему смолой, левой рукой перехватил выпавшее ружье. Правую свело судорогой, пальцы скрючило в кулак, ногти впились в кожу. По запястью потекла кровь. Кое-как накинув ремень на плечо, он обхватил ствол здоровой рукой и ногами. Голова кружилась, грудь разъедало, будто кислотой, кровь пульсировала в висках. В глазах потемнело. Серые учуяли его и теперь сновали вниз, подпрыгивали. Зубы щелкали у самых ботинок.

Псевдопсы на холме не выдержали – сначала один, потом другой съехали по склону, следом рванулись оставшиеся шесть или семь. Не успел Лесник испугаться за ловушку, как первый зверь вспрыгнул на тушу лося, оттолкнулся – и в длинном прыжке перемахнул через яму. Его примеру, один за другим, последовали остальные.

Псевдопсы яростно атакуют любого, кто вторгается на их территорию, но редко забредают на участки друг друга, весь их гнев обычно достается сталкерам – поэтому, наверное, до сих пор стаи мешкали. Теперь же инстинкт возобладали, и звери бросились на чужаков.

Хозяева участка, вздыбив серую шерсть и оскалившись, ринулись в бой. Лесник застыл в неудобной позе. Под ним псевдопсы рвали друг другу глотки, катались по земле, разбрасывая листья, рычали и выли. Привалившись к шершавому стволу, он баюкал сведенную судорогой кисть правой руки. Боль медленно отступала. Кажется, приступы становятся чаще. Болезнь сведет его в могилу раньше, чем он накопит нужную для операции сумму...

Когда Лесник вцепился в толстую ветвь, ладонь стала липкой от пахучей, смолы. После второго приступа его всегда охватывала слабость, теперь он мог свалиться раньше, чем твари перегрызут друг друга. И неизвестно, что хуже – свернуть себе шею или оказаться в гуще разъяренных мутантов.

Судорога наконец прошла, хотя дрожащие пальцы все еще не сгибались. Преодолевая боль, Лесник намотал ремень ружья на правую кисть, кое-как перезарядил, опустил стволы и выстрелил, не целясь. Взгляд застилала мутная пелена, но промахнуться по мешанине тел внизу было сложно. Громкий визг был ему ответом – сталкер попал.

Он перевел дух, уселся поудобнее. Накатила слабость, но Лесник пока мог держаться. Трясущимися руками перезарядил ружье и выстрелил, потом еще раз. Луна ярко освещала поляну, и, когда пелена перед глазами рассеялась, сталкер стал целиться тщательнее. Согласованная картечь, дававшая лучшую кучность боя, закончилась, остались только обычные заряды.

Звери убивали друг друга, а он сидел, обхватив ствол ногами, медленно заряжал двустволку и стрелял. Подул ветер, сверху прилетела шишка, пронеслась у лица, царапнув щеку. Лесник качнулся на ветке, едва не выпустив ружье. Очередной патрон вывернулся из дрожащих пальцев и улетел вслед за шишкой.

Замертво упал последний псевдопес из пятнистой стаи. Драка закончилась, и хозяева территории замерли вокруг дерева, подняв морды.

Лесник полез за следующим патроном. Шансы остаться в живых были минимальные – звери растерзают его, он не может перестрелять всех. Он пробежался пальцами по патронташу. Пять зарядов. А зверья? Раз, два... восемь мутантов. Правда, большая часть – молодежь, но вот ближе всех к ели трое матерых самцов, которые и допрыгнуть могут...

Не тратя больше времени на раздумья, Лесник поднял ружье и тщательно прицелился. Обычной картечью такого мутанта не уложить. Хорошо, если с двух выстрелов получится.

Он спустил оба курка. Лесника качнуло, ветка под ним треснула. Здоровенный псевдопес под елью прыгнул – и молча рухнул на землю. Готов. Он выделил и убил второго. Остался последний патрон...

Мутанты прыгали, громко воя. Сталкер подобрал ноги, нашел самого молодого и выстрелил. Зверь повалился, скуля, дергая лапами. Лесник надеялся, что перебил ему позвоночник, и желторотый не опасен, не кинется сразу, как только он спустится на землю.

Ветка трещала, перелезая на другую не было смысла – он не сможет просидеть здесь всю ночь, а звери запросто прокараулят до утра. Их осталось четыре, все – самцы. Теперь надеяться можно только на силу рук и ловкость. Хотя слабость до сих пор не прошла...

Лесник с силой швырнул ружье в ближайшего псевдо-пса и сполз на землю. В глазах потемнело. Замычав сквозь зубы, он прислонился к стволу. На него прыгнули сразу двое, сталкер выбросил перед собой руку с ножом и по рукоятке вонзил лезвие в шею одного, при этом уклонившись от зубов другого.

Усилие оказалось слишком большим – он повалился на бок. Зубы щелкнули там, где только что было человеческое горло, и мутант врезался мордой в ствол. Съехав по нему, откатился и заскулил, мотая башкой.

А сталкер очутился лицом к лицу с последним членом стаи.

Нет, не последним – с другой стороны, зарывав, встал еще один, с морды его текла кровь. Лесник зашарил у пояса, не находя второго ножа. Где же он... нигде нет, но вон буквально в шаге лежит ружье...

Два мутанта прыгнули одновременно. Сталкер перекатился на бок, протянул руку. Звери столкнулись над ним и упали, сцепившись. По телу заерзали лапы, раздирая когтями куртку из грубой кожи.

Сцепив зубы, Лесник поднял ружье и ударил, не глядя. Приклад врезался в хребет, тот хрустнул, мощный тяжелый самец обмяк на сталкере, придавив к земле.

Второй псевдопес зарывал, Лесник спихнул с себя труп и сел с двустволкой в руках. Прямо перед ним была разинутая темная пасть. Взбешенный зверь прыгнул...

Потом Лесник не мог объяснить, как и почему он это сделал. Все получилось само собой. Вороненые стволы старой двустволки глубоко вошли в глотку. Удивленные глаза, тяжелый хрип... Зверь повалился на бок, сталкер привстал, налегая, пригвоздил его к земле. Самец захрипел, пытаясь вывернуться, но Лесник нажал так, что в ушах загудело и перед глазами поплыли круги. Что-то чавкнуло в горле мутанта, порвалось, хрустнуло... Он забился – и испустил дух. Лесник поднялся, упираясь ногой в труп, вытащил двустволку, нашел нож и пошел добивать раненых псевдопсов. Только удостоверившись, что все мертвы, он позволил себе сесть возле ели, прислониться к стволу – и ненадолго потерять сознание.

* * *

Курильщик стоял за стойкой с сигарой во рту. Он видел через окно, как подъехал джип «Долга»; потом в зал зашли двое, а еще четверо сразу поднялись наверх. Хозяин «Берлоги» не очень любил долговцев. Они уничтожали мутантов и не сбывали через него, Курильщика, артефакты, а в его заведение, скрытое в отвесном берегу давно пересохшей речки, заходили очень редко. Короче, с «Долга» прибыли никакой, поэтому он неприязненно поглядывал на этих двоих. Остальные заняли угловую комнату, даже не поздоровавшись со скупщиком, их туда провела одна из его девчонок. И теперь Курильщик, покусывая кончик сигары, почти всерьез размышлял, а не достать ли из-под стойки верный «МП-5» и не выпроводить ли непрошенных гостей?

Хотя и понимал, что не сделает этого. Ссориться с «Долгом» – себе дороже.

От столика вернулась, вихляя бедрами, Краля. Поджав ярко накрашенные губы, обиженно сказала:

– Ничего не заказали. Только просили подойти вас.

– Что им надо? – хозяин покосился на столик должговцев.

– А. я знаю? – Краля уселась на высокий круглый табурет, закинув ногу на ногу, раскурила тонкую сигарету. Выпустила дым и презрительно фыркнула: – Джеймсбонды! Разговор до вас есть, сказали, а больше ничего.

– Ладно, позови Окуня. – Скупщик пожевал сигару, вытащил изо рта и неторопливо направился к гостям, которые с ожиданием поглядывали в его сторону.

Один из них, лет тридцати, бритый наголо, был наглухо затянут в офицерский китель. И есть же у некоторых желание таскать в Зоне военную форму! Второй, с молодым прохиндейским лицом и легкой сединой в волосах, поверх форменных брюк носил обычную сталкерскую куртку. Из нагрудного кармана торчала чашечка трубки.

Курильщик остановился возле столика.

– Слушаю?

– Да вы присаживайтесь. – Седой похлопал по скамье рядом, но хозяин решил не садиться, пока не выяснит, в чем дело.

Второй покосился на Курильщика, лицо его было неподвижно. Седой, похоже, имел звание пониже – прежде чем заговорить, он вопросительно глянул на бритого. Тот сидел ровно, будто палку проглотил. Военная выправка, неодобрительно отметил про себя скупщик. Когда Бритый едва заметно кивнул, Седой, наклонившись к хозяину, заговорил:

– Человек, хорошо знающий всякие тропы. Умеющий молчать и соблюдать тайну. Такой, который смог бы доставить кое-что кое-куда...

Бритый предупреждающе кашлянул. Второй заткнулся, полез пальцами в волосы на затылке, взъерошил, потом пригладил.

– Вот я и говорю, – продолжил он, – нужен человек... Это знакомое дело – когда ищут подходящего сталкера

Для какого-то задания. В Зоне подобное происходит сплошь и рядом. Курильщик, кивнув сам себе, придвинул стул от соседнего столика и сел верхом, упершись выпуклым пузом^в спинку.

– Лесник, – произнес он, оглянувшись для порядка, не слышит ли кто.

– Дядя, ты понимай задание шире. Необязательно лесник, можно просто бывалого сталкера, который знает тропы, чтобы незаметно пробраться... – заторопился Седой.

Бритый, повернув к Курильщику голову, переспросил:

– Лесник?

Второй сразу заткнулся. Курильщик с неодобрением посмотрел на него и покачал головой.

– Сколько? – спросил Бритый.

– Много, – ответил Курильщик, перекачивая сигару во рту. – Я не негр с плантации, чтоб за бесплатно...

– Да мы уже видим, – перебил Седой. Он достал из кармана трубочку, постучал об стол, выбивая остатки пепла, и сунул обратно. – Больше смахиваешь на Скупого Рыцаря...

Курильщик, который Пушкина не читал даже в школе, проигнорировал замечание и просто показал три пальца. Седой посмотрел на старшего. Тот кивнул. Тогда должговец вытащил из кармана жиденькую пачку банкнот, отсчитал три сотенные бумажки и протянул хозяину. Тот помял купюры, понюхал, посмотрел на свет и спрятал во внутренний карман. С паршивой овцы хоть шерсти клок, подумал он. Раз пива не взяли...

Седой спросил:

– Так где найти твоего Лесника?

– А он ко мне должен сегодня зайти, – ответил Курильщик. – У нас с ним дела... Короче, будет в баре ближе к обеду. Сразу и поговорите. Он весь юг Зоны, считай, истоптал. Все тропы тайные знает, там пройдет, где... – Курильщик задумался и неловко заключил: – Короче, где никто не пройдет. Только вы того... Не говорите ему, что это я вас на него навел.

– Что, этот твой, как его, страшен, как будто лесное чудище? Боишься? – усмехнулся Седой, откидываясь на спинку стула.

– Нет, но... – Курильщик пожал плечами. – Лесник – мужик без чувства юмора, суровый, не хочу портить с ним отношения. Тем более, терять ему нечего.

Когда пришел Лесник, было уже за полдень.

– Воды, – хрипло произнес он с порога, вытаскивая из нагрудного кармана упаковку обезболивающего.

Долговцы повернулись к дверям. Бритый ничем не выразил своего интереса, а Седой с почти детским любопытством разглядывал крупного бородатого мужика в исполованной когтями кожаной куртке, брезентовых штанах и рыжих ботинках, с двустволкой на плече.

Курильщик кивнул Краля, и та налила Леснику стакан мутноватой воды. Сталкер кинул в рот две таблетки, выпил. Он излучал грубоватую мужицкую силу – девушка переступила с ноги на ногу, кокетливо качнув бедрами, но Лесник даже не глянул на нее. Гулко откашлялся, вопросительно посмотрел на хозяина. Курильщик глазами показал на столик возле окна.

По знаку старшего Седой вскочил, подошел к Леснику.

– Слышь, борода, у нас тут есть для тебя задачка одна, как раз по твоему профилю, – развязно начал он.

Лесник покосился на него.

– Дел с группировками не веду, – низким голосом произнес он и отвернулся.

Седой осекся, поняв, что взял неверный тон. Он вытащил трубочку, нервно постучал по ладони. Нерешительно сунул мундштук в рот, погрыз и спрятал трубку обратно. Курильщик успокаивающе махнул ему.

– Это важное дело, – произнес наконец должговец. – По-настоящему важное. Только такой спец, как ты...

Лесник сморщился, приложив руку к груди. Не слушая, шагнул к стойке, за которой стоял хозяин.

– Чего им тут надо? – спросил сталкер негромко, опираясь на выскобленную деревянную поверхность. Из-за его спины Седой делал Курильщику всякие знаки и шевелил бровями.

– Их целая команда, – словно бы извиняясь, ответил купщик, отгрызая кусочек, от сигары и сплевывая. – Просто так они б не приехали ко мне, сам понимаешь. Значит, и вправду что-то важное. Так что ты выслушай хотя бы. К тому же лишние деньги тебе не помешают, на одних мутантах много не заработаешь... Обедать будешь? Охота удачно прошла?

Курильщик знал, что сказать, – упоминание о деньгах заставило Лесника обернуться и смерить должовцев взглядом. Седой вернулся за стол, сел и стал покачиваться на стуле. Бритый неподвижно глядел перед собой.

– Хотя бы выслушай их, – наклонившись над стойкой, повторил Курильщик. – А там решишь, братья или нет.

Сталкер покачал головой, сложил пальцы щепоткой. Хозяин кивнул.

– Ладно, обед попозже дайте, – сказал Лесник. Развернулся и медленно, как медведь, вперевалку направился к столу, где сидели должовцы. При его приближении Седой вскочил, выдвинул стул.

– Любые подробности обозначим, – заговорил он весело, – делов-то...

Лесник кинул на него сердитый взгляд – и должовец осекся, вернулся на место. Придерживая локтем ружье, сталкер сел, стул под ним заскрипел.

– Так что у вас? – неприветливо спросил Лесник, внимательно осматривая должовцев из-под насупленных бровей. – Только не части, – предупредил сразу, заметив, что Седой раскрыл рот.

Тот помолчал, выбирая слова.

– Надо доставить груз в центр Могильника, – выпалил он и закашлялся.

Брови Лесника полезли вверх.

– В Могильник? – повторил он удивленно. Седой продолжал:

– Там уже ждут. Небольшой груз, никаких проблем с ним не будет. Главное – доставить в целости и сохранности, чтобы никто не перехватил и не уничтожил. Ну, тут, я думаю, и так все ясно, в задании ничего особенного. Просто надо, чтоб никто не видел. Тайно, понимаешь? Тихо, скрытыми тропками, ты, говорят, умеешь, знаешь. Могильник – место темное, понятно, туда сложно пробраться, ну так ведь и ты не пальцем... – он поперхнулся. Лесник наградил его тяжелым взглядом.

– Какое-то гнилое дело затеваете. Не нравятся вы мне, оба.

– На себя посмотри, борода! – вскинулся Седой. – Да если б я каждый день такую страхолюдину в зеркале видел...

Сталкер медленно поднялся, повернулся, ни слова не говоря, и пошел к выходу своей небыстрой косолапой походкой. Бритый дернул подбородком. Седой подскочил, кинулся за Лесником:

– Э, погодь, погорячился я! Да стой ты, медведь!

Он нагнал сталкера возле двери, схватил за руку повыше локтя и попытался развернуть. Лесник был не очень высоким, зато кряжистым и плотным, Седому не удалось сдвинуть его с места. Сталкер повернулся сам, и должовец невольно отступил на шаг, перейдя на шепот:

– Слышь, дядя, это всей Зоны касается! Важная разработка! Пойми, задача не частная, а для всех!

– Кровосос тебе дядя, – прогудел Лесник, плечом оттирая Седого. Приблизился к Бритому, который так и не пошевелился. – Серьезное дело? – спросил он хриплым басом. Главный кивнул. – Ладно, что за груз?

Бритый поднялся, коротко взглянул на сталкера.

– Можешь сейчас посмотреть. Наверху, в комнате.

– М-м? – Лесник неторопливо снял с плеча ружье, взвел оба курка, повел стволами в сторону лестницы. – Веди.

– Эй, ты чего? – хватаясь за кобуру на поясе, запротестовал Седой, но Бритый осадил его:

– Хватит болтать. Вперед, старшина.

– Есть, капитан, – обиженно пожав плечами, Седой стал подниматься по ступенькам. Бритый пошел за ним, Лесник направился следом, двустволка неотрывно смотрела в спину должовца.

– Так из какого ты лагеря, говоришь? – спросил он капитана на втором этаже.

– С Южной базы, сталкер, – спокойно ответил тот. – А ты зря за свое ружье взялся, мы тебе вреда не причиним, поговорить только.

– Я никому не доверяю, – пробурчал тот в ответ.

В конце коридора Седой распахнул дверь и посторонился, пропуская их в комнату. Капитан перешагнул порог, Лесник, не опуская ружья, вошел следом, окинул помещение быстрым взглядом. Дверь позади закрылась.

Пару раз сталкеру приходилось ночевать тут. Под окном стоял крытый клеенкой стол, в углу железная кровать, рядом старый, с растрескавшейся полировкой шкаф. За столом сидели двое должовцев, еще двое подпирали стену. На продавленной кровати, накрывшись покрывалом, сидела худая востроносая девчонка лет четырнадцати и с любопытством пялилась на сталкера.

– И где он? – спросил Лесник, качнув ружьем.

– Она. – Капитан кивнул на девушку и сложил руки на груди. Его бесстрастное лицо не выражало ничего, кроме усталости.

– Доставить ее? В центр Могильника? Тайными тропами? – Лесник хмыкнул скорее удивленно, чем рассерженно. Девчонка смотрела на него и улыбалась.

– Здравствуйте! – вдруг выпалила она. Повернувшись, сталкер встретился взглядом с капитаном.

– Ищи дурака, – сказал он. – Я вам не детский сад. Из-за Бритого выглянул старшина. Он был обеспокоен и нервозен.

– Послушай, борода, да пойми наконец, что ты должен...

– Я у тебя в долг не брал, – оборвал его сталкер. Стволы ружья уперлись в грудь капитана, но того, похоже, это нисколько не волновало. – С чего вдруг ребенка какого-то аж в Могильник вести? В Могильник! Из вас кто-то хоть раз близко к нему подходил? Информацией делиться не хотите, задание – общие слова, да еще чушь какую-то несете. Этот воробей – ценный груз? Расскажите крысиному волку в полнолуние!

Седой выхватил тэтэшник, наставил на сталкера.

– Ты что себе позволяешь, леший?! – взбеленился он.

Но тут капитан сделал шаг вбок, потом вперед, обойдя двустволку, приблизился к Леснику почти вплотную.

И произнес в заросшее кудлатой бородой лицо всего три слова.

Лесник побледнел, непроизвольно положил руку на грудь.

– Сколько? – переспросил он и хрипло добавил: – Половину вперед.

2

В баре «Пьяная плоть» было шумно. Все места заняты, барная стойка оккупирована любителями поболтать. У дверей играли в карты, сталкеры ходили между столами, перекидываясь приветствиями и новостями, и только один угол общего зала оставался свободным. Там, за столиком у окна, в одиночестве сидел высокий смуглый парень с черными кудрявыми волосами и темными глазами.

Развалившись на стуле, он молча разглядывал людей вокруг. Одет получше, чем большинство посетителей, в подбитой мехом длинной куртке, черном свитере, кожаных брюках и щегольских полусапогах, с золотым крестиком на груди. На столе стояла пепельница, пустая рюмка из-под коньяка и блюдо с остатками лимона, между ними лежал, поблескивая хромированным ободком, дорогой хронограф. Парень курил короткую сигарку и поглядывал на часы. Вокруг него образовалась небольшая зона отчуждения. Стоило кому-нибудь случайно приблизиться к столику, как человек этот застывал, глядя на смуглого сталкера, вымученно Улыбался и спешил убраться подальше. Тот с безразличным видом искоса поглядывал на таких гостей.

Когда народу в зале еще добавилось, он сунул хронограф в карман, положил сигару на край пепельницы, встал и подошел к стойке.

На него украдкой поглядывали со всех сторон, люди отступали, гомон голосов становился напряженнее, пьяная беззаботность улетучивалась. Только какой-то едва стоянии на ногах забулдыга бодренько воскликнул:

– Рамир! Привет, как дела? Как жизнь?

Сталкер по прозвищу Цыган быстро повернулся на голос, подобие радости мелькнуло на лице, но тут же сменилось напускным равнодушием.

– А, Бром, – произнес он красивым густым баритоном, трогая мочку правого уха. – У меня нормально, а ты как?

Но пьяница уже словно испугался своего порыва. Неуверенно облизнувшись, попятился, глянул по сторонам – люди со всех сторон старательно прятали глаза, – что-то промямлил и, подхватив со стойки ополовиненную бутылку пива, отступил куда-то в тень.

Рамир проводил его застывшим взглядом. Еще раз почесал ухо. Вокруг образовалась пустота, на этой стороне длинной стойки не осталось ни одного человека. Облокотившись на нее, он постучал костяшками пальцев по иссеченной ножами лакированной поверхности.

– Еще коньяка, лимон и кофе, – сказал Цыган, скосив глаза влево. Метрах в двух от него на высоком табурете сидел седой тощий сталкер в брезентовом плаще, из-под которого виднелись заляпанные грязью кирзовые сапоги. Он клевал носом над чекушкой «Столичной», рядом стоял граненый стопарик, в блюде лежал надкусанный пирожок. Пока бармен наливал коньяк и готовил кофе, Рамир бочком подобрался к старику на пару шагов, откашлялся и заговорил светским тоном:

– Ну что, чем закончился поход на Свалку, Битый? Говорят, неплохой хабар собрали?

Голова сталкера качнулась, он всхрипнул, поморгал осоловело и протер красные с недосыпу глаза. Морщинистое лицо разгладилось.

– А! – оживился он. – Удачно сходили, ну. Разжился грави и парочкой камней...

– В почках? – уточнил Рамир, приподняв смолисто-черную бровь.

Битый хохотнул в кулак, а Цыган незаметно достал из кармана хронограф, положив на стойку у правого локтя, бросил косой взгляд на циферблат.

– Не, не в почках, а «Кровь камня», артефакт такой, сам знаешь, – охотливо ответил Битый. – И ни единого зверя не встретили по дороге, у меня все патроны остались, да еще и с погодой удачно... – каждое следующее слово он произносил тише и наконец совсем замолчал.

– Много выручил за них? – поинтересовался Рамир, глядя на часы. – Или только вернулись, еще не скидывали хабар? К Курильщику не иди, он жмот. Я слышал, через Сидоровича сейчас кто-то «Кровь камня» скупает в больших количествах, так ты б к нему завернул...

– А, да, точно. Ты прав, конечно, – забормотал Битый. – Я... сейчас, я... Вот прям сейчас к Сидоровичу и пойду, сей момент, а чего медлить? Вот сейчас и пойду, ага...

Оставив наполовину полную чекуху с пирожком, бормоча что-то, он бочком отвалил от стойки.

Рамир поднял глаза от циферблата, огляделся. Вокруг никого не было.

– Тридцать секунд, – с мрачным удовлетворением отметил он и убрал часы. – Где мой коньяк?

Бармен подал рюмку и блюдо с ломтиками лимона, поставил чашку с кофе. Цыган кивнул, забрал заказ и удалился за свой столик в углу. Как только он сел, оставшееся после него пустое место у барной стойки затянуло людьми.

Рамир положил ноги на соседний стул, пригубил коньяк, лизнув лимон, взял сигару. Глубоко затянувшись, размеренно выпустил в потолок три сизых дымных кольца. На лице его была какая-то мрачная радость, но в глубине больших темных глаз притаилось отчаяние.

Он посмотрел в окно. Был дождливый вечер, в домах поселка тускло горел свет. Отсюда меньше пяти километров до Периметра и всего шесть – до КПП, на котором одной из смен командует покладистый лейтенант, к тому же не жадный. Потому-то «Пьяная плоть» и пользовалась популярностью, отсюда удобно просачиваться в Зону. Краем Уха прислушиваясь к шуму в зале, Рамир пригубил коньяк. Косые струи дождя поливали земляной двор, пристройки и стоящую во дворе технику: болотного цвета «УАЗик», микроавтобус, потрепанные «Жигули». Над высоким забором торчал фонарь, мутно-желтый свет озарял двор.

– Тоска, – негромко проронил Рамир и снова выпил. Широкое, с крупными чертами и выступающим подбородком лицо его было печальным, на лбу собрались морщины. Он достал хронограф, положил на ладонь, разглядывая.

Находящиеся в баре старательно не обращали на него внимания. Уловив движение за окном, Цыган вновь покосился туда. В раскрытые ворота вошли трое в плащах, потом, света фарой сквозь дождь, въехал мотоцикл «Ява» с накрытой брезентом коляской. Меся сапогами грязь, тройца прошла ко входу в дом, а мотоциклист, пробуксовывая, развернулся. Но не слез, остался сидеть, опустив ноги на землю и неуверенно оглядываясь. Рамир прищурился, разглядывая тройцу, собрался встать, но передумал: в окне они уже исчезли, зато почти сразу объявились в дверях зала. Он коснулся крестика на груди большим пальцем, затем на мгновение прижал его к губам. Поерзал, снял ноги со второго стула, одной подпер его под край сиденья. Шевельнул стопой – стул качнулся.

Рядом раздалось:

– Это он, вишь?

Рамир поднял голову – трое стояли над ним. Один с лохматой бородой, у другого красное испитое лицо, третий здоровый, будто карельский лось-пятилеток. Из ноздрей здоровяка – его все так и называли, Лось, – торчали пучки темных волос.

– Он?! – хрипнул Лось, сверкнув глазами.

– Он, – сказал Лохматый, суя руку под полу.

– А-а! – надрывно взревел Лось и качнулся на Цыгана, доставая из-под брезентового плаща двуствольный обрез.

Цыган резко распрямил ногу, поддев стул, тот взлетел, угол спинки врезался Лосю между ног. Здоровяк трубно взревел. Лохматый с Испитым достали «узи», но навести на сталкера не успели: под столом гроыхнуло, Рамира слегка качнуло на стуле. Испитой ухнул жалобно и протяжно, опрокинулся на спину, прижимая руки к животу, по которому расплылось темное влажное пятно. Лохматый выстрелил, пули ударили в стул, но Цыгана там уже не было – он слетел на пол, упав боком, ногой врезал по ножке стола. Та подломилась, стол начал падать на сталкера, прикрыв его от Лося. Здоровяк выстрелил из обоих столов, пули расщепили столешницу, и стол свалился на Рамира. Лохматый бежал его, сталкер дважды выстрелил, вторая пуля угодила противнику в колено. Лохматый с криком упал.

Все это заняло пару секунд, не больше, в зале никто не успел опомниться. Рамир вскочил, Лось с размаху опустил приклад разряженного обреза, выбив пистолет из его рук. Двое корчились на полу, Лохматый трясущейся рукой пытался подобрать «узи», колено его напоминало распустившийся красный цветок. Испитой лежал лицом вверх и дергал ногами.

Закричал бармен за стойкой, вокруг загомонили, кто-то шарахнулся прочь, кто-то с любопытством вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит. Рамир ударил Лосю в челюсть, но тот с неожиданной для такого громилы прытью качнулся в сторону, и кулак лишь скользнул по скуле. Размахивая руками, Лось попал сталкеру по голове, по плечу, наконец ухватил за шиворот, дернул на себя. Цыган пригнулся, вывернувшись, и увидел, что Лохматый взялся за «узи». Руки Цыгана вцепились в ножку перевернутого стула, но вместо того, чтобы ударить Лосю, сталкер развернулся.

Он врезал стулом по окну, посыпалось стекло. Лось выругался, Лохматый выстрелил, но не попал – Цыган уже нырнул головой вперед.

Он свалился в грязь под стеной, сразу вскочил. В баре стоял шум, бармен и трое выскочивших из подсобки мужиков, вооруженные кухонными ножами и битами, спешили к напавшим на Рамира. Испитой умирал, Лохматый корчился, держась за колено. Лось, расшвыряв ногами обломки мебели, ринулся к окну.

Человек в плаще, сидящий на мотоцикле с коляской, разинул рот и выпучил глаза на выпавшего из бара сталкера. Вздрыгнул, узнав, и крикнул:

– Рамир? Цыган, это вы?! Сюда!

Рамир подбежал к нему, собираясь сбросить с мотоцикли занятое его место, но незнакомец уже врубил двигатель.

– Садитесь! На вас напали эти трое? За воротами их ждет машина, там еще сидят!

Рамир приостановился, лихорадочно оглядываясь. С ревом расшвыряв людей, из разбитого окна полез Лось с обрезом в руке. За раскрытыми воротами включились фары – стало видно, что там стоит микроавтобус, в котором маячат темные силуэты. Ну конечно, люди Ржавого приехали мстить всем кагалом...

Загудел мотор, микроавтобус тронулся.

– Ты кто?! – крикнул Рамир, перекидывая ногу через сиденье позади незнакомца.

«Ява» затряслась и рванула с места в тот миг, когда Лось, стряхнув с плеч три пары рук, вывалился в окно.

– Умник, я Умник! – прокричал мотоциклист, выворачивая руль. – Я к вам приехал поговорить...

Чтобы не выпасть, Цыган обхватил его за пояс – и попал ладонью на кобуру. Колеса забуксовали, полетела грязь, двигатель взвыл. Микроавтобус встал в воротах, перегородив их, двери распахнулись, наружу полезли люди.

– За бар гони! – крикнул Рамир, выхватывая пистолет Умника. – Поворачивай!

Лось, ревя во всю глотку, бежал за ними, на ходу перезаряжая обрез. Цыган выстрелил в первого человека, показавшегося из автобуса с «Калашниковым» в руках. Тот упал, следом полезли другие. Застрочил автомат. Рамир выстрелил дважды, но не увидел, попал или нет, – микроавтобус остался за спиной. Они понеслись вдоль глухой боковой стены большого дома, в котором располагался бар.

– Куда дальше?! – крикнул Умник.

– За сарай, там калитка!

За домом стоял ржавый остов «Волги», дальше была низкая шаткая ограда, раскрытая калитка, в будке на цепи сидел пес – он выскочил и залился лаем.

Сзади стреляли, сквозь грохот доносились крики. Своротив коляской край ветхого забора, мотоцикл вылетел на поле. Умник развернулся, чтобы ехать вдоль грядок – дождь размыл ряды длинных пологих холмиков, но мчаться поперек них все равно было неудобно. Двор вокруг бара озарял мигающий свет, в нем прыгали тени. Рамир пришел туда налегке, снаряжение и большая часть оружия были в схроне за Периметром, под рухнувшим железнодорожным мостом, В баре не осталось никаких его вещей.

Умник сбросил скорость, но за полем на ровной земляной дороге вновь погнал. Он вздрогнул, когда ствол пистолета уперся в правый бок.

– Откуда ты? – хрипло спросил Рамир, вжимая оружие под ребра мотоциклиста. – Почему за мной приехал?

– Успокойтесь, пожалуйста! – произнес Умник нервно. – Я из «Свободы», и у нас к вам дело. Работа, понимаете?

Уберите оружие!

– Так ты хиппи... Ладно, а чего ж ты вместе с ребятами Ржавого приехал?

– С кем? А! Нет, я не с ними! Просто так совпало. Уберите пистолет, я сказал! Отдайте его мне, я же вас спас!

Сталкер недоверчиво хмыкнул. Он убрал ствол с ребер Умника, но оружие не вернул.

– Ладно, тормози, – сказал он, когда поселок остался позади. – Дальше я на своих двоих.

– Нет, почему? – запротестовал Умник, но как-то вяло. – Поговорить нам надо, понимаете? Тут недалеко, вон, за деревьями, домик, я там остановился. Мы, «Свобода» то есть, его часто используем, местные туда не суются, знают, что схлопотать могут, а из сталкеров никто не знает про это место...

Он не договорил. Мотоцикл ехал вдоль ряда высоких тополей, и Умник вдруг вывернул рулевую вилку.

– Э, тыгчего?! – заорал Цыган, хотя и догадывался, что происходит. Хиппи – так Цыган называл членов группировки «Свобода» – наконец *проняло*.

«Ява» проехала между деревьями, очутившись в низине у дороги, встала. Что-то пробормотав, Умник сполз с нее и побрел прочь, шатаясь. Оглянулся на Рамира. Тот остался сидеть, только ноги опустил на землю.

– Сейчас, – донеслось до него невнятное. – Я на минуту. простите...

Сделав еще несколько шагов, Умник повалился на ко лени, и его стошнило. Рамир молча наблюдал. Он не засекал время, но... сколько продержался свободовец? Почти десять минут? Это, наверное, из-за горячки гонки. Стрельба, езда на скорости – адреналин в крови помог парню. Но зато и накрыло его теперь основательно.

Цыган привстал, оглядываясь. Посреди большого поля росла березовая рощица, на краю ее стояла покосившаяся изба с темными окнами, окруженная низкой изгородью.

– Пришел в себя? – спросил он, когда свободовец наконец поднялся.

Тот кивнул, дрожащей рукой вытер рот.

– Простите, – повторил он. – Я... не знаю, что на меня нашло. Почему-то вдруг стало плохо.

Сталкер ослабил.

– Ясное дело, стало. Ладно, вон то ваш дом? – он показал на избу.

– Да. Нам туда. Почему эти люди напали на вас? – Умник пошел к мотоциклу, но вдруг остановился и попятился.

– Ребята Ржавого? – Рамир пожал плечами. – Тебе какая разница? Как напали, так и отпали. У них были свои причины, меня многие не любят. Так что, едем к тебе?

С сомнением поглядев на Цыгана, Умник провел ладонью по лбу. В свете фары было видно, как бледен свободовец.

– Ладно, – решил сталкер и слез с мотоцикла. – Ты садись и езжай медленно, я за тобой пойду.

* * *

– Присаживайтесь. – Умник повесил плащ на гвоздь возле двери, зажег закопченную керосиновую лампу на полке. В низкой избушке стояли три деревянных лежачка, застеленные одеялами, и колченогий стол. – Почему вы назвали меня хиппи?

– Ну, у вас же идеология такая... хипповая. Рамир с любопытством огляделся.

– Хреновенькое убежище. – Поставив колченогий стул возле единственного окна, он сел так, чтобы видеть и окно, и дверь. Умник в это время включил стоящую на тумбочке газовую плитку, к которой тянулся шланг от большого красного баллона, зажег огонь под закопченным чайником.

– Чай будете? – спросил он через плечо, доставая с полки кружки. Еще там стояли жестянка с заваркой и литровая банка, полная сахара. – С лимоном, без?

Цыган пожал плечами:

– Я не затем сюда пришел. Что у тебя за дело? Выкладывай, приятель, и чем скорее, тем лучше. Для тебя же.

Умник сел между плиткой и столом, подальше от Рамира.

– Почему на вас напали долговцы?

– Слушай, это мои Проблемы. – Цыган носком ботинка зацепил еще один стул, подтащил и закинул на него ноги. – А то гляди, опять поплохее – говорить не сможешь. – Он презрительно усмехнулся, достал из нагрудного кармана сигарку и турбозажигалку.

– Ничего, скоро пройдет, – пробормотал свободовец, снял вскипевший чайник с плиты и разлил кипяток по чашкам. – Что у вас с «Долгом»? – настойчиво повторил он.

– У меня с ними ничего, это у них со мной, – раздраженно ответил Рамир, откусывая кончик сигары и выплевывая на пол. – Меня трое сталкеров наняли, из вольных, сопровождать их с грузом до Кордона. Они раздобыли с десятка шкур рыжих псевдопсов, ну и решили подстраховаться. Рыжие-то хорошо ценятся, не копейный груз. – Он глубоко затянулся, выпустил дым большим кольцом. – Мы везли шкуры заказчикам в условленное место, но по дороге на нас напал патруль «Долга». То ли стукнули им про нас, то ли сами вышли как-то... Напали подло, из-за кустов. Я в перестрелке убил их старшего. Отряд Ржавого, слышал? Вот я и застрелил этого Ржавого, защищаясь. А они вызверились на нас. Командование «Долга» отряд после, я слышал, расформировало, распихало кого куда. А кто остался, видишь, собрались, чтоб мне отомстить.

– Извините, я на минутку, – перебил Умник и как был, без плаща, выскочил за дверь. Скрипнули разошедшие половицы. Рамир потрогал мочки ушей, помял их, слегка морщась. Встал, подошел к столу, взял одну кружку, бухнул туда добрых пять ложек сахара и три дольки лимона, вернулся на место. Когда бледный свободовец вошел в дом на дрожащих ногах, Цыган уже развалился на стуле и тянул горячий чай.

– Так чего от меня хочет «Свобода»? – спросил он без энтузиазма. Умник сел с другой стороны стола, кашлянул, прикрыв рот.

– Тут такое дело... надо кое-кого убрать.

– Я не киллер. – Цыган скинул ноги со стула, и половицы протяжно заскрипели. Он выловил из кружки дольку лимона, посмотрел сквозь нее на лампу, сунул в рот и разжевал, не поморщившись.

– Нет, я и не говорю, – заторопился Умник, утирая рукавом выступивший на лбу пот. Вытащив огромный клетчатый носовой платок, он промокнул лицо и шею. – Но вы наемник. Вы убили Выдру с Карпатым.

– Я поступил с ними так, как эти подонки вскоре поступили бы со мной. – Сталкер съел вторую дольку.

– А этот лейтенант из «Долга», Ржавый?

– Ты, приятель, спятил? Какое это убийство? Я что, должен был подставить лоб под пули этого придурка? – Он сжал руку в кулак и сунул под нос Умнику. Свободовец отшатнулся, разом позеленев.

– Послушайте, это очень важно для Зоны...

– Нет, это ты послушай! – Рамир ударил кулаком по подоконнику. – У меня ваша Зона в печенках сидит, ясно? Ради нее я и пальцем не шевельну.

Свободовец вымученно улыбнулся.

– Ладно, что вы хотите за то, чтобы выполнить это задание?

– Хочу жить долго и счастливо как можно дальше отсюда. Мне нужно достаточно денег, чтобы свалить за Периметр и купить дом в нормальном мире.

На некоторое время в избушке воцарилась тишина. Красный от напряжения Умник, подняв к потолку глаза и шевеля губами, что-то высчитывал. Наконец сказал:

– Возможно, мы сможем вам заплатить такую сумму, чтобы хватило. Вы сотрудничали с Бородой?

– Ну да... – сталкер удивился неожиданному повороту разговора. – Хотя «сотрудничал» – не то слово. Просто дела общие пару раз были...

– Он ведь смастерил кое-что для вас, одно устройство?

– С чего вы взяли? – Рамир подался вперед. – Откуда информация?

Умник сделал неопределенный жест.

– У нас есть разведка, конечно. А вы что думали, только «Долг» имеет осведомителей и собирает информацию по всей Зоне?

Цыган покачал головой, откинулся на стуле.

– Что-то я не пойму... При чем тут вообще Борода?

– Ни при чем, просто меня интересует, как хорошо вы оснащены. Детекторы, сенсоры, прочее?..

– Ну да, снаряга, какая надо, у меня есть. С оружием чуть похуже, но, в общем, тоже порядок. А Борода тогда сделал для меня такое... электронное пугало, как он его называл. Антиманок для мелких мутантов и грызунов.

– Хорошо. Так вы готовы взяться за дело?

Рамир неопределенно пожал плечами. Настроение у него окончательно испортилось – этот заброшенный скрипучий домик на отшибе, тусклый свет лампы и запах керосина, унылая дождливая ночь, а перед тем – беспрсветный вечер в окружении чужих людей... Тут повеситься впору, а хиппи темнит, что-то там про судьбы Зоны болтает...

– Короче, – сказал сталкер. Наклонился, поставил кружку на пол у ног и прямо взглянул на свободовца: – Говори, в чем дело, только быстро.

– Нужно уничтожить один объект. – Порывшись в нагрудном кармане, Умник положил на стол помятую фотографию. – Вот, посмотрите.

Рамир взял карточку двумя пальцами, повернул к свету.

– Гарна дивчина, – сказал он на украинском, бросил фотографию на стол и покачал головой. – Нет, приятель, не могу. Ма не одобрила бы такого.

– Что вы говорите, какая еще «ма»? – Умник вскочил, опрокинув стул, обежал вокруг стола, распахнув дверь, стал жадно глотать холодный ночной воздух. Глядя ему в спину,

Рамир негромко рассмеялся, однако в его смехе было больше горечи, чем веселья.

Свободовец вернулся, но теперь сел подальше, между плиткой и столом. Ссутулился. Его согбенная тень протянулась по стене, и почему-то при виде нее Цыгану стало еще тоскливее, он ощутил гнетущую безысходность и отвернулся. Умник произнес напряженно:

– Послушайте, Цыган. Это очень важно. Девушка не должна дойти до Бобловки. Вы знаете, что это?

Глядя в стену, Рамир протянул:

– Бобловка... Село такое, кажется. Старое, заброшенное... Э, постой! – Он перевел на собеседника изумленный взгляд. – Вспомнил! Ты что говоришь? Бобловка ведь в центре Могильника! Она над этой стоит... над Крепостью! Ведь там на пути Лес-Мозголом, Вязкое пятно, чужаки какие-то странные. Лабиринты сверхмутантов, в конце концов, живой туман, про который вообще никто ни черта толком не знает... Через Могильник пройти – это же целое дело!

– Правильно. Потому поведет девушку один человек, Лесником величают. Мы узнали про это от Курильщика, он ведь прослушивает все комнаты в своей «Берлоге»... Впрочем, это уже не ваше дело. С Лесником не знакомы? Он знает всякие тропы... Вероятно, организует маршрут так, чтобы достичь Бобловки как можно быстрее, минуя богатые артефактами, но самые опасные районы Могильника. Хотя вопрос не в том – лучше остановить их до того, как оба нырнут в Могильник, там уже будет гораздо сложнее. Лесника можно не трогать, а можно тоже... в общем, как хотите. Но ее – обязательно. Это действительно очень важно, поверьте. Очень.

Рамир испытующе глядел на Умника. Потом отвел взгляд, устался на печку и долго сидел неподвижно.

– Мы хорошо заплатим, – сказал свободовец. – Очень хорошо. Вам хватит на то, чтобы уехать из Зоны, купить дом и открыть какой-нибудь небольшой бизнес за Периметром...

– Ч-черт, – пробормотал Рамир.

Морщась, то и дело облизываясь, потирая вспотевшие ладони, Умник наблюдал за ним. Цыган сидел неподвижно, в напряженной позе, глаза его блестели. Вдруг он большим пальцем дотронулся до креста на груди, после коснулся губ.

– Почему я? – резко спросил сталкер.

Умник вытер лицо платком, расстегнул верхние пуговицы рубашки.

– Вы – лучший наемник в южной Зоне. Лучший специалист по... этим делам.

– По убийствам, – проронил Цыган глухо.

– Ну... можно и так сказать.

– Но есть еще братья Черви. Кардан, Хохолок. Аслан и Карим....

Умник привстал, махнув рукой.

– Но вы убили самого Пилота! Вы лучший охотник на людей. По крайней мере, самый удачливый. Вы всегда хорошо оснащены, идете в ногу со временем, разбираетесь в электронике. Мы заплатим вам столько, сколько вы не видели в своей жизни и никогда не увидите. Только сделайте это, обязательно! Уничтожьте объект прежде, чем Лесник доведет ее до Могильника!

Глава 2 ЛЫСАЯ БАЛКА

1

Когда русло высохшей реки и «Берлога» остались далеко позади, Лесник свернул с дороги на едва заметную тропку.

– До вечера можно идти спокойно, неприятности начнутся дальше, – предупредил он. – Тебя как звать?

Сборы заняли совсем немного времени, Лесник лишь забрал из комнаты в заведении Курильщика свои мешочки, висящие теперь у него на поясе. На сталкере были широкие штаны и куртка, потрепанные, потертые, кое-где со следами когтей и зубов. На куртке множество карманов, через плечо перекинут ремень ружья, стволы качались за спиной в такт мерным шагам.

Девушка переделалась в мешковатый камуфляж, слишком большой для нее. Рукава куртки и штанины она старательно подвернула, туго зашнуровала высокие ботинки.

– Я раньше жила в Зоне, – пояснила спутница, когда они вышли из «Берлоги». Капитан «Долга» выдал ей тэтэш-ник, и она деловито засунула его в наплечную кобуру.

– Владеешь? – спросил, нахмурившись, Лесник. Он не любил автоматическое оружие.

Закинув на плечо рюкзачок с едой и вещами, девушка кивнула и стала завязывать волосы в хвост на затылке. Она легко шагала за провожатым по тропинке, отводя ветки рукой. Когда Лесник обернулся, сказала:

– Вы за меня не бойтесь. Я ходить привычная.

– Звать как? – повторил он.

– Настька. Мы раньше жили в Бобловке, а потом меня в интернат отправили.

Солнце еще высоко стояло в небе, было часа четыре. Лесник кивнул своим мыслям и хмуро произне:

– Учти, идти до позднего вечера, медлить из-за тебя я не буду.

Настька тряхнула неровно обрезанной челкой, почти закрывшей ее густые черные брови:

– Я сильная!

Лесник не ответил. Ему не нравилось топтать по Зоне в компании постороннего человека, тем паче девчонки, сталкер привык к одиночеству. Они вышли из зарослей на залитый солнцем луг, поросший высокой травой. Лесник остановился, осмотрелся из-под ладони. Девушка выглянула из-за его плеча.

– Аномалии?

– Тут чисто, – отозвался нехотя сталкер. – Только если тварь какая выскочит. Аномалии дальше пойдут, в лесу. Помолчи пока.

– Если мутант – я его убью! – пообещала Настька и наконец умолкла, наблюдая за проводником. Лесник снял ружье с плеча и неторопливо двинулся через луг. Настька шла след в след, крутя головой. Было тихо, легкий ветерок колыбал подсохшую траву, стебли гнулись, шуршали. Все спокойно, как будто не по Зоне шли, а в обычный мир забрели, безопасный и надежный.

– Смотрите, какая ворона большая! – Настька ткнула сталкера под лопатку. Он резко обернулся, вскидывая ружье. Стволы ударили девушку по уху, и она присела, схватившись за голову. На глазах выступили слезы.

Не опуская двустволку, Лесник быстрым взглядом окинул луг.

– Где? – отрывисто спросил он.

– Больного... – проныла девушка. Поднявшись, она кивнула: – А, вон сидит. Зачем вы меня стукнули? Прямо по уху! Чуть не убили...

Сталкер всмотрелся в черный изломанный силуэт, видневшийся у леса далеко слева. И опустил ружье.

– Какая это ворона? Это старый горелый дуб. По прошлому году молния в него ударила.

Настька приподнялась на цыпочки и долго вглядывалась в ту сторону.

– Да? – Она погладила покрасневшее ухо. – Вы точно знаете? А то вон смотри, и клюв, и хвост, и вроде как крыло... Как бы поднято, словно взлететь собирается?

Не говоря ни слова, Лесник махнул рукой и двинулся дальше все тем же размеренным шагом, закинув ружье за плечо. Девушка, постояв еще, догнала его и пошла сзади, принаравливаясь к походке проводника.

Когда достигли опушки, солнце клонилось к горизонту, окрашивая облака над деревьями в красно-розовый цвет. Лесник остановился.

– С тропы не сходи, – предупредил он, вытаскивая из-за пазухи моток бечевки. – Если потянет куда – крикни. Только не вопи как резаная, чтобы псевдопсы не набежали или кто похуже. Дай привяжу.

Девушка кивнула, подняла руки. Лесник обмотал бечеву вокруг ее талии, закрепил, другой конец привязал себе к поясу. Там, помимо множества мешочков, висел в кожаной петле топор, лезвие которого было убрано в потертую брезентовую рукавицу. Подергав бечевку, чтобы проверить крепость узлов, сталкер велел:

– Вперед не забегай. Тут уже опаснее, а нам до темноты надо выйти к Лысой балке.

– Куда? – не поняла Настька, но Лесник уже отвернулся, перебирая мешочки на поясе. Девушка поглядела на лес. Подсвеченные заходящим солнцем деревья протянули к ней длинные тени, словно хотели поймать в сеть. Лес просматривался лишь на несколько шагов вглубь, дальше все закрывал густой подлесок. Кусты, папоротник, растущие местами почти вплотную друг к другу молодые елочки, осины с ольхой... И что-то там, в тихой таинственной глубине, потрескивало и шуршало, слышался треск и шелест, кто-то шмыгал в траве и пролетал в кронах – лес жил своей жизнью.

И, кажется, не ждал гостей.

– Борг нам поможет... – прошептала девушка.

Они вступили под высокие своды столетних сосен. Тропинка шла прямо, Лесник пока не снимал ружье с плеча.

Настька вертела головой, то улыбалась, то хмурилась. Несколько раз она пыталась обратить внимание проводника на лохматое птичье гнездо, раздвоенное дерево и прочие интересные для горожанина штуки, но сталкер не реагировал или просто шикал на нее – и наконец девушка прекратила попытки завязать разговор. Так, в молчании, они вышли к широкому оврагу, со дна которого доносилось журчанье. Там протекал ручеек, едва заметный сквозь густые кусты. Через овраг перекинута два кривых бревна. На той стороне, возле поваленного дерева, вились мухи. В лесу было тихо, и жужжание их слышалось отчетливо.

– Что это с ней... Сместилась, что ль? – Лесник вытащил из мешочка гайку, бросил над мостком. Настька едва успела заметить движение – гайку подхватило и по широкой спирали понесло в центр аномалии. Ворох палых листьев поднялся в воздух. Девушка почувствовала, как ноги отрываются от земли. Она тонко вскрикнула, протягивая руки к Леснику.

Сталкер дернул бечевку – и Настька повалилась на землю. В нос ударил запах травы, влажного перегноя. Она вцепилась в мох, пальцы продавили в нем тонкие бороздки.

Лесник отвернулся от аномалии, наклонился, будто шел против сильного ветра, сделал шаг к ближайшему дереву. Девушка хваталась за траву, но не могла сопротивляться даже ослабленной гравитации на периферии «Воронки» – аномалия волокла ее к оврагу. Центр «Воронки» находился на той стороне, у поваленного дерева.

Сделав еще шаг, Лесник обхватил ствол сосны. Бечевка врезалась Настьке в пояс, и девушка застонала, стиснув зубы, но продолжала ползти вперед.

– Правей, правей давай! – прохрипел Лесник, а сам взял влево, обходя дерево.

Они оказались по разные стороны высокой сосны, повисли на ней, – ствол держал бечеву и не давал аномалии утащить людей. Лесник подтянул девушку; Настька закричала, ей показалось, что ее сейчас распилят пополам.

– Прислонись к дереву и стравливай веревку, а я дальше отойду, – велел Лесник, отматывая добрый кусок нейлоновой бечевы. – Тут гравитация несильная, легко одолеем.

– Несильная? – хрипнула лежащая на животе Настька, обхватывая шершавый ствол. Лесник вместо ответа наклонился, ногой оттолкнулся от сосны и прыгнул низко над землей. Перед ним росла молодая березка, она тоже находилась в радиусе действия аномалии, изгибалась, будто под ураганным ветром, дующим к оврагу. Гравитация потянула Лесника назад, он шлепнулся оземь в двух шагах от деревца. Его поволокло, но сталкер выбросил руку, пальцы сжались на тонком стволе. Березку согнуло дугой, трещали, выворачиваясь из почвы, корни. Лесник подполз ближе, согнув ногу в колене, уперся в деревце у самой земли – и, оттолкнувшись, прыгнул опять. Березка вывернулась из почвы, полетела в овраг, корни метались в воздухе, разбрасывая черные комья. Настька вскрикнула, пригнула голову. ветви цапнули ее по затылку, и «Воронка» закружила деревце. Через мгновение во все стороны брызнули щепки. Лесник обхватил невысокий, но уже крепкий дубок. Выпрямился, подтянул бечеву. Давление стало уменьшаться, затем пропало. Настька поднялась на колени, дрожащими руками ослабила впившуюся в пояс веревку.

– Ты хотел меня убить? – хриплым шепотом спросила она. – Ты должен был знать, что она там! Какой ты после этого лесник?!

Сталкер смотал бечеву, закрепил на карабине. Борода его растрепалась, в волосах застряли сосновые иголки и трава.

– «Воронка» сдвинулась, – нахмурившись, пояснил он. – Кто-то проходил тут недавно.

– Ну и что?! – Девушка присела, держась за оцарапанную голову. – Тут ходит куча народу!

Лесник покачал кудлатой головой.

– Это звериная тропа, ею никто не пользуется. Мостик я сам клал. – Он поднял голову, внимательным взглядом окинул окружающие деревья, будто ожидая увидеть кого-нибудь. Лес ответил враждебным молчанием.

* * *

Цыган сделал себе схрон в тихом месте под обрушившимся железнодорожным мостом. С одной стороны – почти отвесный земляной склон, с другой – колючие заросли выше головы и погнутая опорная ферма, с которой свисали ржавые волосы. В этом районе всегда было много аномалий, пробраться в схрон мог лишь человек, знающий тайную тропку, что петляла по всей низине под мостом. Да и схрон был совсем незаметным – так, халупа из фанеры и досок. В подполье, накрытом листами ржавой жести, хранилось оружие, припасы и снаряжение.

Вытерев ладонью рот, Рамир отодвинул блестящую кружку из нержавеющей стали. Он вытащил из-под стула рюкзак, порывшись там, расстелил на столе карту Зоны, истершуюся на сгибах, провел желтым от табака пальцем по грубой шершавой бумаге. По словам свободовца, объект под охраной вышел из бара Курильщика и движется в направлении Бобловки. Ровно остриженный ноготь уперся в значок на карте, Цыган пробежал взглядом по местности между двумя точками, откинулся на спинку стула и закурил.

Что мы имеем? Объект сопровождает Лесник. Про этого сталкера он слышал, хотя не видел ни разу. Тот хорошо знает лес, значит, по дороге не пойдет, постарается обойти своими тропами. Но направление будет держать. Подозрений, что за ними следят, у Лесника нет, если не врет Умник, а ему не с чего врать. Таким образом, – Рамир еще раз взглянул на карту, прикидывая, – они должны будут пройти Лысую балку. Там Цыган их и подождет. Они идут пешком, но от Курильщика. А он в схроне, ближе к балке, к тому же ему не надо двигаться тайно. Пойдет по старой трассе, потом возьмет на северо-восток, чтобы оказаться примерно между Свалкой и Темной долиной... Он сверился с картой. Правильно, там и встретит их.

Рамир сложил и убрал обратно карту, вытащил из-под стола забрызганные грязью походные ботинки, надел их, а щегольские полусапоги убрал в подпол. Просунул руки в лямки рюкзака, на одно плечо надел чехол с винторезом, через другое перекинул ремень «G-36». Времени хватало, он успевал подготовиться к встрече.

* * *

– Звериная тропа? – переспросила Настька, поднимаясь и отряхивая колени. Ее еще трясло. – Да тут же нет никаких зверей, одни мутанты!

– Вот именно. – Лесник снял с плеча ружье. – Давай через мост, пока «Воронка» не восстановилась.

Девушка поежилась с несчастным видом, но послушалась. Придерживая лямки рюкзака, она вернулась к оврагу, ногой попробовала бревно – оно немного шаталось – и перебежала на другой берег. Там сразу отскочила вправо, мелкими шажками обходя притихшую аномалию. За поваленным деревом во влажном еще буре пятне лежала оторванная

звериная лапа. Настька попятилась, уперлась спиной в старую сосну и замерла, глядя на мохнатую конечность. Улетевшие мухи возвращались, жужжание вновь наполнило воздух.

Перейдя овраг, Лесник подошел к девушке, взял ее за плечо. Настька вздрогнула.

– Я не думала, что оно... так сразу, – жалобно улыбнулась она. – Я думала, Борг меня защитит...

– Давно не была в Зоне? – без особого интереса спросил Лесник и сунул руку в один из мешочков на поясе.

– С семи лет, – вздохнула девушка. – Отвыкла уже. Ой, что это у тебя? – вскрикнула она, распахивая глаза.

Лесник держал в руке встрепанного воробья. Он разжал пальцы, и птица зашевелилась, закрутила коричневой головой.

За оврагом лес становился гуще. Вдоль едва заметной тропы росли кусты земляники, зеленела россыпь трехлистной заячьей капусты, а дальше землю скрывали густые папоротники. Лесник подбросил воробья. Тот взмахнул крыльями, затрепыхался, едва не упав, и полетел над тропой. За ним потянулся тонкий шнурок.

– Вы... ты привязал ее? – удивилась девушка. – Да ты просто живодер какой-то! Отпусти птицу!

Лесник пошел за воробьем, дернув бечеву, которой они с Настькой до сих пор были соединены. Девушка побежала следом, возмущенно крича:

– Зачем мучаешь животное? Какой ты после этого лесник! Лесники должны охранять лес, а ты над ним издеваешься! Над живой природой! Варвар, вандал!

Не останавливаясь и не оборачиваясь, Лесник ответил глухо:

– Заткнись. Я Лесник, а не лесник. Ясно тебе? Зовут меня так. Сталкер, а не лесник. Не ухаживаю за лесом, дурья башка, а зарабатываю на нем. На Зоне.

Настька обиженно смолкла. Прикрепленная к кольцу на лапке леска тянулась за воробьем, разматываясь из мешочка. Они вошли глубже в вечерний лес, вокруг стало серо, сумеречно и уныло. Птица летела метрах в пяти перед ними, почему-то – прямо над тропой, не пытаясь упорхнуть вбок. Вскоре Настька потеряла воробья из виду.

– Зачем тебе привязанные птицы? – спросила она наконец. Теперь в голосе не было надрыва, слез – девушка так устала от переживаний этого дня, что сил хватало лишь на то, чтобы идти за проводником след в след, не спотыкаясь.

Лесник ответил не сразу, и Настька поначалу не поняла его ответ.

– Не люблю я эти детекторы, – негромко произнес сталкер, прислушиваясь.

– Что? – переспросила она. – Какие детекторы, о чем ты?

И тут воробей впереди остановился, будто наткнулся на невидимую стену, забил крыльями, пытаясь отлететь назад. В воздухе запахло паленым.

– Ложись! – гаркнул Лесник, падая в траву. Настька тоже упала, но прежде, чем ткнуться носом во влажную землю, увидела, как тонкие молнии пропороли лесной сумрак.

* * *

Когда Цыган вошел в Лысую балку, солнце уже садилось.

На шее у него висел бинокль и металлический короб детектора аномалий, из боковой стенки торчал толстый гибкий щуп сенсора. На спине – рюкзак и длинный чехол с «ВСС», на ремне кобура и два ножа, в руках верный «G-36».

Сталкер осмотрелся. Уходящий из-под ног вниз пологий склон был изрезан небольшими отрогами, среди них зеленели рощицы. Противоположный склон – гораздо выше и круче. По дну балки тек ручей, огибая холмик, где среди высоких берез стояли две брошенных избы с покосившимися заборами. Рамир снял с плеч рюкзак, достал бинокль и тщательно изучил постройку. Внутри почти наверняка прятались крысы или тушканы. Запомним, кивнул он сам себе и навел бинокль на растущий по верху противоположного склона лес. Вот это едва заметное марево – Уж не «Жарка» ли?

Открывшийся взору пейзаж дышал спокойствием и умиротворением. Поросшие зеленой травкой пологие холмы, ручей, прохладная рощица вдали... Но сталкера эта тишина и подозрительная неподвижность только настораживали.

Он опустил бинокль и склонился над рюкзаком. Один за другим на свет появились несколько приборов. Усевшись на траву, скрестил ноги, посмотрел на детектор. Аномалию на той стороне балки тот, конечно, не улавливал. Было тепло, и Рамир расстегнул куртку. Кинул косой взгляд на ПДА – в округе никого. Вытащил из кармана тубу, вытряхнул на ладонь сигару, любовно обнюхал. Хороший, дорогой табак. Цыган раскурил ее и глубоко затянулся. Выпуская кольца, стал задумчиво озирать окрестности. Он наблюдал и изучал, думал и прикидывал, и постепенно у него вырисовывался план.

Сняв «ВСС» с плеча, Рамир покопался в рюкзаке, вытащил прицел ночного видения и установил на винтовку. Окуляр прицела скрывала защитная диафрагма светофильтра. Рамир глянул на уходящее за горизонт кроваво-красное светило, прикинул освещенность – и снимать диафрагму пока не стал. Вынув из бокового кармана рюкзака кусок брезента, расстелил в траве, положил на него винтовку, рядом – тепловизор в черном корпусе, похожий на камеру слежения. Потом расстегнул крепления, держащие под днищем рюкзака пятнистый чехол. Вскоре между кустами стояла камуфляжная палатка с датчиком движения на вершине и глазом видеокамеры под ним.

– Не мешает подстраховаться, – почти весело сказал Цыган сам себе, включая датчик. Он любил электронику, приборы, технику, любил оружие и фирменную снаряду – всякие созданные людьми хитрые штучки. – А то ведь ходят тут всякие...

Это из-за вынужденного одиночества у Рамира появилась привычка разговаривать вслух с самим собой. Раньше-то он был общительным, добродушным и компанейским, таких называют «рубаха-парень». Но после *того случая* всё изменилось. Теперь очень многие в Зоне не любили его, сталкер стал отщепенцем. Вон даже свободовцы обратились именно к нему, когда понадобилось кого-то убить. Это значит, Рамир теперь в их глазах – наемник-убийца, изгой. А такая репутация на ровном месте не возникает.

– Ну и ладно, – сказал он, вновь хмурясь. – Они не любят меня, а я не люблю их. Мне никто не нужен.

Датчик мог засечь передвижение объектов размером с собаку и больше, крысы пробегут мимо незамеченными, но для крыс и тушканов у Рамира были другие сюрпризы. Соединив камеру и датчик с ноутбуком, он включил систему слежения. Потом залез внутрь, положил винторез рядом.

– Время есть, – заключил сталкер. – Объект не уйдет. Он специально называл ту, кого предстояло убить,

обезличенным словом «объект». Так будущая жертва теряла человеческие черты, превращалась в некий предмет, который надо просто уничтожить. Рамир настроил камеру так, чтобы та передавала изображение участка леса на противоположном склоне, за домами, – оттуда, по его расчетам, и должен выйти Лесник с объектом. Положил на колени ноутбук, где появилась черно-белая картинка, вынул из рюкзака хлеб, колбасу и термос с чаем. Задумчиво потряс металлическую флягу с коньяком и отложил. Он поужинал, уставившись в небольшой экран, иногда поднимая голову, выглядывая наружу, вслушивался в звуки леса. Ветер шумел в верхушках деревьев, а больше ничего слышно не было.

Бутерброды кончились, кружка крепкого сладкого чая была выпита, а объект все не появлялся. Рамир задумчиво почесал переносицу. Где же старый зверолов?

Прошло пять, десять минут. Камера показывала луг и лесную опушку, там ничто не двигалось. Цыган выполз из палатки, в бинокль осмотрел противоположный склон балки. Повел биноклем вправо, влево – нигде никого.

– Ну не могли они мимо пройти, – произнес он, обращая смуглое лицо к темно-синему небу. Солнце село, сумерки расплзались по Зоне, наполняя балку причудливыми енями. Ручей на дне слился с травой, от воды поднимался бледный туман. – Если не появятся через пятнадцать минут, туман закроет выход из леса.

Но и через полчаса никто не появился. Туман давно рассеялся, Рамир уже грыз ногти и поглядывал на ПДА, хотя знал, что Лесник этой штукой не пользуется и отражаться на миниатюрном экране устройства не может никак. Ноутбук по-прежнему показывал неподвижный лес. Рамир беспокоился.

Голубые молнии «Электры» возникли левее, чем он ожидал, и не попали в поле обзора камеры. Услышав треск разрядов, Рамир выскочил из палатки. Над лесом поднимался столб густого дыма, среди деревьев посверкивали снопы искр.

– Их что, угораздило в «Электру» попасть?! – разъярился Цыган. – Эй, это я должен был вас убить! Мне нужны эти деньги!

Наводить тепловизор на аномалию не имело смысла, поэтому он просто стоял возле палатки с прибором в руках и глядел, как догорает на противоположной стороне лес.

* * *

Аномалия разрядилась быстро, но Настьке казалось, что та горела целую вечность. Лес наполнился треском и хлопками, ветки вспыхивали, на землю сыпались сажа и пепел. Когда все наконец стихло, девушка опасливо подняла голову. Они с Лесником лежали недалеко от черного выжженного круга, из которого торчали обугленные стволы.

Скинув рюкзак, Настька села на корточки, приложила ладони к горячим щекам. Подняла на встающего Лесника глаза и спросила кротко:

– А птичка?

Сталкер показал оплавившийся конец леси.

– Только не реви, – предупредил он, подбирая с земли двустоволку. – Сиди здесь, я посмотрю вокруг, может, что полезное найду. «Электра» долго теперь будет заряжаться.

Девушка кивнула. Глаза ее были полны слез.

Освободившись от бечевы, которая соединяла его с На-стьюкой, Лесник обошел полянку почерневшей земли, внимательно глядя под ноги. Сделал второй круг, уже большего радиуса. Трижды наклонялся, но только один раз что-то поднял. Когда вернулся, в руке его, защищенной толстой перчаткой, лежало нечто бесформенное, испускающее слабое свечение.

– «Вспышка», – пояснил Лесник, показывая его На-стьюке. Из мешочка достал второй артефакт, присел.

– Что это? – прошептала девушка.

– «Ночная звезда». Редкая и дорогая штука. Не трогай! Отойди и не мешай мне.

Она так и сделала, с любопытством наблюдая за Лесником. «Ночная звезда» светилась зеленым, на зеркальной поверхности ее перемигивались изумрудные крапинки. «Вспышка» – полупрозрачный ком чего-то непонятного – иногда испускала лучи бледного света, иногда в воздухе вокруг возникали и тут же гасли искры.

Лесник сел на землю, скрестив ноги по-турецки, положил рядом открытый рюкзак, достал сверток промасленной ткани. Развернул – внутри оказались миска, большая кружка, длинная «цыганская» игла, клещи, скальпель, щипцы. Настька поежилась, увидев содержимое свертка: оно напоминало инструменты для пыток. Еще там был кусочек меха – вдруг она поняла, что это шкурка какого-то животного. Может, крысы или тушкана? Настька слышала про каких-то тушканчиков-мутантов, обитающих в Зоне. Да, наверное, с одним из них сталкер и спустил шкуру.

– Для чего это? – шепотом спросила она. – Василий... Дядя Василь, слышите?

Сталкер не ответил. Он снял с пояса плоскую флягу, отвинтил крышечку – запахло спиртом. Сосредоточенно расправил вторую тряпицу в полуметре от первой, положил на нее «Ночную звезду», а «Вспышку» – рядом с миской, Щипцами и прочим. И задумался, уставившись на артефакты. По воздуху вокруг «Звезды» расплывались волны света, «Вспышка» испускала бледное свечение. Лесник поднял взгляд на Настьку.

– Никому не рассказывай о том, что сейчас увидишь, – произнес он очень серьезно.

– Я... – Настька смутилась, будто сталкер уже уличил ее в этом. – Хорошо, я никому не скажу. Честное слово! А... а что я сейчас увижу?

– Увидишь, как из двух артефактов я сделаю сборку – один, но с новыми свойствами. Это мало кто умеет. И такими тайнами не делится.

Мало что поняв, Настька кивнула. Лесник привстал, провел ладонью над «Вспышкой» и, помедлив, взялся за иглу. Девушка закусил губу.

– Что вы хотите делать? – спросила она. – Ей будет больно?

– Не дури. Это артефакт, а не животное, ему не может быть больно.

– Но...

Он глянул на нее – взгляд был затуманен, сталкер явно думал о другом.

– Молчи, говорю.

– Хорошо, – прошептала Настька едва слышно и стала смотреть дальше.

Лесник задумчиво повертел иглу, отложил, взял клещи – и вдруг ковырнул ими бок «Вспышки». Настька вздрогнула, прикусив губу чуть не до крови. В воздухе вокруг артефакта разлетелись искры. Из надорванного бока выскользнула тонкая молния, зазмеилась по тряпице, погасла. А сталкер уже быстро разворачивал шкурку, казавшуюся маслянистой, будто ее пропитали каким-то составом. Лесник завернул в нее «Вспышку». Теперь свет едва пробивался наружу.

Он взял щипцы, несколько раз осторожно перекатил сверток с места на место – изнутри слышалось потрескивание.

– Так, – пробормотал сталкер. – Так...

Артефакт вдруг качнулся сам собой, Лесник толкнул его ладонью, чтобы не съехал с тряпицы. Шкурка начала чернеть. Затрещало, в воздухе возникли белые огоньки и сразу погасли. Настька смотрела во все глаза. Шкурка стала неприятной с виду, когда Лесник начал снимать ее с артефакта, она рвалась под пальцами, темные липкие жгуты тянулись от «Вспышки», лопались с тихим треском.

Лесник снял шкуру и бросил в кружку, куда налил спирта из фляги. Спирт забурлил, запузырился. Сталкер щипцами достал шкуру – она уже рвалась под собственным весом, – другой рукой взяв скальпель, на коленях подобрался к «Ночной звезде» и вдруг полоснул ее. Настька чуть не вскрикнула. «Ночная звезда» ответила вспышкой света, сталкер несколько раз быстро провел по ней скальпелем, пробивая зеркальную поверхность. Наружу полезла красная пузырящаяся масса, похожая на залитые кровью внутренности. Настька сжала кулаки так, что костяшки побелели, к горлу подступила тошнота.

Бросив скальпель, сталкер накрыл артефакт тем, во что превратилась шкурка, щипцами перекатил «Звезду» с бока на бок, обматывая. Зашипело, запахло карбидом – Настька помнила этот запах, мальчишки из интерната любили бросать карбид в лужи, чтобы тот пузырился и пенился. Тряпица под артефактом начала темнеть, пошел дымок, Настька ощутила тепло. Лесник схватил клещи со щипцами, поднял «Звезду» и бросил в железную миску.

И только теперь девушка увидела, что «Вспышка» превратилась в темный ссохшийся комок, морщинистый, жалкий... она вновь прикусила губу, забыв, что та болит. Артефакт будто умер! Как если бы из него высосали всю жизненную силу и... и, вдруг поняла она, передали ее «Ночной звезде»!

– Дядя Василь! – позвала девушка. – Лесник! Что ты сейчас сделал?

Сталкер задумчиво произнес, не поднимая глаз: .

– Усилил действие «Ночной звезды». Раз так в сто.

– А... а какое у нее действие?

Он посмотрел на спутницу, сухо усмехнулся, надел рукавицу и взял артефакт из миски. «Ночная звезда» уже остыла, шкурка тушканчика намертво прилипла к ней. Лесник покачал «Звезду» на ладони и протянул Настьке.

– Возьми.

Она округлила глаза, тонкий нос ее будто еще больше заострился от любопытства.

– А оно... – завороченно прошептала девушка, подставляя ладони, – а это не опасно?

– Куда руки суешь, – одернул Лесник. – Рукавом хоть прикрой кожу. Так, теперь прими это.

Он дал ей таблетку, которую вытряхнул из мешочка. Очень осторожно перекачивая артефакт на ладони, девушка проглотила ее. Сталкер покопался в рюкзаке и достал кожаную сумочку на шнурке, расправил горловину.

– Внутри клади. Теперь на шею надень.

– А это не опасно? – вновь спросила она.

– После моей обработки радиоактивность уменьшилась, а я тебе еще таблетку дал. Все, идем уже. Темнеет.

Настька подобрала рюкзак, запихнув предварительно артефакт под куртку. Когда они по широкой дуге обогнули «Электру», проламываясь сквозь подлесок, она наконец решилась спросить:

– Дядя Василь, но для чего это? Зачем ты мне эту штуку дал?

– Защищать тебя будет, – неопределенно ответил он.

– От чего защищать? Ведь ты ж меня защищаешь!

– От... Не знаю. Предчувствие у меня какое-то нехорошее. Всё, закрой рот.

День угас, в небе уже стоял тонкий серп молодого месяца. Вскоре они вышли из леса. Неширокую балку с холмиком посередине заливал лунный свет. На холме виднелись два старых дома в окружении покосившихся оград.

– Здесь заночуем, – сказал Лесник. – Где-то тут «Жарка» должна быть...

Настька, уже собравшаяся было сесть прямо в траву, встревоженно закрутила головой.

– Где?

Тощий хвост волос хлопнул ее по плечам. Лесник неторопливо осмотрелся.

– Ночью не разобрать, – сказал он и кивком указал вдоль опушки. – Последний раз была возле того дуба.

Они стояли в начале невысокого спуска, отсюда были видны два склона, левый – высокий, крутой и ровный, правый пологий, весь изрезан отрогами. На дне балки в свете луны поблескивал ручей, за ним росли рощицы, дальше снова начинался лес. Долина молчала, ветер утих, листья на деревьях застыли – все застыло. Настька поежилась, глядя вверх. Крупные холодные звезды сияли в черном небе. Девушка вновь почувствовала себя школьницей на экзамене, и звезды смотрели на нее, как равнодушные экзаменаторы.

– Бр-р, – сказала она и придвинулась ближе к сталкеру. – Дядя Василь, где мы спать будем? Прямо в поле, что ли?

Лесник снял с плеча ружье, скинул рюкзак на траву. Пошарил в мешочках.

– Только не птичку! – взмолилась Настька. – Жалко их мне, слышишь? Они же маленькие совсем...

На ладони у сталкера лежали несколько крупных гаек. Широко замахиваясь, Лесник кинул по одной в разные стороны. Настька внутренне сжалась, но ничего не всколыхнулось, не вспыхнуло вокруг, не взорвалось и не гроыхнуло.

– Тут и будем, – сказал Лесник. Борода его растрепалась, на бровях осел пепел. Или это луна так светит? Настька без сил уселась на землю, опершись спиной о вещмешок, вытянула ноги.

– Жалко воробья, – грустно проговорила она.

– Нашла кого жалеть. – Лесник занялся рюкзаком.

Девушка обхватила себя за плечи и сидела, следя полусонным взглядом за сталкером. Тот действовал быстро и

споро. Под деревьями собрал хворост, притащил сухую ольховину, порубил топором и разжег костерок, после чего пошел с котелком за водой к ручью. Неспешно спустился по залитому луной склону; девушка видела его совсем недолго, пока сталкер не вышел из освещаемой костром области. Все, что находилось вне круга теплого света, скрывала тьма, и она стала разглядывать звездное небо. Настьке оно очень нравилось, только вот никак не удавалось увидеть созвездия, почему-то россыпи белых точек никак не складывались во львов, медведей и гончих псов...

Толчок был резкий и сильный. Вскрикнув, Настька ^{сх}ватилась за грудь и повалилась на землю.

* * *

«Это – объект, и мне не жалко его», – сказал себе Рамир, вглядываясь в прицел. Костер горел на краю объектива, мешая как следует рассмотреть жертву. Сталкер поднял голову от винтовки, взял тепловизор и проверил с его помощью противоположный склон. Лесник с котелком подходил к ручью. Пора.

Он глянул в прицел. Хорошо, что их не спалила та «Жарка». Теперь объект сидел, опираясь спиной о рюкзак и глядя в небо. Всё, конец тебе. Палец на курке напрягся.

Она не объект, а девушка. Девчонка, ребенок.

«Вот черт! – подумал он. – Прекрати! Тебе нет до нее дела – убей и забудь.

– Ты что, детоубийца?

– Да, да, да! Я убийца, и мне все равно, кого убивать, детей или стариков, я хочу свалить из Зоны, не могу больше оставаться здесь!»

Он сжал зубы, с шумом втянул ноздрями воздух. Дотронулся до крестика, собрался было коснуться большим пальцем губ... И не сделал этого. Таким жестом Рамир как бы благословлял себя на лихое опасное дело и одновременно просил небеса, чтобы помогли, – но сейчас ему предстояло не что-то лихое и опасное, просто... просто подлое.

Не думая больше ни о чем, он вновь приник к прицелу – и выстрелил.

2

У снайперского комплекса «ВСС» (винторез) интегрированный глушитель, целиком накрывающий ствол от дульного среза до короткого цевья, а механические части сделаны так, чтобы при работе издавать как можно меньше шума. Лесник как раз зачерпывал воду – плеск воды заглушил звук выстрела, и без того едва слышный.

Объект боком повалился в траву.

Крякнув, Рамир отложил винтовку, снова приник к окуляру тепловизора. Объект превратился в неподвижное белесое пятно. Ничего не подозревающий бородатый зверолов поднимался от ручья – белая фигура на серо-черном фоне.

«В конце концов, я только исполнитель», – сказал себе Рамир и вновь потянулся к кресту на груди, но отдернул руку, так и не коснувшись его. Свободовцы это все затеяли, им и отвечать, а он чист перед совестью и небесами... Цыган скривился: от этой лжи стало тошно.

Надо убедиться, что дело сделано. Хотя как же оно может быть не сделано – ведь он попал точно в грудь... Что за мужик этот зверолов? Может, и его тоже уложить? Да нет, его не заказывали, а Рамир не хотел брать лишний грех на душу. Дьявол с ним, пусть живет. Но тогда возникает вопрос – увидев, что его птичку подстрелили, пойдет ли он выяснять, кто это сделал? Рамир бы на его месте пошел...

Он начал снимать прицел с винтореза. Контрольный не помешал бы, но теперь уже не разберешь, где у объекта голова, где что. Выпрямившись, схватил тепловизор, быстро оглядел луг. Мертвый объект лежал неподвижно, Лесник подходил к костру.

Надо собирать палатку. Рамир снял крепежные крючки тента с распорочных дуг, свернул тонкое полотнище, упаковал вещи в рюкзак. Выпрямился. Наверняка бородач отправится искать стрелявшего. Пока он ходит, Рамир по краю леса обогнет балку и подойдет к девушке... то есть к объекту, не забывай – к объекту!

Которого уже нет на этом свете.

И все же – проверить необходимо, вдруг она выжила? Не может Цыган прийти к Умнику и сказать, что дело сделано, если остается хоть небольшая неопределенность. В конце концов, это вопрос репутации, нельзя ее портить.

Рамир вновь поднял тепловизор. Белая фигура зверолова наклонилась над костром, выпрямилась, приблизилась к пятну. То по-прежнему было неподвижно.

– Ай, мэ тагар, – произнес Цыган с мрачной радостью. – Да я и не мог промахнуться... Ладно, все, пора двигать.

Закинув рюкзак на плечи, он взял винтовку, повесил на шею ПДА, поднял тепловизор и шагнул в сторону ночного леса.

Из темноты на него уставились два глаза. За кустами раздалось шипение, тут же все вокруг заполнилось движущимися световыми пятнышками. Крысиный волк вывел стаю на охоту, и твари уже нашли свой ужин.

* * *

Вернувшись к костру, Лесник подвесил котелок над огнем на загнутый металлический прут, поворошил угли, подбросил дров. Настька лежала возле своего рюкзака на боку, согнувшись, прижав колени к груди.

– Спишь, что ль? – сталкер тронул ее за плечо. И увидел широко раскрытые, полные боли и слез глаза. По бледным, в красных пятнах, щекам пролегли мокрые дорожки.

– Ну опять, – недовольно сказал он. – Что теперь?

– Почему вы все хотите меня убить? – сглотнув, прошептала Настька, прижимая руки к груди.

Лесник огляделся – все было тихо. Вообще здесь относительно спокойное место. Крысы, живущие по подвалам брошенных домов, любили пошуровать в лесах в поисках пищи, но это на противоположном склоне, а сюда заходили нечасто.

– Что случилось? – Лесник присел на корточки. Всхлипывая, она показала. Между ребер слева саднило так, что не вдохнуть. Настька едва дышала, ей показалось, что в груди у нее дырка. Девушка зажала ноющую ссадину ладонями и неподвижно лежала, всхлипывая. Под рукой все было мокрое.

Уяснив, в чем дело, Лесник вскочил было, чтобы схватить Настьку и оттащить в темноту за границу светового круга, но в последний момент сдержался. Что, если за ними наблюдают сейчас? В ПНВ, снайперский прицел или через

тепловизор... Он не стал делать резких движений – все так же сидя на корточках, оглянулся исподтишка. Если и вправду следят – в любой миг из темноты может прилететь вторая пуля. С другой стороны, если до сих пор никто не попытался подстрелить сталкера, значит, охотились на девушку? Но почему ее не добились?

– Долго ты пролежала? – негромко спросил он.

– Я... ну, несколько минут, – простила Настька. – Мне так плохо было, так плохо, все будто замерло внутри... То есть мне и сейчас очень плохо...

Продолжая незаметно оглядываться, Лесник соображал: если после точного выстрела жертва долгое время лежит неподвижно, снайпер решит, что все кончено, особенно если это уверенный в себе человек. Ведь он не знает про сборку, которая защищает цель, и даже не помыслит о том, что точное попадание снайперской спецпули в голову или грудь может не убить мгновенно... Так что, значит, снайпер ушел? Раз не стреляет еще раз? Или он теперь увидел, что девушка двигается, и догадался – что-то защищает ее? И наблюдает дальше, пытаясь разобраться, имеет ли смысл стрелять повторно или надо применить более радикальные меры... например, гранату?

– Умираю, – сообщила Настька слабым голосом. – Истекаю кровью... – Она моргнула, две крупные слезинки скатились с мокрых ресниц на щеки.

Все существо Лесника кричало: беги, спрячься в темноте, затаись... Но он оставался сидеть у костра, хотя на первый взгляд такое поведение казалось неестественным.

– Дай гляну, – сталкер попытался поднять тонкую руку девушки, однако Настька только сильнее сжалась. – Ну, покажи! Чего я там не видел?

– Это у других, может, видел, а у меня не видел! – неожиданно зло огрызнулась она. – Пусть я лучше умру! Тогда вы все поймете...

– Да у тебя нигде нет крови! – разозлился Лесник. – Опять играешься.

– А вот и есть, есть! – Настька быстро села, отняла ладонь от груди. На куртке темнело мокрое пятно. – Вот, видишь? – для убедительности она ткнула в него пальцем. – Кто-то пытался меня убить.

– Мне надо знать, – настойчиво повторил сталкер, нависая над ней. – Хотя бы артефакт достань. Да не руками!

На вот, этим возьми, – он снял с топора толстую брезентовую рукавицу. Настька, хлопнув носом, надела ее, сунула руку в кожаную сумку и вытащила влажный грязно-бурый комок. Они устали на остатки артефакта – девушка с опаской, Лесник с тревогой. «Ночная звезда» превратилась в истекающую слизью неопрятную губку.

– Сработала, – хмуро пояснил Лесник, убедившись, что девчонка ничего не выдумала. – Кто-то в тебя стрелял.

Настька вытерла слезы рукавом.

– Ну правильно! Ведь я же говорила, а ты не поверил...

– Поверил, – ответил сталкер и сел. Подтянул за ремень ружье, вновь исподтишка оглядываясь. За границей света было слишком темно, ничего не видно. Стараясь не делать резких движений, он взял оружие, поднялся и шагнул от костра. Взгляд рыскал из стороны в сторону.

Он уже точно решил, что убежать нет смысла – если за ними все еще следят, сразу подстрелят. Кто пытался убить девчонку? И, главное, теперь, когда стрелявший увидел, что она жива, – почему не пробует вновь? Это было бы проще простого. Наверное, все же решил, что сделал дело, и ушел?

Настька улеглась обратно, свернулась калачиком. Ей было больно и обидно. Расстегнув куртку, заглянула под рубашку – нет, крови нет, только ссадина и синяк темнеет.

Лесник тем временем занимался костром, все более убеждаясь в том, что неизвестный стрелок убрался восвояси. Дерево потрескивало; ольха почти не давала дыма, это хорошо, но она быстро сгорала, все время приходилось подбрасывать новые ветки.

Вскоре аппетитно запахла гречка с тушенкой, и у Настьки забурчало в желудке. Она подняла голову.

Сталкер сидел возле костра, подняв руку, по которой прыгали три синицы и воробей, стараясь подобраться поближе к лежащим на ладони крошкам и крупе. С ножки каждой птицы свисала леска.

– Ой! – воскликнула девушка, сразу забыв о своих обидах и ранах. Осторожно, чтобы не спугнуть птиц, она перевернулась на другой бок, чтобы лучше видеть. – Сколько у тебя их, дядя Василь?

– Все тут, – вполголоса ответил Лесник. Вертявые синицы оттерли воробья, сталкер взял его и посадил на ладонь. Птица глянула на Настьку одним глазом, клюнула крошку и упрыгала сталкеру на плечо.

– А можно мне потрогать? – девушка заглянула Леснику в глаза.

– Потрогай, если не боишься.

Настька, сдержав возмущенное фырканье, придвинулась ближе и медленно протянула руку. Птицы отреагировали на удивление спокойно, не разлетелись. Девушка погладила сидевшую на колене у Лесника синичку по спинке. Та встопорщила перья и закрутилась на месте. Настька хихикнула.

– Птички, – вздохнула она. – И звери всякие... Очень я их люблю.

Сталкер искоса поглядел на девушку, которая села у его ног, подтянув колени к груди, и зачарованно рассматривала пичуг.

– Обычно в Зоне их боятся, – негромко заметил Лесник. Он стал по очереди брать поевших птиц и класть в мешочки на пояс.

– Им там удобно? – встревожилась Настька.

– Нормально, – пожал плечами Лесник. – Бобловка твоя в центре Могильника, так?

– Ага. – Девушка отвернулась к костру. – Хотя я не знаю точно. Что такое Могильник?

– Это то, куда мы идем. – Подняв голову, он прислушался, как бы невзначай положив руку на двустволку. – И теперь вопрос: почему одной из самых сильных группировок Зоны понадобилось, чтобы какая-то никому не известная барышня из городского интерната попала туда?

– Там, под Бобловкой, были подземелья, – сказала Настька.

– Знаю. Их называют Крепостью. А почему – неизвестно. И что такое эта Крепость, тоже никто не знает. Могильник опасен, а Крепость считается еще опасней. – Лесник помолчал, ему было непривычно говорить помногу. – Что ты про все

это знаешь? – наконец заключил он. Настька развела руками.

– Ничего. Честное слово, дядя Василь! Я только ходила там по Крепости...

Она смолкла, будто сама удивилась своим словам. Сталкер глядел на нее.

– Ходила по Крепости? Девушка кивнула, закусив губу.

– И почему ты до сих пор жива?

– Мне Борг помогал! Я много раз там бывала, он мне всякое показывал в тех подземельях... ну, в Крепости этой под Бобловкой. Туда никто, кроме меня, спуститься не мог, а я могла, потому что Борг мне говорил, куда свернуть, чтоб не заблудиться, защищал, двери передо мной открывал...

– Кто такой Борг? – перебил он.

– Не знаю.

– Врешь.

– Дядя Василь, он невидимый! – горячо зашептала Настька. – Я клянусь! Я теперь плохо помню, давно ведь, но... Он там... ну, прямо в воздухе как бы живет, его слышно – но не видно. Хотя он способен всякие предметы двигать, переставлять, даже из оружия может стрелять. Но его нет – нет тела! Он добрый был, любил меня. Может, Борг... это душа чья-то, сталкера какого-то, который в Крепости погиб?

Настька положила подбородок на колени, обхватила ноги.

– Борг добрый, – заключила она. – Он мой друг.

На ее лице плясали отсветы пламени, щеки покраснелись от жара. Каша исходила ароматным паром, из котелка доносилось тихое бульканье воды.

Лесник покачал головой и сказал:

– «Долг» хочет, чтобы ты попала в Бобловку. Зачем? Теперь ясно – чтобы опять спустилась в те подземелья. Но для чего им это?

– Не знаю я. Хотя они сказали...

Сталкер поднялся, вскинув ружье.

– Ложись за мной и не высовывайся, – резко произнес он.

Испуганная девушка упала на четвереньки и поползла вокруг костра. Прижав приклад к плечу, Лесник сделал шаг вперед.

С треском и шипением за их спинами, метрах в десяти ниже по склону, вспыхнула «Жарка», осветила опушку леса. Воздух вокруг аномалии потек, задрожал. Настька вскрикнула, закрыв голову руками. Лесник не успел обернуться: из темноты на него выскочила стая крыс.

* * *

Рамир попятился, опуская руку к ремню. Огромная крыса издала низкий утробный звук, припала к земле и прыгнула.

За сталкером был освещенный луг, туда выходить нельзя – заметит Лесник. По сторонам заросли, кусты и бурьян. Запутаясь, упадешь, тут-то они тебя и...

Решение пришло быстро. Развернувшись к твари левым боком, Цыган выставил руку, и зубы сомкнулись на локте, почти пропорвав крепкую кожу дорогой походной куртки.

Именно на это «почти» он и рассчитывал. Правой рукой выхватив из кобуры «ГТ», рукоятью врезал крысиному волку по темечку. Хрюкнув, зверюга обмякла, повисла на локте – но зубов не разжала.

– Минжа!!! – выругался Рамир. Схватил тварь за мохнатый жесткий загривок, дернув, шагнул к рюкзаку.

Но тут на него налетели еще две крысы. Со всех сторон Донеслось шуршание, в траве замелькали темные тела. Стая окружала, одна тварь вгрызлась в ботинок, другая подпрыгнула и прокусила кожаные штаны. Зарывав, Цыган саданул *е кулаком по голове – она свалилась на землю, суча лапами. Сбросив вторую, наступил каблуком на башку, с размаху Ударил носком ботинка третью, отшвырнул далеко в сторону. Сорвал крысиного волка с локтя и крепко зажал жилистую шею под мышкой. Остальные крысы разбежались по кустам и оттуда уставились на человека, поблескивая глазками.

– Тяжелый, тварюга, – процедил Рамир, вновь делая шаг к рюкзаку и суя пистолет в карман куртки. Крысы шипели, шуршали в траве. Сталкер присел. Пришедший в себя вожак захрипел, заизвивался, попытался вцепиться в бок... Опять схватив его загривок, Рамир оторвал зверя от себя, поднял двумя руками, с размаху шмякнул о землю. Рванул клапан бокового отделения рюкзака, с мясом выдрав «молнию».

Крысы сходились со всех сторон, шелестя кустами и травой, в темноте поблескивали глаза. Вожак вскочил, зашипел и прыгнул. Цыган, так ничего не успев достать из рюкзака, врезал ему кулаком по морде. Тварь извернулась в воздухе, будто кошка, и упала на все четыре лапы, но сразу повалилась на бок, оглушенная. Сталкер рывком подтянул к себе рюкзак за лямку и сунул пальцы в боковое отделение. Сразу три крысы прыгнули на него с разных сторон. Рамир, отмахиваясь одной рукой, другой достал решетчатый железный ящик с верньерами и кнопками, ладонью хлопнул по одной – на верхней крышке зажглись лампочки. Сквозь мелкие ячейки виднелась электронная начинка устройства, внутри мерцали диоды. Сталкер перевернулся на живот, вжав голову в плечи. Крыса вцепилась в воротник, другая взбиралась по ноге, третья пыталась прокусить куртку на плече. Со всех сторон грызуны бежали к нему, воздух наполнился шипением. Рамир крутанул верньер – на стеклянной панели датчика тонкая стрелка перескочила к другому краю шкалы. Он буквально вонзил палец в широкую круглую кнопку, одновременно на его спину вспрыгнул крысиный волк.

Решетчатый ящик загудел.

Он издал и другой звук – но тот был неслышен для человеческого уха.

Шипение сменилось визгом, крысы сыпанули от Рамира. Стряхнув со спины последнюю, он встал на колени. Твари неслись прочь широкой темной лентой, позади бежал крысиный волк, негромко и угрожающе похрипывая, будто ругаясь под нос.

– Вот так! – рявкнул Рамир, тяжело дыша, и прищурился, глядя вслед грызунам, прикидывая, в каком направлении они бегут. Ящик у его коленей ровно гудел, мигали лампочки. Сталкер сказал: – Так, сейчас зверолову будет плохо.

* * *

Лесник выстрелил из обоих стволов. Несколько крыс разбросало в разные стороны, но другие наступали. Настька позади него вскрикнула, когда жадно-нетерпеливая морда сунулась ей под бок. Перекатившись, она с ужасом оглянулась и увидела трех крупных грызунов, которые казались черными в свете костра. Глазки их блестели злобно и угрожающе. Что делать?! Она вскочила на колени, разевая рот в безмолвном крике. В голове помутилось, воздуха не хватало – такого панического страха девушка не испытывала еще ни разу. Сердце провалилось куда-то в желудок, к горлу подступила тошнота. Впереди гроыхнуло – сталкер пальнул по стае. Всхлипнув, Настька подалась вбок и услышала приглушенное писком бульканье. Крысы бросились на нее. Тонко заскулив, она схватила за края полный кипящей каши котелок, сорвала с прута и перевернула на тварей.

Дикий визг огласил ночь. Вереща, грызуны рванулись в разные стороны, пузырящаяся каша сползала с их боков. Одна тварь залетела в костер, рванулась вбок, взорвав угли фонтаном искр, унеслась в ночь.

– Встань между костром и «Жаркой»! – гаркнул Лесник над самым ухом девушки. Икая от пережитого ужаса, Настька поднялась на дрожащих ногах, шагнула за костер, Дуя на обожженные руки.

Сталкер перезарядил ружье, выстрелил, потом еще раз. В десятке метров от них раскаленный воздух светился, будто уличный фонарь. «Жарка» была небольшая и не слишком сильно раскаляла воздух, но крысы все равно опасались приближаться к костру с той стороны, и это пока что помогало Леснику держать их на расстоянии.

Он стоял перед костром, а Настька за ним. Здесь было очень жарко, горячий воздух валил с двух сторон, от костра и от аномалии. Девушка взмокла, лицо покраснелось, со лба по щекам тек пот.

Когда заряд дробы отбросил в траву крупного грызуна, остальные стали разбегаться, опасливо повизгивая, и Лесник уже решил было, что справился, – но тут из темноты вынырнул крысиный волк. Он сразу прыгнул, не успевший перезарядить ружье сталкер отшатнулся, и это послужило сигналом для остальных.

Лесник нырнул вбок, перехватив оружие за ствол, прикладом смел сразу трех крыс. На него набросились с разных сторон; перед глазами возникла морда вожака, пылающие злобой глазки и рваная рана на низком лбу.

Настька выхватила из костра головню и стала размахивать ею. На лодыжке сталкера сомкнулись челюсти, он крутанулся, разбрасывая тварей. Вожак вцепился в плечо. Сжимая стволы ружья левой рукой, Лесник правой отодрал его от себя. Тварь извивалась, яростно пища, рвалась к горлу. Лесник отбросил ее. Руки были покусаны, по пальцам текла кровь, штаны в дырах, из левой икры выгрызен клочок мяса.

Он терял силы, удары стали слабее. Отступившие было крысы вновь набросились на него, одна запрыгнула на плечо и прокусила ухо. Лесник замычал, мотнул головой – крыса свалилась, оставив на куртке длинные царапины. Правое плечо уже онемело, руку скрутила судорога.

Тыча горячей головней в морды и увертываясь от крыс, Настька незаметно для себя вышла из безопасной зоны. Волосы ее растрепались, длинный локон прилип к мокрой щеке, по лицу тек пот. На скуле темнела царапина, подбородок был в саже.

– Назад!! – крикнул Лесник. Крысиный волк вновь прыгнул на него. Выпустив ружье, сталкер перехватил тварь за голову. Вдавил большие пальцы в глазницы, крикнув от натуги, сжал – и черепная кость треснула. Вожак пискнул, Лесник размахнулся и со всей силы швырнул волосатую тушу в сторону темного леса. Хоровой визг огласил склон, и крысы серой волной потекли за вожаком, взволнованно пища.

Лесник упал. Настька подбежала к нему, присела, вонзив конец горячей головни в землю, потрясла сталкера за плечо. Шипение и писк грызунов стихали – они уходили в глубь леса. Лесник застонал, корчась от боли, процедил сквозь зубы:

– Не трожь...

– Что с вами?! – сдерживая слезы, крикнула Настька, отдернув руку. – Дядя Василь, что... Ой, кто это?!!

Раньше она не видела таких тварей и не знала, что мутант, бесшумно взобравшийся к ним по склону, называется псевдоплотью.

* * *

Плоть появилась очень кстати.

Рамир был уверен, что птички попались в клетку. Он помнил, что вечером заметил струящийся дрожащий воздух на другом склоне – там была «Жарка», и позже костер зверолова загорелся неподалеку от нее. Цыган сначала пошел за крысами, гоня их вперед при помощи сконструированного Бородой устройства, а потом решетчатый ящичек начал искрить, внутри него что-то зажужжало, пошел сизый дымок – и он вырубился. Тогда сталкер остановился и трижды выстрелил из винтовки. Этого оказалось достаточно, чтобы «Жарка» сработала.

С одной стороны аномалия, отступать некуда, с другой – стая голодных крыс – прекрасная ловушка, из которой никто не выберется. Уж объект-то они точно загрызут, если девчонка еще жива!

Но все пошло не так, как он рассчитывал. Во-первых, Девушка и вправду была жива. Во-вторых, она оказалась хоть и пугливой – Цыган расслышал ее крики, – но бойкой. Схватила головню и стала отбиваться, он увидел, как искрящиеся дуги прочерчивают воздух. Да и зверолов схитрил, запихнув подопечную в «печку» между костром и аномалией, куда не отваживались забегать крысы.

Так что плоть была весьма, весьма кстати.

Она, судя по всему, охотилась на крыс и топала в отдалении за стаей. Теперь плоть напала на Рамира.

Мутант был небольшой, раза в два меньше взрослых особей этого вида – молодой, наверное. Цыган подпустил плоть поближе, стараясь двигаться осторожно и тихо, направился к выходу из леса. И когда, жадно хрюкая, псевдоплоть кинулась на него, он в последний момент шагнул в сторону и сильным ударом ноги отправил ее в сторону костра. Перевернувшись в воздухе, плоть вскочила на ноги. Девушка завизжала, старый зверолов поднял голову. Кажется, крысы здорово потрепали его, защищаться вряд ли может. Плоть хоть и не крупная, но явно голодная, а потому смелая. Наклонив голову, тварь бросилась в бой.

Рамир встал из-за кустов, поднял пистолет и прицелился в девушку.

Корчившийся на земле Лесник вдруг привстал на одно колено и ударом огромного кулака отбросил псевдоплоть.

Рамир негромко выругался – широкая спина зверолова скрыла от него объект. Плоть упала и сразу вскочила. Лесник что-то прокричал девушке. Она встала ногами на его колено, вцепилась в шею, он рывком выпрямился – и подкинул ее.

Объект оттолкнулся, прыгнул, растопырив руки, куда-то в темноту.

Цыган открыл огонь – но, кажется, не попал.

Оказывается, ниже по склону была еще и карусель. Она захватила девушку, мотнула круг – и швырнула дальше во мрак. Рамир услышал быстро затихающий вопль.

Плоть повалила зверолова, скрыв его, спина твари изогнулась, хищно клацнула клешня. Ноги Лесника задергались.

– Один выбыл, – сказал Рамир без улыбки, не убирая оружие. – Идем искать объект...

Он поправил рюкзак, посмотрел на детектор аномалий и побежал по широкой дуге в обход костра. Ночка выдалась беспокойная.

* * *

«Карусель» мотнула Настьку так, что она ненадолго потеряла сознание. Открыв глаза, девушка схватилась за ветки, тонкие гибкие сучья закачались под ней. Она висела в кроне березы метрах в трех над землей. Очень медленно и осторожно приподняв голову, Настька осмотрелась.

Неподалеку стояли два заброшенных дома, и она вспомнила, что уже видела их со склона, до того как стемнело. Значит, она примерно на середине Лысой балки? Цепляясь за ветки, девушка начала спускаться.

Береза росла во дворе того дома, что стоял ближе к вершине, крыша второго виднелась почти под ногами, ниже по склону. Луна ярко освещала двор и фасад, покосившееся крыльцо без перил, проломленные ступени, дырявый козырек.

А Лесник? Когда «Карусель» прокрутила ее мимо костра, Настька видела, как плоть во второй раз накинута на сталкера. Еще услышала выстрелы, и ей показалось, что дальше, на краю зарослей, мелькнули вспышки, на мгновение озарив высокий широкоплечий силуэт. Значит, сталкера загрыз мутант, а какой-то маньяк продолжает охотиться за нею. Надо прятаться! Только где?

Дуя на обожженные котелком ладони, девушка подошла к дому, кое-как взобралась на скрипучее крыльцо. Доски под ногами шатались.

В доме было темнее, тусклый свет едва пробивался сквозь окошко в стене напротив входа. Она разглядела отверстие в полу и другое – в потолке над ним. Рядом была приставная лестница.

Настька шагнула к темной квадратной дыре, увидела освещенную лунной верхней ступеньку лестницы, но не успела поставить на нее ногу. Внизу раздался шорох и громкий писк. По лестнице застучали маленькие лапки.

Девушка с воплем отскочила, ударилась плечом о приставную лестницу, вцепилась в нее и полезла. Из подвала повалили крысы, живым ковром устилая пол. Они поднимали длинные морды, шевелили усами и щелкали зубами.

Лестница была трухлявая, влажная, изъеденная древоточцем. Когда Настька схватилась за дощатый настил чердака, перекаладина под ней с треском сломалась. Девушка качнулась, неловко пнула лестницу – та переломилась и медленно опрокинулась вбок. Крысы запищали.

Она повисла, болтая ногами. Твари сновали вниз, прыгали, одна исхитрилась вцепиться в ботинок. Настька потрясла ногой, крыса шлепнулась на пол. Тогда девушка подтянулась, легла животом на скользкие от плесени доски и вползла на чердак.

Тут было не очень темно, сквозь круглое слуховое окно без стекла лился лунный свет. Пригнувшись, Настька прошлась по чердаку, присела на корточки, отдыхая. Сквозь окно задувал ветер, было холодно. Бежать отсюда некуда, разве что на крышу... а потом куда? Что же это происходит? Ведь совсем недавно она была в своем интернате, где ей тоже не нравилось, но где все было так знакомо, привычно, а теперь... Она на чердаке заброшенной избы, посреди какой-то Лысой балки, в Зоне, только что погиб ее проводник, внизу крысы, в округе бродят голодные мутанты... кошмар! Как ее угораздило попасть в такую переделку? И ведь никто не поможет, никто и не знает, что она здесь, она теперь умрет, погибнет – не от крысиных зубов, так в челюстях какого-то зверя покрупнее, не загрызенная мутантом – так от голода... Или от рук того маньяка, что охотится за нею и стреляет из зарослей!

Вспомнив о нем, Настька задрожала. Вернулась к люку, посмотрела вниз. Крысы сновали по полу, скребли стены, тяжело подпрыгивали. Настька уселась, обхватив колени и положив на них подбородок. Что теперь? Умирать здесь от голода?

Глаза были полны слез. Почему ее все обижают? С самого детства! Никто не любит, дети дразнятся, взрослые норовят отвесить затрещину... И в интернате постоянно то воды в постель нальют, то соли в чай насыпят, то кнопку на стул подложат. Сколько она помнила, только Борг был к ней добр – но ведь и он неприятно что такое, вернее, кто такой! Лесник этот тоже мрачный... правда, потом спас ее и сам погиб. Настька всхлипнула. Ну выбралась она отгула, а дальше что? Ее опять обложили крысы, и маньяк бродит в темноте!

Вытерев лицо рукавом, она поднялась. Слезами себе не поможешь, это она давно поняла. Обидчиков нужно таскать за волосы и пинать под коленки – неприятностей от этого будет не меньше, но хоть не так обидно. Подойдя к окну, Настька выглянула, покрутила головой, ничего подозрительного не заметив, осторожно вылезла на крышу. Тут был открытый ящик вроде скворечника, защищающий отверстие от дождя и снега. Настька села на него, вновь осмотрелась. Возле дома росло дерево, в темноте не разобрать какое, во всяком случае, не береза – ее ствол белел дальше, у забора. А на это дерево можно перебраться, главное – не поскользнуться на крыше.

По шиферному скату она поползла вверх, к коньку.

Черная гибкая тень прыгнула на дерево с земли, и Настька замерла. Следом сиганула вторая, третья... А первая с неприятным скрежещущим мяуканьем перелетела на скат и уставилась на девушку злыми глазами, которые светились зеленым. Девушка тихо ойкнула и задом сползла обратно на скворечник. Над коньком показались сразу три головы с острыми ушами. Это были кошки. А кошки Зоны – не дружелюбные домашние зверьки, поняла она. Стая таких тварей, наверное, еще опаснее крыс.

Настька скользнула обратно в окошко, выпрямившись на дощатом полу чердака, вытащила из кобуры пистолет. Тогда, сражаясь с крысами у костра, она с перепугу забыла о нем. Это и к лучшему – крысы мелкие, насакивали со всех сторон, она бы все равно промахивалась, а так хоть патроны остались. Сколько их там в магазине? Девушка не знала, но

собиралась использовать все до последнего.

Круглая усатая морда сунулась в окно. Вытянув руки, Настька выстрелила. Отдача ударила в ладони, она покачнулась, но устояла. Кошка, издав какой-то металлический скрежет, исчезла, на ее месте показалась другая. Настька опять нажала на спусковой крючок.

* * *

Старый зверолов больше не шевелился, плоть прикипела к трупам и смачно выгрызала горло, бока ее плотоядно подрагивали. Рамир обошел место, где в темноте пряталась «Карусель», и стал спускаться по склону.

Далеко идти не пришлось: выстрелы раздались, когда сталкер приближался к двум заброшенным избам. Он остановился, потом, пригибаясь, перебежал к забору. Значит, объект все еще жив и у него есть пистолет. Или это кто-то другой палит в темноте, кто-то, все это время прятаящийся посреди Лысой балки?

«Да нет, вряд ли, – подумал Рамир, поворачивая за угол первого дома. – Я бы заметил, это она, то есть *он* – объект...»

На его глазах кошка, сунувшаяся в чердачное окно большой избы, отлетела с воплем, свалилась на землю там, где в лунном свете виднелись три кошачьих трупов.

«Сколько патронов осталось? – подумал Цыган, отходя к забору и прячась за ним. Прислонившись к замшелым доскам, сталкер стал загибать пальцы: – Звук такой, будто стреляют из «ТТ». Значит, еще два... – Он прислушался. – О, кончились. Отлично. Осталось подождать, когда девушку растерзают дикие кошки.

Никакую не девушку – объект.

Нет, именно девушку. Девчонку, почти ребенка.

Контролер тебя побери! – Он выпрямился. – Отвратительная смерть! Лучше я сам ее застрелю», – решил Рамир и сунул пистолет в кобуру. Передвинув со спины на бок «G-36», пошел ко второму дому.

Пылающая комета прочертила небосклон и упала на крышу, распугав кошек. Черные тени прыгнули во все стороны, канули в ночи. На скате, под чердачным окном, расцвел огненный цветок.

Обескураженный Рамир вновь присел, увидев скрюченный силуэт, который кинул еще одну горящую головню, наверняка облитую бензином или спиртом. С гудением вращаясь, она влетела в дверной проем. С крыльца посыпались верещащие крысы. Цыган пошарил на груди, сжал крест в кулак. Ему показалось – черт, нет, сам дьявол вышел из ночного мрака и мечет в избу адские шары! Но это был всего лишь старый зверолов... Не иначе нечисть воскресила его!

– Тьфу! – Рамир сплюнул, отпустил крестик. – Ну и ночь, каро андэ муй!

Он выпрямился во весь рост, подняв оружие. Силуэт Лесника уже исчез. И был не горбатым, как поначалу привиделось Рамиру, – зверолов нес сразу два рюкзака. И где теперь этот чертов старик с беспокойным объектом?!

Ярко-рыжие языки пламени вылетали из окна, лизали наличники. Дом трещал, но пока держался – влажное дерево сопротивлялось огню. Однако видно было, что осталось ему недолго.

Ругаясь сквозь зубы, Рамир перепрыгнул забор и бросился к горящей постройке. Она должна выбраться! Если объект сгорит заживо... попробуй докажи потом, что он и вправду мертв. Умник скажет: а вдруг жертва как-то сбежала, пока ты ее не видел?

Через несколько секунд он понял, что так оно и есть, – обогнув дом, разглядел в отблесках пламени двух хромающих людей, которые бежали к лесу.

– Все равно убью вас! – вконец разъярился Рамир: Он перепрыгнул через кошачьи трупы и помчался следом. В спешке плохо упакованный рюкзак тяжело подпрыгивал на спине, бил чем-то угловатым между лопаток, «G-36» на левом плече и винторез на правом тоже мешали.

Цыган уже взбирался по склону, оскальзываясь на влажной траве. Беглецов он едва различал в темноте далеко впереди. Несколько раз Рамир стрелял почти наугад и в конце концов решил побережь патроны.

Черные силуэты мелькнули на вершине оврага – и пропали в лесу. Рамир прибавил ходу. Еще немного... а склон круче, чем казалось в бинокль. Запыхавшись, он вылетел на опушку и вломился в лес, словно кабан, не разбирая дороги. Услышав треск сучьев, побежал на звук. Их двое, старик и ребенок, оба ранены, я их достану!

Он вроде нагонял – но никак не мог догнать. Рамир бежал, ломая кусты, то и дело смахивая с лица паутину. На пути стали попадаться ямы и упавшие деревья, пришлось двигаться осторожней. Он взмок, рюкзак оттягивал плечи, поясница болела, детектор аномалий, болтаясь на шнурке и колотясь о ребра, отбил грудь. Поначалу сталкер придерживал его, но вскоре понял, что куда важнее отводить руками ветви, хлещущие по лицу, а иначе можно лишиться глаза.

Лесник петлял – разгоряченный погоней Рамир понял это не сразу. Когда он уже устал и бежал, экономя дыхание, то заметил, что луна маячит над кронами слева, а не впереди, как раньше; и позже, следуя за треском веток, понял, что теперь она почти сзади... Зверолов запутывает следы? Обходит аномалии? Нет, что-то не так. Цыган остановился, оперся о дерево. Глубоко вдохнув, затаил дыхание и прислушался. В боку колело. Да, вот они – уходят на юго-восток... Рамир вскинул автомат и дал длинную очередь на звук. Треск ветвей, глухой стук, опять треск, шелест... Они по-прежнему бежали.

Сталкер опять бросился в погоню. Собравшись с силами, сделал рывок. Он вламывался в молодой осинник, перепрыгивал ямы и поваленные деревья, огибал дубы. То хлюпала вода под подошвами, то нога уходила в мох по лодыжку или носок ботинка цеплялся за невидимый в темноте корень. Дважды Рамир летел головой вперед, первый раз успел выставить руки, а потом распорол щеку о пенек. Злой, взмокший, сталкер упорно преследовал беглецов. Он молодой и здоровый, как лось, они выдохнутся раньше, Рамир это знал.

Писк детектора он расслышал слишком поздно. В лицо взметнулся ворох листьев и иголок, сучок едва не выбил глаз. Земля подпрыгнула и ударила по носу, Цыган вскрикнул.

Спасло то, что в падении он успел сгруппироваться и упал на плечо. «Трамплин» с силой отбросил сталкера вбок, прямо на ствол поваленного дуба. От удара перехватило дух, в голове помутилось. С трудом преодолевая тошноту и головокружение, он на четвереньках отполз подальше от аномалии. Только когда кровавая пелена заволокла глаза, Рамир остановился, уткнувшись лбом в холодный шершавый ствол, вдыхая колкий запах павшей листвы. Скинул с себя оружие, потом рюкзак.

– Ничто никогда не идет по плану, – пробормотал он и повалился на землю.

* * *

– Я... больше не могу... – выдохнула Настька, спотыкаясь.

Лесник схватил ее за руку и потащил дальше. Он тяжело дышал, держался левой рукой за грудь и заметно прихрамывал, но не сбавлял шага. Рюкзаки на спине подпрыгивали, ударялись друг о друга.

Они бежали уже долго, Настька никогда столько не бегала. Девушка вдыхала разинутым ртом, гортань пересохла и горела, ноги отяжелели. Опускаясь, пятка каждый раз больно стучалась о подошву ботинка – но воспоминание о выстрелах в спину гнало вперед.

Только когда сзади раздался характерный хлопок «Трамплина» и сдавленный возглас, Лесник остановился, позволяя девушке немного отдышаться.

Лежа под агонизирующей псевдоплотью, грудь которой он распорол ножом, Лесник слышал шаги, но из-за судороги не мог посмотреть, кто это. Бандит, мародер, позарившийся на чужой хабар? Почему тогда незнакомец пробежал мимо? Любой сталкер, любой военный или гражданский, забредший сюда, подошел бы посмотреть, что происходит. Только тот, кто знал, что случилось, мог пройти, не проверив даже, мертв ли лежащий под мутантом человек. Незнакомец решил, что плоть задрала Лесника – ведь тот дергался из-за приступа, это вполне можно было принять за предсмертные судороги, – и сразу же побежал дальше. Значит, целью его был не Лесник. Охотились за Настькой.

– Идем, – сказал он. – Нельзя тут стоять.

– Не бежим? – робко уточнила девушка. Сталкер качнул головой и пошел дальше. Волосы Настьки были всколочены, лицо красное, лоб блестел от пота, маленькие капельки собрались над верхней губой. Она вытерла пот и пошла следом.

– Пока у меня приступ не начался, – добавил Лесник.

Они ломились сквозь чашу, девушка то и дело спотыкалась, но не отставала. Вскоре выбрались на едва заметную звериную тропу и в конце концов увидели впереди вросшую в землю неприметную бревенчатую избу. Деревья плотно обступили ее со всех сторон, крышу почти скрыли сломанные ветром сухие ветки, под стенами лежали горы листьев.

– Здесь один мой приятель живет. – Лесник толкнул добротную сколоченную дверь, пригнув голову, переступил порог.

– Какой приятель? – спросила Настька опасливо. Она вполне допускала, что в приятелях у бородатого охотника может ходить какой-нибудь дремучий лесной мутант.

– Сейчас, кажется, нет его, позже познакомишься. Он достал из кармана спички, чиркнул. На тумбочке возле двери стояла мятая алюминиевая кружка, из нее торчала свеча, сталкер зажег ее. В слабом свете девушка разглядела тесную комнату.

– Заходи уже, – позвал он, скидывая рюкзаки. Настька несмело последовала за ним. Лесник запер дверь на здоровенный засов, добрался, шатаясь, до лавки и повалился на нее. Девушка шагнула к нему.

– Дядя Василь, ты чего? – она потрясла его за плечо. Лицо сталкера побледнело, он тяжело дышал.

– Сядь, не маячь, – Лесник слабо махнул рукой. – Это скоро пройдет.

Настька присела перед лавкой на корточки.

– Здесь заночуем, – произнес сталкер и медленно сел. – Он нас потерял в лесу. Ты знаешь, кто охотится за тобой и почему?

– Нет. И почему за мной? Наверное, за тобой, дядя Василь?

– Нет, ему нужна ты. И потому давай рассказывай – зачем тебе в Крепость?

* * *

Рамир сел, прислонившись к дереву, ощупал голову. Все стихло, в лесу было темно, лунный свет едва проникал сквозь кроны.

– Убежали, – пробормотал Рамир, криво улыбаясь. – Я упустил их.

«G-36» лежал на земле в паре метров от него, дальше валялась винтовка. Как бы от удара в оружии не повредилось что-нибудь, надо проверить и заново пристрелять. И детектор аномалий где-то в траве остался... Цыган сполз на землю, закинул руки за голову и посмотрел на звезды сквозь просветы в листве. Луна высеребрила концы ветвей, верхушки деревьев окутала призрачная дымка. Месяц уже садился, с востока наплывало тусклое сияние – ночь заканчивалась. Рамир пролежал долго, ни о чем не думая, просто наблюдая за приходом дня, отдыхая. В широко раскрытых глазах отражалась паутина ветвей и клочки светящегося неба между ними.

Наконец он приподнялся, опираясь на локоть, потер веки, помассировал лицо.

– Небеса не хотят ее смерти, – сказал Рамир и сел. Потянулся, разминая затекшие мышцы, вдохнул холодный утренний воздух, похлопал по груди там, где висел крест. – Так тому и быть, кто я такой, чтобы противиться их воле? Возвращаюсь. – Он повернулся, чтобы взять рюкзак, и уперся взглядом в длинную кабанью морду. Маленькие глазки буравили его настороженно и неприветливо.

Как это тварь сумела неслышно подобраться так близко? Рамир медленно отодвинулся, потянулся к пистолету. Кабан глухо хрюкнул, лысая кожа на лбу сложилась складками. Сталкер успел выстрелить только раз – тварь взрыла копытами землю и бросилась на него. Пуля скользнула по черепу, оставив полоску разорванной шкуры, ушла вбок.

Прыгнув за дерево, Рамир выпустил в бок кабана оставшиеся полмагазина. Зверь захрипел, тормозя всеми ногами, развернулся и вновь наставил клыки на человека. На ребрах его пузырилась кровь. Быстро перезарядив пистолет, Цыган искоса оглядел светящийся лес, выискивая характерное искажение воздуха. Кабан рванулся к нему – морда со сплюсненным черным пятком дышала тупой бездумной яростью, горячее дыхание со свистом вырывалось из ноздрей. Нырнув за другое дерево, сталкер начал стрелять. Земля тряслась под ударами копыт, мутант пер, как танк, череп у него был словно из чугуна, пули почти не причиняли вреда. Рамир едва успел отскочить, а кабан врезался в ствол.

Дерево накренилось от удара, затрещало, во все стороны полетела кора. Зверь отлетел, бока его ходили ходуном, из пасти капала слюна. Он упал. Рамир пошел вокруг мутанта, не опуская пистолет. Его «G-36» лежал возле рюкзака немного в стороне. Пошатываясь, зверь поднялся и мутным взглядом следил за человеком. Рыкнув, наклонил голову, повернулся.

С трудом удерживаясь, чтобы не побежать, Рамир пятился от него. Главное – не сделать лишнего шага... По спине ползли капли холодного пота. Он целился в кабана, но не стрелял. Этому что в лоб, что по лбу, только патроны переводить...

Кабан в третий раз бросился на него. Кровь капала с волосатого бока, на прошлогодней листве оставались красные пятна, из-под копыт летели комья земли.

Рамир пригнулся и замер. Кабан несся, как пушечный снаряд.

Сталкер прыгнул вбок, перекатился и снова прыгнул, теперь вперед. Вскочил – и побежал между деревьями.

Кабан промчался мимо, едва не задев его, и на скорости угодил в «Трамплин».

Хлопок, свист воздуха... Огромную косматую тушу сначала вжало в землю, а после отшвырнуло в кусты.

Цыган рванулся в ту сторону, где лежали рюкзак и рядом – винтовка с автоматом. Мутант заворочался в кустах, круша ветки, попытался встать, упал, снова приподнялся. Грузная башка качнулась, налитые кровью глаза уставились на фигуру, выросшую над ним.

– Не люблю кабанов, – сказал Рамир и вогнал в его морду полмагазина из «G-36».

Кабан затих, бока перестали вздыматься. Тяжело дышащий сталкер отошел от зверя, поднял лицо к небу. Ноздри его раздувались, он с шумом втягивал воздух и медленно выдыхал. Короткая схватка с огромным хозяином леса всколыхнула в душе новые чувства – решимость, упрямство, уверенность в себе. Убитый кабан – это знак, послание свыше, которое Рамир не мог проигнорировать.

День разгорался, тени бледнели. Пошарив под деревом, он нашел чудом уцелевший детектор аномалий, надел на шею. Заправил ворот рубахи под куртку, перекинул через плечо рюкзак, взял в левую руку чехол с винторезом. Повернулся из стороны в сторону, прикидывая, в каком направлении ушли беглецы, и сказал:

– Ладно, еще повоюем.

Глава 3 МЕЖДУ СВАЛКОЙ И ТЕМНОЙ ДОЛИНОЙ

1

Настька села на лавке, поджав ноги, зевнула.

– Дядя Валера сказал, что ты отведишь меня к Боргу. Это мой друг. Когда я была маленькая, то играла с ним.

– В Крепости? – сипло спросил Лесник. Накатила слабость, сильно хотелось спать. Он сидел на колченогом скрипучем стуле, постукивая костяшками пальцев по столу. К плечу под курткой с помощью вымоченной в спирте тряпицы был привязан артефакт под названием «Слизь», останавливающий кровотечение.

Девушка слабо пожала плечами.

– Наша деревня стояла в таком месте... Почти никто не ходил за околицу. Там было страшно.

– Конечно, не ходил, – пробормотал сталкер. – Она ж посреди Могильника.

– Да я ведь до сих пор не знаю толком, что это за Могильник такой. Помню только, что из деревни нельзя было выходить, вокруг туман и в нем всякое... непонятное. Опасное. Еще подземелья помню, которые вы все Крепостью зовете, да Борга, и всё.

– Ну так что в тех подземельях? – спросил Лесник, глядя на нее. – Что скрыто под этой вашей Бобловкой, куда ты ходила в детстве?

Настька развела руками.

– Там было много-много дверей... и, ну, будто коридоры-улицы. Целые улицы подземные. По крайней мере, тогда мне казалось, что они очень большие. Все такое... – девушка помолчала, подбирая слово, – заброшенное. Я плохо помню, мне тогда было... шесть или семь? Сначала, когда я только первый раз попала, – чуть не погибла. Там... – Настька сморщила лицо, напряженно вспоминая, – жутко было. Что-то на меня бросилось... Наверное, то, что убивало всех других людей, которые спускались туда.

– Призраки, – сказал Лесник, и она вздрогнула.

– Кто? Почему призраки? Он пожал широкими плечами.

– Так их называют. Говорят: в подземной Крепости посреди Могильника живут призраки. Не просто мутанты, что-то другое.

Настька слушала, расширив глаза.

– Ну, дальше что? – спросил сталкер.

– А что дальше... Из села туда больше никто не ходил, в Крепость эту. А у меня ни папки, ни мамки не было, старики за мной следили, но на самом деле я им безразлична была, потому и бегала туда. Сначала чуть не погибла, но появился Борг и спас меня. Не помню как. Сначала он ко мне строго относился, хотел прогнать. Но потом передумал. И мы с ним играли.

Лесник перешел к стоящей под другой стеной лавке, лег. Ему было плохо.

– Так, сначала давай. Как капитан «Долга» вышел на тебя? Откуда они тебя забрали? Ты же в интернате училась? Где?

– В Киеве я жила, – откликнулась Настька и вздохнула так горько, как умеют вздыхать только обиженные дети. – Они меня не любили, дразнили двухголовой, а учителя все время говорили, что у меня голова радиацией поврежденная. Вот Борг никогда меня не обзывал, – добавила она.

Поморщившись, сталкер приподнялся на локте, тусклым взглядом обвел избушку. В углу стояла передвижная чугунная печурка, под стеной широкая застеленная кровать и шкаф с треснувшей дверцей. Простыни небось отсырели...

– Дальше что? – спросил он, с усилием поднимаясь.

– Марья Николаевна к директору ходила, потом меня вызвала, сказала, родственники, сказала, из деревни... и так посмотрела... ну, типа я совсем отсталая. – Настька прикусила губу.

– Ну? – Лесник пошарил на полке, нашел спички, разжег печку. Из-под простого дощатого стола сталкер вытащил ведро, наполнил водой чайник на печурке и поставил греться. Дохромал до дверей, вытащил из рюкзака пакет с едой, бухнул на стол батон, кусок сыра в фольге, подтаявшее масло в стеклянной банке, ложку и нож.

Девушка быстро смахнула слезу.

– Ну, она и говорит: вот дядя Валера, помнишь? Я говорю: не помню. А он говорит: а дед Пахома помнишь? Я говорю: помню, его забудешь. А дед Пахом вроде следопыта был, из лесу приносил всякие штуки странные, которые иногда взрывались. Или просто кусались... – Настька поежилась. – Дед Пахом ничего не боялся. Его потом не нашли, когда нас уводили. К нам отряд военных сталкеров большой пришел, всех собрали посреди деревни и повели оттуда. Через Могильник еле прошли, многие погибли от всяких странностей. Помню, туман был очень... – Настька пошевелила пальцами в воздухе, – очень злой. И еще всякое. Из военных сталкеров тоже многие погибли. Довели нас до Периметра, на базу какую-то, там кругом солдаты. И-оттуда меня уже в интернат. Но дед Пахома не было с нами и еще кое-кого – наверное, они спрятались и в деревне остались, не захотели уходить. : – Это я уже понял, ты по делу говори, – перебил Лесник. – Что этот дядя Валера говорил, когда за тобой пришел?

– Ну, сказал, что меня в деревню вызывают. Что они уже договорились, и меня отпустят на пару недель. Я спрашивать не стала, чего там, а Марья Николаевна говорит: пусть девочка навестит родственников, у вас там все такие больные... – Настька хлопнула носом, но слезы сдержала. – Дура! А потом, когда мы уже в их машине ехали, дядя Валера спросил, хочу ли я увидеть старых друзей. Я думала, о ком он? У меня в деревне и не было друзей. Короче, это он дурачком прикинулся.

Лесник снял закипевший чайник с печки, бросил в кипяток горсть заварки, нарезал хлеб и сыр.

– Ешь давай, – сказал он. Настька пересела за стол, Лесник протянул ей банку с маслом, нож. – Намазывай.

И стал разливать чай по алюминиевым кружкам. Девушка осторожно взяла тяжелый сталкеровский нож, покачала на руке. Пожав плечами, зачерпнула подтаявшую массу толстым лезвием и стала развозить ее по щедрым ломтям хлеба. Лесник тем временем кинул в чай три кусочка сахара, которые вытащил из кармана.

– Дальше чего? – спросил он.

– А мне сахар?

– Детям не положено, – хмуро ответил сталкер. Настька надула губы.

– Ну и ладно, – сказала она, отодвигая хлеб и масло. – Сам ешь. Ты злой, ты мне не нравишься.

Она потянула на себя горячую кружку, подула сверху на парящую густо-коричневую жидкость, ложкой зачерпнула немного и, опять подув, с хлопаньем втянула чай в себя.

– Рассказывай, – повторил Лесник.

– Чего дальше, ничего, – обиженно проронила она. – Все равно в интернате не нравилось мне. Я и решила, раз так, съезжу с ними. Главное, я Борга очень сильно увидеть хочу!

– Значит, коридоры-улицы под землей? – уточнил Лесник, задумчиво жуя. Настька кивнула. – Ну так а Борг этот твой – он кто?

– Да не знаю я! Надоело уже, что вы все спрашиваете? Он невидимый! Он – чья-то душа!

Лесник ничего не сказал. Молча доел бутерброд, вытер пальцы о штаны, единым махом выпил полкружки чаю.

– Кому про эти коридоры и Борга рассказывала?

– Только дяде Валере. – Когда сталкер отвернулся к рюкзаку, Настька тихонько потащила к себе кусочек сахара, лежащий на столе. Лесник заметил это, но ничего не сказал.

– Одни вы были в это время? – Он вытащил из рюкзака карту.

Девушка пожала плечами.

– Ну, мы были одни на заднем сиденье. А спереди водитель сидел и этот, как его... другой, в общем. С автоматом.

Коротко вздохнув, Лесник кивнул и расправил карту.

– Не сильно ты мне помогла, – сказал он, сворачивая ее так, чтобы был виден определенный квадрат. – Что у нас... В центре Могильника вроде ока смерча – вокруг аномальная буря постоянная, из-за этого там опасно, но в центре, где Бобловка стоит, тихо." Только до Бобловки далеко пока. Чтобы попасть к Могильнику, надо пройти здесь. Узкое место, обходить будет долго.

Настька всмотрелась в зеленые пятна, черточки и точки на бумаге.

– Что такое Могильник? – тихо спросила она. Лесник сердито посмотрел на нее.

– Захоронение такое. Как радиоактивные отходы закапывают, так в Могильнике всякую аномальную рухлядь хоронили. Когда-то и технику закапывали, там же и кладбище, где похоронены жертвы второй аварии, ликвидаторы...

Настька поежилась.

– И что? – спросила она.

– А то, что аномальная энергия под землей бродит, как закваска, и наружу выходит гейзерами. Ее там гораздо больше, чем в других местах, поэтому творится такое, чего больше нигде в округе нет. Самое гиблое место Зоны. Девушка завела глаза к потолку, вспоминая.

– Да, там и вправду очень странно было, – согласилась она. – Если из села выйдешь, ну за грибами там или ягодами, то иногда идешь – и вдруг раз, а тебя вверх ногами перевернуло, и ты идешь дальше, только как будто по потолку невидимой комнаты. А еще... – вдруг она выпрямилась и уставилась на сталкера. – Кто-то хочет меня убить из-за того, что я туда иду? Из-за того, что я в детстве с Боргом была знакома? Но кто?

– Вот и мне интересно. – Лесник встал. – Завтра буду думать, что с ним делать, кто бы он ни был. Чую, не отстанет от тебя. Вот свалилась работка на голову... Ладно, спать давай. Надо отдохнуть и дальше скорей двигаться.

Настька, сжав кулаки, упрямо смотрела на него.

– Но я никому ничего плохого не сделала! За что меня хотят убить?!

– Я бы поставил вопрос не «За что?», а «Зачем?», так вернее будет.

– Тогда зачем? Лесник пожал плечами.

– Из твоего рассказа непонятно. Но как-то это связано с Крепостью и Боргом. Может, через тебя до него хотят добраться? Завтра попробуешь вспомнить еще.

Поникнув, девушка выбралась из-за стола, вяло покопалась в своем рюкзачке, вытащила зубную щетку.

– Где тут туалет? – тусклым голосом спросила она.

– На улице. Тебе туда сейчас нельзя.

– А как же... – Настька покраснела и шмыгнула носом.

– Вон ведро в углу, – показал Лесник. Девушка проследила взглядом за его рукой, распахнула глаза. – Я отвернусь. – Погасив лампу, Лесник наклонился над вещами, стал вытаскивать спальник. За окном небо на востоке светлело.

Обычно лагеря «Свободы» охранялись слабее баз группировки «Долг», но в этот раз Цыган засек пост охраны еще на дальних подступах. Он удивился, увидев двух бойцов в камуфляже, залегших в кроне приземистого дуба с винтовками, – только природная осмотрительность и большой опыт передвижения по Зоне помогли обнаружить их. Тем более что свободовцы поступили грамотно, устроив пост неподалеку от аномалии под названием «воронка». Тихо шипящий конус, над которым вращались листья, трава и мелкие веточки, отвлекал внимание от людей в ветвях.

По широкой дуге Рамир обогнул пост. Почему они вдруг стали так осторожничать – ожидают нападения? Но кто станет атаковать лагерь «Свободы»? Разве что военные – хотя какой им смысл переться сюда с Кордона? Или «Долг»... Ага! Рамир кивнул сам себе, бесшумно пробираясь между деревьев. Точно, у хиппи началась конфронтация с долговцами. Может ли это быть связано с его заданием?

Он миновал еще один пост, гордый собой – никому не засечь Цыгана, если тот не хочет! – и очутился возле ограждения из колючей проволоки, натянутой между деревьями и кольями. За ним Рамир насчитал около десятка военных палаток и три больших пневмомодуля защитного цвета.

В центре лагеря горел костер, там тощий кашевар колдовал над большим котлом. Рядом под навесом двое свободовцев, перекидываясь шутками, кромсали буханки хлеба и вскрывали тушенку. За палатками несколько человек снимали защитные тенты с грузовиков.

Его наконец заметили. Какой-то человек повернулся к гостю, подняв оружие, прозвучал отрывистый приказ, из ближайшей палатки выскочили двое...

– Спокойно, парни! – громко произнес Рамир, приподнимая прикладом провисшую проволоку и ныряя под нее. – Умник сказал, что он здесь. Я – Цыган, Умник меня ждет.

Знакомый сталкер вышел навстречу Рамиру из высокой палатки с красным крестом, озабоченно спуская закатанный рукав. Плечо его было перевязано, от бинта несло спиртом. Кисти запачканы кровью, на шее под расстегнутым воротом свежая царапина, смазанная йодом.

– Вы едва успели, Рамир. Что за спешка? Хорошие новости? Выполнили задание? Мы уже собираемся. Перебазируемся в квадрат... в общем, переезжаем. Так что у вас?

– А ты чего в крови, приятель? – Цыган достал сигару и прикурил.

– Вчера делали вылазку, в полутора километрах к северу зомби заняли старый блокпост, может, помните, по дороге к...

– Ладно, понятно, – оборвал Рамир. – У вас должен быть склад или нечто вроде него. Я меняю тактику.

Быстро оглянувшись, Умник вытащил носовой платок, вытер загорелую плешь. На лбу его выступила испарина.

– Не болтайте, – велел он. – Пойдемте ко мне, там обсудим...

– Я сказал, некогда. – Рамир глубоко затянулся, затушил сигару и припрятал в нагрудный карман. – Веди меня на ваш склад.

– Но посторонних запрещено...

Цыган, криво улыбнувшись, неторопливо сграбастал невысокого худосочного свободовца за воротник, подтянул к себе.

– Веди на склад, быстро! – прошипел он. Давненько никто не оказывался настолько близко от него. Умник хрипло вдохнул, разинул рот. Лицо его позеленело, и свободовец судорожно оттолкнул нависшего над ним Рамира. Мотнул головой, с лица слетели капельки пота. Остаться возле сталкера стоило ему немалых усилий.

– Вы забываетесь, – хрипло проронил он.

– Веди! – повторил Цыган угрожающе.

– Ладно. – Умник оправил куртку, быстро огляделся. Суeta в лагере отодвинулась куда-то, как обычно случалось в любом месте, где появлялся Рамир. Он излучал угрозу, он внушал страх и отвращение, и это никак не вязалось с его внешностью или повадками. Цыган вел себя, как все сталкеры, но антихаризма его была слишком сильной, ни один человек не выдерживал эту ауру.

– Только быстро.

Группировка завтракала. Рамир кинул завистливый взгляд на исходящие паром миски на столах под тентом, но решил с этим повременить, сейчас имелись дела поважнее.

Умник обошел заросли лопухов и остановился возле землянки, кивнул сидевшему под кустом в обнимку с автоматом свободовцу. Тот при приближении Рамира невольно встал и отступил на пару шагов.

– Это со мной, Клещ.

– Так это ж чужой, Умник, ты че? – на худом лице Клеща отразилась недоумение.

– Этот человек выполняет для нас одно задание. – Свободовец спустился по вырезанным в земле ступенькам, щелкнул выключателем, и внутри загорелась свисающая на шнуре голая лампочка.

– Разрешение бы от капитана... – протянул Клещ, делая еще шаг назад, не в силах противиться исходящим от Рамира флюидам.

– Да хватит уже нудить! – сорвался Умник. Близость Цыгана, рядом с которым он находился почти пять минут, невыносимо тяготила его. – Говорят, свой! Иди отсюда! Завтракать... Потом доложишь, если хочешь.

Хмыкнув, Рамир спустился вслед за провожатым. Сорокаваттная лампочка освещала деревянные нары, на которых рядами лежали боеприпасы.

– Склад последним грузим, – пояснил Умник, отходя в дальний конец. – Ну, чего надо? В чем проблема? Я так понимаю, вы их не остановили? Почему? Вы взяли «ВСС», вас знают как хорошего стрелка... Что-то случилось?

Рамир пробежался взглядом по полкам.

– Зверолов, – бросил он. – Живучий, сволочь.

– А конкретнее? Вы имейте в виду – время не терпит. Если они дойдут до Крепости...
– Не дойдут, – перебил Цыган, изучая стеллажи. – Мне был знак свыше. «КПМ» есть?
– Ну, в принципе, где-то лежали кассеты с «ПФМ-1С», должна и машинка найтись. – Нагнувшись, Умник сосредоточенно осмотрел нижние полки слева. Сдвинул коробки с патронами, с натугой вытянул длинный ящик, открыл крышку. – Сколько вам может понадобиться? Боюсь, мне еще придется говорить с капитаном на эту тему...

– Не мои проблемы, – ухмыльнулся Рамир. При виде металлического стакана КСФ, набитого противопехотными минами, у него поднялось настроение. – Давай две. И подрывную машинку.

Умник вытащил нейлоновую черную сумку.

– Возьмите, Рамир, и убирайтесь. Какого черта вы вообще в лагерь приперлись? Сбросили бы мне на ПДА список, я бы доставил куда надо... – Он протянул Цыгану сумку с «КПМ» и кивнул на выход. Рамир перекинул лямку через плечо, отодвинул свободовца и сказал:

– А теперь поглядим, что у вас тут еще интересного есть...

* * *

Лесник разбудил Настьку около полудня. Позволив лишь ополоснуть лицо, подвел к столу, где лежала карта.

– Сюда гляди. Чтобы короче к твоей деревне выйти, надо это место миновать, – сталкер показал узкую полосу земли между двумя темными пятнами. – Слева Свалка, справа Темная долина, через них тяжело и долго. Во всяком случае, с тобой, – добавил он и почесал бороду, хмуря брови. – Если тебя преследуют, они скорее попытаются перехватить нас до этого байрака или на нем, потому что потом уже местность беспокойная пойдет, да и до Могильника недалеко. Если это какой-то нанятый сталкер, без личного в тебе интересе, он так и сделает. Надо подумать, как его обдурить...

Настька откинула с лица прядь тонких ломких волос, постучала пальцем по карте:

– Почему обязательно здесь идти? Раз они нас там будут... перехватывать, – девочка сглотнула. – Зона эта ваша... Прямо дикие земли, а вы, сталкеры, дикари настоящие! Человека ни за что убивать...

– Глупая ты, – сказал Лесник. – Ничего тут не понимаешь. Не чувствуешь Зону.

– Конечно, – насупилась Настька. – Зато тебя наняли меня провожать и охранять, а не ругать. Я ценный объект.

– Объект, точно. – Лесник убрал ее руку с карты. – А не человек вовсе. Я говорю, обойти Свалку дешевле будет. А в Темную долину так просто не суются. Раз ты объект, то молчи и слушай.

Настька отодвинулась, уселась, скрестив руки на груди. – Ну и ладно. Раз я объект...

Вытащив из-за одежды «Кровь камня», сталкер закинул ее в мешочек на поясе, отогнув ворот, осторожно потрогал опухоль, поморщился. Артефакт, как обычно, не помог.

– Что у тебя болит?

– Не твое дело. – Он запахнул куртку, застегнул наглухо.

Из-за двери донесся слабый звук. Лесник вскочил, протянув руку к стоящей возле стола двустволке. Звук повторился – кто-то тихо скребся. Сталкер подошел к выходу, держа ружье наготове, отодвинул засов. Настька прижалась к стенке. Лесник приоткрыл дверь...

Внутрь скользнуло что-то темно-рыжее. Оно прыгнуло на стол, издав недовольное громкое «Мяу!».

– Ой, кот! – радостно воскликнула Настька, вытягивая руки.

– Не трожь, укусит, – предупредил Лесник. Высунув голову, он огляделся и опять закрыл дверь. – Это Кот.

– Я вижу, что не хомяк. – Настька сграбастала серого с черными и рыжими пятнами зверя в объятия, потерлась лицом об усатую морду. На ушах у кота торчали растрепанные кисточки. – Какой классный... Это твой приятель, о котором ты вчера говорил?

– Зовут его так, – хмуро сказал Лесник. – Кот, понятно? Пустит животное.

Настька всю гладила Кота, а тот, замурлыкав, улегся у нее на руке, свесив лапу и подставляя шею.

– Звери чувствуют, что я им плохого не сделаю, – возбужденно пояснила Настька. Пушистая туша зверя совершенно скрыла ее тонкую руку.

– Ишь, устроился, – хмыкнул сталкер, садясь на другой конец скамьи. – Раньше никого к себе не подпускал.

– Я животных люблю, ветеринаром стать хотела. – Настька наклонилась к Коту, что-то зажурчала ему в ухо. Тот потерся мордой о ее щеку.

– Ветеринаром – дело хорошее, – сказал Лесник, ставя ружье к стене. Теперь он смотрел на Настьку с другим выражением, не так сумрачно. – И чего ж передумала?

– Да в интернете отговорили. Чего, говорят, в Киеве ветеринаром? Выбирай нормальную профессию, менеджера там или бухгалтера. А я, может, еще и обратно передумаю. В село поеду, буду зверей лечить. Интересно это очень. И они живые, теплые. Чувствуют тебя и благодарят по-своему. Я однажды...

– Ладно, хватит болтать. – Широкими ладонями Лесник расправил карту. – Пустит зверя, говорю.

– Ему со мной хорошо, – возразила Настька. Кот и вправду не торопился убегать, разлегся и поглядывал на сталкера как бы и свысока даже. – А ты ревнуешь. Наверное, и не гладил его никогда...

– Да с чего мне нежности с ним разводить? – Лесник отвернулся. Он не раз гладил Кота и чесал его за ухом. Но тот не очень шел на руки к хозяину. Хоть сталкер и подобрал его котенком и кормил с детства, а все равно отношения у них были взаимно-условные – ты мне, я тебе. А тут девчонка какая-то...

– Ладно, надо дальше думать, – сказал наконец Лесник, наливая себе холодного чаю из чайника и вытаскивая из пакета с едой вареное яйцо. – Нас засада ждет, точно.

* * *

За лесом Рамир увидел поросший травой склон. По левую руку раскинулась огромная Свалка – груды ржавеющего под ветром и дождем металлолома. На утреннем солнце посверкивали чудом уцелевшие осколки стекла в окнах покореженной, отказавшей и просто брошенной техники. Монбланы и эвересты железа: сейфы и холодильники, автобусы и вагоны, грузовики, легковушки, подъемные краны... Кое-где среди всего этого виднелись крыши полуразрушенных построек.

А далеко справа, за Мостом – так называли иногда этот байрак, в котором редко встречались аномалии, – купалась в

тумане Темная долина.

Байрак – это маленькая низина, заросшая лиственным лесом. А Мост – потому что здесь относительно легко пройти между Свалкой и Темной долиной, минуя более опасные районы. За Мостом начиналась «глубинка» Зоны, а еще дальше к востоку лежал Могильник.

И вот теперь ему требовалось устроить здесь ловушку.

Между Свалкой и Мостом тянулся глубокий овраг. Мутанты обычно не заходили сюда, поэтому низина и считалась безопасной – насколько таковым может быть хоть какое-то место в Зоне. Темную долину от байрака ничто конкретное не отделяло, но сталкеры всегда чувствовали, где заканчивается одно и начинается другое.

Это заросшее лесом пространство в двести метров шириной ему и предстояло заминировать, а потом еще контролировать.

Он решил, что устроит засаду на другой стороне Моста, нашел там небольшой буерак, поставил палатку и принялся подвешивать на деревьях видеокамеры. Сигналы с них шли на ноутбук. Рядом со Свалкой аппаратура работала плоховато, на экране часто возникали помехи, но в целом обзор был приличный, из своего укрытия Рамир мог видеть все подходы к низине.

Солнце медленно взбиралось на небосклон. Было ясно, тихо и почти тепло – непривычная для Зоны погода. Вскоре Рамир сбросил куртку, расстегнул ворот рубахи, открыв густые волосы на груди и толстую платиновую цепочку. На мощной шее блестел пот.

Когда перевалило за полдень, все было почти готово, оставалось лишь протянуть кабель от машинки и зарядить последнюю кассету. Рамир успел даже соорудить ловушку неподалеку от аномалии, прикрепив веревку к длинному суку высокого орехового дерева и закидав петлю на другом конце листьями. Тут-то и запищала радиостанция, которую ему в последний момент всучил свобододец.

– Я занят, Умник, что такое? – раздраженно бросил Рамир, откладывая катушку с кабелем и беря микрофон на проводе. – Только коротко, да?

Из динамика донесся приглушенный голос:

– Послушайте, Рамир, все-таки хочу предупредить, что Мост – место хоженое, а дело нужно сделать тихо, без свидетелей. Да вам и самому неприятности не нужны, если кто-нибудь увидит, что вы там устраиваете. Вдруг кто придет раньше Лесника и девушки? Вы должны отдавать себе отчет...

– Минжа, за кого ты меня держишь?! – выругался Рамир. – Нашел из-за чего отрываться!

– Дело важное и должно быть сделано чисто, – бубнил свобододец. – И вообще, почему все-таки нельзя обойтись ВСС? Открытое пространство, хорошая видимость, есть где спрятаться...

– Приятель, что за ерунду ты несешь? – Рамир с нетерпением посмотрел на солнце в зените. – Пуля ее не взяла. Похоже, зверолов подсунил ей артефакт, но какой-то необычный.

– Какой артефакт может остановить пулю? – не поверил свобододец. – Не может такого быть!

Сталкер энергично кивнул, хотя собеседник не мог его видеть.

– Правильно, не может. Простая «Ночная звезда» пулю не остановит, но недавно некоторые из «Трамплинов» стали генерировать новый вид артефакта. Слышал про это? Ты такой же сталкер, как я, должен знать! Им еще названия толком не дали, говорят просто: «Ночная звездочка» – потому что они поменьше чутков. Они очень дорогие пока что. И вроде мощней обычной «Звезды», могут остановить пулю.

– Не верю, – упрямо сказал свобододец. – Знаете, какая кинетическая энергия у летящей пули? Никакой артефакт не способен ее полностью погасить.

– А может, Лесник сборку сделал, – предположил Рамир. – Спаял «Звездочку» с чем-то еще, не знаю. Короче – не убила дев... объект пуля из «ВСС». Хотя я попал, точно.

– Но с чего вы тогда взяли, что подействуют мины? Есть ведь и артефакты, снижающие повреждения от взрывов...

– Ты совсем глупый? За что тебя Умником прозвали? – Цыган зло посмотрел на станцию и, подумав, отключил ее, после чего сказал сам себе: – Мина круче пули. И потом, у меня в запасе еще пара сюрпризов...

* * *

– Что у тебя там, дядя Василь? – повторила Настька. Лесник дернул плечом.

– Чего-чего... болячка, не видно?

– Тебя ранили?

Сталкер стал отвязывать мешочки от пояса, раскладывать на столе влажные тряпицы. Слабо запахло бензином.

– Спихватилась. Крысы меня потрепали, конечно, и плоть успела укусить, прежде чем я ей нож под мышку вогнал, в самое мягкое место... – Он покачал головой, развязал первую тряпицу и достал «Кровь камня». Кот, как только показался артефакт, с шипением соскочил с худенькой руки Настьки и нырнул под стол. – Артефактами я раны залечивал.

– Но почему ты эту штуку на груди держал? – допытывалась Настька. – Вроде их на поясе носят?

– Много ты в этом понимаешь. – Он стал выгружать из мешочков другие артефакты.

– Но все-таки? – девушка придвинулась ближе. – Я слышала, что ты ночью стонал...

Лесник скрипнул зубами.

– Забудь об этом.

– Ага, забудь! – Настька победно вскинулась. – А если тебя прихватит по дороге и ты из-за этого не сможешь меня спасти?

Лесник лишь глянул на девушку и опять стал заниматься артефактами. На столе в ряд уже были разложены несколько штук – «Кровь камня», «Выверт», «Медуза», «Слизняк»... Большинство представляло собой спрессованные комья земли с травой, корешками, веточками и листьями. Была там и пара так называемых «Капель» – черных, потрескавшихся. Настька потянулась к спирали, усеянной маленькими, влажно блестящими жемчужинами. Лесник ударил ее по руке:

– Не трожь!

– Ну и ладно, – она надула губы и, нахохлившись, отодвинулась от стола. – Не очень-то и хотелось. Сам играйся со

своими цацками.

— С артефактами не играют, — отрезал Лесник. Он достал из-за пояса рукавицы, надел и поднял со стола полупрозрачный клубок, внутри которого иногда пробегали искры. — У меня опухоль. Злокачественная. В последнее время болит все чаще... — он скривился. Повертел «Бенгальский огонь», взял «Медузу».

— Злокачественная? — прошептала Настька. — Так это ж значит...

— Ничего это не значит. Осторожно! — Лесник сердито посмотрел на девушку и вдруг вонзил один артефакт в другой, отвернув лицо. Вспыхнули молнии, остро запахло озоном. Когда сталкер разжал руки, на ладонях его лежал коричнево-бурый, слегка оплавленный комочек. — Так, а теперь добавим... — он задумался, разглядывая разложенные на столе артефакты. Настька жалостливо смотрела на него.

— Сколько тебе осталось? — тихо спросила она, невольно придвигаясь.

Лесник потянулся к «Слизняку», но передумал, взялся за «Выверт».

— Я еще поживу, — с угрозой пообещал он. «Выверт» никак не хотел сближаться с бурым комком. Лесник давил на него, прижимая к сборке, между артефактами пробегали искры, а «Выверт» оставался сантиметрах в трех от нового образования.

— Кровосос тебя поберет! — процедил сталкер напряженно. — Какая-то сила между ними... Вроде антигравитации этой... локальной...

Расстроенная Настька с несчастным видом наблюдала за Лесником. Упрямое лицо его покраснело, на руке вздулись вены.

— А я еще на тебя кричала, злилась... — убито проговорила девушка. — Ты уж меня прости...

— Я не собираюсь помирать, помолчи! — буркнул он, привставая и налегая на два комка. Те с громким чмоканьем соединились, но ничего не произошло — ни звука, ни молнии, даже искры не проскочили. Только по столу во все стороны пополз холодок, и сборка стала бурой с синими прожилками. — Врач сказал, можно сделать операцию. Только она стоит дорого.

— Почему бы тебе не вернуться домой? Лечь в больницу, полечиться...

Лесник покрутил сборку, вытянув руку, посмотрел на нее, прищурившись.

— Чего-то тут не хватает... — пробормотал он, кладя сборку на стол. И глянул искоса на Настьку. — Что ты заладила: домой, в больницу... Я лучше здесь умру, в Зоне. Это мой дом, ясно? Мне здесь интересно, и никуда я отсюда не уйду. — Сталкер взял «Кровь камня», но, подумав, отложил. Задумчиво изучил артефакты, наклонил голову в одну сторону, в другую, словно прислушиваясь. Медленно повел рукой над ними, как будто пытаясь определить идущее от них тепло или иное излучение. Наконец рука остановилась над «Каплей». Лесник зажал ее в кулаке, поднес к уху, послушал и пробормотал: «Рано. Как же там Химик делал?..» Положил обратно и снял с пояса свернутый кольцами длинный гибкий стебель какого-то растения.

— Что это? — прошептала Настька, завороченно наблюдая за ним.

— Волчья лоза.

Он зубами перегрыз стебель, отделив от него кусок длиной сантиметров двадцать. Остальное повесил на пояс, а этим куском осторожно обмотал сборку, концы лозы вдавил в нее, будто в комочек пластилина. Оглядел. Настька смотрела во все глаза — тонкий стебель с подсохшими листьями стал будто проводом, вернее, светодиодом, теперь по нему пробегали пятнышки бледно-зеленого света, и каждый раз соединенные артефакты чуть распухали и опадали — сборка будто дышала.

— Чудеса, — прошептала Настька. — Это как волшебство...

— Никакое не волшебство, — отрезал Лесник.

— А что же тогда?

— Законы природы, только пока неизвестные людям.

— Да какой же природы?! — возмутилась Настька. — Нигде больше на Земле такого нет, только в Зоне.

— Это законы той природы, которую люди создали здесь. Которые пока только на Зону распространяются. Всё, молчи, не мешай!

Он снова взял черную «Каплю», поднес к сборке — с негромким, словно бы довольным шипением «Капля» впиалась острием в волчью лозу, и та набухла как пиявка, насосавшаяся крови. Черная «Капля» исчезла, ком вздрогнул и вновь запульсировал.

Лесник протянул сборку Настьке, но девушка отодвинулась, помотав головой. Сборка была похожа на вынутое из чьей-то груди сердце, ей даже показалось, что она слышит ритмичный перестук — биение.

— Сунь за пазуху, — велел сталкер. — В ту сумку, которую я тебе тогда дал. Да не бойся, он тебя защитит.

Настька уставилась на то, что Лесник положил перед ней. Сборка вздувалась и опадала, и девушке было жутко даже смотреть на это, не то что взять в руки.

— Не тяни! — поторопил Лесник. Он осторожно поднял со стола «Мамины бусы» — их «жемчужины» матово поблескивали в проникающих сквозь окошко лучах солнца. День был в разгаре.

«Черное сердце» по-прежнему лежало на столе, Настька боялась к нему притронуться. Тогда сталкер поднял сборку и сунул ей под нос.

— Бери! Теперь можно голой рукой, без рукавицы. Защитит от пуль, от зверья, от радиации. Будешь почти неуязвима на некоторое время.

— А почему ты тогда и себе такую не сделаешь?

— Потому что на две у меня артефактов не хватит.

— Но оно ведь... живое? — Настька с ужасом приняла новый артефакт на вытянутые руки, стараясь держать его подальше от себя и все не решаясь сунуть в мягкую сумочку на груди.

— Вроде того, — Лесник пожал плечами. — Потому и работает.

Увидев, как девушка испуганно шагнула назад, чуть не бросив «Черное сердце» на пол, он добавил:

— Да не живое оно! Просто похоже.

– Очень похоже, – прошептала девушка, завороченно разглядывая артефакт на своих ладонях. – Дядя Василь, а ведь у тебя рак, наверное, от всех этих артефактов и аномалий начался... От их этого... аномального излучения.

– Нет! – с неожиданной злостью рявкнул сталкер, и она вздрогнула, увидев покрасневшее лицо прямо перед собой, сверкающие глаза. – Это не Зона виновата, обычная злокачественная опухоль!

– Разве? – не поверила она и отвернула ворот, чтобы спрятать «Черное сердце» в сумочку. – Но ты ведь сколько здесь пробыл, возился с этими... сборками и другим...

– Молчи! – Вскочив, Лесник взял рюкзак. – Я сказал: Зона тут ни при чем. Зона... любит меня. Здесь мое место.

Настька непонимающе покосилась на него. Что это дядю Василя так разобрало? Будто он в душе и сам подозревает о том, про что она сказала, но не хочет признавать этого и потому злится...

Кот высунул нос из-под стола, наблюдая за ними. Радиация почти не изменила кошек в Зоне, и Кот выглядел как самый обычный домашний зверь, ухоженный и упитанный, вот только размером был больше раза в полтора, если не в два, да еще эти кисточки... Только когда Кот вскочил на скамейку, заглядывая в рюкзак, Настька заметила, что и на кончике хвоста у него пушистая кисточка.

Пересилив наконец страх перед «Черным сердцем», девушка сунула его за пазуху и постояла, прислушиваясь к пульсации.

– От пуль, от зверей, от радиации... – повторила она и пошутила, неуверенно улыбнувшись: – А если этот... маньяк, который меня убить хочет, заминирует проход?

– Чего? – Лесник поднял голову. – Глупости.

– Я боюсь, – Настька поежилась. Лесник похлопал по рюкзаку.

– Кот, отойди.

Хрипло мякнув, тот спрыгнул, и сталкер застегнул клапан.

– Мешок бери, – он кивнул на ее вещи, закинул ружье через плечо, проверив, шагнул к столу. Настька исподтишка наблюдала за ним. Лесник излучал уверенность и угрюмую, тяжелую мощь – здоровый сильный мужик, с таким чувствующий себя в безопасности. Но этот его рак... Он будто гниль, поселившаяся в Стволе дуба.

– А Кот тут останется? – робко спросила Настька, присаживаясь на корточки и почесывая замурлыкавшего зверя. Тот потерся о ее ноги.

– Живет он здесь, – хмуро отозвался сталкер и взял со стола прибор, который минуту назад достал из рюкзака. Повертев, нажал на кнопку. – Не люблю я эти электронные штуковины, – пробормотал он. – Что у нас тут? – Лесник взглянул на загоревшийся экран и зеленую точку на нем. – Кто-то сидит за Мостом.

– Где? – вскинулась Настька.

– На нашем пути.

– А зачем он там сидит?

– Может, ждет нас. Ладно, идем, пора посмотреть на этого твоего маньяка...

* * *

Рамир закончил минирование. Оставалось самое сложное, и он не знал, как подступиться к делу. Но время поджимало, надо было спешить.

Снова запищала радиостанция – после некоторого раздумья Цыган опять ее включил.

– Рамир, а вы вообще откуда знаете, что они уже не прошли через Мост? Может, они давно за вами, а вы там торчите, ждете их...

– Лесник ранен, ему был нужен отдых, наверняка они переночевали в схроне. К тому же, – Рамир невесело улыбнулся, – я кое-что узнал про него. Зверолов не боец. У него болячка, из-за которой он сдуется через пять минут. Да и вообще не жилец. От активных движений у него могут начаться эти, как их... метастазы, он будет осторожничать.

Эта слабость противника почему-то не веселила Рамира – она как бы сближала их, ведь у Цыгана тоже был *изъян*, превративший его в отверженного. Ему и так с большим трудом удавалось отгонять мысли про объект охоты, а тут еще могла появиться непрощенная жалость к бородатому зверолову!

– Какого кровососа ты вообще ко мне пристаешь?! – рассердился Рамир. – Я занят, я работаю, а ты отвлекаешь!

– Послушайте, вы не должны быть так беспечны, – продолжал гнуть свое Умник. – Проверьте по ПДА местоположение Лесника, я хочу быть уверен, что вы не зря тратите время и оборудование...

– Так зачем ты меня нанимал, Умник, если не доверяешь? – Цыган выругался сквозь зубы. – Лесник не носит ПДА, его там нет, я проверял! – и в подтверждение своих слов бросил взгляд на запястье. ПДА был включен в режиме карты, и на блеклом экране, совсем недалеко, мигнула зеленая точка. – Дьявол! – ругнулся он.

– Что такое, что у вас случилось? – возмущался Умник.

– К дьяволу тебя! Он появился на карте! Они близко, а у меня не все готово! Заткнись и не мешай!

Цыган посмотрел в ноутбук на заминированное поле перед Мостом.

– Что натворила эта девка, почему «Свобода» хочет ее смерти? – Сталкер взял пистолет-пулемет, покачал в руке, примериваясь. – Хоть бы знать, за что убивать буду, все легче было бы. – Отложив оружие, он запустил обе руки в густые волосы и дернул. – Даже не знаю за что! Зачем я в Зону ушел, что мне тут надо? Дай миру!

Рамир тоскливо глянул на ПДА, но Лесник уже исчез с экрана, видимо, отключился. А может, это и не Лесник вовсе? Отодвинув ноутбук, Цыган выбрался из палатки с брезентовой сумкой, повернулся кругом. За палаткой трава была выжжена, дальше над сухой землей кружилась пыль, выдавая присутствие аномалии. Еще и старый зверолов нервы треплет! Дьявольское отродье, исчадие Зоны...

Рамира знобило. Он вытащил из кармана новую банку энергетика, вскрыл и выдул одним махом. Сталкер давно не спал, короткую отключку после «трамплина» вряд ли можно считать отдыхом. С раздражением отбросив пустую жестянку, Цыган спустился на тропу, к тому месту, где она выходила из рощицы и начинала взбираться на выжженный склон. Тут надо быть осторожнее. На склоне между редкими кустами висели пятна пыли: несколько аномалий только и ждали потерявшего осторожность путника. Похоже, они давно не «включались», воздух там буквально дрожал от напряжения.

– Я тебя достану, – пробормотал Рамир со злостью. Он сделал еще три ловушки, проверив натяжение веревок и присыпав петли листьями, очень осторожно пополз в укрытие. Увенчанная датчиком движения и камерой палатка стояла слева от Моста, в небольшом углублении – достаточном, чтобы скрыть ее от посторонних глаз. Растущие вокруг буерака кустики подсохшего вереска шевелились на ветру, скрадывая непрерывное вращение камеры. Рамир залез в палатку, уселся по-турецки перед ноутбуком; слева лежала «ВСС», под правой рукой верный «G-36». Ждать оставалось недолго.

2

– После Моста аномалий больше становится, – говорил Лесник, широко шагая между деревьями. Привязанная лесой, впереди него летела синица. Лучи солнца пробивались сквозь кроны, желто-красная палая листва устилала землю, и густой, пряный запах осени наполнял лес. – Там открытое пространство, днем аномалии видны, над ними воздух плавится, как над костром. В лесу это почти незаметно.

– Уже знаю. – Настька шла следом, стараясь не отставать. В лесу ей доводилось бывать нечасто, и она с детским любопытством обращала внимание на все. Вот пятно подсохшего мха на вылезшем из земли большом бугристом корне, вон крупный мухомор растет под осиной – с фиолетовыми пятнами на красной шляпке и розовой бахромой по краю, там огромный ствол упавшего дерева, почти рассыпавшийся, похожий на длинный замшелый холм с темной трухлявой пещерой, в которой наверняка живет какой-нибудь мохнатый леший... Шелестела палая листва под ногами, и теплые пятна света скользили по лицу Настьки, а когда она поднимала голову, щекотали подбородок и щеки.

– Тебе главное – не попасть в аномалию. «Черное сердце» дает небольшой иммунитет от них, оно больше против пуль и ножей защищает.

– Ага. – Девушка крутила головой, осматриваясь. Солнце стояло высоко, в ясном синем небе проплывали редкие облака. Настька жмурилась от яркого света и слушала вполуха.

– Не «ага», а запоминай, что говорю, – прикрикнул сталкер. Она кивнула, слыша по интонациям голоса – на самом деле Лесник не сердится. Отношение проводника к ней изменилось, стало более дружественным.

Он продолжал:

– Поэтому, если что – беги. Беги через Мост, обходи аномалии и жди меня в каком-нибудь укрытии. К Свалке близко не подходи, там с недавних пор в это время года снорки стали появляться, какая-то миграция сезонная у них. Порвут в клочки, никакой артефакт не поможет. В Долину, то есть вправо, тоже не заворачивай. Отбеги подальше, найди дерево, залезь на него и сиди. В дома не забирайся, если увидишь, – там крысы, кошки... Ты слушаешь? – Лесник обернулся.

– Ага. Дядя Василь, а Коту не скучно одному там жить?

– Смотри, убьют тебя. – Лесник остановился, прислушиваясь. Настька поправила лямки рюкзака на плечах.

– Злой ты, – сказала она.

– Ты уже забыла, что за тобой охотятся? – Лесник потянул леску, и весело летевшая впереди синица вернулась. Он спрятал птицу в мешочек на поясе. – Не скучно, он же не сидит внутри, охотится.

– Днем как-то не страшно, – сказала Настька, щурясь от солнца, светящего прямо в лицо. – Дядя Василь, а как вы птичек дрессируете?

Лесник вытащил воробья.

– Днем еще страшнее, потому что ты как на ладони. – Подумав, он убрал птицу обратно. – Так, теперь давай поищем кое-кого.

Она завертела головой.

– Кого? Зачем? Надо будет стрелять? – Девушка положила ладонь на кобуру. Перед выходом из избушки она под руководством сталкера перезарядила пистолет, и теперь два запасных магазина оттягивали карманы. Лесник поднял руку, Настька замолчала. Ветер тихо шуршал листвой, далеко в чаще посвистывали птицы. Настька замерла, пытаясь уловить то, что могло слышать чуткое ухо сталкера, однако скоро заскучала. А Лесник, наоборот, подобрался, напрягся.

– Там спит кабанья стая, – глухо сказал он, снимая с плеча ружье, помолчал и добавил: – Это хорошо.

– Что ж хорошего? – шепотом спросила она. Лесник надолго замер, размышляя о чем-то, присел на корточки и хмуро уставился на деревья перед собой. Вздернув рукав, покосился на ПДА, но включать его не стал. Наконец произнес:

– Какую-то он нам подлянку устроил. Засада впереди, точно.

– Откуда вы знаете? – спросил Настька. Он коснулся пальцами лба.

– Чую. В Зоне чутье хорошо развивается, иначе не выживешь. Что-то впереди... – Он замолчал, потом кивнул сам себе и выпрямился. – Можно их спугнуть. Идем. – Быстрыми скользящими шагами сталкер бесшумно пошел влево. Настька потопала следом, стараясь ступать след в след так же беззвучно, но то и дело попадала подошвой на сучья, которые с хрустом ломались.

– Зачем? – спросила она в спину Леснику. – Они же на нас нападут...

Подняв ружье, он пошел медленнее, и девушка тоже сбавила шаг.

– Что там? – прошептала она. И увидела.

Подлесок тут был реже, и между деревьями показалась полянка, на которой лежали несколько покатых шерстяных валунов. Беззвучно шевеля губами, Настька сосчитала. Пять крупных, зрелых особей и шестеро детенышей. Она дернула Лесника за куртку:

– Дядя Василь, не надо их тревожить, там же целое стадо.

– Обходим, – велел сталкер шепотом, не глядя на нее.

Они отступили в чашу и стали огибать поляну по широкой дуге. Когда Лесник остановился, кабаны оказались между ними и Мостом.

– Твой артефакт отпугивает зверей, – прошептал Лесник, держа ружье на изготовку. – Они ощутят его излучение и побегут. Иди вперед.

– Я?!! – Настька распахнула глаза. – Ты чего, с ума сошел?

– Давай! – прошипел Лесник, и девушка попятилась к поляне.

Вожак дернул ухом, поднял голову, прислушиваясь. Настька пятилась, Лесник наступал на нее с ружьем. Под ногой

громко треснула ветка. Кабан с утробным хрипом вскочил, за ним поднялись остальные. Лес наполнило грозное ворчание. Вжав голову в плечи, Настька осторожно повернулась. Полянка начиналась сразу за кустами, у которых она стояла, и несколько пар злобных маленьких глазок уставились на непрошенных гостей.

– Дядя Василь! – пискнула девушка.

– Пугни их, – велел Лесник. Настька стояла, парализованная страхом. Целых пять огромных кабанов и еще шестеро детишек, каждый ей по поясу... – Ну! – Сталкер ткнул ее в спину. Настька нерешительно подняла руки и сказала ломким голосом:

– Бу!

Вжав приклад в плечо, Лесник навел стволы на вожака. Грохнул выстрел. С осины на другой стороне поляны взлетела с недовольным криком ворона. Вожак шарахнулся.

– Ого-го! – крикнула Настька, шагнув сквозь кусты на поляну, и замахала руками. Стая в панике ломанулась в лес.

– За ними! – Лесник закинул ружье на плечо, схватил девушку за руку и потащил за собой. – Быстрее!

Звери мчались, топчя кусты, ломая молодые осины, лес трещал и содрогался.

* * *

«Ма не простила бы мне убийство женщины. Но если бы она знала, сколько за это платят... Ма всегда мечтала о доме на берегу моря. И я теперь смогу купить такой дом». Внутренним взором Рамир оглядел количество нолей на своем счете, верней, на счете, который он уже считал своим. Цифры подпрыгивали и позвякивали, как монеты в кармане. Двухэтажный дом с верандой, где он поставит кресло-качалку и столик, на котором будет ящик с сигарами. Вечерами станет сидеть на веранде и созерцать закат, а внизу будут плескаться о берег волны, и море будет огромно и величественно, а сигары – дорогими и ароматными... Он хлопнул ладонью по бедру. За такие деньги Ма, может, и простила бы.

На лбу Цыгана собрались морщины. Все так – но он просто не хочет убивать девчонку. И не может думать о ней как о безличном объекте.

Робко пискнула радиостанция.

– Рамир, слышите меня? – голос Умника донесся сквозь треск помех. – Как там дела?

– Чего надо? – хмуро спросил Цыган, подняв микрофон на шнуре. – Их еще нет.

– Я тут подумал – если здесь не получится и ваша ловушка не сработает, вам понадобятся какие-нибудь ориентиры в дальнейшем. Вы же, наверное, не очень хорошо знаете эту местность?

– Плохо знаю. Но...

– Подождите, не перебивайте, – сквозь помехи донесся рокот автомобильного двигателя. – У меня мало времени, мы скоро приедем на новое место, и мне будет некогда с вами разговаривать. По сути, за Мостом уже начинается Могильник. Первоначально захоронения делались за деревней Бобловкой, но аномальная энергия вызывала к жизни необычные изменения природы и живых существ, поэтому территория Могильника самопроизвольно разрасталась, скрыв вход в...

– Что вы мне старые легенды пересказываете?! – рыкнул Цыган. На экране ноутбука произошло какое-то шевеление. – Никакого «потом» не будет, всё кончится здесь и сейчас! Всё, они идут, отбой!

Рамир отключился, схватил автомат. Привстал – и крикнул от неожиданности. Из леса перед Мостом выскочил огромный кабан и помчался к роще. За ним, взрывая землю, бежала небольшая стая – четыре взрослые особи и шестеро детенышей.

* * *

– Мне один знакомый умник-зоолог говорил: кабаны такие агрессивные, потому что эмоционально неуравновешенны. – Лесник остановил Настьку перед пышным кустом на краю леса и достал бинокль. – Поддаются первой эмоции. А у них это обычно ярость. Очень легко выходят из себя. Но если напугать кабанов до того, как те разозлятся, то они впадают в панику и убегают, надо только очень быстро все сделать. Так, теперь ждем.

– Чего, дядя Василь? – Настька тоже глядела вперед, но без бинокля мало что могла рассмотреть. – Что там будет?

– Не знаю, увидим. – Осторожно раздвинув ветви, он осмотрел опушку между лесом и Мостом. Слева возвышались холмы металлолома, далеко справа висела пелена тумана, окутывающего Темную долину.

– Ой, а это кто? – Настька ткнула проводника острым локтем в плечо. – Вон!

Она показала. Что-то недовольно буркнув, Лесник навел туда бинокль.

– Снорки это, – пояснил он после паузы. – Любопытные они, будто обезьяны. Раз подошли ближе посмотреть, значит, кто-то тут шуровал...

– Тот, кто нас преследует?

Раскрыв рот, Настька наблюдала за двумя оборванными людьми, сидевшими на корточках у незримой границы, за которой начиналась Свалка. Головы и лица у них были какие-то странные, и она все никак не могла сообразить почему.

– Как хоботы у слонят! – воскликнула Настька, разобрав наконец, что все они в противогазах. – Неужели такие смешные могут быть опасными?

Лесник тихо хмыкнул, водя биноклем из стороны в сторону. В рощице было спокойно – никакого движения, только листья шевелятся на слабом ветерке.

Кабаны, в панике выскочившие из леса, замедлили ход. На открытом пространстве они чувствовали себя не очень уверенно. Вожак сбился с шага, не добежав до рощи десятка метров, замер, нерешительно топчась на месте, явно раздумывая, вернуться ли к лесу или спрятаться в роще впереди.

– Эх, не хотел я обнаруживать себя раньше времени. – Лесник с сожалением поднял ружье. – А надо. Если снайпер где-то там засел...

Стая остановилась. Лесник прищурил один глаз, выцеливая вожака... И тут под копытами только что догнавшего стаю детеныша взорвалась первая мина. Кабанчика подбросило, с диким визгом он опрокинулся на бок – и тогда взорвалась вторая. Растерзанную тушку вновь швырнуло в воздух, а мутанты кинулись в разные стороны. Опушка наполнилась грохотом и хриплым утробным хрюканьем, мины одна за другой взрывались под копытами кабанов,

которые металась перед рощей, не соображая, куда бежать. Густой дым поднимался в небо, тут и там в дымовой завесе вспыхивало пламя очередного взрыва.

Вожак с перебитым копытом – на трех ногах – наконец рванул к роще, стоя помчалась за ним. Взрывы прекратились. Ветер сносил дымовую завесу к Свалке, обнажая потоптанную и обгорелую траву перед леском, взрыхленную копытами и взрывами землю.

Как только все это началось, снарки на краю Свалки скрылись в покореженном транспорте, однако вскоре появились вновь. Они прыгали по изъеденным ржавчиной остовам древней техники и ухали. Их становилось все больше.

Кабаны вломились в рощу, и тут впереди снова рвануло – сильнее прежнего. Вожака отшвырнуло с тропы, он повалился на спину, дергая ногами, из разорванного брюха выпали кишки. Матерая самка, бежавшая с ним ноздря в ноздю, шархнула в сторону.

– Что дальше? – Настька вновь требовательно потянула Лесника за куртку.

– Помолчи, – отозвался сталкер. Опустив ружье, он в бинокль пытался высмотреть противника. – Где же эта сволочь спряталась, а?

– Ой, смотри, что они делают?! – возбужденно вскрикнула Настька, привставая. Лесник хлопнул ее ладонью по макушке, и девушка повалилась на бок, хватаясь за ветви. Куст заходил ходуном. – Да успокойся ты! – Он схватил Настьку за плечо, но она с ожесточением вырвалась.

– Хватит меня дергать! – крикнула девушка, вскочив на ноги. – У меня чуть голова в живот не ушла!

Выстрел двустволки прогремел прямо у нее в ушах – два сталкера засекли друг друга одновременно. Перекинув оружие за спину, Лесник обхватил ее ноги и дернул. Настька бревном рухнула на землю. Со стороны Моста застучал автомат, пули врезались в куст, за которым они прятались. Сталкер пополз в лес, таща девушку за собой.

* * *

Когда датчик уловил движение, Рамир выскочил из палатки и открыл огонь по кустам на другой стороне. Магазин закончился, он опустил автомат. Дьявол его знает – вроде не попал. Они теперь отползут в глубь леса, что дальше? Отсюда он их не достанет, надо ждать, когда выйдут, но они уже пуганые... Чертовы кабаны спутали все карты!

Сталкер перезарядил «G-36». Сквозь редкий подлесок Моста он видел, как кружили по роще ослепленные, раненые кабаны. Самка, добежав до оврага, в панике прыгнула, хотя противоположный склон возвышался над ней больше чем на метр. Она тяжело ткнулась в обрыв и рухнула на дно, ломая молодые березки. Испуганные детеныши, каждый размером с мопед, остановились на краю.

Снарки опять взволновались и запрыгали, заухали, припадая к земле, глядя на подышающую кабаниху. Свежая туша манила их, а на другой стороне глубокого оврага еще пятеро сладких кабанчиков... Выстрелы мутантов не пугали, они уже поняли, что стреляют не в них. Детеныши и снарки топтались друг напротив друга, не решаясь прыгнуть. Первые не видели вторых и жалобно визжали, призывая самку, но та лежала внизу окровавленной горой мяса. Плач детенышей напоминал визг бензопилы, наскочившей на гвоздь.

Рамир передернул затвор автомата и выбрался из ямы, на дне которой стояла палатка. Кабаны в роще потерянно кружились вокруг мертвого вожака, и в ярости сталкер открыл по ним огонь. Пули засвистели между деревьями, срезая ветки и листья. «Залечь надо, затаиться, подождать, тогда зверолов вылезет», – твердил внутренний голос, но

2

Рамир не слышал, ослепленный злостью. Твари сорвали его план – будто сама Зона ополчилась против него! Или это зверолов поднял их и направил вперед? Но как он догадался про мины?!

Когда пули застучали вокруг, кабаны хрипло захрюкали, а потом одного зацепило, и они взъярились. В роще выстрелы не могли причинить им особого вреда, редкое попадание было для мутантов все равно что укус осы – но оно злило них, словно красная тряпка – быка.

Три толстые морды повернулись к человеку, маленькие глазки налились яростью. Звери побежали навстречу выстрелам, выставив крутые железные лбы, набирая ход, копыта-наковальни бухали все быстрее.

Топот слышали детеныши. Повизгивая, они устремились вслед стае, оставив мертвую самку.

Увидев несущихся на него из рощи кабанов, Рамир сделал шаг вперед, присев, повел автоматом из стороны в сторону. Один из кабанов сбился с шага, из глаза его брызнула красно-белая жижa, он споткнулся и на полном ходу врезался в осину. Дерево треснуло, из кроны посыпались сухие ветки, кабан упал.

Когда детеныши потрусили прочь, снарки засновали по краю оврага, взволнованно ухая. Наконец один длинным прыжком пересек пространство между Свалкой и Мостом, за ним сразу последовал второй. Остальные пока медлили, а эти двое, припав к земле, огляделись – и бросились за кабанчиками. Еще двое мутантов сиганули через овраг и побежали следом.

Рамир срубил длинной очередью вырвавшегося из леса кабана, и третий мутант наскочил на тушу второго – врезался торчащими вперед клыками-саблями. Зверя занесло, он упал и покатился в траве. Рамир повел за ним стволом, вдавливая спусковой крючок... Кабан так и не встал. Ноги его несколько раз дернулись, могучее тело выгнуло судорогой – и он обмяк.

Сталкер опустил «G-36», ладонью потер пот со лба. Хана гадам, испортившим план...

Но тут из-за кустов, с треском ломая ветви, вырвались кабанчики. За их спинами мелькали четыре противогаза.

– Дьявол, только не снарки! – Рамир быстро перезарядил автомат, навел на мутантов и вновь открыл огонь. У него оставалось всего два магазина.

* * *

Когда выстрелы прекратились, Лесник остановился не сразу, прополз еще немного, волоча Настьку. Девушка рукавом утирала слезы, но молчала и упорно ползла следом. Только когда сталкер отпустил ее и сел, прислонившись к старой березе с искривленным стволом, она заревела в голос, уткнувшись лицом в траву.

– Тихо ты, – буркнул Лесник. Он сунул руку под куртку и застыл, скрючившись.

Автоматные очереди застучали вновь. Настька подняла к сталкеру заплаканное лицо.

– Что там? – испуганно спросила она.

– Тот, кто за тобой охотится, где-то впереди. – Лесник поднялся, придерживаясь за дерево. Рюкзак остался в кустах, со сталкером были только двустволка да бинокль на шее. – Надо попробовать разобраться с ним. Идем, но очень осторожно.

Девушка кивнула с несчастным видом и встала. Показав, чтобы она шла следом, Лесник, крадучись, двинулся обратно к опушке, переходя от дерева к дереву. Настька, сгорбившись и вжав голову в плечи, шла за ним, чувствуя себя потерянной и брошенной. Она тяжело переживала из-за того, что сталкер ударил ее, а что он таким способом убрал ее с линии огня, не приходило ей в голову.

Солнце клонилось к горизонту, свет его стал прозрачнее и холоднее, тени сгустились. Остановившись возле опушки, Лесник пригнулся, из-за ствола осины посмотрел между деревьями. Настька, приподнявшись на цыпочки, выглянула из-за его плеча.

– Что там? – шипло спросила она. Лесник обернулся,

Он смерил ее недовольным взглядом. За рощей вновь загрохотали выстрелы.

– Почему ты такая беспокойная? – пробормотал он, берясь за бинокль. – Снорки там, вот что.

Настька, прищурившись, уставилась на склон за Мостом. На фоне выжженной земли показалась фигура мужчины. Он пятился, стреляя в окруживших его мутантов. Снорки прыгали, как блохи, уходя от одиночных выстрелов и постепенно сжимая круг.

– Патроны экономит, – хмыкнул Лесник, снимая с плеча ружье: – Пожалуй, отсюда я его достану... – Он поднял двустволку, прижал приклад к плечу.

– Они его убивают, а ты по нему стрелять хочешь! – воскликнула Настька. Шмыгнув носом, она утерла последние слезы, вытащила из кобуры на плече пистолет и бросилась вперед.

– Э! – Удивлению Лесника не было предела. Резко опустив ружье, он уставился ей вслед. – Стой! Его же наняли, чтобы тебя убить!

Не слушая, девушка бегом спускалась по склону к роще, и Лесник поспешил следом, выкрикнув:

– Там еще могут быть мины!

Настька о минах не думала. На бегу дважды выстрелив – и, конечно, ни в кого не попав, – она мчалась, перепрыгивая кочки, по тропинке. В полминуты пересекла рощу, с воинственным воплем выскочила из-за деревьев и стала стрелять по сноркам. Их к тому времени осталось трое:

Двое обернулись, третий, оттолкнувшись от земли, прыгнул на грудь смуглого молодого сталкера с черными волосами. Тот упал на спину, автомат оказался под снорком. Настька остановилась, прицелилась и трижды выстрелила в спину мутанта. Одна пуля раздробила затылочную кость, брызнула кровь. Снорк повалился на человека, раскинув руки и ноги, распластался на нем.

Сталкер задергался под телом, пытаясь выбраться.

Один из оставшихся в живых снорков бросился к нему длинными скачками.

5

– Не трожь его! – крикнула Настька, всаживая в мутанта несколько пуль.

Высоко подпрыгнув, он приземлился на все четыре конечности и, припадая к земле, засеменял к девушке. Она навела на него пистолет, вжала спусковой крючок – но выстрела не было, патроны закончились. Теперь снорк совсем не казался Настьке смешным. Два круглых стеклянных «глаза» пялились на нее, тускло поблескивая, гофрированный резиновый хобот мерно качался из стороны в сторону. Мутант прыгнул, и Настька взвизгнула.

В роще громко хлопнуло – у снорка на лбу вспух красный волдырь. Голову дернуло назад, тело развернуло. Вскинув ноги к небу, мутант свалился на лопатки, шейные позвонки хрустнули, и он неподвижно растянулся на земле.

– Стой на месте! – донесся из леса приглушенный крик. Затрещали ветки – Лесник бежал к ней.

Цыган отползал на спине вверх по склону в сторону Темной долины, на него наступал раненный Настькой снорк. Он шел, подволакивая ногу, одна рука висела плетью. Патроны кончились, сталкер бросил автомат, достал нож. Лезвие тускло блеснуло в лучах заходящего солнца.

Забыв обо всем, Настька перехватила пистолет за ствол, подняла над головой и бросилась вперед.

Тропинка взбиралась на склон, извиваясь между аномалиями, исчезала в старых, покрытых мхом бетонных развалинах. Настька подбежала к выжженной, почерневшей земле, где уже не росла трава. До молодого сталкера оставалось всего ничего. Она наступила на кочку, оттолкнулась...

На ноге ее затянута петля, вверх скрипнул длинный сук орехового дерева. Девушку подбросило высоко в воздух, дыхание перехватило, она закричала, зажмурившись, взмахнув руками. Веревка натянулась, качнула ее. Настька открыла глаза. Точно под нею расплывалось пятно аномалии – прозрачный смерч горячих воздушных струй, – и Настька летела прямо в ее середину. Девушка задергалась, пытаясь изменить траекторию полета, понимая, что это ничего не даст.

Выскочивший из рощи Лесник увидел, как «Воронка» б вскипела и стала видна четче – пыль в ней закружилась, очерчивая границы аномалии. Девушка падала в нее, будто в разинутую голодную пасть.

Лесник сорвал с пояса тяжелый округлый мешочек, размахнулся и бросил.

«Воронка» взорвалась. Взметнулись комья земли, вихрь пепла и пыли возник в центре аномалии. Настька упала в нее.

Ей показалось, что она прыгнула в бассейн, в котором нет воды. Кости хрустнули, тело сжалось и будто развалилось на части. Настька стала комком боли – но в середине него трепетало, рассылая во все стороны импульсы, «Черное сердце».

Аномалия не приняла девушку. С громким чмоканием ее отбросило в сторону, и Настька свалилась на землю.

Рамир резко сел, одной рукой схватил прыгнувшего на него снорка за шкурку, другой всадил нож в костистую грудь по самую рукоять. Брызнула кровь. Сталкер отшвырнул от себя тело и вскочил. Глаза его сверкали – он не понял, что произошло, увидел только, как Лесник швырнул что-то в девушку, должно быть, какой-то опасный артефакт, как что-то взорвалось, и бездыханное тело отбросило далеко в сторону. Внутри него все оборвалось.

– Ты ее убил?! – крикнул он Леснику и бросился к неподвижной Настьке.

* * *

У Лесника начался приступ. Кривясь от боли, он поднял ружье и выстрелил. Правую руку свело судорогой, двустволка выпала, но он подхватил оружие левой и снова поднял.

Выстрел достиг цели – Рамир повалился на бок, прижав ладонь к ране на бедре. Сквозь пальцы сочилась кровь, штаны вокруг рваной дыры потемнели.

– Зверолов, ты ее убил! – прохрипел Цыган, мутными глазами следя за Лесником. Тот подковылял к девушке, закинув ружье за плечо, приподнял под мышки и потащил по тропе, огибая аномалии. Рамир скользкими от крови руками пошарил по карманам, затем вокруг себя по земле – и зарычал от бессильной ярости. Оружия не было, все осталось в палатке. Его мутило, но хуже физической боли было понимание: девушка, за которой он охотился, спасла его от снайпера. Не думая о себе, спасала его, Цыгана! Рамир вспомнил ее лицо и расширенные от ужаса глаза, когда она взлетела над аномалией... Она сохранила ему жизнь, а он хотел убить ее! Ай мири дай, какой же он подонок! Цыган коснулся креста на груди.

Он видел, как Лесник подтащил девушку к развалинам. Вдруг она потрясла головой, схватилась за ствол и кое-как встала на ноги. Рамир крикнул, улыбнулся, но злость вновь исказила лицо, когда он перевел взгляд на Лесника. Тот схватил Настю под локоть и потянул дальше – через несколько секунд они скрылись в руинах.

Глава 4 ЛЕС-МОЗГОЛОМ

1

Облака быстро затянули небо. Еще минуту назад оно было непривычно чистое для Зоны, розовое солнце висело над горизонтом – и вдруг набежали тучи. Волоча раненую ногу, Рамир доковылял до входа в палатку. Перетянутое ремнем бедро все еще кровоточило.

Ругаясь сквозь зубы, он вполз внутрь и улегся на спину. Приподняв голову, окинул взглядом аппаратуру. Экран ноутбука показывал пустую опушку перед Мостом; снайперы исчезли со своего наблюдательного поста на краю Свалки, датчики движения молчали. Рамир протянул руку к рюкзаку, вслепую пошарил, вытащил аптечку. Там оставался бинт, спирт... Старый дьявол, чтоб ты вечно горел в адском огне! Прострелил что-то важное, кровь бьет толчками, вытекает даже теперь, после того как Рамир перетянул ногу над раной ремнем от штанов. Артерию зацепил, чертов зверолов!

Цыган достал бутылку со спиртом, зубами скосил пробку и щедро плеснул на рану. Ногу продрало болью. Он скривился, взял бинт и стал методично наматывать на бедро. Когда один рулон кончился, продолжил накладывать повязку вторым. Зубами и руками разорвал вдоль конец бинта, завязал узел, закрепил повязку; сплюнул нитки, оставшиеся во рту. На широкой белой полосе медленно проступало красное пятно.

– Зверолов ее загубит, – пробормотал Рамир и потрогал лоб. – Почему я горю? Столько крови потерял – меня должно лихорадить... – Он покопался в рюкзаке, вытащил полулитровую банку энергетика, открыл и присосался к ней. Пил жадно и долго, пока банка не опустела. Отшвырнув, рукавом вытер губы. Отсоединил провода, шедшие от ноутбука к камере и датчику движения, выключил, сунул в рюкзак, туда же отправились карта и планшетка со схемой ловушки. Цыган сел, выпрямив раненую ногу, снял прицел с «ВСС», положил оружие перед собой.

Все это время он думал – напряженно думал – и наконец сказал сам себе:

– Все, отпрыгался. Хватит, дьявол с вами, больше никакой охоты на детей. Я пас.

Решив так, Рамир почувствовал облегчение. Необходимость убить девчонку, тяжелым гнетом лежащая на душе, исчезла – и будто даже светлее стало вокруг, дышится легче. Она спасла его от снайпера, теперь он не может ее убить. Деньги не имеют значения. Да и Ма ни за что не одобрила бы такое. Впрочем, многое из того, что приходилось делать в Зоне, Ма не одобрила бы. Обычно Рамир закрывал на это глаза, вспоминая о полученном воспитании только тогда, когда это было выгодно.

Сквозь тонкое полотно палатки пробивался серый свет, быстро вечерело. Цыган проверил, работает ли ПДА, включен ли детектор аномалий, повесил его на шею, похлопал по кобуре на поясе... Он тянул время. Надо было связаться с Умником и сообщить о принятом решении, но делать это совершенно не хотелось.

– Мири дай, мэ нат тагор, ай мири дай! – сказал он самому себе. – Давай, вызывай его, надо все рассказать.

Умник отозвался не сразу, пришлось повторить вызов. Когда наконец голос донесся из динамика, его сопровождали сильные помехи, так что Рамир поначалу даже и не узнал свободовца. К тому же тот говорил непривычно сухо, быстро и отрывисто.

– Умник? Прием, это Рамир. У меня для тебя новость.

– Выкладывайте скорее, мне некогда.

– Отложи на минутку делишки, приятель, и послушай.

– Не тяни, быстро давай! – рявкнул Умник. Рамир отодвинул переговорный блок радиостанции от уха и вслушался в помехи. Да с тем ли он говорит, с кем надо?

– По поводу девушки, – произнес он наконец. – Я тут... появились новые обстоятельства. Короче... я передумал.

– То есть?

– Я отказываюсь от дела.

– Что ты несешь? – в голосе Умника ощущалось напряжение. – Ты пьян?

Рамир сжал левую руку в кулак, так что ногти впились в кожу.

– Я трезв, – стараясь говорить спокойно, сказал он. – Я просто не смогу ее убить. Кое-что изменилось.

– Послушайте, Рамир, мы заключили договор. – Умник наконец-то стал самим собой и зачастил: – Я так понял, у вас нет никаких проблем с тем, чтобы...

Сталкер набылся, хотя собеседник не мог видеть его.

– Про договор я помню! – прорывался он. – Но обстоятельства изменились. Больше не смогу за ней охотиться. Она спасла мне жизнь, ты понял?

– Но... вы же обещали, что все закончится возле Моста. Что там у вас произошло?! – Умник явно разволновался,

даже говорить стал с запинкой. Рамир сжал зубы, выругался в сторону, после чего продолжил в микрофон:

– Слушай, приятель, я дважды повторять не буду. Я все сделал, как надо, и она попала в ловушку. Но на меня напали снарки. Ясно? Они отрезали меня от... дьявол, что я с тобой рассусоливаю! Она спасла меня, и это все. Это был знак. А если ты не следуешь знакам, которые посылают небеса, ты живешь очень недолго. По крайней мере – в Зоне. И закончим на этом.

В радиостанции надолго поселились помехи, Рамир даже собрался отключаться, решив, что Умник все понял.

Однако, как выяснилось, дела обстояли иначе.

– Цыган? – негромко спросил свободовец, и что-то в его голосе не понравилось сталкеру. К тому же Умник впервые обратился к нему не по имени. – Мы болтаем в прямом эфире о многих важных вещах... Я смотрел вашу станцию, когда вы были у нас на складе, в настройках там есть запасные частоты, сейчас я дам вам инструкцию, переключитесь на одну из них...

Когда все было сделано, он спросил:

– Вы Пилота помните?

– К чему ты? – Рамир напрягся. Об этом он очень не любил вспоминать. То убийство не было проколом, но после него сталкеру пришлось долго скрываться.

Умник ответил:

– Пилот, напарник Слона. Вряд ли вы забыли о нем. И уж тем более не забыл Слон.

Слон был самым богатым сталкером, он распоряжался кучей людей. Он давно не топтал Зону сам, а финансировал экспедиции, занимался контрабандой крупных партий артефактов и вел другие дела со всякими опасными людьми за Периметром. По сравнению с ним даже преуспевающие скупщики вроде Курильщика были мелкой сошкой.

– Возможно, – хмуро отозвался Рамир. Взгляд его бесцельно скользил по пустой палатке.

– Знаете, что Слон объявил награду тому, кто приведет убийцу его напарника? Они с Пилотом были очень дружны. Ходили вместе почти семь лет. Все равно что братья друг другу были. – Голос свободовца был тихим, так что Рамиру приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова. Он сжимал и разжимал кулак, кусая губы, чтобы не выругаться. – Я могу кинуть Слону наводку, Цыган, – продолжил Умник. – Вы понимаете, чем это кончится? Конечно, понимаете. Слон не станет ждать. Уже долгое время он занят какой-то своей важной операцией, поэтому ему не до вас, он прекратил активные поиски. Но если Слону расскажут, где находится интересующий его человек... сколько вы после этого протянете, Цыган?

Рамир почувствовал, как заныла раненая нога.

– Сука ты, – сказал он, кривя губы.

– Вы убьете ее, – откликнулся Умник.

Цыган молчал. Некоторое время в тишине палатки были слышны только скрип и треск помех.

– Вы должны убить ее, – произнес свободовец. – Но теперь я не могу вам доверять, не могу положиться на вашу репутацию. Вот что – принесите мне ее голову. И не пытайтесь обмануть, Цыган, у вас ничего не выйдет. Знаете, что я сделаю? Я дам Слону наводку на Крепость, не уточняя подробностей. Ребята Слона будут ждать вас на выходе из Могильника, со стороны Оазиса. И я вместе с ними. Если вы не предъявите мне голову девушки или другое убедительное доказательство ее смерти, я назову Слону ваше имя. Если предъявите – что-нибудь придумаю. В конце концов, скажу людям Слона, что нужный им человек погиб в Могильнике. Вы поняли меня, Цыган?

– Да.

– Так вы убьете ее? Или мне поговорить со Слоном?

Сталкер сморщился, словно от сильной внутренней боли. Внутри все перевернулось, к горлу подкатила тошнота. Во рту пересохло, лицо горело. Рамир сглотнул.

– Ладно, – хрипло сказал он. – Я сделаю это.

– Поклянись.

– Что за детский сад, Умник?! – вспылil Рамир. – Иди на хрен, я сказал, что сделаю это!

– Поклянись, – упрямо повторил свободовец. – Это слишком важно. Я должен быть уверен.

– Да пошел ты!

– Вы не закончили дело в Лысой балке, как собирались. Я понимаю, вам попался серьезный противник, но ведь и вы не новичок?

– Я убью старого дьявола! – взбеленился Цыган. Из динамика донеслось:

– С ним можете делать что угодно, это меня не касается. Главное – девушка. Вы обещали, что все закончится на Мосту. А теперь вообще решили отказаться от задания. Поэтому мне нужны гарантии того, что дело будет сделано. Ведь мы с самого начала могли бы обойтись лишь шантажом – но мы хорошо платим вам!

– Да с чего вы решили, что я сдержу клятву?! – зарычал Цыган.

– Потому что вы поклянетесь здоровьем матери и честью рода; – холодно ответил Умник. – И закончим наконец, вы отняли у меня слишком много времени. Или все же хотите разбираться с бригадой Слона?

Рамир сник. У него больше не было аргументов. Его тошнило, волнами накатывала слабость, оставляя пустоту в солнечном сплетении. Он чувствовал себя сдувшимся воздушным шариком.

– Клянусь, что убью ее или умру сам, – сказал он в микрофон и отключился.

Потом кое-как поднялся, стараясь не опираться на раненую ногу, которую при каждом движении пронзала такая боль, словно сквозь мышцы протаскивали колючую проволоку. Его охватил гнев, сталкер с рычанием пнул рюкзак. Опять накатила слабость. Задышавшись, Рамир стоял посреди палатки и бормотал цыганские проклятия. Во всем виноват этот старый дьявол – зверолов! Надо убить его, в первую очередь убить его!

Глянул на ногу – повязка пропиталась насквозь, но, кажется, кровь больше не текла. Необходимо отдохнуть, поспать, выступать сейчас равно самоубийству – но гнев не позволял сидеть на месте, толкал вперед. Рамир открыл аптечку, трясущимися руками вскрыл упаковку с одноразовым шприцем, отломал головку ампулы с антибиотиком и вколол лекарство в бедро. Отшвырнул шприц с ампулой, ботинком подтолкнул их наружу, опершись о землю, выполз из

палатки, поднялся. По лицу катил пот, спина, грудь и подмышки были мокрыми – но при этом его трясло от холода.

– Для воспаления рано, – ожесточенно сказал Рамир, стуча зубами. Его лихорадило. – Это все недосып и нервы. Это все чертов зверолов! Я убью его. Надо только добраться до дьявола...

Ночь была темной, небо затянуто низкими тучами. Площадку за Мостом тускло освещали синие сполохи, то и дело мигающие над Свалкой, да редкое мерцание аномалий впереди.

Рамир снял датчик движения и камеру, сунул в рюкзак и стал сворачивать палатку. В таком состоянии глупо пытаться догнать Лесника с девушкой – то есть с объектом, теперь о ней надо думать только так, – но еще глупее ночевать здесь, посреди открытого пространства, когда слева – Свалка, а справа – Темная долина, из которой в любой момент вообще неизвестно что может выползти. Надо укрыться в развалинах и там отоспаться...

Вдруг сильно закружилась голова, земля качнулась. Рамир присел, потом лег лицом вниз, вытянувшись во весь рост, прикрыл глаза – и пролежал так долго, стуча зубами в ознобе. Пора было вставать, а он все лежал, ни о чем не думая... Из-за спины дохнуло холодом, на плечо легло что-то длинное, скользкое. Сталкер медленно оглянулся, кладя руку на кобуру.

На краю ямы, совсем близко, стоял на четвереньках кровосос и толстыми щупальцами оглаживал его плечо.

* * *

Настька шла, не чувствуя тела, перед глазами плыло, иногда окружающее заволакивал сплошной туман, в котором проступала лишь часть тропинки впереди. Девушка упорно переставляла ноги, вцепившись в руку Лесника. Скособочившись от боли в груди, тот тащил оба рюкзака, ружье было надето на шею. Настьку он почти не замечал.

Так они брели, оглушенные и безразличные ко всему. К счастью, развалины оказались необитаемыми, даже крысы не хотели здесь жить. Впрочем, неудивительно – слишком уж здесь все было странным. Хотя аномалии на пути не попадались, только однажды сталкер увидел на тропе впереди молнии «Электры». Похоже, аномалия появилась там давным-давно – от тропинки отходила петля, огибающая «Электру».

– Как тут все... ненормально, – с трудом ворочая языком, выговорила Настька. – Вроде обычный пейзаж, но...

Незначительные детали превращали этот пейзаж в творение сюрреалиста. Развалины поросли мхом, но не сплошным ковром, как бывает обычно, зеленые островки были разбросаны то тут, то там, образуя узоры на серых бетонных стенах. Спирали, шашечки, цветы... как будто природа сошла с ума и рисовала растительностью, не желая мириться с однообразием серого цвета. Серые камни, серый, полурассыпавшийся бетон, словно припорошенная пылью редкая трава, серое небо в дымке облаков... Горизонт затянула пелена, и заходящее солнце не могло пробиться сквозь нее.

– Скоро Могильник, – пробормотал Лесник, дергая плечом. Его одолевала зевота, клонило в сон – накатила слабость.

Тропа закончилась перед бетонной стеной с раскрытыми воротами. Створки проржавели, краска облупилась, лишь кое-где еще висели серые хлопья. Сбоку от ворот остались следы стоянки сталкеров: темное кострище, два бревна, кучка мусора.

– Привал, – сказал Лесник.

Дойдя до стоянки, он сбросил рюкзаки, тяжело опустился на бревно, прислонился спиной к стене и замер, прикрыв глаза. По лицу его пробежали мелкие судороги, левую руку сталкер положил на грудь, правая бессильно свисала к земле.

Настька неуверенно подошла к воротам, выглянула и охнула. Отошла бочком, села на другое бревно, обхватила себя руками и спросила, стуча зубами:

– Эт-то что т-такое? Т-там, снаружи?

Лесник бросил на девушку мутный взгляд.

– Могильник, я ж сказал. Потерпи, я в себя приду и разведу костер...

Она кивнула, дрожа. Ее наконец отпустил шок после аномалии, чувства возвращались. Ныли мышцы, все тело болело. Стараясь не шевелиться лишний раз, Настька медленно, неглубоко дышала, а иначе начинало колоть под ребрами.

– Я могу собрать дров, – сказала она, преодолевая озноб. Лесник махнул здоровой рукой:

– Сиди. И так набегалась... Настька вздернула нос.

– Я спасала человека!

– Глупая! – Лесник поднялся, придерживаясь за стену. – Он за тобой охотится, ты не поняла? Откуда ты взялась такая... дура?

Девушка вскочила. Ее всю трясло, и не только от озноба – больше от гнева.

– Никогда, – запальчиво крикнула она, – никогда при мне не убивали человека! И я постараюсь, чтобы такое никогда не случилось!

Она стояла напротив сталкера, маленькая, худенькая и взъерошенная, но уверенная в своей правоте и готовая драться за эту правоту до последнего. Лесник посмотрел на нее с едва заметным удивлением, что-то мелькнуло в его темных глазах. Потом брови сошлись на переносице, и сталкер хмуро сказал, отворачиваясь:

– Я еле успел. Еще немного, и тебя расплющило бы в аномалии. Ты попала в его ловушку, дошло до тебя?

– Не специально же он подстроил, чтобы на него снорки напали!

Сталкер покачал головой, растер правую руку. Судорога прошла, но мышцы онемели и не слушались.

– Нет, но капкан с веревкой – его рук дело. Он все рассчитал. Я знаю такую штуку, сам когда-то ставил. Мы помешали ему, потом снорки. Но он чуть не добрался до тебя, поняла, птенцовая твоя голова?

Плечи Настьки поникли, она опустила взгляд и очень грустно сказала:

– Но за что? Разве я сделала ему что-то плохое? Лесник перешагнул через бревно, нагнувшись, поднял валявшийся под стеной деревянный ящик.

– Сгодится для начала, – разломав, он кинул доски в кострище.

Настька закрыла лицо ладонями и замерла. Тени стали резче, темнее – солнце село, начинались сумерки. Лесник побрел вдоль стены, выискивая в пожухлой траве что-нибудь годящееся на костер. По левую руку от ворот высилось

полуразрушенное бетонное здание, похожее на склад, – мало окон, да и те забраны железными ставнями. Хотя кое-где ставен не было, сквозь квадратные отверстия внутрь падал тусклый свет. Сталкер шагнул в проем с повисшей на одной петле дверью, посветил фонариком на поясе. Ничего, только в углу несколько ящиков – похоже, пустых. Он взял их и вернулся к стоянке.

2

Замеров, Рамир посмотрел в синюшную, отекающую морду кровососа. Тот поблек, будто растворяясь в воздухе, стал прозрачнее... но, похоже, передумал исчезать. Жертва больше не шевелилась, к тому же мутант чувствовал кровь, его, как магнитом, тянуло к повязке на бедре. Пара щупалец, извиваясь, скользнула ниже, остальные шарили по груди, плечам, нащупывая путь к шее. Ротовое отверстие, из которого сочилась белесая слюна, приблизилось к лицу Рамира. Крупная сутулая фигура нависла над Цыганом, кончик щупальца вошел за ворот куртки, пошарил по рубашке и остановился на голой коже. По телу сталкера прошла волна дрожи, прикосновение словно парализовало его. Разом зашевелились все щупальца, поползли вверх, к вороту...

Медленно, преодолевая слабость, Рамир поднял руку. Рот мутанта распахнулся ему навстречу, щупальца обвили шею, мягко легли на горло. Сталкер вставил ствол в пасть мутанта и несколько раз вдавил спусковой крючок.

Так легко кровососа не убьешь. Щупальца взметнулись, отталкивая его, из образовавшейся в голове влажной красной дыры на Рамира брызнули кровь со слюной. Он откатился, рукавом вытирая скользкую красную жижу. Попытался вскочить, но раненая нога подогнулась, и он упал на палатку. Дуги треснули под ним, вылетели из крепления. Рука с пистолетом запуталась в шнурах и обмякшей ткани.

Кровосос завыл, подняв морду к небу, помотал башкой – во все стороны полетели капли крови – и прыгнул.

Всей тушей он приземлился Цыгану на грудь. Тот вскрикнул, –воздух вылетел из легких, хрустнули ребра. Упершись бугристым твердым коленом ему в живот, мутант вцепился в куртку. Рванул. Дыхание перехватило, Рамир застонал, отвернув лицо, залитое чужой кровью.

Он попытался вытащить нож, но кровосос наступил на его правую руку, прижал к твердой земле, стараясь раздавить запястье. Крупная тяжелая тварь налегала на грудь – болели ребра, воздух с трудом пробивался в смятые легкие и со свистом выходил через ноздри. Нагнувшись, мутант обвил щупальцами шею, разинул пасть, из которой на лицо Рамиру упал мокрый шматок плоти. Сталкер выгнулся, кашля. Скользкие тугие конечности давили все сильнее. Цыган дернул левой рукой, пытаясь просунуть ее между собой и кровососом, чтобы дотянуться до ножа, но мутант плотнее надел на него, припал к шее, постанывая, нащупывая сонную артерию.

Цыган нагнул голову, пытаясь отодвинуть башку кровососа. И что есть силы саданул его коленями в позвоночник. Тварь ткнулась носом Цыгану в лоб, глухо вякнув что-то, завалилась на бок.

Мутант тут же попытался вскочить, но сталкер успел вывернуться, сел, выхватив нож, несколько раз с иступленной ненавистью всадил ему в шею. Здоровой ногой отпихнул кровососа, приподнялся, опершись на тушу, нанес еще несколько ударов. Кровосос, в теле которого уже сидело несколько пуль, дернулся – и сдох. Рамир откинулся назад, уперся затылком в край ямы, обежал взглядом видневшуюся в синем свете сполохов пустую поляну, где скрывались аномалии.

– Ладно, еще повоюем, – проворчал он, едва шевеля опухшими губами, закрыл глаза и потерял сознание.

* * *

Когда крупа была готова, Лесник бухнул в котелок банку тушенки, перемешал кашу.

– Не люблю эти готовые каши, химический у них вкус, – пробормотал он, зачерпывая ложкой немного варева и пробуя. – Вот такая каша хороша...

Он сунул девушке в руки алюминиевую миску и ложку, себе положил в плоскую крышку от котелка, уселся и принялся есть. Настька вяло ковырнула кашу, подцепила кусочек тушенки, сунула в рот и нехотя пожевала.

– Так я слушаю, – сказал Лесник, отложив крышку и доставая из рюкзака термос.

– Я же все рассказала, – попыталась возразить Настька, принимая из рук сталкера кружку с чаем.

Он качнул головой.

– Давай, вспоминай.

Девушка вздохнула, сделала большой глоток, поморщилась и задумалась.

– Ну... они приехали в интернет...

– Тебя позвала учительница, – напомнил Лесник. Он сидел на бревне по ту сторону костра, нахохлившись, как сова.

– Да нет же в этом никакого смысла, ничего я не вспомню! – Настька пожала плечами.

– Есть. Потому что происходит непонятное. – Лесник отставил крышку термоса, из которой пил, словно из кружки, оперся о колени широкими ладонями и, наклонившись вперед, произнес с расстановкой: – Теперь всякая мелочь важна, ясно? Зачем тебе надо в Крепость? Почему тебя пытаются убить? Где-то в твоих путаных глупых воспоминаниях кроется ответ. Думай!

Настька обиделась:

– Что ты заладил – глупая, глупая... Я не глупая вовсе! Я нормальная. Просто я не могу думать так же быстро, как ты. Ты-то уже большой, а я еще школу не окончила. И вообще я женщина, а женщины умны не головой, а сердцем! – Она задрала подбородок и победоносно взглянула на сталкера. Тот невесело хмыкнул в бороду:

– Оно и видно, что женщина, лучше не скажешь. Сплошная напасть. А теперь кончай болтать и вспомни в деталях, как все было. И не выводи меня из себя.

Девушка сложила руки на груди, выпрямилась, напустив на себя уверенный вид, хотя глаза ее бегали.

– Дядя Василь, а ты этого сталкера разглядел, ну, который там был? На которого эти снорки наседали? Ты его знаешь?

Лесник поскреб переносицу.

– Нет, откуда бы?

– Ну вы же тут постоянно ходите, общаетесь, наверное... – Настька хитро глянула на Лесника из-под полуопущенных ресниц. Сталкер нахмурился:

– Ты мне зубы не заговаривай. Дискотек тут не бывает. А этот смуглый красавчик пристрелит тебя и не задумается, забудь о нем. Тьфу, и меня сбила! Наоборот, помни каждую минуту, что он у тебя за спиной, целится тебе в голову.

Настька невольно оглянулась. Кругом была непроходимая тьма беззвездной ночи. Она поежилась.

– Не надо меня пугать, я и так уже пуганая. Так вот, Марья Николаевна позвала, они в учительской сидели... Она меня с ними оставила, похихикала еще гнусно, мол, пообщайся с родственничками. А они выглядели так... ну, не круто, а по-военному, хотя, по-моему, вполне даже круто. Из такого бы автомата да по нашим девчонкам! И директора с Крысой тоже к стенке...

– Крыса – это Марья Николаевна?

– Ага. Ну и вот, мы поговорили, они сказали, что возьмут меня с собой домой, ну, в деревню, и мы поехали. Сели в их джип и поехали...

– Куда? – перебил внимательно слушавший Лесник.

– Ну как куда, туда и поехали, сюда то есть.

– Прямо, никуда не сворачивая? Настька начала дрожать, мелко стуча зубами.

– Х-холодно, – сказала она, обхватив себя за плечи и придвигаясь к догорающему костру. – Я не знаю, как сюда прямо ехать, а как криво, я же первый раз... ну то есть сюда, а когда отсюда везли в детстве – я ж разве помню? Приехали мы в какой-то дом, вроде того, где ты появился, отвели меня наверх, велели подождать, потом опять отвели в машину, и мы поехали прямо сюда. По дороге через пост какой-то проезжали, дядя Валера выходил, с какими-то солдатами разговаривал...

Лесник потерев бороду. Широкий лоб его прорезала глубокая морщина.

– И потом – никто новый не приходил, не говорил с тобой?

– Не-а, – девушка качнула встрепанной головой. – Никого не было. Привели, и я ждала. Потом со мной еще солдаты эти сидели, которые с дядей Валерой приехали, и еще один, который нас там ждал, ну, в этом, как его...

– В баре?

– Наверное, да. – Настька стала растирать себе плечи. – Что-то мне холодно. Я не помню ничего больше, я все рассказала. Так мы тут ночевать будем? – спросила она. – Может, лучше пойдем дальше? Вдруг *этот* нас догонит и убьет ночью?

Лесник покачал головой.

– Ему кровотечение надо остановить и сил опять набраться. Я ему перебил артерию, крови он много потерял. Если не перетянет вовремя – может и истечь совсем, значит, повезло нам.

Настька широко раскрытыми глазами посмотрела на его спокойное лицо.

– Повезло... То есть он умрет?

Сталкер пожал плечами. В Зоне смерть была привычным делом, и он не видел, из чего тут делать трагедию.

– Все там будем, – буркнул он.

Поежившись, Настька огляделась. Костер ярко озарял бревна, Лесника, рюкзаки и двустволку у ног сталкера, но вокруг островка света смыкались холодные тени.

– Дядя Василь, я бы не хотела тут оставаться, – сказала она.

– Ложись давай. Завтра я решу, что делать.

Она молча разулась и полезла в спальник. Душераздирающе долго зевала, едва не вывихнув челюсть, посопела, крутясь в мешке, наконец затихла. Лесник дождался, когда девушка успокоится, прислушался к ровному дыханию, осторожно взял двустволку, подойдя к воротам, выглянул. Было уже совсем темно. Он постоял немного, вернулся, сел и устался на костер. Нахмурился. И так, тяжело задумавшись, просидел почти до рассвета.

* * *

Тело задеревенело, ломило спину, ныла рана. Открыв глаза, Рамир зло ругнулся. Сколько он провалялся в отключке? Уже день! Хмурый такой день, когда с самого утра кажется, что вечер. Низкое небо было мутным и тяжелым, вместо дневного света – сумерки. Самая поганая погода, к тому же тучи выглядят так, будто вот-вот пойдет дождь.

Или все-таки вечер? Рамир двинул головой и застонал от боли в онемевших мускулах. Еще бы, пролежать ночь со скрюченной шеей...

Попытался встать – по ногам поскакали мурашки, тысячи иголок вонзились в ступни. Сжав зубы, сталкер оперся на край ямы – иголки впелись в ладонь – и с третьей попытки поднялся. Шатаясь, сделал шаг, затем второй.

Дохлый кровосос распростерся на смятой палатке. Рамир пнул его.

– Что, приятель? Не повезло тебе. Хотя кому больше не повезло – еще вопрос. Тебе-то уже все безразлично, а я теперь должен переться черт-те куда...

Он невесело усмехнулся, ногой перевернув труп, потом еще раз. Там, где лежало тело, полотнище стало заскорузлой тряпкой, покрытой засохшей кровью.

2

– Непригодна, – подытожил Рамир. – Сбрасываем как балласт.

Повернувшись, он нашел взглядом рюкзак. Тот выглядел лучше. Вместо того чтобы проверить оружие с боеприпасами, Рамир сел на краю буерака и уставился на развалины впереди. Он старательно давил все угрызения совести. Нужно думать о деле, никаких эмоций! Могильник, говорите?

В Зоне много о нем рассказывали, но сведения были противоречивые. Известно, что там есть Оазис – безопасное пятно к северу от центра этой территории, – есть Лес-Мозголом, какие-то странные лабиринты на востоке, ближе к реке, непонятный туман... По большому счету выходило, что никто не знал ничего конкретного.

Это означало лишь одно: очень мало кто возвращался оттуда живым.

Впрочем, про Мозголом рассказов хватало. Рамир почесал затылок, вспоминая. Многие заходили на эту территорию, но не выдерживали там долго и спешили покинуть Могильник. А Мозголом как раз на краю, в него почти сразу попадаешь...

Он встал. Раз Лесник повел девушку этим путем, значит, считает, что пройти можно. А Лесник должен лучше знать.

И, по сведениям Умника, идут они в сердце Могильника, где, говорят, даже живут люди. Под деревней – эта непонятная Крепость, про нее информации вообще нет, кроме того, что там обитают некие призраки и на глаза им лучше не попадаться...

– Ладно, дьявол с вами, идем в Могильник, – пробормотал Рамир, подбирая пистолет. – Только объясните, что там забыла эта девчонка?! Зачем зверолов ведет ее туда?

Он перезарядил пистолет, выбрался из ямы и разыскал автомат, лежащий аккуратно между «Воронкой» и зеленым пятном «Холодца». Рамир лег, очень осторожно подполз поближе, за ремень подтащил оружие. Вернувшись, нашел аптечку, вколол себе стимулятор. Его пошатывало. Присев возле рюкзака, сменил повязку. Идти с такой раной черт знает куда, без нормальной медпомощи...

Цыган с размаху ударил кулаком по земле. О чем он думает! Все дьяволы ада, ведь девчонка спасла его – а он поклялся ее убить! Громко выругавшись, сталкер вцепился в край ямы и выдрал пласт дерна, с размаху швырнул – и попал в аномалию. «Воронка» сработала, с шипением втянула комок земли. Рамир почувствовал движение воздуха, коричневый пласт крутануло и всосало в центр, где сжало тугим комком. Поднялся вихрь пыли и сухих почерневших травинков. Прикрыв лицо локтем, Цыган налившимися кровью глазами искоса следил за буйством аномалии. Его распирала злость на Умника, втравившего его в это идиотское задание, и на самого себя, оказавшегося в такой ситуации. Все не слава богу! Неудачное задание, неудачное начало дня – и что может ждать впереди?

– Чтoб ты сдох! – крикнул Рамир, привставая и грозя кулаком в небо, надеясь, что таким путем проклятье дойдет до адресата.

Его качнуло и потащило вперед. Он повалился на труп кровососа, но успел выставить руки и не шлепнулся лицом в окоченевшие щупальца. С багровой корки засохшей крови вокруг рта поднялись, недовольно жужжа, несколько мух. Ругаясь, Цыган отполз на карачках в сторону, выглянул из ямы. «Воронка» уже успокоилась, над землей висел только маленький смерч, тонкий волчок пыли, постепенно усыхающий. А шагах в десяти от него лежал, слабо светясь, артефакт.

– Мами мираи! – воскликнул Цыган, выбираясь из буерака. – Это что такое?

Дохромав до артефакта, лежащего почти точно между «Воронкой» и полупрозрачным вихрем «Карусели», он увидел раскаленную, светящуюся темно-вишневым спираль.

И тут же заметил на земле в двух шагах левее, почти под «Каруселью», темно-красный комок. «Кровь камня!» Этот артефакт ему сейчас очень нужен. Но что это за спираль?

– Силы небесные, – сказал сталкер, наклоняясь. – А у меня и контейнера нет...

Предполагалось, что поход краткий, к тому же с определенной целью, во время него будет не до артефактов. Теперь стало ясно, что дело затягивается, и кто знает, не пригодится ли эта штука? Таких Рамир еще не видел, хотя слышал о них. Кажется, их создают «Волчки» – редкая разновидность «Воронки», которая встречается только в Припяти.

Он пошарил по карманам и вытащил четыре крупных листа с изрезанными краями. Зеленуха, если не было контейнера, позволяла хранить артефакты в рюкзаке до двух-трех дней, да и брать их в руки было удобнее, прихватив листом, чтобы не возиться с тряпками и бензином. Рамир обычно носил в карманах несколько листьев просто на всякий случай. Осторожно подобрав «Спираль», он тщательно завернул ее в лист, спрятал в карман на бедре. Затем таким же образом поднял «Кровь камня». Артефакт слабенький, но крайне необходимый Рамиру именно теперь, потому что рана у него серьезная, а идти, скорее всего, предстоит далеко. Он снял повязку и приложил «Кровь камня» к ране, которая опять кровоточила. Осторожно замотал остатками бинта поверх разорванной штанины, повесил на шею пищавший детектор аномалий, проверил, работает ли ПДА, надел рюкзак, перекинул ремень автомата через плечо. Пора двигаться.

Едва заметная тропа петляла между аномалиями. Внимательно глядя перед собой, иногда проверяя показания детектора, Рамир, хромая, направился к развалинам.

Подойдя ближе, остановился, внимательно осмотрел их. Лесник с девушкой прилично опередили его, надо поторопиться, чтобы нагнать.

Угли гнева дотлевали в его груди. Умник только выглядит интеллигентным и честным, а сам, похоже, не лучше прочих. Значит, вполне может настучать Слону, и если даже не выщаст сразу Рамира – люди Слона все равно будут поджидать его.

Он пошел дальше. Черт, зачем все-таки тащить девушку, почти ребенка, в эти места? После инъекции стимулятора Цыган был бодр и уверен в себе, но близость Мозголома все равно страшила. Никто не знал, что тот собой представляет – может, этот лес одна сплошная аномалия? Или набор, система аномалий, объединенных в сложную последовательность, скрепленных незримыми токами, жгутами аномальной энергии? А может, во всем виноваты деревья, выросшие над старыми захоронениями, чьи корни опутывали облуженную аномальной энергией, закопанную в земле технику и трупы? Мозголом начинался за старой военной базой на краю Могильника, и ничего похожего в Зоне не встречалось больше нигде. Говорили, что возле леса находили сталкеров с перемолотыми костями, из-за чего тело напоминало тряпичную куклу, с расплюснутыми черепами, когда кусочки кости перемешались с мозговым веществом в кашицу... Что способно так изуродовать человека? Сплошные вопросы и ни одного ответа.

Сделав еще шаг, Рамир потянул «G-36» со спины, обежал взглядом покрытые плющом и мхом полуразрушенные бетонные стены. Он почувствовал чей-то взгляд.

3

От военной базы не осталось ни одного целого здания. Плющ не просто нарастал поверх стен – он их крошил, впиваясь усиками в малейшие трещины в бетоне. А там, где не было плюща, царствовал мох – болотного цвета клочья покрывали остатки строений. Ощущая на себе тяжелый взгляд и не понимая, откуда он исходит, Рамир вошел в развалины. Автомат он держал в руках, водил стволом из стороны в сторону. Пару раз резко оборачивался – никого.

Тропа вела между строениями, иногда круто поворачивала, огибая какое-нибудь из них, тогда Рамир замедлял шаг, озирался, выискивая аномалии и возможных врагов, которые могли засесть в кустах или зданиях. Было тихо, только трава шуршала под ногами да иногда похрустывал гравий. Ощущение, что на него направлен тяжелый, мрачный взгляд, не оставляло, хотя умом Рамир понимал: никого тут нет.

В какой-то момент он понял и другое: там, где нет плюща и стены захватил мох, тусклые болотные островки обраб

зовывали узоры. «Дьявол!» – подумал он. Смутно знакомый орнамент, только вот никак не удастся ухватить взглядом весь рисунок, поэтому воспоминание ускользает, оставляя в голове мучительное ощущение, что забыто нечто важное. Рамир даже потряс головой, пытаясь избавиться от неприятных мыслей. Еще у него возникло подозрение, что местами мох складывается в слова...

Крак! Он резко обернулся, вскинув автомат, палец напрягся на спусковом крючке. Никого. Что это было? Будто камешек хрустнул у кого-то под ногой – но ведь позади пустая площадка, которую он только что пересек. Сталкер окинул взглядом открытое пространство, посмотрел на ближайший дом. Сквозь дыры на месте оконных проемов виднелось небо. Огромные буквы из ключев мха через весь фасад гласили: ПРОСТА ПЕР БЕРИ КЛ ВСЕ.

Бери кл все? Проста пер? Что это значит? Нет-нет, не может такого быть, на самом деле нет никаких слов, Рамир сам выискивает буквы среди хаотических узоров плесени, человеческое сознание пытается внести порядок в хаос. Дьявол, это место действует на нервы! Своей тишиной и странностью. Вроде все, как обычно, поросшие мхом и плющом бетонные руины раскинулись вокруг, – но тут и там какие-то мелочи выбиваются из общей картины. Стараясь идти как можно тише, он направился дальше. Впереди между бетонной коробкой без окон и огрызками стен виднелись раскрытые ворота. При каждом шаге Цыган ставил сначала носок, а потом легко и плавно переступал на пятку – такую походку называют кошачьей, и она не раз помогала ему в сложных ситуациях. Это Ма его научила. Ма многому научила...

За воротами мелькнула тень. В серых сумерках тягостно-пасмурного дня она показалась Рамиру нечеловеческой и очень зловещей. Палец сам вжал спусковой крючок, короткая очередь распоролла пространство между покосившимися створками, но тень исчезла раньше. Рамир прищурился. Черный силуэт не был похож на человеческий, но и ни один известный ему мутант не подходил... Какие исчадия адовой бездны обитают здесь?! Не опуская автомата, он коснулся креста на груди, пробормотал что-то.

Крепче сжал оружие и шагнул дальше по тропе, не спуская глаз с ворот. Ему казалось, что за бетонной стеной сгущается мгла. По часам еще не было и полудня, а там, похоже, наступала ночь...

Воздух в этих местах был влажный, но земля довольно сухая. Тропа хорошо утоптана, следы слабые – непонятно, проходили ли тут звероловы с девушкой, и если да, то как давно.

Потом впереди показалось большое кострище. Подойдя ближе, Цыган присел, всмотрелся, осторожно потрогал пепел. Еще влажный. Они переночевали здесь и утром пошли дальше. Вон и следы, ведущие за ворота...

А стоянка хорошо устроена, даже бревна положены, возле потухших углей воткнуты рогадины – этим местом часто пользуются.

– Все доходят досюда, – произнес Рамир, невольно оглядываясь. Руины обступили его – мрачные, серо-зеленые, угрожающие. – Доходят – и что с ними случается дальше?

Он выпрямился, медленно повернулся, вода стволом из стороны в сторону. Склад, ворота, остатки стен, крыльцо, заросшее кустами... Рамир попятился к воротам. В темноте за стеной раздались шаги.

* * *

Лесник растолкал Настьку рано утром. Она никак не хотела просыпаться. Было тускло, пасмурно, влажно и зябко, девушка снова натянула на голову капюшон спальника, бормоча что-то. Тогда Лесник приподнял ее мешок и просто вытряхнул девушку на землю. Настька выпала, что-то возмущенно попискивая, в полусне лоя края спальника. Села, рассерженно глянула на Лесника и потеряла глаза, после чего широко зевнула.

– Я спать хочу! – заныла она. – Чего ты меня будишь? Вон еще не рассвело даже...

– За этими тучами конца света не разглядишь, не то что солнца, – проворчал сталкер.

– Ты живодер все-таки, Лесник, – сказала она, поднимаясь. – В какие тут кусты можно сбегать, чтоб не съели?

Под глазами у Лесника залегли тени, четче проступили морщинки на лице. Он исподлобья посмотрел на девушку. Та поморгала.

– Идти куда? – повторила она вопрос. Лесник отвернулся, поднимая ружье.

– Мы разве уже идем? А завтракать как же? – Настька переступила с ноги на ногу. – Эй, меня подожди, ты куда?! Ты обиделся, что ли? Ну извини, я же пошутила!

Сталкер обернулся, мрачно посмотрел ей в глаза.

– Зона тебе не институт благородных девиц. Фифы тут не выживают. Иди куда хочешь. – Он закинул рюкзак на спину, повесил ружье на плечо, перебрал мешочки на поясе, вытащил воробья. Тот встрепенулся на ладони, встопорщил перья и громко чиркнул.

– Дядя Василь, ну я же пошутила, честное слово! – Настька перепугалась. Она сделала шаг вперед, протягивая руку. – Я не думала тебя обзывать, просто сорвалось! Вырвалось, понимаешь? Ты вон когда злишься – дурой меня обзываешь, и я ничего, правда? А тут спросонья...

Лесник кивнул в сторону склада:

– Туда можно. Завтрака не будет.

– На голодный желудок?! – взвыла Настька.

– Иди быстро в свои кусты! – сердито оборвал сталкер, останавливаясь возле ворот. За ними было темно, как ночью, в густом сумраке едва угадывались толстые стволы деревьев – странные такие стволы...

– Скоро поймешь, что сейчас без еды только лучше, – добавил сталкер.

Настька надула губы, вздохнула и потопала к складу.

– Почему здесь так жутко? – спросила она, бегом возвращаясь. Лесник ждал возле ворот с ружьем наготове. – Слушай, а мне кажется или за нами кто-то следит?

Настороженный взгляд сталкера был устремлен вперед. Он ответил, не оборачиваясь:

– Это же Могильник. Аномальная энергия от захоронений изменяет все вокруг. Когда ты жила в Бобловке, тебе что, не было страшно или странно?

Настька пожала плечами.

– Жутко было в интернате – как в другой мир попала. Кругом одни злые тетki и девчонки, которые компот тебе солят. Ни знакомых, ни родни... Вот страх!

Искоса глянув на нее, Лесник негромко произнес:

– Те, кто родился в Зоне, имеют странные особенности. Кто-то читает мысли, кто-то чувствует аномалии, у кого-то...

Настька подобралась, втянула голову в плечи, острое личико ее налилось краской.

– У меня нет хвоста! – выкрикнула она. – Я нормальная! – И, сжав кулаки, шагнула к Леснику. – Нормальная я! Помните уже все!!!

Отчаяние и гнев отразилось в ее глазах. Она сделала еще шаг, вся кипит, занесла руку, красная, как помидор:

– У меня все в порядке, я обычная, как все, ясно тебе? Нормальная!! И зверей никак не готовлю!!!

Маленькая фигурка ее как будто стала больше. Было видно, что еще немного – и она накинется на него с кулаками. Настька стояла напряженная, словно взведенная катапульта, только тронь – и выстрелит.

– Ладно, – пожал плечами сталкер. – Нормальная. Жаль.

Настька, тяжело дыша, опустила кулаки.

– Почему? – спросила она настороженно.

Закинув ружье за плечо, Лесник поманил ее, и, когда она подошла ближе, все еще недоверчиво глядя на него, сталкер указал на проем между покосившимися створками, в сумрачную тишину странного леса, растущего сразу за стеной.

– Потому что нам бы помогло какое-нибудь этакое умение. Надо пройти через одно очень неприятное место...

* * *

Рамир резко обернулся. За спиной никого.

Но он явственно слышал легкие шаги!

Выругавшись, сталкер встал в воротах с автоматом наготове, выглянул наружу.

Тут действительно было темнее, чем в развалинах. Отчего так? Дальше тропа извивалась между высокими деревьями, они закрывали и без того тусклый дневной свет – вот почему казалось, что здесь стоит ночной сумрак. Очень высокие деревья... Рамир задрал голову. Ну и странный лес! Осины, березы, ольха, клен – но почему такие высокие? Непривычно, ненатурально высокие, будто эвкалипты какие-нибудь в Австралии. Да к тому же, как такое может быть? – почему они громоздятся один на другом, переплетаются ветками и корнями, перетекают, врастая друг в друга... Это был какой-то лабиринт из деревьев, причем лабиринт объемный, такой, где растения создавали этаким лесной куб.

В переплетении ветвей, в самом мраке, куда не проникал ни единый лучик света, мелькнул огонек. Мигнул и пропал, но тут же возник выше. Опять исчез, появился далеко в стороне... А затем среди ветвей возникли два лица, и Рамир невольно шагнул вперед, увидев зверолова с девушкой.

Он даже не успел пожалеть о том, что сделал. Его швырнуло, словно камень из катапульти, – закинуло в самую чашу.

Когда он вновь смог видеть, то чуть не выронил автомат, судорожно прижатый к животу. Внутренности завязались узлом, голова закружилась, затошнило. Цыган оказался на толстой еловой лапе, под ногами во все стороны расходились ветки в опушке зеленых иголок. А он стоял – нормально стоял, не падал... и весь мир вокруг был опрокинут вверх тормашками! Глаза видели перевернутую картину, но организм утверждал, что Рамир стоит спокойно, как на асфальте, ногами вниз. Но видел-то он, что висит вниз головой! Испугавшись, Цыган едва не опустился на четвереньки, чтобы вцепиться в сук, помешало лишь то, что опускаться пришлось бы *вверх*... Едва успев осознать этот парадокс, он по инерции сделал шаг вперед.

Ууух! Рамир скатился, как на санках с высокой ледяной горы, дух перехватило от скорости. И тут же оказался на похожей ветке, только теперь боком к земле. Лес вздыбился, накренившись, ошетинился, как еж. Рамир шагнул еще раз – и закричал от ужаса. Его разорвало пополам, верхняя часть запуталась между сухими сучьями старой ольхи, а нижняя стояла в двух метрах в стороне, на несколько ветвей ниже. Ноги переминались сами по себе, пытаясь убежать, хотя при этом Рамир чувствовал, что он по-прежнему целый! целый! Мозг раздирала боль, сталкер понимал, что попал в какую-то чертову аномалию, какой-то мощный «Лифт» или «Трамплин», искореживший пространство, – но как из него выбраться?! Он в панике заметался, пытаясь добраться до своей нижней половины, замахал руками, уже не соображая, что делает... его швырнуло сквозь очередной «Трамплин», и Цыган упал на четвереньки.

Он стоял в воздухе, ни за что не держась, хотя при этом висел вниз головой – об этом кричал, вопил в панике его вестибулярный аппарат. И в то же время весь мир был нормальный, насколько может быть нормальным этот безумный лес. Рамир не смог сдержаться, его стошнило – кислая струя вывалилась изо рта и улетела за голову. Черт, черт... Он пополз по воздуху.

И почувал, как его затягивает невидимый смерч. Не просто затягивает – зажевывает! Рамир закричал, дергаясь, его перекутило – и опять выбросило куда-то. На этот раз он оказался без рук – одна, судорожно сжимая автомат, висела под ногами, другая болталась, шевеля пальцами, где-то сзади, Рамир не сразу увидел ее, лишь случайно заметил, обернувшись.

Здесь лес был уже не таким темным. Краем глаза он видел, что сквозь переплетение ветвей просачивается серый свет, пронизывая полупрозрачные желто-бурые листья.

А вдалеке, обратившись лицами друг к другу, на стволах соседних деревьев стояли девчонка и зверолов. Рамир замер, разглядывая их. Удастся догнать? Черт, где же автомат... и руки! Сталкер пошевелил пальцами одной, потом другой.

И подумал: «Это все происходит на самом деле – или только в моей голове? Мозгом ломает тело – или только разум? Ведь есть же «Выжигатель мозгов», так почему бы не быть «Ломщику мозгов»? Может, все это иллюзия, навешенная чудовищной аномалией, а на самом деле и я, и они спокойно идем себе по земле? Как это определить? Никак. Когда загипнотизированному человеку подносят к руке обычный карандаш, а гипнотизер говорит, что это раскаленный металл, – на руке появляется ожог. Если сознание так обмануто аномалией – значит, обманут весь организм и может случиться все, что угодно.

К примеру – Рамир может умереть. Запросто, никаких проблем. Тем более что остается неясно, иллюзия это или пространство в лесу и вправду сломано.

Голова шла кругом. Девушка с Лесником сделали шаг в разные стороны – и пропали из виду. Заметили они его или нет? Цыгану показалось, что девица поглядела в его сторону с сочувствием.

Он попробовал осмотреться, чтобы понять, как эта штука работает, но тут его скрутило.

Все предыдущее было ерундой по сравнению с мясорубкой, которая началась теперь. Сталкера порубило в фарш, а потом еще протатило сквозь сотню маленьких дырочек.

Дрожа всем телом, он открыл глаза и изумился – живой? После этого?!

Тут ему на голову упал воробей. Сначала Цыгану показалось, что это грязный рваный носок, только приглядевшись, он понял, что видит птицу. Кости птицы были перемолоты, она тряпочкой повисла на ветке. Желудок вновь скрутило. Еще раз что-то подобное, и он тоже станет тряпкой, тряпичной куклой. Рамир попытался и запутался в ветвях. Замер. Через секунду тело потянуло в разные стороны, он задергался, как марионетка, которой управляет пьяный Кукловод. Три разнонаправленных вектора силы тяжести разодрали его на части. Мозг съезжился, вестибулярный аппарат взвыл от ужаса, заставляя упасть сразу в три стороны.

Рамир зажмурился, пытаясь справиться со всем этим, стараясь взять себя в руки. Не больше двух секунд на одном месте, сказал он себе, как только задерживаешься – становится хуже. Надо идти. Он сделал шаг, другой, разглядывая лес.

Его сворачивало клубком. Неведомая сила пыталась просунуть сталкера внутрь себя самого, свернуть в виде ленты Мебиуса. Лес теперь казался не кубом, а шаром, образованным переплетением стволов и ветвей. Деревья стояли кронами к Рамиру, почти касаясь макушками его головы, корнями – в разные стороны. Он был в центре шара, они росли на внутренней поверхности. Безумный ветер шептал что-то на ухо, дуя одновременно со всех сторон. Отсюда не выбраться – никак. Сколько ни иди, он не сможет найти путь из сферы, потому что она замкнута, весь Лес-Мозголом замкнут, раз попав сюда, будешь вечно блуждать по внутренним стенкам шара... да нет, какое там вечно?! Несколько минут или часов, это зависит от крепости сознания и силы воли конкретного человека, а потом безумные пространственные хитросплетения Мозголома сведут тебя с ума, разорвут – и жизнь свою ты закончишь в виде рук, ног и внутренностей, повисших на ветвях по всему лесу.

Или нет?

Раз зверолов пошел сюда, потянул за собой девушку, – значит, путь есть.

Хотя, может, Лесник знает тропку, ту единственную, по которой можно пересечь лес? А Рамир-то ее не знает, и потому для него все кончено...

Не кончено. Он нащупал на поясе гранату, прежде чем шагнуть дальше, выдернул чеку, размахнулся и кинул ее... куда-то. Направление было уже невозможно определить.

Следующий шаг стоил Рамиру очень дорого. Он чуть не порвал сухожилия, ногу скрутило судорогой. Где-то сзади и сверху гроыхнуло. С каждый шагом все сложнее было переносить выкрутасы пространства, смену положения и изменение вектора силы тяжести, но воспоминание о том, что было, когда он задержался на одном месте, толкало вперед. Так вот он какой, Лес-Мозголом! Правильное название! Но если среди сталкеров ходят о нем легенды, значит, кто-то выбрался? Сделав очередной шаг, Рамир обвел лес взглядом, пытаясь обнаружить последствия взрыва. Должно же было хоть что-то сломаться!

Еще один шаг.

Еще.

Передвигать ноги было все тяжелее. Организм выворачивало наизнанку, отбивало, словно котлету, но, если задержаться дольше чем на пару секунд, – всё, конец, Рамир четко понимал это.

Светлое пятно слева привлекло внимание, он скосил глаза. Кажется, прореха, сквозь нее просвечивает небо. Если бы удалось добраться туда – но как, черт возьми, как?!

Теперь его размазало по внешней поверхности сферы, а лес был внутри, весь огромный клубок, гектары изуродованных деревьев. Если бы Рамир знал, что такое облако электронов, вращающихся вокруг ядра атома, он бы почувствовал то же, что чувствует оно...

Цыган сделал еще один шаг, нога подогнулась, он чуть не упал, но кое-как выпрямился. Непослушными пальцами медленно развязал веревку на поясе. Мысли мешались, глаза почти не видели, но он шагал дальше. Вдруг его разодрало напополам – и каждая половинка ощущала себя самостоятельным, полноценным Рамиром. Потом и эти половинки разорвало, еще раз... Десять тел, десять мозгов, тошнить стало в десять раз сильнее... И организм не выдержал – Рамир споткнулся, упал.

Но тут же, поднявшись на четвереньки, дзинькнул молнией на чехле винтовки, пополз, на ходу привязывая конец веревки к ремню «ВСС». «Я выберусь! Дьявол, обязательно выберусь, даже если придется пожертвовать винтовкой». Ма говорила: «Ты особенный. Я сделаю из тебя человека». Она учила его, что брать чужое плохо, хотя дети табора без разбору тащили все, что плохо лежит, везде, куда они приезжали. Ма била его, чтобы втемашить, как надо жить... Но била не злобно – она любила маленького Рамира. А потом уже не маленького, потом – очень большого, сильного Рамира... Еще немного вперед, еще. Его чуть не вырвало, спасло только то, что больше было нечем. Струйка желчи потекла по подбородку. Рамир приобрел еще одно измерение – глубину. Уходящую в несуществующее странное пространство...

Сталкер ткнулся лицом в гладкий ствол осины, обхватил и подтянулся.

А вдруг отсюда все же нет выхода? Вдруг Мозголом мотает тебя бесконечно, пока не выплюнет, пережевывая беззубыми зелеными деснами, обсосав тело, словно кусок сахара, – выплюнет, когда ты уже превратишься в тряпку, в безмозглое смятое чучело?

Пока он занимался винтовкой, светлая прореха исчезла из виду. Сжав зубы, Рамир из последних сил прошел еще немного. Его завертело, перевернуло, поставило на голову, он видел висящие над головой – под головой? над ногами? – тучи, видел землю где-то сбоку и деревья со всех сторон. Он забрался в самую глубину этого большого леса, и как теперь выбраться? Да и нужно ли? Легче остановиться, позволить заглотить себя – и чтобы все больно, но быстро кончилось? Раз – и... Он выпрямился, понимая, что больше не сможет сделать ни шагу, обернулся. Неужели прореха уже пропала в изломах пространства, неужели исчезла... Нет, вот она, вот! Глаза нашли светлое пятно на темном фоне леса – и сталкер

что было сил швырнул туда винтовку.

И очень пожалел о том, что проследил взглядом за ее полетом.

Веревку будто настригли на куски разной длины и раскидали в пространстве. Части ее появлялись тут и там, в самых неожиданных местах, и так же внезапно исчезали. Винтовка на миг застряла в воздухе, да еще и разделилась на две половины – приклад с одной стороны осины, ствол с другой – и канула в прорехе, скрывшись из глаз.

Веревка... вернее, десятки разрозненных отрезков туго натянулись. Рамир ухватился за конец, уже не соображая ни где он, ни кто он, ощущая себя одной сплошной тошнотой и вывернутой наизнанку кожей с гроздьями болтающихся внутренностей. Он больше не мог шевелиться. Его взболтало и смешало с лесом, он умер, теперь незачем и стараться, некуда идти, он везде, его разбросало по Мозголому, размазало, и десятки его конечностей будут торчать вместо ветвей, вызывая ужас у тех, кто придет потом. А для него не будет никакого потом...

Но пальцы крепко сжимали веревку. Он сделал шаг в то изломанное пространство, куда улетел винторез. Или Рамир не сделал этот шаг, ему лишь показалось? Он проталкивал себя сквозь пространство, но ноги больше не служили ему, руки отказали, он был слеп и глух, он неподвижен, он труп. А сейчас станет расчлененным трупом...

Он стоял над лесом. Цыган окинул взглядом изломанные кроны, увидел небо, которое не смыкалось с землей на горизонте, а уходило дальше, дальше, покидало эту реальность и вырывалось на свободу в какую-то бесконечность.

Ведь не зря же он проделал все это. Есть шанс, надо только вспомнить, для чего... сначала граната, потом... Да! Собрав все силы, что оставались в измочаленном теле, Рамир рывком подтянулся. Веревка теперь висела вертикально, и он полез по ней.

Он взбирался долго – вечность. Хотя, быть может, это заняло не больше нескольких секунд. А позже он думал, что, возможно, он полз по горизонтальной земле, а не взбирался по вертикально висящей веревке. Что бы там ни было, когда Рамир уже умер, когда истерзанная душа покинула измочаленное, растерзанное тело, – голова его вынырнула из сплошного полога ветвей. Хрустнул сучок, зашелестела трава... Рамир увидел трухлявый пенек перед собой, увидел винтовку, наискось торчащую из него прикладом вверх, ствол, до середины погружившийся в пористую гнилую мякоть. И еще увидел большую светлую поляну, на краю которой этот пенек стоял.

* * *

Лесник выпал из Леса, таща Настьку. Его скрючило, правую руку свело судорогой, в левой трепыхалась синица. Ремень двустволки почти съехал с плеча, лицо перекосило. Настька задыхалась, она была белая, как снег, в лице ни кровинки. Отбежав подальше от опушки, они остановились, и Настька упала на землю, держась за живот. Ее мутило. Лесник утром не дал позавтракать, но ее все равно пару раз вырвало чем-то – во рту до сих пор стоял кисло-горький вкус.

Сталкер, тяжело дыша, прислонился к дереву здоровым плечом. Мозголом был позади, впереди – сплошные холмы и буераки, густо заросшие кустами.

Немного отдышавшись, Лесник скинул рюкзак и сполз по стволу высокой березы, сел, положив двустволку на колени.

Настька с усилием подняла голову.

– Птичек жалко, – пробормотала она. – Две погибли...

– Зато выбрались, – хрипло сказал он. – Я их для того и держу, чтобы выживать.

Девушка только вздохнула. Уперлась ладонями в землю, приподнялась и села в свою любимую позу, обхватив колени руками.

– Голова кружится, – пожаловалась она.

– Ничего удивительного. – Сталкер осторожно потер грудь левой рукой. – После таких горок.

– А обойти этот Мозголом нельзя было?

– Нельзя. Я мимо «Лабиринтов» и «Вязкого пятна» тебя веду, они хуже.

– Что, еще хуже, чем *это*! – поразила ее. Он пожал плечами.

– Опаснее.

– А если бы она нас того... наизнанку? – Настька поежилась, отгоняя воспоминания. – А ты видел...

– Забудь, – перебил Лесник, левой рукой растирая кисть правой. Судорога прошла, но рука еще не работала, болталась безжизненно.

Он привстал, глядя вперед. Холмистый пейзаж выглядел неприятно – все эти заросшие кустами ложбины наводили на мысль о засаде.

– Идем, – Лесник поднялся. – В Могильнике надолго нигде задерживаться нельзя. Человек здесь притягивает не приятности, чем дольше на одном месте сидишь, тем больше неприятностей обрушится на твою голову.

Настька, тоже разглядывавшая пейзаж, моргнула – ей показалось, по нему скользнула нечеткая тень.

Он закрыл рюкзак, левой рукой закинул на правое плечо и велел:

– Помоги.

Настька взялась за вторую лямку, держала ее, пока Лесник просунул туда руку.

– Слушай, там вроде кто-то... – начала она. Сталкер искоса хмуро посмотрел на девушку.

– Здесь всегда так. Как будто сам Могильник следит за тобой. – Лесник закашлялся, подбирая ружье. – Говорю же – неприятности стягиваются. Поэтому прекращай болтать и идем. Как с желудком станет полегче – перекусим прямо по дороге. Надо засветло эти холмы пройти. А то тут такое водится...

Девушка поправила лямки своего мешка. Хорошо хоть он нетяжелый – свитер с запасными носками, спальник да зубная щетка с кружкой.

– Ты ведь бывал уже тут? – спросила она, направляясь вслед за своим проводником. – А для чего ходил?

Лесник шел медленно, горбясь на правую сторону. Боль стихла, накатывала слабость, но не было времени переживать.

– Я сталкер, – буркнул он, не оглядываясь. – Зарабатываю продажей артефактов и шкур всяких мутантов. Где таблетки, которые я тебе дал? Съешь пару, тут местами очаги радиации.

Потом некоторое время они шли молча, Лесник дважды оглядывался, и Настька вопросительно поднимала к нему

лицо, но он лишь отворачивался. Девчонка шла ровно, не отставала. Лес-Мозголом – жестокая вещь, все внутренности перетряхивает и может некрепкого человека с ума свести. Когда видишь совсем не то, что чувствуешь... Кто угодно тронется. Он уже побывал в этой аномалии, знал, чего ждать, но и ему туго пришлось, да еще болячка разболелась дальше некуда. Но Настька... как будто и не заметила ничего. Да, перетрясло ее, стошнило два раза – но головенка целехонька, даже не удивилась ничему. Не кричала, не пугалась... Выходит, всякого в детстве навидалась, почище Мозголома? Странная все-таки девчонка. Вроде и нормальная, а вроде и есть в ней что-то неправильное, только никак не уловить, что именно.

– Интересно тут, – сказал он наконец, отвечая на ее вопрос. – Вот и сходил посмотреть. Уж очень мало люди об этом месте говорят, а если и говорят – то странное.

Начался склон холма, Настька весело побежала с него. Лицо порозовело, она уже улыбалась – хотя, как заметил Лесник, немного нервно, неестественно.

– Чего тащишься, быстрее давай! – воскликнула она на ходу. Скривившись, Лесник шагал все так же неторопливо.

– Помереть успею, – буркнул он. – И тебе бегать тут не советую.

Девушка добежала до конца склона, остановилась возле зарослей и оглянулась на него. Помахала рукой и поспешила обратно. Добравшись до проводника, пошла рядом, приноравливаясь к его походке.

– Болит? – участливо спросила она.

– А ты как думаешь? Она серьезно кивнула.

– Думаю, что болит. – Настька помолчала, собираясь с духом. Когда заговорила вновь, щеки ее покраснели от волнения, которое она всеми силами пыталась скрыть. – Дядя Василь, скажи, а правда, что те, кто в Зоне родились, имеют всякие особенности? Это нормально для них?

Лесник пожал плечами, не понимая, к чему она клонит. Настька гнула свое:

– Нет, ты скажи, правда это?

– Да откуда я знаю? – огрызнулся Лесник. – Да, так говорят. Но тут всякие люди живут, и с отклонениями, и без.

Идти было тяжело, слабость одолевала его. Появилась одышка, на лбу выступил пот. Надо скорей покончить с этим, получить деньги и сделать операцию. И тогда уж вдохнуть полной грудью, свободно пройти по Зоне. Поймать кровососа, завалить кабана один на один, как он делал когда-то... Новых птиц выдрессировать...

– А правда, дядя Василь, – не отставала Настька, – что эти особенности в Зоне могут быть полезными?

– Правда. – Лесник опять скривился. Они спустились с холма, и сталкер встал на колени возле кустов, сгорбившись, тяжело дыша. Отер пот со лба. – Сейчас, – сказал он. – Погоди, передохну только...

Постояв так секунд тридцать, он поднялся. Настька поддержала его, но Лесник ее оттолкнул.

– Не надо этого, – хмуро сказал он. – Еще поживу. Вон тропа, – Лесник кивнул влево, где заросли были пореже.

Настька пригляделась. Между кустами начиналась тропинка, но как-то странно – в начале ее росла полоса пышной травы, на которую будто никто никогда не ступал. Словно те, кто по тропе ходил, возникали из воздуха.

Девушка вопросительно посмотрела на Лесника.

– Это вроде аномалии, ее перепрыгнуть надо, – пояснил он. – Весь холм, где мы стоим, то есть трава, которая на нем растет, – и есть аномалия. А здесь как бы точка включения. Видишь, она гуще? Если наступишь – трава в тебя выстрелит, будто иголками вонзится. Так что осторожней прыгай.

Побледневшая Настька оглянулась.

– А ведь мы там сидели... шли потом... – прошептала она, робко шагая вперед.

– Прыгай, – повторил он. – Ничего страшного, только аккуратно.

Полоса густой травы была шириной метра полтора. Девчонка точно перепрыгнет, особенно если с разбегу, а вот он... Обычно-то это не проблема, но сейчас, в таком состоянии... Придется сначала кинуть рюкзак, еще ружье ей передать, что ли. А все опухоль! Сколько он еще протянет? Врач говорил, при обычном течении болезни ему оставалось бы год-полгода, если без операции. Но при таком образе жизни, как в Зоне, больше полугода не давал. «Сами понимаете, – сказал он тогда. – Охота, бег, прыжки, постоянное напряжение... При большой нагрузке метастазы начинаются. Вам нельзя там оставаться. Вот в городе я направил бы вас на операцию, а после химиотерапия – вы бы еще несколько лет могли радоваться жизни. Возможно, десять-пятнадцать даже, сейчас появились новые онкологические препараты, каких раньше не было. Но Зона... Она убивает вас. Лесник сжал зубы. Операцию он сделает, но доживать будет в Зоне – и баште! Это его мир. Зона не только снаружи, она внутри него, он – часть Зоны, такой же ее обитатель, как кровососы, псевдогиганты или бюеры. Сто лет ему снился этот город!

– Прыгай! – велел он Настьке.

Девушка поправила лямки, отошла. Прикинула на глаз расстояние. Рванула с места, возле самого пятна разросшейся травы оттолкнулась от земли...

И вскрикнула в полете, увидев что-то впереди.

– Что?! – гаркнул Лесник. Сзади громыхнул выстрел.

Перелетев через «точку включения», девушка с треском приземлилась в кустах. Что-то мелькнуло, рывок – и она пропала из виду. Прозвучал и тут же стих полный ужаса крик.

Он вытянулся на цыпочках. Настьки впереди не было. И никого не было, хотя из глубины зарослей доносилось тихое шелканье.

Глава 5 ЧУЖАКИ

1

Цыган упал на бок, перевернулся на спину и устремил взгляд в низкое сумрачное небо. Прележав неподвижно больше минуты, перекатился на живот. Приподнялся на локтях, обозревая окрестности. Затем сел, свернул веревку, обвязал вокруг пояса. Потрогал наискось торчащую из пня винтовку, покрутил головой, разминая шейные позвонки. Вроде ничего не сломано, руки-ноги целы...

Шагах в трех впереди деревья редели, за ними виднелся унылый холмистый пейзаж. Земля – вся в буграх, провалы

между холмами заросли темно-зеленым кустарником. Рамир подполз к ближайшей березе, держась за нее обеими руками, поднялся сначала на колени, потом выпрямился во весь рост. Затошнило, но он сдержался. Голова еще немного кружилась – сознание после Мозголома подозревало в окружающем какой-то подвох. Но наконец картинка и ощущения совпали, и ноги перестали подкашиваться. Цыган оглянулся на переплетение ветвей и стволов позади. Черт возьми, вот это мощная штука! Такая утряска мозгов... Наверное, что-то подобное испытывает рождающийся младенец – такая полная смена среды и ощущений. Только что плавал себе в теплом материнском пузе – а вот уже тебя сжали со всех сторон и потом вытолкнули в холодный мир, где тут же наваливается сила тяжести, да еще приходится дышать этим колючим воздухом.

Рамир ощущал себя заново родившимся. Выжил, подумать только, выжил в Мозголоме! И ведь он не дремучий зверолов, который сам как мутант, дитя Зоны, он цивилизованный человек, пользуется всякой электроникой... Но все равно – выжил! Гигантская аномалия вызвала у него какое-то мистическое уважение. «Воронка», «Трамплин», «Холодец», «Жарка», «Лифт», «Электра» и прочие – с ними все понятно, обходи стороной, и останешься жив, а если попал внутрь – то почти наверняка покойник, пиши пропало. Но эта штука... Она – как испытание на прочность, на силу духа. Не растерялся, проявил смекалку и упорство – и выбрался. А если нет... Сталкер расправил грудь, хотя ребра болели. Он сумел! Справился! Он сильный. Рамир огляделся с чувством превосходства.

И увидел, как спускаются по холму зверолов с девушкой.

Цыган пошарил по плечу – ремешка автомата не было на месте. Обернулся, скользя взглядом вокруг, – «G-36» валялся метрах в двух слева, а с другой стороны лежал детектор аномалий. Тогда Рамир расстегнул кобуру, вытащил пистолет. Шагнул вперед, чтобы дерево не загораживало обзор, навел ствол на девушку, прицелился ей в затылок. Палец придавил спусковой крючок...

Руки дрожали. Рамир взял пистолет обеими руками, поднял, глядя вверх мушки, ведя стволом вслед за ней.

И опустил оружие.

Надо разобраться.

Знаки были, но правильно ли он расшифровал их? Действительно ли ему нужно убить ее? Что, если небеса хотят от него чего-то другого?

Но чего?

Рамир напряженно обдумывал эту мысль. Что за знаки посылают ему небеса? Что он должен сделать?

Сталкер следил за двумя людьми – они остановились, о чем-то заговорили, девушка шагнула к спутнику, подняв сжатые в кулаки руки, потом отступила... Неужели ему нужно оборвать эту хрупкую жизнь?

Не о том думаешь, сказал он себе. Это дело – испытание на прочность, на стойкость моего желания уйти из Зоны. Чем я готов пожертвовать, чтобы покинуть эти места? *Кем*. Да хоть всей Зоной! Она достала меня! Чтоб она пропала со всеми ее обитателями, аномалиями и мутантами, особенно контролерами! Чтоб сдохли все контролеры, медленно и мучительно! Чтоб кто-нибудь поймал их, посадил в клетку и сдирал с них живьем кожу, по квадратику...

Он распалил себя, ненависть к контролерам сделала свое дело – гнев поднялся в груди, кровь ударила в лицо, заволокла глаза. Цыган вскинул пистолет, прицелился. Убить! Только сначала пристрелить зверолова... Нет, сначала ее, а потом уж зверолова... Он переводил пистолет с одного на другую, закипая все сильнее. Лучше обоих, жаль, автомат далеко. Рамир скосил глаза. Поднять, что ли? Нет, уйдут, вот уже прыгать куда-то собрались. Какого черта, там же ничего нет, лишь кусты впереди? Рамир тщательно прицелился. Девчонка разбегается, через мгновение окажется точно на линии...

Он выстрелил, а девушка исчезла из виду.

Выругавшись, Цыган опустил пистолет. Бросился в сторону, подхватил «G-36» и побежал с холма. На ходу перекинул ремень через плечо, оглянулся – верный винторез торчал из пня. После такого удара его надо не просто заново пристреливать – придется разбирать, чистить, проверить механику... А сейчас от винтовки будет мало толку, значит, он вернется за ней позже.

– Видел, мать твою?! – заорал он на Лесника и сильным ударом оттолкнул того с дороги. Сталкер со стоном повалился на землю, схватившись за грудь. – На нее уроды какие-то напали! Охранник, твою мать!

По густой пышной траве Цыган вбежал в кусты, ломая ветви.

Аномалия сработала. Лесник закричал: тысячи острых иголок-стеблей вонзились в тело. Но Рамиру было не до зверолова. Не оглядываясь, он бросился по тропе в ту сторону, куда уволокли девушку странные черные тени.

* * *

Рамир пробежал еще немного и остановился, озираясь. Да где же они? Эти, которые схватили девчонку. Ведь только что были здесь!

Он стоял в неширокой ложбине между двумя холмами. Склоны были довольно крутые, покрыты скользкой на вид травой – серой, влажной. Тропинка уходила вперед, а похитившие девушку твари скрылись в кустах справа. Но ни одна ветка там не поломана, вот что непонятно. Может, похитители обошли холм с другой стороны? Рамир прислушался, уловил отдаленный хруст веток и, повернув направо, вломился в заросли.

Кусты напоминали вереск-переросток, гибкие ветви были покрыты болотно-зелеными пупырышками. Рамир рвал их руками, топтал, потом в сердцах вытащил нож и принялся что есть сил кромсать лезвием – но за минуту отчаянных усилий не продвинулся и на полметра. А ведь этим ножом можно было резать проволоку! Но кусты то ли не повреждались, то регенерировали почти мгновенно...

Наконец, красный и мокрый от пота, сталкер вылез из зарослей, налитыми кровью глазами озирая оставленные им следы. Или, если точнее, отсутствие таковых...

– Дьявольское наваждение! – хриплым шепотом воскликнул Рамир. – Как же эти сволочи пробились?

Быстро и неловко перекрестившись, чего он не делал уже лет пять, Цыган побежал дальше по тропе, огляывая холм. В следующей ложбине были такие же кусты, но там они росли не так плотно. Рамир боком втиснулся в заросли и шагов через двадцать очутился в низине, окруженной холмами. Выйдя на середину, он выругался. Все ложбины между почти отвесными возвышенностями густо поросли теми же непроходимыми кустами!

Сердце бешено колотилось. Рамир бросился к одному проходу, пытаясь продрасть сквозь вереск-мутант, – не получилось, тогда он метнулся к следующему – опять неудача. Цыган остановился возле третьего, тяжело дыша, отер пот со лба. Какого черта он вообще помчался догонять этих тварей, похитивших девушку? Какие-то местные мутанты решили пообедать, зачем им мешать? Наоборот, пусть едят! Пусть жрут, обгладывают кости, сплевывают и отрыгивают, пусть пляшут на костях, ему, Рамиру, только лучше!

Впрочем, Умник ведь потребовал ее голову в доказательство того, что работа выполнена. Ну точно – Рамиру нужна голова девчонки! Он осмотрел холмы вокруг, медленно переводя взгляд с одного на другой. Они торчали над сталкером как стены – высокие, с крутыми склонами. Это тупик. Надо искать другие пути, нельзя стоять на месте, ведь пока он тут раздумывает...

– Ты просто хочешь ее спасти, – сказал он сам себе. – Будь честен перед самим собой: не добыть ее голову – спасти. Вопреки всему, вопреки возможности получить кучу денег и покинуть наконец проклятую Зону, вопреки шантажу Умника.

От этой мысли его бросило в жар. Что за бред?! Он должен убить ее, иначе убьют его самого! А мутанты съедят ее, Умник не получит голову, значит, надо найти их, вот и все.

– Поэтому я и гонюсь за ними, – пояснил он себе, пытаясь, чтобы внутренний голос звучал уверенно. – Чтобы добыть доказательства ее смерти.

Нужно поторопиться. Рамир наклонился, вглядываясь в землю. Не могли же чужаки исчезнуть бесследно.

Почва в низине была сухая, песчаная, трава почти не росла, так – желтовато-серая кучерявая поросль, короткая и колючая. На ней следы почти не остаются, особенно когда прошли такие мелкие... Почему он решил, что они маленькие? Он ведь видел их какое-то мгновение, к тому же с холма. Ага, вот потому-то, что Цыган смотрел сверху, утащившие девчонку твари и показались ему коротышками.

Сошурившись, он присел на корочки. Сумеречный осенний день клонился к вечеру, но Рамир разглядел слабо придавленную траву. Они были здесь – и ушли в ту сторону!

Но ложбина, куда ведут следы, совсем тесная, холмы почти смыкаются вершинами, а пространство под ними заросло кустами...

Рамир подошел ближе. Дьявол, не просочились же они *сквозь* ветки! Они хоть и мутанты, но материальны, не призраки какие-то. К тому же девушка уж точно не из дыма сделана. Они тут прошли, значит, и Рамир сможет.

Он решительно вломился в необычайно высокий вереск.

И кусты поддались ему. Ветви не сплетались, образуя непроходимую стену, – с трудом, но раздвигались, пропуская человека. В кровь изодрав руки, Цыган через пару минут выбрался в новую ложбину.

Но и тут следов не было видно. Сколько он ни искал, так не сумел понять, куда делись похитители.

Рамир огляделся и заскрипел зубами от злости. Отсюда вели сразу несколько проходов! И лишь некоторые из них заросли, другие оставались чистыми. Дьявол, какой-то лабиринт!

– Ну да, лабиринт! – осенило его. Так и есть! Нет, не тот лабиринт сверхмутантов, который, как говорили, находится ближе к реке, а небольшой холмисто-вересковый лабиринт неподалеку от Леса-Мозголома. Если будешь беспорядочно тыкаться во все проходы – потеряешься. А если забраться на холм и осмотреться сверху...

Темнело. Он подошел к холму, склон которого казался самым покатым, и стал подниматься.

Подошвы заскользили, Цыган замахал руками, пытаясь удержать равновесие, но быстро съехал и упал, выставив руки. Сполз по скользкой траве к подножию, выпрямился. Ладони саднило, поглядел – они были в крови. Присев, он понял, что травинки на склоне острые, как лезвия.

Кстати, что там зверолов, отправился ли в погоню? Судя по крику, не скоро он сможет догнать Рамира...

Цыган вновь огляделся. Склоны всех холмов вокруг заросли бритвенной травой, травинки-лезвия слабо поблескивали в сумерках. Дьявол, надо спешить, а он тут на какой-то холм забраться не может! Рамир положил руку на пояс, обмотанный веревкой.

Вершины были гладкими, но кое-где росли кусты или уродливые искривленные деревца. Березки и молоденькие осины выглядели так, будто кто-то забавлялся, завязывая их узлами, а потом распутал стволы, но не слишком тщательно. Они росли не только вверх, но и вбок, и даже вниз. Сделав петлю, Рамир закинул ее на березку, выглядевшую крепче остальных. С третьего раза ему удалось затянуть узел, сталкер подергал веревку – должна выдержать. Тогда он схватился покрепче и, перебирая руками, пошел по холму.

Из-под ног доносился неприятный скрежещущий звук. Насколько острая эта трава? Подошвы у ботинок толстые, но все равно могут не выдержать, и тогда лезвия вонзятся Рамиру в ступни.

Деревце гнулось и скрипело, он шел, сильно отклоняясь назад, опасаясь в любой момент упасть спиной на бритвенную траву. Ладони горели, трава постепенно прорезала подошвы, ноги скользили. Уже почти у вершины левая поехала вниз, Цыган ругнулся сквозь зубы, теряя равновесие. Поехала и вторая нога. Он стал быстрее перебирать руками по веревке. Еще метр – и схватился за деревце. Подтянул ноги, встал. Выдохнул с облегчением, оглядел себя – куртка и штаны местами были порезаны. Ничего, главное, забрался.

Рамир посмотрел вокруг.

Холмы и вправду походили на лабиринт. Они располагались близко друг к другу, тесные ложбины между ними заросли кустами, только некоторые оставались без растительности. И они складывались в длинный извилистый проход. Ясно видимый даже в сумерках – но очень уж запутанный.

А это что там впереди? Рамир вгляделся. В вечерних тенях между двумя холмами мелькнули черные силуэты. Они! Вот только почему похитители напоминают огромных насекомых?

* * *

Лесник упал на правый бок, на краю области, захваченной аномалией, где она была куда слабее. Руку пронзила боль – и тут же всю ее, от кисти до плеча, скрутила судорога. Откинув голову, сталкер дернул ногой. И вновь почувствовал, как ее режут лезвия-травинки. Сжав зубы, сумел сдержать стон. Приподнял голову. Перед глазами плыло, гул наполнял голову, взгляд застила мутная пелена. Это был убийца, надо его остановить, помешать – ведь он может догнать девчонку

и тех, кто уволок ее. Но тело отказывалось служить Леснику. Попытка встать окончилась ничем, сталкер не смог даже перекатиться на другой бок. Рюкзак сковывал движения. Лесник скрючился в жесткой железной траве, по рукам и лицу текла кровь. Кажется, болячка доконала его. Второй приступ наложился на остаточные явления первого, да еще и после круговерти Мозголома... Теперь судорога крутила не одну руку, а все тело.

В голове вспыхивали и гасли беспорядочные образы. Уже почти не соображая, что делает, Лесник левой рукой взял двустолку. При падении ремень слетел с плеча, ружье упало рядом, теперь мокрые от крови пальцы скользили по прикладу. Кое-как сталкер поднял оружие, просунул ствол между ветвями куста, возле которого свалился. Неподалеку раздалась ругань – знакомые слова перемежались незнакомыми, на каком-то странном языке... цыганском, что ли? Кое-где в зарослях были просветы, и в одном мелькнул широкоплечий силуэт. От усилий сердце тяжело бухало в груди, дергалось веко. Уже почти потеряв сознание, Лесник навел ружье, вдавил спусковой крючок. И со стоном повалился на землю. Осечка!

Действие аномалии постепенно слабело, травинки-лезвия стали мягче, пригибались к земле. Лесник здоровой рукой вцепился в куст, вытащил себя на голую землю под самым кустом, лег на нее щекой, вдыхая пряный запах почвы. Еще некоторое время он слышал отдаленный хруст ветвей и ругань, потом все смолкло.

Минут через десять, когда мельтешение цветных пятен в глазах прекратилось, Лесник вновь попытался встать. Держась за куст, сел. Голова закружилась, его повело вбок, но сталкер, до боли сжав зубы, сумел не упасть. Вскоре ему удалось побороть головокружение, точнее, привыкнуть к нему, и тогда он поднялся, опираясь на ружье. Сталкера качало. Рюкзак тянул книзу, но бросать его было нельзя.

Руку крутило так, что Лесник скособочился вправо. Под левой лопаткой кололо, спина была влажной, рубашка прилипла к телу. Похоже, куртку все-таки прорезало. Струйка крови стекала в ботинок по правой ноге, рану на бедре холодило. Надо было принять болеутоляющее и стимулятор, но аптечка в рюкзаке, ее сейчас не достать, некогда, да и сил нет. Хватаясь за верхушки кустов, качавшиеся под его весом, Лесник сделал шаг, другой. Через «точку включения» аномалии придется идти – прыгать он сейчас не может.

Шатаясь, сталкер приблизился к густой траве перед прорехой в кустах. Прорываться сквозь заросли напролом бесполезно, Лесник знал это. Он шагнул дальше – и наступил на «точку включения».

От пяток до макушки тело пробрала дрожь, волосы на голове встали дыбом, борода встопорщилась. Миллионы крохотных искорок обожгли его изнутри. А за спиной трава встала дыбом, холм покрылся тысячами серо-зеленых лезвий. Еще шаг, еще... он шел будто в вихре электрических разрядов, которые болезненно кололи кожу мириадами иголок.

Хорошо хоть, что закончилось это быстро.

Тяжело дыша, сталкер остановился за границей «точки включения» и потер грудь. Правую руку наконец отпустило, он смог выпрямиться. Но тут же под ногами качнулась земля – головокружение усилилось. Преодолевая его, Лесник огляделся, попытался сориентироваться. Эти холмы... когда-то он тут был, но не заходил вглубь. Тропинка ведет прямо в Бобловку, а справа, если забираться на восток, – лабиринт холмов и зарослей мутировавшего вереска. Те, кто похитил Настьку, живут неподалеку.

При мысли о девушке Лесник скрипнул зубами. С усилием подняв ружье, сделал несколько шагов по тропе. Вон впереди ветви кустарника сломаны – кто-то пытался пройти. Это убийца. У местных есть свой ход, немного дальше, туда и надо двигаться. Лесник умел читать следы. Он выберется к поселку раньше преследователя, опередит его и спасет девчонку. Дура Настька вдруг показалась близкой, почти родной. Ее болтовни ему уже не хватало, а еще она забавно крутила головой, когда осматривалась. Если научить ее замечать приметы, из нее может получиться неплохой следопыт. Вот только беспокойная слишком...

Лесник отогнал навязчивые мысли. Убийца заблудится в лабиринте, а он выберется, надо только найти вход, то место, где непролазный кустарник-мутант растет пожиже. Сталкер щурился, но перед глазами плыло, пелена становилась все более мутной. Нога зацепилась за корень, он споткнулся. В голове взорвался фейерверк, плечо пронзила боль. Лесник шагнул дальше. Обступившие его холмы давили, стискивали со всех сторон – того и гляди рухнут, расплющат в лепешку...

Вот это место – здесь, в тесной ложбине, находится вход в лабиринт чужаков. Повернувшись, Лесник вошел в кусты. Они сопротивлялись, хлестали по ногам и рукам, будто отталкивали человека. Воздух загустел, Лесник увяз в нем, застрял, как муха в паутине. Судорога подобралась к мышцам, скрутила их, он скорчился от боли.

Где-то дальше среди холмов раздался выстрел. Он поднял голову, прислушиваясь, – и уловил тихое шуршание неподалеку. Кто-то приближался сквозь заросли, кто-то, наблюдавший за сталкером, пока он шел сюда, и теперь решивший напасть. Оно было уже совсем близко. Мир качнулся – и Лесник повалился в кусты. Еще секунду в мутных от боли глазах отражались стебли травы – а затем он потерял сознание и уже не видел того, что появилось из зарослей.

* * *

Еще раз пробежавшись взглядом по вересковому лабиринту, Рамир чуть было не шагнул на бритвенную траву, но вовремя спохватился.

Теперь надо было как-то слезть отсюда. Поплевав на ладони, он взялся за веревку, сброшенную с другого склона. Спуск оказался чуть полегче. Интересно, это аномалия или просто странная особенность местной флоры? Если аномалия, то сейчас она «выключена» и должна как-то срабатывать. Как? Единственное, что пришло Рамиру в голову, – трава поднимется, встанет перпендикулярно склону и проткнет того, кто неосторожно на нее наступит. Ему припомнился крик Лесника, когда он толкнул сталкера. Трава на холме ближе к Мозголому была не такая серая, более натурального, хоть и блеклого цвета. Может, аномалия там сработала, когда зверолов упал на нее? Вот, к примеру, аномалия под названием «Зыбь» может сработать от простого прикосновения, в том числе и подошвой, – а для этой, значит, нужно более сильное воздействие. То есть падать нельзя. Цыган крепче вцепился в веревку. Он перехватывал ее, спускаясь, все время поглядывал вниз и старался ставить ноги туда, где травы поменьше.

Когда до земли оставалось не больше полутора метров, он прыгнул.

Рамир не отталкивался от холма, чтобы не повредить подошвы сильнее – они и так уже казались ему почти

прозрачными, – просто прыгнул.

И попал на полоску густой пышной травы у подножия.

С едва слышным свистом тысячи лезвий пропороли воздух – трава выпрямилась, стебли-кинжалы уставились в небо.

Ругаясь, он отскочил. Дьявол!

Так вот как эта штука включается! Он осторожно вернулся к полоске пышной травы, возле которой лежал конец веревки, осторожно поднял.

Березка гнулась, но ломаться отказывалась, сколько Цыган ни тянул. В принципе, если не переломилась под его весом... крепкая, хоть и тонкая, гадина. Рамир, помедлив, потянул из кобуры пистолет. Не хотелось привлекать к себе внимание, но веревка всегда полезна. Стоит ли оставлять ее тут?

Он выстрелил дважды и сильно дернул. Березка вздрогнула, накренилась – перебитая веревка свалилась Цыгану под ноги.

Плюнув на полосу травы, Рамир обернул веревку вокруг пояса и побежал в проход, который наметил себе сверху. Могильник начинал его порядком раздражать. Уж на что Зона неприятное место, а тут совсем черт-те что!

Дальше пробираться по лабиринту оказалось легче: ложных ответвлений почти не было, все ложбины, кроме тех, которыми нужно было идти, густо заросли вереском-мутантом. «Нет ли тут еще каких-нибудь новых аномалий? – размышлял Цыган, спеша вперед. – Да таких, которые даже днем не разглядишь?»

Бормоча под нос ругательства в адрес Могильника, он быстро, но осторожно пробирался по ложбинам, плавно перетекающим одна в другую. Они были узкие, тесные, холмы темными горбами нависали над головой.

В очередной раз повернув, Рамир отпрыгнул под защиту склона. Быстро присев за кустом, растущим у подножия Длинного плоского холма, всмотрелся в ложбину, по которой прочь от него двигались странные существа. Еще двое стояли по краям ложбины – охраняли. Кто это такие? Не люди, явно мутанты, но... неужто бюреры? Но какие необычные!

Две черные тени у себя над головой он не заметил.

Сталкер видел конец входящей в ложбину процессии. Мелькнула спина девушки-объекта, Рамир поднял было пистолет, но сразу опустил. Кусты сомкнулись за карликами. Двое стояли неподвижно.

Он наморщил лоб – новая идея пришла ему в голову. Идея простая и заманчивая. Рамир сейчас спасет девушку, и они будут квиты. После чего уже можно спокойно, с чистой совестью убить ее. Вот так! Легко и понятно!

Ма всегда учила его отдавать долги. Старая цыганка пыталась сделать из него человека. И вот он вырос и должен хоть как-то отплатить старухе за доброту. Она тащила на себе всю семью, целый табор, и потому заслужила уважения. Рамир исполнит одну из ее заповедей и отдаст долг.

Плохо другое – он совершенно не понимал, что происходит. Для начала нужно определиться с этим и тогда уж действовать по обстоятельствам. Надо как можно скорее выяснить, зачем уволокли девушку и что скрывается в глубине верескового лабиринта.

Только вот как подобраться поближе? Насколько опасны эти мутанты? С виду маленькие, но шустрые. Что же в их внешнем виде так режет глаз? Заросли почти по грудь скрывали двух охранников, и Цыган не мог сообразить, что в этих существах неправильно.

– Ладно, разберусь, – пробормотал он, выпрямляясь под прикрытием склона. – Начнем с разведки...

Едва слышный шорох заставил его обернуться. Что-то мелькнуло на склоне. Рамир быстро поднял пистолет... никого, только ветка кустарника между ложбинами качается. Он убрал оружие в кобуру, поправил ремень «G-36». То ли эта местность вызывает галлюцинации, то ли за ним и вправду кто-то следует, и этот кто-то невидим. Рамир в очередной раз выругался и выглянул из-за склона. Дьявольщина какая-то, а раз так, не стоит обращать внимания. Нужно заняться делом.

Перед тесной ложбиной, которую охраняли двое карликов, была небольшая утоптанная площадка – незаметно не подкрадешься. Куда ведет эта ложбина? Есть ли туда другие проходы? Теперь, поплутав по лабиринту, Рамир склонялся к мысли, что другого хода нет.

Опять этот звук! Он поднял голову, вслушиваясь. К шелесту ветвей прибавилось едва заметное клцанье. Оно становилось все громче.

Цыган потянул из ножен на бедре нож. «G-36» был бы значительно полезнее против местных тварей, но привлекать внимание охранников-карликов не хотелось.

Можно забраться на холм и глянуть, что за этой ложбиной. Но все равно придется затем туда идти, а значит – убирать охрану. Лучше сделать это сразу и потом уже сориентироваться...

Он развернулся, выбрасывая руку с ножом.

Никого.

Только кусты шевелятся.

Кара минжа, он же ясно слышал тишайшее клцанье прямо за собой!

Рамир выпрямился, поворачивая голову. Да что тут, бесы его заберут, происходит?!

Ждать больше нельзя, время идет, вот-вот ночь наступит. Цыган крепче сжал нож, левой достал пистолет. Лучше, конечно, не пользоваться им, чтобы не переполошить всю округу, но это уж как получится.

Он шагнул вперед, на утоптанную площадку. Все равно незаметно подобраться не удастся – чего скрывается?

Охранники-бюреры беспокойно зашевелились. Рамир внимательно разглядывал их.

В руках не видно никакого оружия. Это должно было насторожить Рамира, но он, наоборот, расслабился.

– Ну и бюреры, клянусь мамой! – воскликнул он, подходя ближе.

Охранники затоптались на месте, и теперь сталкер понял, что показалось ему странным: ноги, вернее, ножки. Тонкие, будто паучьи. И как только они держат вес тела? Ножки шуршали, переступая по земле, но охранники оставались на месте. Они выглядели легкой добычей. Сделав еще пару шагов, Рамир приблизился к ним почти вплотную. Довольно крупные для бюреров – почти по грудь ему – и непривычно худые. Обычно эти мутанты одутловатые, припухшие какие-то, покрыты складками кожи, а тут – натуральные дистрофики. И заторможенные к тому же. Другие

бюреры уже напали бы, но охранники стоят, как истуканы. Печальные широкоскулые мордашки были темными, будто у негров, но кожа не черная – темно-желтая. На щеках татуировки. Рамир занес нож над ближайшим карликом. Все оказалось значительно легче, чем он думал.

Бюрер быстро-быстро защелкал языком. Только теперь Цыган заметил, что у обоих с затылка свисает длинная тонкая косичка, как бывает у китайцев.

Сзади раздалось такое же щелканье, потом уже знакомое клацанье. Рамир кинул взгляд через плечо – из ложбины, откуда он вышел, появилась еще пара бюреров. Значит, ему не мерещилось, за ним все же следили. Карлики семенили, переставляя тонкие ножки, что-то в их телах, какие-то суставы, издавали то самое клацанье.

Они приближались быстро. Все, хватит церемониться. Цыган вскинул пистолет, чтобы открыть пальбу и этим дать понять всем, кто мог услышать ее, о появлении в вересковом лабиринте нового действующего лица, – но не успел. Бюрер стремительно мотнул головой, нагнулся. Раздался свист, тонкая коса распорол воздух, и Рамир отпрянул, уходя от удара.

* * *

Что-то пощекотало ее, и Настька очнулась. Вздрыгнув, открыла глаза – и сразу закрыла, увидев над собой темное широкоскулое лицо с разрисованными щеками. Попыталась нащупать рукоять пистолета, но не нашла ни оружия, ни кобуры – сняли. Тогда она решила посмотреть еще раз. Приоткрыла один глаз, потом второй. Лицо не исчезло, по-прежнему маячило над ней. Приподнявшись, девушка отползла немного и наткнулась на что-то спиной.

Существо быстро-быстро защелкало языком, жестикулируя.

Они находились в полутемной хижине, которую освещал только горящий в плошке на столе жир. Воняло ужасно – словно где-то в углу что-то сдохло с месяц назад, да так и осталось лежать, никем не убранное. Настька стала дышать ртом, но это не сильно помогло.

– Я Настя, – сказала она дрожащим голосом, села ровнее и, подумав, спросила: – А ты кто?

Темнолицый издал пулеметную трель.

– Где я? Что происходит?

Он снова защелкал. Глаза привыкли к полутьме, девушка разглядела, что хижина сделана из воткнутых в землю кольев, поверх которых набросан вереск. Влажные ветви подгнили, дышать от этого было еще тяжелее. Посередине хижины стоял очень грубо и криво сколоченный стол, но кроме чадающей плошки на нем ничего не было.. Слабый огонек в озерце жидкого жира дрожал и помигивал.

Призывно щелкая, темнолицый поманил Настьку к выходу – неровной дыре в стенке. Девушка осторожно поднялась. Голова до сих пор болела там, где ее ударили. Потрогав затылок, Настька нащупала большую шишку. Из волос посыпалась труха. В мешке ее волокли, что ли? Девушка смутно помнила недавние события – когда она прыгнула, наперерез выскочило какое-то существо, врезалось в нее, она упала, ее стукнули... и все. В общем, как ни крути, ее похитили. Но кто и зачем?

Главное – это не тот красивый смуглый убийца, решила Настька. Он человек, и он бы уже убил ее, а тут – какой-то мутант, и она жива.

Низкорослое существо вновь защелкало, настойчиво Указывая на дверь. Пожав плечами, Настька шагнула к выходу. Ее знобило, коленки тряслись, но страшно почему-то не было. Уж скорее это походило на начинающуюся панику. Где Лесник, почему он позволил ее похитить? Ведь должен был защищать!

«Он скоро придет и спасет меня», – не слишком уверенно подумала девушка. Эта мысль немного придала сил. Хотя мир интерната был жесток, Настька пока не очень-то привыкла полагаться на саму себя, тем более в таком незнакомом и опасном месте, как Зона. В душе она была еще ребенком; есть взрослые – в данном случае Лесник, – так почему он не заботится о ней?

Ее это даже возмутило: как он мог допустить, чтобы ее похитили?! Подумав об этом, Настька ощутила укол совести. А если с ним самим что-то случилось? Вдруг он ранен? Она должна сама позаботиться о себе, а потом вернуться и помочь Леснику. Но вдруг он погиб? Те, кто похитил ее, могли напасть на сталкера и... Выходит, она совсем одна, помощи ждать неоткуда, все ее бросили, все, ни один человек не знает, где Настька. «Что же мне теперь делать?!» – в ужасе подумала она, нагибаясь и выходя из хижины.

Выйдя наружу, девушка прижала ладонь ко рту, чтобы не завопить: хижину окружала стая огромных насекомых.

Ставший сбоку темнолицый защелкал, выводя Настьку из ступора, она вздрогнула, моргнула... и поняла, что перед нею не огромные пауки. Это были люди – маленькие люди на худощавых ножках.

Настька быстро глянула на темнолицего. У него нижние конечности были такими же, в полутьме хижины она этого не заметила, потому что видела только его лицо. «Смотри мне в глаза!» – кричала в интернате Марья Николаевна, отучая Настьку от детской привычки все время крутить головой...

Множество широких темных лиц повернулось к ней, и девушка, шагнув в сторону, прижалась спиной к стене хижины. Сжала кулаки. Она не сдастся так просто, даже если никто ее не защищает, она сама будет драться!

Однако насекомообразные карлики не проявляли агрессии. Темнолицый вновь защелкал, и в интонациях его девушка расслышала успокаивающие нотки. Ей даже показалось, будто она что-то поняла. То есть никаких слов, если они и были в этом потоке звуков, не разобрать, но некий общий смысл до нее вроде бы дошел. Никто не пытается ее ударить, связать, вообще как-либо обидеть. Зато ее куда-то приглашают. Значит, не все плохо, может, еще удастся выбраться из этого места? Договориться с этими... как их назвать? С тонконогими.

Большинство мутантов уже потеряли к ней интерес и вернулись к своим делам. Темнолицый пошел прочь от хижины, то и дело оглядываясь, маня ее за собой. Все еще сжимая кулаки, Настька направилась за ним.

2

Кто-то большой и темный навалился на Лесника, вцепившись в шею твердыми пальцами, давил, ломал кадык. Сталкер дергался, хрипел, но не мог вырваться из железной хватки – как и не мог понять, кто это напал на него. Что за странное чудовище, не то человек, не то мутант, и почему такое огромное... Оно горой возвышалось над ним, огромной черной горой до неба, пыхало ему в лицо горячим смрадным дыханием, причмокивало и ухало. Воздуха больше не было,

грудь будто залило расплавленным свинцом. Лесник содрогнулся в предсмертной судороге, разинув рот, – и раскрыл глаза.

Он увидел псевдоплоть, лежащую в траве рядом. Дергая задними конечностями, тварь пыталась задушить его клешней. Или не задушить, а перепилить горло твердыми хитиновыми кромками. Она была очень слаба и едва двигалась.

Стояла ночь, на ветру тихо шелестели кусты. Лесник попытался перевернуться на бок, не смог, поднял дрожащую руку и вцепился в клешню. По телу разливалась немощь, мучительно хотелось пить. Псевдоплоть залопотала что-то, захрюкала. Сцепив зубы, сталкер ударил ее кулаком в морду. Потянулся к поясу. Из-за резкого движения вновь едва не потерял сознание, перед глазами запрыгали звенящие искорки.

Клешня соскользнула с шеи, оставив на прощание две глубокие царапины, и мутант попытался вцепиться ему в плечо. Лесник успел разглядеть примятую траву и черную маслянистую полосу между кустами, там, где ползла плоть. Что это с ней? Попала на бритвенную траву, когда аномалия была «включена»? Что бы там ни было, теперь псевдоплоть издыхала – но даже перед смертью пыталась убить человека.

Она слабо ударила его другой клешней в грудь. Лесник чувствовал себя совсем плохо; в других обстоятельствах он быстро справился бы с полудохлой плотью, но сейчас едва шевелился. Пальцы нащупали рукоять, и он наконец достал нож. Их с плотью разделяло всего полметра – сталкер ударил ее клинком в морду.

Он кромсал мутанта, пока тот не затих. С травы вокруг капала темная кровь, она забрызгала лицо и грудь Лесника. Вскоре псевдоплоть издохла, тело мутанта содрогнулось в последний раз и замерло, душа улетела в свой мутантский рай. Перевернувшись на спину, сталкер замер, глядя в темные низкие тучи и слушая шелест кустов на ветру. Ощувив влагу на шее, положил руку на ворот куртки – ладонь коснулась скользкого комка перьев. Сталкер сгреб синичку, которую раздавил при падении, подержал, ощущая невесомость мертвого тельца и радуясь, что Настька не видит этого. Разжал пальцы – трупик беззвучно упал на землю. Лесник нащупал на поясе слабо трепыхающийся мешочек, развязал – оттуда выпорхнула последняя синица. Но не улетела, села ему на грудь и, склонив головку, посмотрела на сталкера одним глазом. Лесник разжал алюминиевую клипсу на ножке птицы, слабо взмахнул рукой. Синица пискнула и улетела.

Слабость не отступила, но оставаться здесь было нельзя: мертвая псевдоплоть может привлечь внимание других мутантов. Лесник перевернулся на бок, потом на живот. Холодный пот заливал лицо, капал с кончика носа, борода была мокрой, руки тряслись, по спине пробегала дрожь. Ноги не действовали – он просто не мог пошевелить ими. Хорошо, что он покинул область аномалии... Цепляясь пальцами за траву, сталкер медленно пополз в глубь зарослей.

* * *

Косица бюрера с хищным свистом взметнулась, изогнувшись, как хвост скорпиона, прошла воздух в том месте, где только что было плечо Рамира. Он крутанулся, выбросил перед собой руку с ножом, чтобы вонзить его в грудь мутанта.

Нож пропорол пустоту, рука пошла вниз – Рамир повалился на землю, сгруппировавшись, быстро перекатился через правое плечо. Приклад «G-36» больно вдавился в бок.

Он вскочил, сунул пистолет в кобуру – и опять едва успел увернуться! Бюреры, раньше казавшиеся сонными, вялыми, двигались теперь даже быстрее снарков, Цыган не успевал уследить за ними. Карлики, охранявшие ложбину, так и стояли в стороне с безразличным видом – странное поведение, они не пытались помочь своим, – а двое других нападали.

Насекомообразные мутанты кружили вокруг, ножки мельтешили, сливаясь в туманные пятна, тонкие косы рассекали воздух. В полутьме Рамир ориентировался больше на звук, чем на движение, то приседал, то подпрыгивал, размахивал ножом, пытаясь нанести удар. Противники стремительно перемещались вокруг, качались, ныряли вперед и отшатывались, уходя от клинка. Сзади раздался короткий свист, Цыган едва избежал удара, куртку дернуло – коса полоснула по воротнику. А ведь у них там на конце жала!

Сбоку возник второй противник, коса распорол воздух, Рамир отшатнулся и чуть не попал на другое жало – первый бюрер подкатился под ноги. Перескочив через него, сталкер упал. Две косы взметнулись над ним. Чуть не порвав сухожилия под коленом, он прыгнул спиной вперед – и уперся в почти отвесный склон. Ощутил бритвенную остроту травяных лезвий, оттолкнувшись от холма, нырнул обратно. Ужом проскользнул между нацеленных на него жал, развернулся, выставил нож.

Цыган тяжело дышал, пот катился по лицу. Еще немного, и он не сможет уворачиваться, но прирезать бюреров никак не удастся, слишком они быстрые, верткие. Придется стрелять, и пистолетом не обойдешься, надо дать по ним очередь. Стрелять не хотелось. Когда карлики только появились, Рамир сразу решил – их привлек звук выстрела, которым он перебил веревку, мутанты выследили его до этого места и напали. Но если поднять пальбу прямо здесь, это может вывести из сонного оцепенения охранников, да и другие набегут – со всеми он точно не справится.

Сделав обманное движение, он попытался вонзить нож в брюхо карлика. Тот отскочил длинным прыжком – и спиной напоролся на бритвенную траву.

Оказывается, аномалия включилась, когда сталкер оттолкнулся от холма. Карлик заверещал, суча тонкими ножками, царапая землю – только сейчас Рамир заметил, что его указательный и средний пальцы неестественно вытянуты. И почему они другого цвета... ах вот оно что – их покрывала твердая корка, похожая на хитин, по бокам она образовала складки вроде зазубрин – аномальная природа Зоны создала у бюреров Могильника подобие клешней.

Пришпиленный к холму карлик дергался все слабее. Уворачиваясь от удара второго, Рамир опоздал – жало пробilo куртку возле шеи. Сталкер рванулся так, что оно лишь царапнуло кожу, но мышцы почти сразу стали неметь.

Уходя от удара, он упал. Перевернулся на спину, выбросил над собой руку с ножом. Прямо над ним возникли тонкие ноги, острие вошло в колено, карлик прыгнул вбок, издав короткую трель сухих щелчков. Цыган вскочил, кинулся на него, выхватив пистолет. Правая рука с ножом быстро немела, он попытался ударить стволом, но, даже раненый, бюрер легко ушел в сторону.

С Рамиром начало происходить что-то странное. Движения замедлились, ему казалось, что воздух сгущается, надо продираться сквозь него, как сквозь смолу. А плечо болело все сильнее, рука немела, он уже почти не чувствовал пальцы.

Понимая, что еще несколько секунд, и все будет кончено, Цыган с рычанием бросился на карлика, занеся пистолет для удара.

Вдруг бесстрастное, малоподвижное лицо в татуировках исказилось от ужаса. Быстро защелкав языком, бюрер попятился, развернулся – и побежал к ложбине. Пальцы-клешни зацокали по земле.

Правая рука повисла плетью. Рамир сделал несколько шагов вслед беглецу. Охранники пятились, на их лицах тоже был страх. Сталкер невольно оглянулся: на площадке было пусто, лишь слабо дергался прищипленный к холму карлик.

Рамир остановился, тяжело дыша, настороженно приглядываясь к охранникам. Те замерли по краям ложбины, их заметно трясло.

Что случилось, отчего один убежал, а этих двоих трясет от страха? Разве бюреры вообще чего-то боятся? У них мозгов на это не хватает. Хотя эти карлики необычные...

Сейчас они приведут подмогу, решил он. А спрятаться здесь негде, лабиринт они наверняка знают прекрасно...

Он огляделся, вновь посмотрел на охранников. Те жались возле тесного прохода между холмами, клешни тихо щелкали. Если нападут, он уже не справится с ними. Но если...

Рамир шагнул вперед. Бюреры попятнулись, желтые татуированные лица, почти сливавшиеся с темнотой, исказились.

И вдруг он понял. Ну конечно! Просто эти твари оказались малочувствительными. Сталкер зашагал к ложбине. И бюреры, защелкав, бросились прочь, мгновенно исчезли в темноте. Еще какое-то время он слышал удаляющееся клацанье, потом стало тихо. Морщась от боли в парализованной руке, Рамир пошел в глубь верескового лабиринта.

* * *

Тут было целое поселение. Широкую площадку окружали холмы с крутыми склонами, которые почему-то тускло поблескивали в свете костров. Под склонами стояли невысокие хижины вроде той, откуда вышла Настька, – вбитые в землю колья, крытые вересковым лапником. Костры образовывали кольцо вокруг какого-то сооружения в центре площадки. Что там такое, Настька не могла разглядеть, потому что вокруг суеилось множество мутантов-пигмеев. Так она про себя стала называть их: пигмеи. Чем-то они напоминали девушке чернокожих улыбчивых коротышек, которых она видела по телевизору в интернате, когда показывали «Клуб кинопутешественников». Вот только эти не улыбались, а еще они неуловимо походили на насекомых.

Кажется, пигмеи пока только строили эту штуковину в центре поселка. Одни стаскивали к ней всякие доски, веревки, разный крупный хлам, а другие все это прилаживали. Рядом над площадкой в воздухе поблескивали тусклые зеленые искры.

На пигмеях была всякая рвань – куски ткани на бедрах, расплзающиеся по швам жилетки, у некоторых даже подобие штанов. Ведущий Настьку темнолицый защелкал. Девушка немного понимала его, могла уловить общий смысл. Сейчас он сказал нечто вроде того, что она в безопасности. Мол, ее накормят и отведут на праздник. Там будет Большой, их король и бог. «Как это? – задумалась девушка. – Король и бог одновременно?»

Она уже сумела побороть отвращение и теперь вовсю тарасилась на пигмеев, изучая их повадки. Провожатый вел ее куда-то на другую сторону поселка, к ряду приземистых хижин. Карлики расступались перед ним. Нет, это не гибрид человека и насекомого, решила она, просто ножки у них очень уж худые и похожи на паучьи. Она вновь огляделась. Ну прямо как деревня аборигенов-пигмеев, притаившаяся в африканских джунглях!

Бледно-желтые, плоские, невыразительные лица карликов покрывали черные узоры. У большинства татуировками были украшены только щеки, но у некоторых они заползали на лоб и подбородок.

Настька с проводником подошли к хижине, из проема появился мутант, зыркнул на Настьку и быстро защелкал. Он носил длинный, дважды обмотанный вокруг шеи шарф, концы которого свисали на голую грудь. Настька невольно задержала на ней взгляд – так это женщина. Или самка?

Девушка невольно задумалась, по привычке прикусив губу: как ее назвать – пигмеиха, пигмейчиха, пигмейка? Наверное, последнее. Тем временем провожатый и самка затеяли разговор, от их скоростного щелканья у Настьки даже заболела голова. Она перестала что-либо понимать, видела только, что пигмейка поглядывает на нее неодобрительно и, кажется, ругается на того, кто привел девушку.

Наконец скоростная беседа закончилась. Провожатый убежал, громко клацая клешнями, а самка жестами и щелканьем пригласила гостью в хижину. Наклонившись, Настька шагнула в низкий проем. Вроде убивать ее не собираются, даже гостеприимство какое-то проявляют. Наверное, надо остаться у этих странных существ и подождать, когда Лесник найдет ее.

Она очень надеялась, что тот жив.

Внутри было довольно темно, плочка с крошечным язычком пламени почти не давала света. На столе стояла большая миска, прикрытая тряпицей, рядом лежала алюминиевая ложка со сломанным черенком.

Быстро жестикулируя, пигмейка показала на миску, на Настьку, потом ткнула в колченогий табурет у стола.

– Я поняла, – сказала Настька и под села к столу. – Ты предлагаешь мне поесть? Спасибо.

Она жутко проголодалась – не ела со вчерашнего вечера. Настька подняла тряпицу. В миске оказалась каша, непонятно из чего сваренная, но пахнувшая вполне вкусно, аппетитного цвета. Над ней поднимался легкий парок. Настька сглотнула и взялась за ложку.

Самка одобритительно защелкала, хромая, ушла в угол, где стояла покосившаяся тумбочка, какие бывают в больницах, с давно облезшей полировкой, вытащила из нее помятую банку сгущенного молока.

– Сгущенка? – протянула Настька. – А может, не надо?

По вкусу каша напоминала гречневую, а гречка – совсем не место для сгущенки. Пигмейка, впрочем, не обратила на протест внимания. Подковыляла к столу, отогнув железку на вскрытой банке, опрокинула над миской. Настька ахнула, попыталась отвести руку. Самка обиженно защелкала, но банку убрала. Впрочем, густая кремовая масса успела плюхнуться в кашу. Девушка уныло помешала ее, попробовала.

– Ммм... – сказала она и налегла на еду. С голодухи эта «типа Гречка» даже со сгущенкой показалась ей очень вкусной, и она в две минуты очистила миску. Самка следила за гостьей настороженно-внимательным взглядом. Все они здесь, как показалось Настьке, были какие-то запуганные.

Когда она отодвинула посуду, пигмейка поманила ее к тумбочке, сопровождая жесты быстрым щелканьем. Настька

осторожно приблизилась. После горячей еды ее немного разморило.

– Что там? Ты хочешь мне что-то показать? – спросила она у пигмейки. Она постепенно привыкала к жутковатому виду этих существ, их странность уже не вызывала отвращения. В конце концов, они же не виноваты, что родились мутантами?

Над тумбочкой висело маленькое мутное зеркало, поверхность его покрывало множество черных точек. Помятый алюминиевый тазик на тумбочке наполнял мешанина дешевых бус, деревянных браслетов, шнурков, потускневших золотых и серебряных цепочек и кулонов. Пигмейка вытащила из комка украшений красные пластмассовые бусы и протянула Настьке.

– Зачем? – не поняла девушка. – Я такое не ношу, это же безвкусно!

Хозяйка настойчиво совала Настьке украшение, но та не брала, и самка шагнула к ней, припадая на левую ногу, с недовольством щелкая, накинула бусы на шею. Из нервной скоростной трели Настька поняла, что должна надеть все эти украшения на праздник, который состоится вскоре. Тогда она смирилась и позволила пигмейке нацепить на нее все остальное. Раз здесь положено наряжать гостей... В конце концов, ей не жалко. Среди этих мутантов нельзя выглядеть слишком уж страшной.

* * *

Рамир вошел в ложбину. Он вынул из онемевшей правой руки нож, убрал в ножны, опять взял пистолет. Теперь не было смысла скрываться, о появлении сталкера знают. Проход между холмами оказался коротким, в конце его он увидел отсветы костров. Сделав еще несколько шагов, чуть не вскрикнул: горячая волна обдала его, на секунду выдув из мозга все мысли. Цыган покачнулся, но устоял. Оглянувшись, повел пистолетом из стороны в сторону. У них тут что, целое поселение? Чем они питаются, чем занимаются? Бюреры – не зомби, им нужна еда, они вполне живые. Для чего *он* их здесь держит? Что какой-то *он* есть, сталкер понял, ощутив ментальную волну. Этот *он* и командовал в этом поселке бюреров.

У выхода из ложбины Цыган прислушался, сделал шаг вперед, присел на одно колено и быстро повернулся из стороны в сторону с пистолетом на изготовку.

Нет, никого вокруг не было. Ни один бюрер не стоял под крутым склоном холма, поджидая Цыгана. Странно. Почему тот, кто управлял поселком, чье излучение сталкер ощутил минуту назад, не приказал встретить его? Или *он* считает, что в своем логове, где бы оно ни находилось, *он* ощутит приближение человека и подчинит его сознание?

Цыган выпрямился, разглядывая поселок. Зачем им девушка? На людоедов не похожи, хотя дьявол их знает, чем они питаются. Не травку же щиплют.

Он крадучись пошел влево, стараясь держаться в густой тени под холмом. Перед ним лежала небольшая долина, в Центре горел костер. Хотя нет, какой костер? Наверняка аномалия. Рамир присмотрелся. Необычная штука. Похоже на «Электру», но молнии имеют такой же цвет, как у «Холодца», – мертвенно-зеленый.

Вокруг стояли покосившиеся хижины. Надо же, и вправду целый поселок тут у них. Сверху Рамир видел, что вокруг аномалии собралась толпа бюреров. А вот девушки нигде не видать. Чем же мутанты тут занимаются?

Он двигался спиной к холму, стараясь не прижиматься к склону, чтобы не активировать аномалию, но шагал как можно ближе к нему – так не подобраться сзади. Травяные лезвия чуть слышно скребли по куртке.

Когда холм закончился, Рамир кинул быстрый взгляд через плечо. Здесь от долины отходил глубокий карман, под дальним склоном виднелась хижина, рядом – деревянная клетка. В ней стоял человек и тянул к сталкеру тощие руки.

– Ты! Эй, ты! – прохрипел мужчина. – Помоги, брат! Он был очень худ, из-под драной рубахи торчали ребра, ноги как макароны, – человек едва стоял.

– Вытащи меня!

Голос прервался. Рамир осторожно пошел к клетке, осматриваясь. Как будто никого вокруг. Он опустил пистолет, рассматривая человека в мутно-зеленых отсветах аномалии, льющихся сзади. Подался немного в сторону, чтобы тень не падала на клетку. Незнакомец был жутко грязный, рубаха болталась на костлявых плечах, ремень камуфляжных штанов завязан узлом – дырки давно кончились, а хозяин все худел и худел. Левое запястье перетягивал черный от грязи бинт, на тощей шее висело ожерелье из волчьей лозы.

Когда Цыган подошел ближе, по коричневой морщинистой щеке потекла слеза. Сталкер в клетке протянул руку, пальцы с обломанными ногтями проскребли по куртке. На Рамира уставились два воспаленных глаза.

– Уже долго тут... – с трудом ворочая языком, проговорил мужчина. Лицо заросло, сальные волосы сосульками свисали со щек и подбородка. – Вытащи, сил нет больше смотреть на это...

– Что тут у вас? – спросил Рамир. Подергал мощные деревянные прутья – очень толстые, не сломаются, даже если ногой со всей силы садануть, – и двинулся в обход большой квадратной клетки в поисках двери и замка. Повернув за угол, он остановился. Дальше в ложбине стояли еще пять клеток, в них были сталкеры. При виде Цыгана один припал к доскам и замычал что-то, просовывая руки между прутьями. Двое лежали, бессмысленно глядя на него, еще один, скрючившись, валялся спиной к Рамиру, так что было неясно, жив ли вообще, четвертый суетливо бегал по клетке, а последний... Рамир покачал головой. Худой ободранный мужчина сидел в углу, обхватив колени, напряженным безумным взглядом уставившись перед собой. При виде него почему-то сразу становилось ясно – этому уже не помочь, сошел с ума.

– Они нас съедят, – зашептал пленник, наблюдая за тем, как Цыган ходит между клетками. – Ловят, запикивают сюда и почти не кормят, сволочи, – его передернуло, под жидкой бородашкой дернулся острый кадык. – И сидишь тут, и смотришь на них... и тебе все кажется, что ты сам превращаешься в бюрера! Хотя они не обычные бюреры, ты ж видел, брат, видел? Могильник здесь, сам знаешь, тут другие какие-то, местные живут... Ненормальные они совсем, дикие. – Вдруг глаза его зло блеснули. – Чего стоишь?! Давай, прострели замок! Вот же он, сюда стреляй!

Цыган как раз заметил большой амбарный замок на клетке. Таких, наверное, уже и не делают давно, чуть не с советских времен остался.

– Да чего же ты ждешь, брат?! – мужик хрипло закашлялся. – Они наберут так человек десять, потом поймают бабу какую-нибудь и устраивают ритуал... – пленника затрясло. – Их этот главный... толстый... выбирает из нас одного-

другого – и съедает, а обеды своим тараканам отдает! Понимаешь?! У него крыша съехала совсем, у главаря их! – пленник заскреб ногтями доски, хилое тело сотрясала крупная дрожь, красные слезящиеся глаза безумно сверкали.

– Кто у них главный? – спросил Рамир.

– Да мы откуда знаем? Жирный такой парень, здоровый. Откормился... на нас разжирел, на мясе нашем, на человечинке! – Он вцепился в прутья. – Выпусти меня, брат! Сделай уже что-нибудь!

– Что я с этим сделаю? – Рамир ударил кулаком по замку.

– У тебя же пистолет, – жарко зашептал пленник. Остальные тоже заволновались. Раньше большинство безучастно прислушивались к разговору, но теперь все, кроме безумца, вскочили, стали совать руки между прутьями, тянуться к возможному спасителю.

– Тише вы! – шикнул на них Рамир. – Привлечет внимание. Приятель, про какой ритуал ты говоришь? И что это за жирный парень, как выглядит?

– Спаси нас! – Не слушая, пленник повалился на колени, прижался лбом к доскам, дыша тяжело, с натугой. – Ритуал начнется скоро... Они поймали кого-то, я видел, повели ее, туда, вон туда... – он махнул рукой, и Рамир повернулся.

В просвете между двумя клетками виднелась площадка, озаренная всполохами аномалии. Треск разрядов был слышен даже здесь, необычная зеленоватая «Электра» – или нечто другое, похожее, – посверкивала молниями. Вокруг большого нелепого сооружения рядом с аномалией толпились бюеры.

Рамир сказал:

– Не хочу я шуметь, внимание привлекать. Ну, ладно... Он навел пистолет на дужку замка, но передумал, прицелился в скобу.

И заметил краем глаза оживление возле аномалии. Шум усилился, донеслось хоровое щелканье. Так и не выстрелив, Цыган повернул голову. В круг болотного гнилостного света посреди долины, спрятанной в центре верескового лабиринта, вступила девушка. Он не сразу узнал свой объект – девчонку обвешали украшениями, как новогоднюю елку. Браслеты почти скрывали руки, на груди торчала горбом груды бус.

Вдруг пленник в клетке закричал.

А потом воздух наполнился клещаньем клешней, из темноты за клетками выступили бюеры, спустившиеся по склону холма. Пятеро тут же кинулись на Цыгана. Он дважды выстрелил, но его схватили за руки, две косы обернулись вокруг шеи, и сталкер повалился на землю, хрипя. Сбоку выступила огромная тень, у Рамира закололо в висках – и вновь будто ментальный ветер подул на него, на мгновение опустошив мозг.

Ненависть затопила его. Рамир с ревом крутанулся, вырвав руку из захвата, вновь надавил на спусковой крючок, целя в лицо появившейся рядом твари – то есть в лицо контролера, нависшего над ним.

Но выстрелить не успел. Руку поймали и выгнули за спину, пистолет упал на землю.

«В клетку его».

Ни единого слова не было произнесено, но Рамир услышал телепатический приказ. Он забился в руках бюеров, однако те держали крепко. Заклацали клешни, щелкнул замок. С Цыгана сорвали автомат, рюкзак, вытащили нож из ножен – а потом кинули в клетку рядом с тощим пленником. Тяжело, с присвистом дыша, Рамир вскочил, припал к доскам и уставился на жирного контролера полными ненависти глазами. Тот разглядывал Цыгана с вялым любопытством и брезгливостью.

– Так это ты меченый? – неразборчиво прошамкал он. – Ты гляди, как долго бегал...

С помощью пигмейки Настька нацепила на себя почти все украшения. Довольно скоро инициатива целиком перешла в морщинистые руки хозяйки – девушке казалось, что больше надеть уже нельзя при всем желании, но Тараторка, как про себя обозвала ее Настька, навешивала и навешивала на девушку все новые побрякушки. Что-то пигмейка пристроила ей на голову, как диадему, одну нитку бус обвязала вокруг пояса. Браслеты покрывали тонкие руки Настьки едва не до плеч, при каждом движении она издавала мелодичный звон и постукивание.

Пока ее наряжали, девушка попыталась познакомиться с Тараторкой поближе. Та отвечала охотно, только вот понять было сложно, щелкала пигмейка очень быстро и беспорядочно.

После каждого браслета и шнурка с кулоном, надетых на гостью, пигмейка делала шаг назад и долго оценивала результат своих усилий, так что дело продвигалось медленно. Наконец в хижину заглянул провожатый, прощелкал что-то – и Тараторка заторопилась, стала почти беспорядочно развешивать на Настьке украшения. Та взмолилась:

– Хватит! Я еле на ногах стою! Не дойду же, даже если близко!

Бледно-желтое плоское лицо пигмейки вытянулось, сильнее прорезались морщины вокруг глаз и рта. Она огорченно заглянула в тазик, где оставалось еще несколько побрякушек, но Настька осторожно попятилась, стараясь не опрокинуться под весом бижутерии.

– Не надо, уже вон и Таракан пришел... то есть... ну, этот, в общем...

Она смутилась. Не будучи уверенной, что ее понимают, девушка все же старалась разговаривать с Тараторкой так, будто никаких языковых барьеров между ними нет. А то вдруг сказать по-человечески пигмейка не может, а понимать очень даже все понимает? Неудобно, еще обидится.

Тараторка задергала руками, делая такие жесты, словно выпихивала девушку из хижины. Снаружи послышался звук, похожий на приглушенный рокот барабанов.

– Пора? – догадалась Настька. – Ладно, я пойду. Ты со мной?

Она аккуратно, чтобы не стряхнуть с головы корону, состоящую из намотанных одни на другие крупных тяжелых бус, развернулась и шагнула к дверям. Тараторка семенила следом.

На площадке собралось множество пигмеев. Когда девушка появилась на пороге, десятка два татуированных лим повернулось к ней.

Опять появился Таракан, в руках он держал палку, обмотанную бусами, с верхушки свисали несколько цепочек с кулонами, которые мелодично позванивали. Он взмахнул палкой – пигмеи вокруг защелкали на разные лады, воздевая руки к небу. Таракан направился вперед, поманив девушку за собой. Толпа расступалась перед ним, а когда проходила

Настька, бюреры сдвигались, к ней тянулись десятки худых морщинистых рук. Было страшновато, но не так жутко, как вначале. Все старались коснуться ее, дотронуться хоть кончиком пальца, однако пигмеи не наваливались, ни разу ее не толкнули, не наступили на ногу.

Таракан вывел Настьку к центру площадки. Дальше высилось сооружение, которое пигмеи строили, когда она только попала сюда. Похоже, с ним наконец закончили, хотя пока что Настька не могла разглядеть его толком. Зато теперь она поняла, что мутный свет исходит от аномалии. Настька такую уже видела, Лесник тогда сказал, что эта штука называется «Электрой» – вот только сейчас она почему-то была зеленой. А еще – очень большой. Огороженная невысоким каменным бордюром, огромная аномалия постреливала искрами.

Тем временем Таракан, потрясая палкой, что-то очень быстро зашелкал, иногда переполняясь непонятными девушке чувствами и буквально захлебываясь своей речью. Толпа загомонила – оживились разрисованные лица, черные татуировки на щеках начали шевелиться, будто живые, и девушке сделалось жутковато.

– Что у вас за праздник? – робко спросила она Таракана.

Большой праздник, поняла Настька из его шелканья. Пигмей сильно гримасничал, выражение лица стремительно менялось, будто волны по нему прокатывались. Большой женится. Король и бог женится, чтобы родить новых детей.

Подняв руки, пигмеи запрокинули лица и закричали, завывали в черное небо. Девушка попятилась – ей становилось все тревожнее. Всполохи аномалии выхватывали из темноты коричнево-желтые, словно высеченные из дерева лица. Татуировки на них двигались. Настька только сейчас заметила, что у каждого мутанта с затылка свешивается тонкая длинная коса.

Когда Таракан взял ее за плечо, она вздрогнула, едва сдержав крик. Провожатый поманил ее за собой. Робко, уже жалея, что согласилась принимать во всем этом участие – хотя что еще ей оставалось? – девушка пошла следом за ним вокруг аномалии.

Сооружение оказалось огромным тронном на пьедестале из мусорной кучи. Настька разинула рот, озирая это творение дизайнера-сюрреалиста. Из чего его сделали? Тут была искореженная стенка микроавтобуса, створка железных ворот, кусок бетонной стены – а спинку трона, кажется, поддерживали стойки небольшого подъемного крана. Постамент состоял из спрессованной легковушки, досок, кусков арматуры, чугунной печки... и костей, множества выбеленных ветром и дождем костей.

К трону вели широкие ступени. А у подножия его стояло обычное автомобильное кресло.

Настька оглянулась на Таракана. В свете аномалии казалось, что мертвенно-желтое лицо течет и плавится. Пигмей дернулся, ткнул палкой в кресло.

– Мне – туда? – спросила Настька, холодея. – Зачем? Сквозь толпу пробилась Тараторка и затрещала. На черных миндалевидных глазах ее показались слезы. Настька попятилась.

– Я? Замуж?! – потрясенно повторила она. – Вы чего? Мне же еще только четырнадцать!

Таракан тряхнул палкой, по-прежнему указывая на кресло. Цепочки зазвенели. Настька мотнула головой, и диадема из бус сползла ей на ухо.

– Не собираюсь я ни за кого замуж выходить! Пигмей надвинулся на нее, а Тараторка, наоборот, зашелкала успокаивающе.

– Да мне плевать, что он бог! – закричала Настька, срывая диадему. – Все равно не заставите!

Она затравленно огляделась. Толпа угрожающе сдвинулась, Таракан шагнул к ней, собираясь схватить. Настька бросилась мимо аномалии туда, где пигмеев было поменьше.

Десятки рук потянулись к ней. Девушка вырвалась, протиснулась мимо кого-то и со всех ног кинулась в темноту – все равно куда, лишь бы подальше отсюда. Со всех сторон неслось тихое клацанье и беспорядочное громкое шелканье: ее преследовали. Браслет на руке зацепился за что-то, кисть дернуло. Настька оглянулась. На нее смотрело кривляющееся желтое лицо, черные линии на нем текли, меняя узор. Девушка рванулась опять, нитка на запястье натянулась и лопнула, деревянные бусины покатались по земле. Она побежала дальше. Из темноты надвинулись несколько пигмеев – перегородив дорогу и раскинув руки, они ждали ее. Сзади семеняли другие, клацанье раздавалось слева и справа, бежать некуда. Настька бросилась на карликов впереди, врзалась в них, и строй распался. Взметнулись косы, свистнули жала. Она споткнулась, чуть не упала, смогла удержаться на ногах, но тут кто-то вцепился ей в ногу. Вскрикнув, она повалилась на землю лицом вниз.

Ее подняли и понесли к трону. Настька кричала и лягалась, но держали ее крепко. Пигмеи поднялись по ступенькам, усадили девушку в автомобильное кресло и стали привязывать. Она разъяренно брыкалась, пинала их ногами, била, щипала, пыталась даже кусаться... все без толку – вскоре карлики отошли, а она так и осталась сидеть, связанная. Тараторка принесла и водрузила ей на голову корону из бус. Настька тряхнула головой – бусы свалились на ступени, что-то в них лопнуло, корона распалась десятком звенящих змеек. Пигмейка всполошенно зашелкала и бросилась собирать их. Постамент окружили пигмеи, они неодобрительно шелкали, глядя на девушку, качали головами. Она в ответ зло тарасила на них, пыталась встать и топала стянутыми ногами. Тараторка снова надела на девушку корону, для верности прижала к голове, больно вдавив бусины в кожу. Пошелкала одобрительно, отступила – и Настька тут же стряхнула нелепый головной убор. Пигмеи заволновались, шелкая все громче, кто-то полез на ступени. Таракан, сунув палку под мышку, подступил к Настьке и ухватил за уши, чтобы не дергала головой. Тараторка в третий раз нагнулась за бусами.

Внезапно шелканье смолкло. Толпа потекла со ступеней, пигмеи быстро разошлись в стороны, освобождая пространство перед постаментом. Тараторка побледнела, так что татуировки на лице выступили резче, и побежала вниз. Таракан поднял палку, присел, согнув тонкие ножки, наклонил голову и так замер, только кисть руки едва заметно двигалась, потрясая импровизированным жезлом.

Раздались тяжелые шаги. Очень тяжелые – девушке даже показалось, что постамент слегка содрогается. В темноте прорисовалась фигура, на гладкую маслянистую кожу легли отблески аномалии. Настька замерла, выпучив глаза на того, кто шел к ней.

* * *

Сжавшись в углу клетки, прикрыв голову худыми руками, сталкер тихо подвывал.

– И тебя съедят... – просипел он. – И меня... Контролер ушел, давление на мозг ослабело, и Рамир приник к доскам, вглядываясь в освещенную тусклыми зелеными сполохами площадку. Когда вожак приблизился, толпа бюреров расступилась, Цыган увидел девушку, сидящую в автомобильном кресле у подножия гигантского трона. Она была связана.

– Хав тэ гудтэ кхула! – выругался Рамир и присел, оглядываясь. Поблизости не было ни одного бюрера, все потянулись за жирным контролером. А этот мутант необычный очень, явно псих даже по контролерским меркам, аура у него совсем мрачная и странная. Сталкер ощущал прутья клетки. Деревянные, но очень уж толстые. Как с ними справиться?

– Я знаю как, – тихо сказал Цыган и схватился за пояс. Тощий мужик в соседней клетке хрипло прошептал:

– Дурак ты! Неумеха! Нас не спас, сам попался! Единственная надежда... единственная... – он всхлипнул. – Теперь все сдохнем здесь, кто от голода, а кого сожрут! – с каждым словом в голосе его крепчали истерично-безумные интонации.

– Молчи, – процедил Рамир, расстегивая ремень. Пряжка на нем была широкая, тяжелая, украшенная ритуальным цыганским узором. Сам ремень тоже дорогой, из очень крепкой кожи с металлическими прожилками, но сейчас не он интересовал Рамира. Сталкер повернул верхнюю пластинку пряжки, просунув под нее пальцы, потянул. Не видя, чем занят сосед, оборванный мужик встал на колени, вцепился в прутья и стал трясти, подвивая.

– Тихо ты, идиот! – цыкнул на него Цыган и вытащил из пряжки узкий треугольник металла с заточенными кромками.

Вновь огляделся. Толпа вокруг аномалии волновалась, в зеленом свете Рамир видел контролера, но маленькую худенькую девушку теперь не мог разглядеть среди пляшущих теней. Надо спешить, еще немного, и этот их ритуал начнется. В чем бы он ни заключался, девчонке не поздоровится, это уж точно.

На одном конце маленького клинка был стержень с резьбой, но сейчас Рамиру некуда было вкрутить его, и он просто крепче сжал стержень пальцами.

– Всех сожрут, всех! – бормотал оборванец.

Цыган сел под решеткой и стал пилить основание прута. Просветы между прутьями были узковаты, чтобы вылезти, нужно было справиться с двумя.

С площадки доносилось щелканье, иногда потрескивала аномалия, пару раз до Рамира, будто дуновение горячего ветра, доносились словомысли – сталкер улавливал какие-то смутные образы, но толком не мог понять, о чем вещает жирный контролер. Рамир пропилил половину прута, две трети... Он вспотел, но ни разу не остановился. Сосед то замолкал, то принимался с надрывом причитать, Рамир не обращал на него внимания.

Запястье ныло, тянуло в левом плече. Хорошо хоть онемение в правой половине тела начало постепенно отступать. Когда оставалось всего ничего, краем глаза он заметил движение сбоку и замер, ссутулившись, стоя на коленях перед прутьями. Немного повернул голову – шестеро бюреров спешили из глубины поселка к поляне с аномалией. Они были выше ростом, стройнее соплеменников и внешне напоминали ту пару, что охраняла ложбину, – местные воины.

Сосед безмолвно раскачивался из стороны в сторону, сидя посреди клетки с безумным видом. Рамир не шевелился, искоса провожая воинов взглядом. Они даже не взглянули на пленников, спешили, чтобы увидеть начало ритуала. Как только бюреры прошли мимо клеток и оказались к нему спиной, Цыган сразу же вновь стал пилить – и спустя всего пару секунд щелкнуло последнее древесное волокно, заточка провалилась под пальцами.

И тут же оборванный сталкер с воплем бросился на прутья. Вцепившись в них, закричал вслед воинам что-то угрожающее. Двое повернулись, равнодушно посмотрели на него, тут же один громко защелкал, вскинув руку, ткнул в сторону Рамира.

Остальные тоже повернулись и после недолгого замешательства бросились к клетке.

– Идиот! – заорал Цыган на беснующегося соседа. Привстав, саданул по пруту, тот треснул, слегка накренился. Бюреры бежали к нему. Цыган ударил еще дважды, наконец выломал прут и со всей силы ткнул им сквозь решетку в татуированную морду воина, подскочившего первым. Тот опрокинулся навзничь, другой попытался ухватить прут, но Рамир пырнул его заточкой в брюхо. Тут сзади защелкало, сталкер развернулся – четверо охранников, открыв замок, ввалились внутрь.

В низкой клетке он не мог толком выпрямиться, драться было неудобно. Рамир ткнул одному прутком в морду и, кажется, выбил глаз, второго с размаху перетянул по ребрам так, что те громко треснули, но третий, обжевав Рамира, упал ему под ноги, а последний налетел с разбегу, врезался всем телом. В клетку влезли оставшиеся двое. Цыган отшатнулся, зацепившись за жилистое тело, упал навзничь. Он нанес несколько ударов, попытался встать, но было поздно – бюреры погребли его под собою. Прут вырвали из рук, сталкер успел полоснуть заточкой по морде одного карлика и распорол украшенную татуировкой щеку, а потом лишился и этого оружия. Некоторое время воины пинали его, потом схватили и поволокли. Его вытащили наружу, сунули в соседнюю клетку. Рамир поднялся, хлюпая окровавленным носом, сплюнул густо-красной слюной. Кладанье, лязг, клетка дрогнула – он опять был взаперти.

– Всех нас сожрут! – донеслось сзади.

* * *

Это был очень толстый мужчина, Настька и не думала, что люди способны так разжиреть, – он напоминал кожистый шар, наполненный медом. С головы свисали черные косы, смазанные жиром, заплывшее лицо выглядело обычным, человеческим. И все же что-то было с ним не так. Пока он шел к трону под восторженное щелканье пигмеев, девушка хорошо рассмотрела толстяка. Ее поразили глаза предводителя пигмеев: они горели очень странным темным огнем. Не злобным, не агрессивным – просто чужеродным. Поверх закатанных до колена потрепанных штанов была надета соломенная юбочка, на шее висело коралловое ожерелье, запястья украшали нити красных бус. Весь он был какой-то косматый, темный, варварский... Настька вдруг вспомнила уроки истории в интернате, вспомнила слово: язычник.

Не обращая никакого внимания на своих обожателей, побряхтывая, сопя, толстяк начал взбираться по ступеням, а Настька следила за ним сверху расширенными от ужаса глазами. И ее хотят выдать замуж за этого... за этого Косматого?!

Незванный муж сел почему-то не на трон, а на торчащую из пьедестала железную балку рядом с автомобильным креслом. Девушка внутренне содрогнулась – бог пигмейского племени излучал угрюмую, грозную мощь, от него расходились волны черного тумана, от которого слезились глаза и першило в горле. Косматый громко, с натугой выдохнул, повернул к невесте напряженное лицо, глянул на нее из-под тяжелых век – ее будто обдало потоком горячего удушливого дыма, захотелось скорчиться, зажмуриться, закрыв голову руками. Лицо толстяка исказилось, искривились губы, в темной пасти зашевелился язык. Он заговорил, артикулируя с видимым усилием... или не заговорил, Настьке только показалось? Она не поняла – то ли Косматый проговорил это, то ли слова прозвучали прямо в ее голове? Или он одновременно издал какие-то звуки, под человеческую речь, и передал ей это же послание мысленно, Сложил прямым в ее голову?

Так или иначе, она услышала что-то вроде «Почему ты связана?».

Придавленная льющей от толстяка угрюмой силой, Настька заговорила срывающимся голосом:

– Меня ваши поймали. Говорят, что замуж выдают, а я не хочу...

«Не хочешь? – какое-то подобие удивления пробилось в *словомыслях* Косматого. – Почему ты не хочешь?»

– Не хочу замуж... – Слезы выступили у Настьки на глазах, когда она прошептала это.

Косматый моргнул, красные веки на мгновение скрыли глаза.

«Замуж? Кто тебе сказал такое?»

– Да вон они! – Настька кивнула на стоящих полукругом пигмеев, которые, подняв лица, молча смотрели на нее и Косматого. Она так и знала, что это какая-то ошибка! Тараторка с Тараканом неправильно поняли своего вожда, и сейчас он прикажет развязать ее. И отпустить...

Лицо Косматого шевельнулось, он нахмурился.

«Они не умеют говорить», – услышала Настька. Косматый с глухим недоумением разглядывал девушку. Глаза его тонули в складках шершавой грубой кожи, нос – как расплющенный шмат теста, но брови неожиданно тонкие и смолисто-черные, будто у городской красавицы, тщательно следящей за своей внешностью.

– Щелкают они, – согласилась девушка. – Слов я не понимаю, слов и нет, я только этот... ну, общий смысл улавливаю. Вы меня отпустите? Раз не собираетесь на мне жениться...

Косматый, не ответив, устремил взгляд на пигмеев. Настьке показалось – она уловила незримое движение, некий импульс, который стремительно скользнул от контролера. Двое карликов, которых она раньше не видела, вытупили вперед на полшага, косы взметнулись, извернулись змеями и кончиком ужалили хозяев в грудь, в самое сердце. Сами пигмеи при этом не пошевелились. Потом оба вздрогнули, побледнели – и бездыханные повалились на землю. Девушка вскрикнула. Толпа никак не отреагировала, как будто даже не заметила, темнотицы по-прежнему неподвижно следили за толстяком, ожидая приказов. «Прямо зомби, а не мутанты! – в ужасе подумала девушка. – Он же с ними все, что угодно, может сделать, а они и не пикнут!»

«Встань!» – велел толстяк, повернувшись и вперив в нее взгляд.

– Зачем? – удивилась Настька. А стянутые ноги уже сами собой распрямлялись. На этот раз она отчетливо заметила, что Косматый даже не шевельнул толстыми губами. Это что же, выходит, он ей телепатически приказывает? А она как-то слышит? И слушается... Вон уже встала почти!

Разозлившись, Настька заставила себя сесть обратно и уставилась на толстяка в ответ сверкающими от возмущения глазами. Никакие мутанты не будут ею командовать! Она вон даже учителям в интернате не подчинялась, а тут какой-то толстый дурак...

Косматый отодвинулся, моргнул – красные веки на мгновение скрыли глаза. Настьке стало как-то полегче.

– Развяжите меня! – потребовала она.

Вождь шевельнулся – и шевельнулась толпа пигмеев. Он слегка наклонился к девушке, приподнял руку... неужто и вправду собрался взяться за веревку?

Неподалеку раздался скрип, все оглянулись. Девушка привстала, вглядываясь в темноту. Толпа расступилась, пигмеи вкатывали в круг света перед аномалией большие клетки, сколоченные из толстых досок и кое-где укрепленные железными листами. В клетках сидели люди – истощенные люди в рваной одежде.

– Что это, зачем?! – вскрикнула девушка. В одной из клеток стоял, сотрясая доски, знакомый ей смуглый красавец.

Косматый тяжело встал, опираясь на Настькино кресло. На мгновение замер – и потом будто темный ветер дунул от него. Этот ветер нес послание, которое мгновенно облетело толпу, отразилось в голове каждого пигмея. И Настька тоже услышала. Косматый сказал:

– Начинаем.

* * *

Лесник лежал, не в силах пошевелиться. На него накатил сильнейший приступ слабости, и сталкер понимал, что теперь долго не сумеет подняться.

Такое с ним уже было около года назад, когда он только получил от Курильщика предложение добывать хвосты редких пятнистых псевдопсов, кабаньи клыки и шупальца кровососов. Всем этим заинтересовалась одна крупная косметическая фирма, предложила хорошую цену. Курильщик переговорил с парочкой знакомых и за определенный процент взялся организовать регулярные поставки. Вышла ли из останков мутантов Зоны новая линия косметики, Лесник не знал, его это меньше всего волновало. Главное – появилось дело по его умениям, обещавшее приличный регулярный доход, вот и он согласился поработать на Курильщика, хотя недолюбливал выжигу скупщика. Тогда сталкер еще не знал, что болеет раком.

Приступы бывали и раньше, хотя, конечно, не такие сильные, как сейчас, и случались они куда реже. Но в тот раз экспедиция затянулась, почти неделю он выслеживал стаю пятнистых псевдопсов, убил двух зомби и контролера, едва не попал под его влияние и уже на обратной дороге возле Свалки наткнулся на псевдогиганта. Это была битва титанов. Лесник заманил мутанта в узкий проход между контейнерами и напал на него, но псевдогигант вырвался, погнался сталкера... В конце концов Лесник убил его ценою очень больших усилий – и потом его накрыло. Тогда повезло: он свалился на краю Свалки, заполз в контейнер и сумел запереться. Полдня провалялся без сознания, а потом ночь и день

лежал в полутьме, глядя в низкий железный потолок, не в силах пошевелиться. К вечеру сквозь щели в полу пролезли несколько крыс, но они, к счастью, начали с его добычи – сожрали все хвосты, лишь потом принялись за сталкера. К тому времени Лесник немного оклемался и смог разобраться с ними.

Небо заволокли низкие тучи, густая чернильная темень окутывала Могильник. И такая же тьма царила в душе Лесника. Холодная ненависть владела им – задание он не выполнил, наемник уже убил Настьку. Можно возвращаться, надо только дождаться, когда пройдет слабость...

Нет, он не уйдет. Лесник не просто вел Настьку из пункта А в пункт В, он ее защищал. Девчонка была под его опекой, и теперь он не отпустит Цыгана живым. Лесник знал, где находится деревня бюреров – от основной тропы вправо отходила стежка, другой дороги туда и оттуда нет. Главное, чтобы прошла слабость. Он доберется до этой тропки и встретит Цыгана, когда тот будет возвращаться. И убьет его.

* * *

Таракан с Тараторкой, клацая клешнями, поднялись по ступенькам и подняли связанную Настьку.

– Эй, куда вы меня?! – закричала она, извиваясь, но веревки крепко стягивали запястья и лодыжки. Ее понесли вниз по ступеням.

Мутанты поймали смуглого сталкера, которого она спасла, наверное, и Лесника тоже, если он вообще жив. Теперь ее некому освободить, и этот Косматый сделает с ней... сделает что-то ужасное! Девушка выгнулась, попыталась перевернуться на бок, выкрутиться из цепких рук – без толку.

У подножия трона к Тараторке и Таракану присоединились еще двое, и под радостный гул толпы Настьку потащили вокруг аномалии. Это был торжественный ход. Карлики расступались, темные глаза их светились сумасшедшей радостью. Впереди вышагивал Таракан, палка его ритмично подпрыгивала, звенела, следом тяжело топал Косматый. Темное облако клубилось вокруг толстяка, при его приближении пигмеи начинали щелкать клешнями в едином ритме. За контролером четыре карлика несли извивающуюся Настьку, и толпа постепенно присоединялась к ним. Все, кто шел за Косматым, шагали и щелкали в такт. Скоро длинный хвост протянулся вокруг аномалии, которая, как показалось Настьке, тоже стала искрить в общем ритме. У девушки закружилась голова, она выбилась из сил и повисла в руках пигмеев. Процессия завершала круг; толпа пришла в экстаз, громовое щелканье стояло над поселком, татуировки на лицах мутантов шевелились и плыли, ноги с клацаньем скребли по земле. Мутно-зеленые всполохи аномалии озаряли все это тусклым мертвенным светом.

Когда толпа пошла на второй круг, Настька заметила, что пигмеи-воины – крупные откормленные особи на полголовы выше остальных – перевозят приземистые тележки с клетками с места на место. Остальные мутанты к этому времени окончательно обезумели. Те, что не влились в поток, сопровождавший вождя, бегали среди клеток – воины стали пинками отгонять их. Настька наконец поняла, что они расставляют клетки вокруг бетонной плиты, лежащей неподалеку от аномалии. Когда с этим было покончено, ее потащили туда. Девушка вновь задергалась, закричала. Настьку положили на спину, и Косматый, вытерев толстыми пальцами лоснящееся от лота лицо, встал над ней.

* * *

– Дьявол! – Рамир обрушил кулак на прутья. Один из воинов, сунув внутрь клешню, щелкнул его по руке, и Рамир отпрыгнул, ругаясь. Онемевшая после укола жалом рука только-только начала отходить, и несильный удар отзывался в ней ноющей болью.

Сидящий в углу сталкер-оборванец обреченно произнес, теребя ожерелье из высушенной волчьей лозы:

– После ритуала они съедают одного-двух. Чаще всего кого-нибудь из новеньких. Они сочнее, мягче...

Цыган в который раз оглядел клетку. Выхода не было, он не мог разломать ее.

– А тебя почему не съели? – спросил он. – Ты же давно тут, а?

Просунув кисть между прутьями, он подергал тяжелый замок, с которого посыпалась ржавчина. Стоящий неподалеку спиной к клетке воин повернулся, клацнула клешня – Рамир едва успел отскочить.

– Я Коля, Коля Кипяток, – зашептал сосед. – Раненый тогда был, слабый, а они свежачок любят, чтобы мясо трепыхалось еще...

Прижавшись к прутьям, Рамир помассировал правую руку, пытаясь восстановить кровообращение. Он прикидывал разные варианты... нет, ни один не годился – вырваться отсюда невозможно. Да и вариантов было всего ничего. Поджечь клетку? Зажигалка лежит в кармане, но от ее огонька влажная древесина не загорится, тут факел нужен. Путья не сломать, между ними не протиснуться, замок он сорвать никак не может... Что делать? Если внутри клетки нет ничего, что может помочь, надо поискать снаружи. Но и там ничего такого не было! Во всяком случае, неподалеку.

– Эй, может, у тебя что-то есть? – спросил Цыган. – Ножик там какой-нибудь завалялся, гвоздь, чтоб замок открыть, веревка, черт его знает... Да нет, что я говорю, все давно отобрали, конечно.

Обхватив голову руками, он опустился на отсыревшие доски. Думай, думай! Что мы имеем в наличии? Зажигалку, одежду, крест с цепочкой на груди... Что еще? Правильно, есть и еще кое-что, но оно в этой ситуации бесполезно. Неужели небеса отвернулись от тебя?

Клетка качнулась, и Рамир обернулся. Двое бюреров накренили ее, еще двое, поднатужившись, подпихнули под днище пару крепких досок. Другими концами их положили на край низкой тележки с деревянными колесами. Держась за путья, Рамир встал. Клетка зашаталась: сразу четверо дюжих воинов принялись заталкивать ее на тележку. Глядевший из своего угла затравленным взглядом Коля Кипяток сказал:

– Ну все, повезли. Скоро начнется, значит. Сейчас вождь эту бабу оприходует...

– Не баба там, а девушка! – заорал, не выдержав, Рамир. – Я пришел ее спасти, поэтому ничего твой вождь с ней не сделает!

Кипяток икнул от неожиданности, сморщился. Уголки тонких губ поползли вниз, лицо приняло плаксивое выражение. Сгорбившись, сталкер забубнил в пол:

– А потом они выбирать будут. Это недолго. Хуже всего – ждать, кого выберут. Надеяться, что не тебя, что опять пронесет. А потом видеть, как кого-то из нас расчлениют и съедают. Я раньше все отворачивался, не глядел. Бюреры их живьем разрывают... – Коля потер грязными пальцами воспаленные красные глаза. – Нас вначале четверо было.

Забрались в Могильник, думали, найдем, чем поживиться. Одного в Мозголове потеряли, лучше не вспоминать, что с ним стало, – его передернуло. – А после на нас эти напали, притащили сюда, заперли...

Пожилой мужик в соседней клетке громко стонал, с другой стороны молодой, до крайности изможденный сталкер непрерывно ругался слабым голосом, едва слышным за щелканьем карликов. Рамир наблюдал, как загружают на тележки другие клетки, иногда поглядывал в сторону аномалии. Там бюеры устроили какой-то нелепый крестный ход.

– Что это за песни и пляски у них? – обернувшись к соседу, спросил он. Коля, вытянув шею, посмотрел и вяло разъяснил:

– Ритуал такой. Перед тем как... короче, они сначала три раза проходят вокруг этой аномалии.

Клетка затряслась, раздался скрип – тележку покатали к трону, перед которым разворачивалось действие. Поднявшись, Рамир уперся головой в крышу клетки, принял к прутьям и негромко произнес:

– Аномалия, а?

Уловив в его голосе новые интонации, Кипяток вскинул голову.

– Наверде «Электры», только зеленая, – зачастил он, – хотя действует, скорее, как «Холодец». Я видел, однажды бюер скакал вокруг, ну типа в экстазе, да и кувыркнулся через бордюр, включил ее...

Тележки с клетками расставили полукругом возле аномалии, запертой в каменном кольце высотой в половину человеческого роста. Вокруг облака зеленого света танцевали и громко щелкали возбужденные бюеры. Аномалию и клетку разделяла теперь всего пара метров, но Рамир так и не смог понять, на что эта штука больше похожа, на «Электру» или «Холодец».

Четверо воинов тащили неподвижную девушку, и сталкер испугался, что она умерла – может, от страха? – но нет, когда ее поднесли к бетонной плите, жертва выгнулась и закричала. Сзади на клетки напирала бюеры, воины с трудом сдерживали толпу. Контролер подошел к девушке, которую мутанты уложили на плите, прижав ей руки и ноги. Все взгляды обратились к вождю, плеснулась волна восхищенного щелканья. Приняв решение, Рамир шагнул к сжавшемуся в углу соседу, следящему за происходящим полубезумным взглядом.

– Давай волчьей лозу, быстро, – скомандовал он. – Да шевелись ты, твою мать!

Коля Кипяток потянулся к шее, но тут все бюеры разом смолкли, и он испуганно замер. В тишине, повисшей над поселком, раздалось потрескивание аномалии. Потом девушка опять закричала – пронзительно, иступленно, – забилась на бетонной плите. Контролер начал раздеваться, и бюеры восторженно залопотали. Рамир заорал:

– Да быстрее ты!

Коля лихорадочно дергал ожерелье, пытаясь распутать лозу.

– Не понимаю, чего она кричит? – пробормотал он. – Остальные молчали...

В кармане на бедре Цыган нащупал завернутый в листья зеленухи артефакт под названием «Спираль», найденный у Моста. Внимание воинов было поглощено ритуалом, но он все равно действовал осторожно. Присев на корточки, положил сверток перед собой. Девушка на плите опять закричала.

– Почему он ее не возьмет под контроль? – бегло удивился Рамир. Повернувшись спиной к аномалии и воинам, он аккуратно разворачивал крупные широкие листья. «Спираль», похожая на пружину из толстой проволоки, тускло светилась темно-вишневым светом. Теперь сталкер оказался лицом к толпе пигмеев, но те происходящее в клетке не замечали, все их внимание было приковано к бетонной плите и стоящему рядом вождю.

– И я удивляюсь. – Коля, задрав подбородок, распутывал лозу. – Ни разу такого не было, он их гипнотизировал всегда, и они сами туда шли, ложились и задирали ноги...

Быстро оглянувшись, он кинул измочаленный стебель Цыгану. Тот поймал лозу, зажал в кулаке. И обрадовался, поняв, что с первого взгляда не ошибся, что ожерелье – не простая лоза, а в виде косички, то есть на самом деле ее длина в три раза больше, если расплести три куса и связать их концы.

– Что это у тебя? – шепнул Кипяток, встал на корточки и подался к нему. – Я такого не видел никогда.

– Засохни! – прошипел Цыган, увидев через плечо, как стоящий неподалеку воин оглянулся на них. Неужели почувствовал или услышал что-то? Рамир замер, между лопатками потек холодный пот. Его спина прикрывала от пигмеев артефакт, но... Если тот засек что-то, они опять ворвутся в клетку и заберут у него «Спираль». А он и так, кажется, не успевает спасти девушку...

Громкое возмущенное щелканье зазвучало вокруг. Воин повернулся обратно. Девушке как-то удалось высвободить руку в тот момент, когда раскрасневшийся от похоти контролер, отдуваясь, начал срывать с нее куртку. Она села, кулачок со смачным шлепком ударил в толстую щеку вождя. Незримое темное облако плеснулось от него, разрослось, накрыло толпу. Бюеры возмущенно задергались, будто на их глазах произошло неопишное святотатство, клацая и щелкая, полезли из-за клеток к бетонной плите, воины стали отгонять их. Воспользовавшись всеобщим замешательством, Рамир стал распутывать волчью лозу. Уже привязывая ее конец к «Спирали», он не смог сдержать ухмылки, когда увидел, как девушка, резко подавшись вперед, укусила контролера за голую руку.

«Держите ее!» – беззвучно громыхнул тот на весь поселок.

Будто glavой пилой провели по мозгу. Скривившись от острой боли в затылке, Рамир вскочил, обернулся. Между аномалией и клеткой – метра два, может, два с половиной. Длины лозы теперь, когда он распутал косичку, должно хватить, но вот удастся ли добросить? Она совсем легкая, да и размахнуться здесь особо негде... Нет, не докинуть, точно.

Девушка пронзительно вскрикнула.

– Дьявол!!! – Рамир похлопал по карманам, посмотрел на Кипятка. – Есть что-нибудь тяжелое?!

Зазевавшийся бюер выпустил девушку, она почти вырвалась, свободной рукой нанося удары по головам других, но он поймал ее запястье и вывернул руку. Слегка повозившись, бюеры вновь уложили ее на спину, затылок стукнулся о плиту, девушка выгнулась дугой, но во второй раз вывернуться не сумела. Один бюер даже сел ей на плечо, чтобы жертва больше не смогла освободиться. Контролер рванул ремень на ее штанах. Затрещала ткань. Мутанты за клетками затаились, наблюдая.

Кипяток протянул руку. Разжал пальцы – на ладони лежала большая ржавая гайка.

– Память, – хриплым голосом сказал он. – Давно храню, брат. Талисман...

Рамир схватил ее и стал привязывать к концу лозы.

Воины, стоящие слева в проходе между клетками, разом зашевелились, один повернулся и подозрительно уставился на пленников. Рамир спрятал руку с гайкой и лозой за спину – больше ему ничего не оставалось.

«Детеныши. Нам нужны новые детеныши», – беззвучно произнес контролер. Его оттопыренный толстый зад казался в зеленоватом свете аномалии мертвенно-синим.

Лежащая на бетонной плите Настька только сейчас заметила, что пальцы у Косматого такие же, как у пигмеев, вернее – это у них такие, как у вождя. Косматый щелкнул зазубренным хитином, разрезая пояс ее штанов. Девушка Дернулась, безуспешно пытаясь высвободиться и пнуть вождя между ног.

Контролер подался вперед, бюеры взволнованно защелкали. Воины, следившие за Рамиром, повернулись в сторону плиты.

Рамир точным движением вогнал «Спираль» между прутьями в дверцу клетки, над самым замком, взмахнул другой рукой. Пальцы разжались, гайка взлетела по крутой дуге, за ней потянулась размочаленная волчья лоза.

– Ложись! – заорал Цыган, прыгая в дальний угол клетки. Сидящий Кипяток сжался, пряча голову между грязных колен. Все стоящие возле клетки воины разом повернулись, но сделать ничего не успели.

Гайка не долетела – упала на каменное ограждение.

Длины лозы хватило едва-едва. Гайка подпрыгнула, бешено вращаясь и стуча по камню. Секунда, две... Она остановилась, замерла на самом краю, потом качнулась, скользнула вбок – и повисла на натянутой лозе. Волны зеленого свечения плеснулись, омывая ее.

Подняв голову, Кипяток растерянно посмотрел между прутьев.

– Не сработало?

Рамир, в душе которого все перевернулось, качнул головой.

– Нет, – сказал он. – Приготовься умереть, приятель.

3

Косы воинов взметнулись, жала хищно уставились на пленников. Расталкивая загомонивших бюеров, охранники устремились к клетке.

Рамир попятился, глядя на повисшую гайку. Болотно-зеленое свечение клубилось прямо под ней, волны света облизывали ржавый металл.

Бегущий впереди воин был уже возле дверцы, когда аномалия сработала.

Зрелище было завораживающее. Рамир присел и прикрылся локтем, но успел увидеть, что произошло.

Из облачка редких зеленоватых разрядов вырвалась струя светящегося газа, рассыпая сноп искр. Будто фейерверк ударил из круга камней, а потом во все стороны хлынули длинные изломанные молнии, ярко-зеленые, красивые. Столпившиеся между клетками и аномалией бюеры бросились врассыпную, но молнии настигали их, словно плети, хлестко били в спины, по ногам, по затылкам. Началась давка, мутанты падали, бежали по телам рухнувших собратьев, обезумев от ужаса. С шипением и треском холодные изумрудные змеи впивались в них – кожа горела, сползала клочьями, плоть пузырилась, истаявала и стекала. Рамир с изумлением понял: это и вправду аномалия-гибрид, молнии жалят не электричеством, а кислотой, как «Холодец».

Но главным было не это. Зеленые искры пробежали по волчьей лозе, та напряглась, будто живая. Аномальная энергия наплатала ее, потекла по длинному стеблю, ярко вспыхивая на узлах. Какой-то воин бросился к ней, пытаясь схватить лозу, прыгнул – и в прыжке его настиг разряд, изумрудный зигзаг вонзился в протянутую руку. Тело выгнулось в воздухе, будто туго натянутый лук, тонкие ножки задергались. Рука истаяла, как стремительно сгоревшая свеча, и бюер упал.

По лозе энергия аномалии достигла «Спирали». Та разогрелась, из темно-вишневой стала красной, потом – ярко-алой. Пошел жар, Рамир накрыл голову руками. Артефакт накачивался энергией, в нем росло напряжение, оно стремилось вырваться наружу.

Это длилось секунду, не больше. «Спираль» вспыхнула ослепительным светом и развернулась – будто взорвалась. Дверь клетки разворотило, замок сорвало и швырнуло к ограждению вокруг аномалии. Зеленые молнии с шипением растворили металл еще в полете, капли расплава упали на чье-то обезображенное тело, прожигая в нем дырки.

– Ходу, Колян! – Рамир схватил сталкера за плечо, тряхнул и рванулся к двери. Пригнувшись, тот бросился следом.

Пленники вывалились наружу. Цыган побежал вокруг клетки. Аномалия, разрядившись на «Спираль» и бюеров, успокаивалась. Молнии то и дело вспыхивали в ее центре, шипящим фонтаном били вверх, но за ограждение не выходили и быстро гасли.

Кипяток, длинным прыжком нагнав Рамира, схватил его за руку. Худой, как скелет, сутулый, весь скрюченный от долгого сидения в тесной клетке, он преобразился – плечи расправились, глаза на грязном изможденном лице победно сверкали.

– Свободен! – прокричал сталкер. – А?! Свободен!!! Страхнув его руку, Цыган бросился к бетонной плите.

– Контролера надо убить! – крикнул он.

– И освободить других! – Коля ринулся в сторону.

Кислотные молнии убили далеко не всех. Кто-то выбирался из-под обгорелых тел, покрытых лоскутами облезшей кожи, воины выползали из-за клеток, за которыми укрылись от жалящих ударов кислотных молний.

Рамир толкнул одного – раненого, но пытавшегося преградить ему дорогу, – и подскочил к контролеру.

Толстяк дымился. Покачиваясь, он стоял на коленях возле возвышения и пытался подняться, цеплялся за плиту, но ослабевшие пальцы скользили по бетону. На глазах у Рамира лежащая навзничь девушка приподняла голову, огляделась, согнула ногу и ударила контролера в брюхо. Тот повалился на бок, застонал. Темный дымок поднимался над ним.

От двух бюеров, раньше сжимавших ноги жертвы, остались пузырящиеся черные горки – они с вождем приняли основной удар аномалии, но контролеру помог неестественно толстый слой жира. Его обгоревшая кожа покрылась дырами и язвами, сквозь которые сочилась бело-розовая жижа.

Цыган с рычанием прыгнул на него и схватил за горло. Подернутые пленкой боли глаза немного прояснились,

красные веки поднялись.

Пронзительный темный взгляд устремился в душу Рамира.

Контролер что-то едва слышно хрипнул. Сталкера затошнило, мозг пронзила игла – длинная, толстая, тупая. И тут же, повинувшись ментальному приказу, оставшиеся в живых бюеры со всех сторон двинулись на Рамира. Сжимая толстое горло, тот ощерился. Вокруг аномалии бюеров осталось с десятков, не больше, но они совсем близко, он просто не успеет задушить толстяка, продавить пальцы сквозь слои жира, сломать гортань.

Складки плоти шевелились под руками, как живые. Рамир отчаянно сжимал пальцы. Клацанье и щелчки нарастали со всех сторон. Глаза контролера расширились, он задергался, пытаясь вывернуться из-под Цыгана. Их окружили, воины были уже совсем близко, поднялись косы, блеснули черные жала.

– А-а-а, сдохни, гнида! – вылетевший откуда-то сбоку Кипяток врезался плечом в ближайшего бюера. Тот покачнулся, толкая соседа, оба упали. Сталкер ткнул кулаком в плоское желтое лицо и вдруг хрипло, бешено завизжал, крутясь, нанося распрямленными пальцами слабые, но очень быстрые удары в глаза карликов.

Несколько кос с разных сторон устремились к нему, но лишь одна достигла цели – жало клюнуло в острый локоть. Какой-то бюер с выбитым глазом и развороченными ноздрями, из которых струйками била кровь, пошел боком, семена тонкими ножками все быстрее, кренясь – и упал, мелко дергая головой. Другой отлетел спиной назад, врезался в пустую клетку. Правая рука Кипятка бессильно повисла, но сталкер продолжал прыгать, нанося удары левой.

Рамир душил контролера. Темные глаза толстяка закатились, язык вывалился изо рта, губы посинели. Рамир сжимал пальцы так, будто под ними было железо и он хотел продавить его. Суставы уже ломило, казалось, еще немного, и Цыган сломает себе кости. Краем глаза он видел, как рядом извивается, пытаясь избавиться от веревок, девушка.

Сразу две косы впились в спину Кипятка, Он закачался, ударом отбросил ближайшего мутанта на двух других, Переступил с ноги на ногу – и с удивленным выражением на лице повалился на колени.

– Суки... – прохрипел Кипяток, силясь поднять быстро немеющую руку.

Гора плоти под Рамиром содрогнулась в предсмертной судороге. Движения бюеров замедлились, стали дергаными. Трое оставшихся в живых воинов – один с облезшей кожей на лице, другой без правой руки – пошли к Цыгану в обход замершего на коленях Кипятка. Двое вцепились в плечи Рамира и попытались оттянуть от вождя. Движения их были вялыми, заторможенными. Рамир, не оборачиваясь, пнул одного, и бюер свалился, будто ему рубанули косой по ногам. Сталкера схватили за руки, косы зашевелились, жала нацелились в его шею. Не разжимая хватки, он повернул голову и нырнул вбок, лбом врезал в висок мутанта. Тот упал.

Вдруг девушка рядом с ним повернулась на бок и ударила третьего бюера связанными ногами в брюхо. Мутант отлетел назад. У Рамира от напряжения перед глазами кружился жужжащий рой искр, темная пелена напознала со всех сторон, затмевая мутный свет аномалии, – но он давил, давил, давил....

– Твари, твари... – сипение Кипятка едва донеслось сквозь гул в ушах. Упавший бюер встал и побрел к Рамиру. Безумными глазами глядя на него, Кипяток сделал два шажка на коленях и боком повалился на бюера. Оба рухнули на землю. Коса охранника полудохлой змеей выползла из-под затылка и впилась в щеку Кипятка. Тот задергался.

Из-за клеток к ним шли еще несколько воинов. Настька наконец сумела перепилить веревку о конец торчащей из бетона арматуры. Рванулась, с треском порвала другую. Поддерживая спадающие штаны, слезла с плиты, шатаясь, сделала шаг к Рамиру.

В это мгновение контролер умер. По телу прошла судорога, волной колыхнула плоть, и толстая туша опала – будто сдулась. Из рта пошла желтоватая пена.

Рамир выпрямился, качнулся и ухватился за плечо девушки, чтоб не упасть. Всхлипывая, она привалилась к нему. Едва слышный сиплый шепот достиг их ушей, они повернулись. Кипяток неподвижно лежал на боку, губы его шевелились. Оставшиеся в живых бюеры приближались к людям со всех сторон. Теперь, когда воля контролера перестала управлять ими, движения мутантов, чье сознание слишком привыкло к пси-контролю, были медленными, неуверенными – и все же целенаправленными: бюеры шли, чтобы убить тех, кто убил их бога.

– Ты как? – спросил Цыган.

– Я... я нормально, – прошептала Настька, разминая затекшие кисти. – Наверное, нормально...

Кипяток вновь застонал, Рамир склонился над ним.

– Жив? Идти можешь?

– А-а... – захрипел тот, дергая головой.

– Они близко совсем! – воскликнула Настька, тыча пальцем.

Рамир ногой оттолкнул тело бюера, опустившись на одно колено, приподнял сталкера и взвалил на плечо. Выпрямился, оглядел клетки. Четверо пленников, ужаленные кислотными молниями, были мертвы; пятый лежал на боку, прижавшись к прутьям, и часто дергался, лицо его распухло от нескольких укусов жалами, сломанная правая рука была неловко подвернута под тело, ноги, куда попал разряд аномалии, превратились в пузырящиеся культы. Рамир дернулся было к нему, но тут же сообразил – он не сможет тащить двоих взрослых мужиков, а этот, в клетке, при смерти...

– Быстро отсюда, – сказал он девушке и побежал.

* * *

– Что с ним? – крикнула Настька на ходу.

– Парализован.

Цыган оглянулся, прикидывая, насколько отстали мутанты. Двигались они медленно, но очень настойчиво. Трупы собратьев ненадолго задержали бюеров – клацая клешнями, они обошли груды тел и ограду аномалии, после чего продолжили преследовать беглецов.

Рамир бежал, с трудом удерживая Кипятка на плече. Руки сталкера бессильно свисали, голова моталась из стороны в сторону – но он был жив, Рамир слышал прерывистое дыхание.

– Ты знаешь, как отсюда выйти? – спросила Настька, пытаясь на бегу справиться со штанами. Концы ремня болтались, стучая ее по коленям. Прикусив губу, она застегнула последнюю пуговицу, завязала ремень узлом, обернулась. Небо – совсем черное, ни одной звездочки не видно, сзади слабо искрит аномалия, в ее свете едва видны

силуэты преследователей. Разглядеть, что находится впереди, Настька не могла.

– Там где-то мой рюкзак и оружие, – тяжело дыша, сказал Рамир. – Они их с меня стащили, потом в эту сторону понесли, я видел.. Или в той хижине бросили, или рядом... Главное – успеть!

Вскоре сзади донеслось приглушенное клацанье: бюеры догоняли. А Цыган бежал все медленнее, сил совсем не осталось. Он вымотался, давным-давно ничего не ел, да и Кипяток, хоть и худой, кое-что весил.

Холм навис над ними. Только теперь, подойдя почти вплотную, Настька заметила хижину – покосившаяся развалюха примыкала к склону задней стеной. Рамир осмотрелся, не увидел в траве рюкзака с оружием и осторожно положил на землю хрипло дышавшего сталкера.

– Пригляди за ним, – велел он, бросаясь к хижине и плечом вышибая дверь.

Настька заглянула в лицо Коли Кипятка. Глаза парня закатились, рот был приоткрыт. Наклонившись, она дотронулась до впалой груди. Услышав шелест сзади, испуганно обернулась – бюеры были совсем близко.

– Эй! – крикнула Настька. – Сталкер! Мутанты уже тут!

Она схватила Кипятка за плечи и попыталась оттащить к хижине. Изнутри донесся грохот и ругательство. Что-то упало, затем в черном проеме показался Рамир с автоматом в руках.

– Пригнись! – гаркнул он.

Настька упала на колени и заткнула уши. Над ней захлопало, она увидела падающих бюеров, опустила голову и зажмурилась.

Все закончилось очень быстро. Настька подняла голову и открыла глаза – последний мутант валился навзничь. Рамир скинул рюкзак с плеча.

– Бери, понесешь, – сказал он, вешая «G-36» на шею. Ремень автомата был завязан узлом. – Я потащу его.

После событий в поселке Настьку колотило, губы тряслись. Она сдернула с себя все оставшиеся бусы и браслеты, подняла рюкзак.

– Идем, идем. – Цыган снова взвалил Кипятка на плечи и пошел вперед, слегка кренясь на бок. – Вдруг еще кто выскочит? Надо поскорей отсюда убираться.

Настьку начал бить озноб. Обнимая себя за плечи, она шла за Рамиром.

– Выйдем на тропу, я вколю ему стимулятор, – не оборачиваясь, пробормотал сталкер. – В рюкзаке аптечка есть. Тут такой лабиринт, заблудиться – раз плюнуть, не отставай от меня.

Двигаясь вдоль склонов, они оставили поселок позади. Рамир нашел нужную ложбину, свернул в нее. Перед тем как покинуть затерянную посреди черных холмов долину, Настька обернулась. Едва различимое зеленоватое пятно маячило далеко в темноте, и ей показалось, что она видитдвигающиеся вокруг смутные тени.

– А другие? – вспомнила вдруг Настька.

– Кто? – не понял Рамир.

– Ну, которые в клетках. Надо вернуться за ними! – пропыхтела она. Большой сталкерский рюкзак был тяжеловат для девушки, лямки резали плечи.

– Не за кем возвращаться, – ответил Рамир. – Все погибли, забудь.

Он не стал говорить ей, что один пленник выжил. Продираясь сквозь вересковые заросли, Рамир не оглядывался – не хотел даже случайно увидеть зеленое пятно позади. Того сталкера тоже следовало вытащить, несмотря на то что он был смертельно ранен. Его надо было спасти, негоже сталкеру погибать в таком месте... Но у Цыгана не оставалось сил для этого.

Сухое дыхание со свистом вырывалось изо рта Кипят7 ка. С тех пор как они покинули поселок, сталкер не произнес ни слова.

Беглецы выбрались из ложбины, Рамир сказал: «Сюда!» – и свернул вправо. Чуть позже он предупредил:

– К склонам не подходи, там трава-аномалия.

Он спешил, Настька не отставала. Она тяжело дышала, но шагала быстро, растрепавшиеся волосы прилипли к красным щекам, глаза блестели, девушка горела, как в лихорадке.

* * *

– Тебя как звать? -- искоса поглядев на нее, спросил Рамир.

Поселок остался далеко позади, они пересекали очередную ложбину. Иногда Рамир останавливался, поправлял тело на плече, убеждаясь лишний раз, что раненый еще дышит. Иногда приходилось кружить, выискивая новый проход. Пару раз он вламывался в непроходимые заросли и отступал.

– Настька, – сказала девушка, почему-то смутившись.

– Настя, значит, – кивнул он. – А я Цыган.

– Вижу, что не чукча.

– Нет, это кличка такая, потому что я и вправду цыган. А звать Рамир. В Зоне у всех клички. У вас в интернате тоже ведь так, а?

– А ты откуда знаешь, что я в интернате учусь? – откликнулась Настька, просовывая пальцы под лямки и немного сдвигая их, чтобы терли поменьше. Заодно она попыталась выпрямиться и принять независимый, взрослый вид, но тут же со вздохом согнулась, потому что рюкзак сразу потянул назад, и девушка чуть не упала на спину.

– Ничего, недалеко осталось, – сказал Рамир, заметив ее усилия. – На тропу выйдем, там отдохнем, потом дальше двинем. Тебе ведь в Бобловку? Я провожу.

Девушка нахмурилась.

– Ты все знаешь – и про интернат, и про деревню. Может, и про дядю Василя знаешь тогда? – Настькой вдруг овладели подозрения. – Почему меня спас ты, а не он? Где он, что с ним?

– Какой еще дядя Василь?–пробормотал Рамир, горбясь под телом Кипятка. С каждым шагом тот становился все тяжелее. – Лесник, что ли, который тебя вел?

– Ага, Лесник. – Настька тоскливо поежилась. – Дядя Василь, так я его называю. Он... он погиб, наверное. Он с виду суровый такой, грубый, но в душе хороший.

«Чертов зверолов», – подумал Цыган. Мысли в голове еще немного мешались, он не отошел после событий в поселке, укола ядовитым жалом, драки с мутантами.

Тишину нарушали только их шаги. Стояла глухая беззвездная ночь, хотя Рамиру показалось, что на востоке за вершинами холмов небо сереет – близился рассвет.

– Так что с дядей Василем, ты не знаешь? – повторила Настька, но тут Кипяток застонал и зашевелился.

– Отходит! – обрадовался Рамир. Остановившись, он положил сталкера на спину. Веки парня задрожали и поднялись, мутные глаза уставились на Цыгана.

– Ты здесь, брат? – едва слышно прошептал Кипяток. Слабые пальцы ухватили запястье Рамира.

– Здесь, все нормально. – Цыган присел, похлопал по тощей грязной руке. – Мы выбрались, слышишь? И бюреров переколошматили, почти всех.

Настька, присевшая на корточки с другой стороны, сказала:

– Хорошо, что ты живой, – подняв к Рамиру лицо, девушка тихо добавила: – Он ведь теперь выживет, да?

Цыган молча отвернулся. Дрожащая рука вцепилась в его рукав.

– Выбрались... – сипло выдавил Кипяток. – Спасибо, брат. Не дал умереть у них в желудках. А то я боялся... Слушай, а этот... а вождь их, контролер, с ним что? – голос стал едва слышен.

Настька, с облегчением скинув рюкзак с плеч, робко погладила сталкера по худому плечу.

– Рамир его задушил, – сказала она. – И мы идем домой. Это хорошо, правда? Сделаем тебе укол, и ты выздоровеешь, сможешь сам идти...

– Где я? Почему темно? – Кипяток переводил взгляд с Цыгана на Настьку и, казалось, не видел их.

– Все хорошо, брат, – Рамир опять похлопал его по руке и стал осторожно отцеплять тонкие морщинистые пальцы от рукава. Кипяток задрожал, по телу прошла судорога.

– Я ведь не в желудке у них, нет?! – вдруг вскинулся он и тут же упал обратно. – Где я? Темно, почему темно?! – застонал он.

Настька подалась вперед, схватила его за руку.

– Что с ним? – спросила она у Рамира. – Он нас не слышит?

Цыган взял сталкера за плечи, наклонился ниже и громко сказал:

– Ты спасен. Коля, слышишь? Ты на свободе. На свободе! Его голос разнесся в тишине между холмами, отразился коротким эхом от склонов.

– А... на свободе? – хрипнул Кипяток. Приподняв голову, он вгляделся в лицо Цыгана. – Не в клетке?

Мутные глаза прояснились. Сталкер вцепился в Рамира и требовательно повторил:

– Свободен?

Настька закивала, на глазах ее выступили слезы. Кипяток перевел взгляд на девушку и слабо улыбнулся ей. Она улыбнулась в ответ, сказала:

– Дядя Коля, Рамир их всех...

Голова Кипятка упала на траву. Настька закрыла рот ладонью, отвернулась и всхлипнула. Рамир медленно выпрямился, коснулся креста на груди. Худое морщинистое лицо Кипятка казалось вылепленным из воска.

– Как же так? Почему так получается? – пролепетала Настька, кусая губы. – Ведь мы ушли оттуда... Всех победили, почти всех... Ты их убил... Несправедливо, так несправедливо! – и, не сдержавшись, она заревела.

– Какая еще справедливость? Это же Зона, а не суд, – пробормотал Рамир растерянно. Он никогда не умел обращаться с плачущими женщинами – это было единственное, при виде чего он терялся. Цыган присел, неловко обнял ее, прижал к себе. Настька рыдала навзрыд. Не только над мертвым Кипятком – все накопившееся напряжение, весь ужас, который она недавно пережила, выходили из нее вместе со слезами. Цыган осторожно гладил ее по встрепанным волосам, не зная, что делать и какие слова говорить.

Минут через пять она стала успокаиваться. Рамир выпрямился, огляделся. Светало, теперь он лучше видел холмы вокруг и заросшие вереском ложбины между ними. Настька, отвернувшись, вытащила из кармана большой носовой платок, высморкалась, рукавом вытерла лицо.

– Ладно, идем, – сказал Рамир.

Глава 6 ЗЛОЙ ТУМАН

1

– Надо Лесника найти, – сказала она, теребя край куртки. – Дядю Василя.

Рамир вытащил из рюкзака детектор аномалий, надел на шею, предварительно сняв автомат. Вынул пистолет, Щелкнул затвором, проверил магазин. Полез в рюкзак за новым, перезарядил.

Настька побледнела, отступила на шаг, поднимая руку, словно пытаясь защититься.

– Ты... будешь меня убивать? Ты же для этого за нами шел?

Магазин с тихим щелчком встал на место. Рамир убрал «ТТ» в кобуру, закрыл клапан.

– Не буду убивать, – отведя глаза, сказал он. – Я же тебя вроде бы спас.

Девушка расплылась в улыбке.

– А я сразу поняла, что ты хороший. – Она быстро заправила выбившуюся прядь за ухо, стряхнула с куртки песок.

Искоса глянув на нее, Рамир отвернулся. Кивнул, пытаясь убедить самого себя, что все делает правильно. Ему придется выполнить обещание, данное Умнику, – но можно сделать так, чтобы не пришлось ее убивать.

– Слушай, Настя. – Цыган занялся рюкзаком, отвернувшись, чтобы девушка не видела его лица. – Мы вот как сделаем. Вы ведь с Лесником к Бобловке идете? Так я тебя туда и отведу. Ты дорогу знаешь?

– Да нет, откуда? – ответила она. – Нас давным-давно оттуда увели, я и не помню почти ничего. Меня дядя Василь ведет, он эти места знает, бывал здесь. А как насчет...

– Вот видишь, значит, хорошо, что я тебе попался, – перебил Рамир, торопясь покончить со всем этим. – Я тоже знаю, куда идти, хоть и похуже, чем Лесник. Отведу.

– А дядя Василь? Ну, Лесник? – Настька нахмурилась. – Надо его найти. Если... если только он жив еще.

– Никуда не денется твой Лесник. – Рамир застегнул рюкзак и закинул на спину, после чего повесил автомат на плечо. – Он человек бывалый, сама говорила, разберется. Да он уж, наверное, далеко впереди. Увидел, что я тебя спасать побежал, и решил дальше двигаться, не ждать. Так что, идем?

План возник сам собой, и это был со всех сторон привлекательный план. Вместо того чтобы убивать девушку, Рамир проводит ее к Умнику, а дальше пусть свободовцы разбираются. Им главное, чтобы девушка не попала в деревню, – так она и не попадет. Дороги не знает... Рамир поведет ее как будто бы к месту назначения, а сам возьмет влево, ну и выйдут они как раз туда, где Умник поджидает возле Могильника. Если у них хватит духу убить девчонку – это будет их грех, а Рамир возьмет деньги и свалит куда подальше от чертовой Зоны, от дьявольского наваждения, которое превратило его в безродного бродягу и головореза без семьи и племени. В никого, в ничто. Главное – в отщепенца, отверженного! А этого общительный от природы Цыган вообще вынести не мог, и последние годы не жил, а мучился. А заказчики пусть сами ее... У Рамира свело челюсти от стыда.

Девушка серьезно смотрела на сталкера, уловив странную перемену в его лице.

– Договорились, – наконец сказала она, шагнув вперед, подняла руку.

Рамир, помедлив, пожал ее. Сердце стучало едва-едва и будто дрожало в груди. Мысли затаились, в голове стало пусто. Он слегка сдвинул узкую ладонь девушки, потряс...

И вдруг понял кое-что.

Цыган даже вздрогнул слегка, осознав это. Поправил лямки рюкзака, коснулся мочки уха, провел пальцами по воротнику, недоуменно оглядел их.

И пошел через ложбину. Толком еще не рассвело, но уже хорошо виднелись крутые склоны и непроходимые заросли между ними. Рамир повел девушку извилистым путем, выискивая те проходы, по которым можно было пробраться. Они были на краю верескового лабиринта, до тропы оставалось всего ничего.

– Так ты совсем меня не боишься? – небрежно спросил он.

– Нет, чего мне теперь бояться? – отозвалась Настька. Она крутила головой, рассматривая окрестности. Ей нравились всякие новые места, и она спешила все изучить, пока есть возможность. – Ты же сказал, что ничего мне не сделаешь. Я видела, ты не врал.

– Да нет, я не о том. Ты... ну, не ощущаешь, когда идешь рядом, такой... как бы сказать... оторопи, знаешь, когда ночью в темноте кто-то может на тебя выскочить, или, может, кто-то больших пауков боится, или мокриц, личинок – вроде как отвращения какого-то...

Настька с удивлением воззрилась на него, пожала плечами.

– Нет, – просто ответила она. Сталкер продолжал:

– Когда со мной разговаривают, то через минуту потеть начинают, зубами стучать и тут же стараются уйти подальше. Больше полутора-двух минут никто не выдерживает...

Он не договорил – до него вдруг дошел смысл ее ответа, и Рамир заткнулся. Как это, почему она не боится, почему он не вызывает у нее омерзения?! Эта мысль на мгновение затмила все остальные соображения и стыд перед ребенком, которого он вел на смерть. Не боится! Они вместе уже с полчаса, и она не выказала даже тени страха или отвращения, ни разу не попыталась отойти, отодвинуться, убежать... Сколько лет он ни с кем не может толком поговорить? Год, два? Для такого человека, как Цыган, это целая вечность!

– Но почему так? – Настька с любопытством глянула в широкую спину Рамира. Девушка шла сразу за ним, след в след, потому что проходы между холмами иногда становились совсем узкими. – Ты мне даже нравишься... – Щеки ее порозовели, и Настька порадовалась, что сталкер сейчас не видит ее.

Рамир, услышав это, почти минуту шел с приоткрытым ртом... а потом его понесло. Он молчал об этом очень долго, он не делился ни с кем – и теперь плотина молчания рухнула.

– Понимаешь, я его в зыби утопил! – возбужденно заговорил он. – Зомби на меня наседали, а он из-под обломков глядел – и взглядом своим свербел в черепушку, прямо в мозг, так и колот. Как я не поддался этому контролеру тогда, до сих пор не пойму... Он же сильный черт был, чуть мозг мне не расплавил, клянусь мамой. Дело в подземелье было, меня туда занесло, потому что прослышал от Курортника (Курортник – главный герой романа А. Левицкого и А. Бобла «Воины Зоны»), что там «Душа», ну, артефакт такой, дорогой очень... Курортник – это позывной, ну вроде как имя одного мужика из отряда военных сталкеров, они сами артефактами не занимаются, хотя некоторые подторговывают втихаря, конечно, но только не он...

Наивный мужик и принципиальный. Короче, дал он мне наводку как-то, я и поперся, – рассказывая, Рамир часто оборачивался, размахивал руками, но шел все равно быстро, уверенно. – Темно, помню, хоть глаз выколи, в том коридоре, а потом свернул я, куда Курортник рассказывал, – а там «Холодец» во всю ширину коридора. Я давай обход искать, черт бы побрал эту зеленую лужу, брожу-брожу лабиринтами теми подземными, ну и выскочил нечаянно на логово контролера. Верней, это зомби его на меня сначала выскочили. Они у себя в подземельях иногда чего только не вытворяют... если контролер их возьмет под контроль, можно насмотреться черт знает какого бреда, целые представления там устраивают. Короче, появились зомби и прут на меня. Я сразу понял, что и контролер рядом, ну и даю задний ход. А у меня тогда песня одна в голове крутилась, может, знаешь? «Рвусь из сил, из всех сухожилий, но сегодня – опять, как вчера, – обложили меня, обложили, гонят весело на номера...» Старая песня совсем, этого... барда какого-то. В лагере сталкерском прошлым вечером услышал случайно, под гитару один малый ее распевал. Привязалась, зараза! Может, из-за нее контролер меня не смог загипнотизировать? Значит, я в этих зомбей один магазин, перезаряжаю, другой – а они все равно лезут! Штук десять положил, не меньше... Ну, может, и поменьше, может, семь – неважно. В общем, коридор повернул, потом еще раз... и оказалось, что я петлю там описал, вернулся к месту, где зомбей первый раз увидел. Тут замечаю – хозяин их из-под обрушившейся стены на меня зыркает, будто череп просверлить взглядом хочет. А песня все крутится в башке: «Из-за елей хлопочут двустволки – там охотники прячутся в тень. На снегу кувыркаются волки, превратившись в живую мишень...» И тут у меня патроны кончились! Последнего зомби я ножом укладывал. Но и контролера нельзя оставлять в живых – что, если он за мной по подземельям потом пойдет? Ну, я к нему подступаю, он же, гад, вылез из-под обломков и пятится, да еще шустрый такой... Отбежит – и снова пялится, не убегает совсем.

Наверное, задело его, что не может меня зацапать Целиком, мешает ему что-то. Как посмотрит на меня – вроде зашумит в голове, нечисть всякая начинает мерещиться, я остановлюсь, не понимаю, зачем сюда приперся, и контролера больше не вижу, смысла типа, то есть исчез. Вдруг прорвется в сознание: «Идет охота на волков, идет - охота! На серых хищников, матерых и щенков», – и опять вижу, что тут он, бесовская морда, никуда не делся, гипнотизирует! Позыркает так – отбежит, pozyркает – отбежит Не уходит совсем, хотя мог бы, пока я ориентацию теряю. «Кричат загонщики, и лают псы до рвоты. Кровь на снегу и пятна красные флажков». Завалить хочет, ясно. А я на него наступаю с ножом... и вдруг – раз! – одной ногой в «Зыбь» проваливаюсь! Как эта аномалия работает, знаешь?

Про себя улыбаясь горячности Цыгана, Настька покачала головой, и сталкер заговорил вновь:

– Этого никто точно не знает, но она все вещество будто растапливает и перемешивает. Земля под ногами такой вязкой становится, и ты как в болото... Органику не трогает, но если провалишься и выбраться не успеешь – «Зыбь» застынет, и ты в ней останешься, зацементирует лучше всякого бетона. Проваливаюсь я, в общем, в нее ногой, а перед глазами в это время всякая дрянь вертится, и я вроде как не понимаю, что это «Зыбь». Но провалился-то все же именно ногой, и в голове сразу: «Наши ноги и челюсти быстры – почему же, жоак, дай ответ, – мы затравленно мчимся на выстрел и не пробуем через запрет?» – и я, услышав это, как бы вынырываю из бреда. И вижу, что я «Зыбь» включил. А контролер сидит совсем близко, в двух шагах, на камне, и лыбится. Как я тогда выбрался... до сих пор сам себе не верю, что сумел. «Зыбь» ведь не просто перемешивает все, она при этом еще и растет. Одной ногой встал – считай, весь уже там. И под ботинками становится зыбко, мягко – не выпрыгнуть. То есть когда «Зыбь» мелкая, то можно, мне же попалась глубокая, провалился чуть не по пояс. Но небеса подсказали, прям озарение какое-то... В голове крутится: «Я из повиновения вышел за флажки – жажда жизни сильнее!» – а тело в это время само все сделало, я даже испугаться не успел. Верней, испугался, но уже потом, когда понял, чего избежал... Короче, там так получилось: «Зыбь», когда я ее включил, разрослась аккурат до этого камня, на котором контролер на корточках присел. Я, значит, снял любимый «G-36» с шеи, за приклад взял, ремень на шею ему быстро накинуд, рванул черта на себя, уронил в «Зыбь», на него вскочил и прыгнул на камень. Потом еще дальше по коридору отбежал для верности... Оглянулся – а «Зыбь» застыла уже. И контролер в ней по самые уши. И так он на меня смотрит... – Рамир вытер вспотевший лоб. – Дергается, пытается выбраться, а никак. Аж пузырится от усилий. Раз дернулся, другой, понял, что пропал, – и на меня взглядом такую волну покатил... Ненависти, понимаешь? Омерзения и ненависти – жгучую такую, ядовитую. Меня будто кипятком ошпарило, а потом схлынула волна, но следы ее остались на мне. – Он быстро оглянулся на Настьку. – Ничего не чувствуешь, а? Как будто пленка на мне невидимая прилеплена... Когда человек подходит любой – мне кажется, что пленка вроде как мерцает, хотя ничего не видно. И кожу будто покалывает, кончики пальцев тоже, мочки ушей иногда чесаться начинают... Странное такое ощущение. Это то, что я чувствую, – а люди тут же с лица спадают, краснеют, бормотать что-то начинают... ну и убегают куда подальше. – Рамир вздохнул. – Не сразу я сообразил, что к чему, но когда уж понял – ясно стало, что контролер в этом виноват.

Они вышли из очередной ложбины, и Настька, поравнявшись с Рамиром, взяла его за руку.

– За что же тебе такое наказание? – грустно спросила она.

– Да я вот и сам думаю, – нахмурился Цыган. Опять накотил стыд, и он отвернулся, помрачнел, говорливость его иссякла. – Ладно, Кипяток – он при смерти был, истощенный, и крыша у него поехала уже в той клетке, потому он на меня не реагировал. Страх ему мешал мое проклятие ощутить, ужас перед бюрерами и тем, что они его сожрать Должны. Но ты... удивительно все же, почему ты ничего не ощущаешь? Может, это связано как-то с тем, что ты местная? Ну, родилась здесь... Дитя Зоны. Они здесь все странные, у них бывают отклонения...

Она отдернула руку.

– Я нормальная! Я не дитя Зоны, а... а человеческое дитя!

– Да нормальные-то люди меня боятся.

– И хвоста с рогами у меня нет! Еще раз скажешь, что я странная, так я тебя... – Она подняла кулаки.

Рамир невесело рассмеялся.

– Ладно, понял. Но только в Зоне всякие странности, наоборот, к лучшему. Полезны твои особенности могут быть, непонятно разве? Слушай, я на самом деле просто поражаюсь тебе. Могильник – такое место, что никто ничего про него толком не знает. Я сам себе не верю – иду тут с тобой по этому чертову Могильнику, живой... да это кому расскажи из сталкеров – не поверят! А если у тебя способности есть, то тебе в Зоне самое место...

Девушка насулилась.

– Нет уж, я тут жить не собираюсь, как дядя Василь, – отрезала она. – Я в большом мире останусь. Вот схожу до деревни, с Боргом поговорю и тут же обратно. Интернат закончу и все-таки поступлю в ветеринарный! – Она взмахнула рукой. – Вот так, поступлю! Подумаешь, менеджеры больше получают. Зато я животных люблю. Мне нравится их лечить... – Она покраснела и опустила голову, смущенная своим порывом.

А Рамир, наоборот, побледнел. Не бывать тебе дома, не окончить школу... Что сказала бы на это Ма? Сколько усилий она приложила, чтобы цыганского оборванца вывести в люди. Старая цыганка умерла бы со стыда, если бы знала, что ее любимый внук... И ведь не деться уже никуда – Умник со своими людьми ждет, он не выпустит Цыгана из Могильника живым, если тот не приведет девушку.

Земля под ногами дрогнула – Настька пискнула, Рамир отпрыгнул, пригнувшись, широко расставил ноги. Она качнулась вновь, снизу донеслось утробное ворчание.

– Что это?! – выдохнула побледневшая девушка.

Сталкер поднял руку, показывая ей, чтоб молчала, и замер в напряженной позе. Урча и бурча, земля покачивалась, шла мелкими трещинами, трава шевелилась.

– «Брюхо», – сказал Цыган, делая осторожный шаг. – За мной иди, вперед.

– Брюхо? – обескураженно повторила Настька, неловко шагая следом. – Вправду, как по брюху идешь... И вроде, – не сдержавшись, она хихикнула, – вроде у него несварение желудка, расстройство, у этого брюха.

– Ага, смотри, чтоб у него понос не начался, – пробурчал сталкер, не видевший в ситуации ничего смешного.

Утробные звуки из-под земли стали громче, почва покачивалась и вздрагивала. Цыган шел, как моряк по палубе

корабля в легкий шторм, Настька ковыляла за ним, широко расставляя полусогнутые ноги. В какой-то момент качнуло так, что она чуть не упала, ухватила за спутника сзади и чуть не опрокинула его. Она ожидала, что Рамир сразу рассердится, как Лесник, но он лишь пробормотал:

– Осторожно, осторожно...

Что-то было с ним не так, Настька чувствовала это – новый проводник будто смущался, как если бы... как если бы ощущал себя виноватым перед ней, вдруг поняла она. Но почему, из-за чего? Ведь он, наоборот, ее спас и решил не убивать! Рамир не обманывал, она чувствовала – он не станет ее трогать...

Снизу донеслось протяжное клокотание, потом что-то громко булькнуло.

– Дядя Рамир... То есть Рамир! – позвала она, цепляясь в его ремень. – Да что же это такое?

Не оглядываясь, он пожал плечами.

– «Брюхо», так называют.

– Но что это за «Брюхо»?

– Не знаю. И никто не знает, по-моему. Это же Могильник, здесь все еще более странное, чем в Зоне вокруг. Что-то там живет в земле... Или, может, сама земля изменилась из-за аномальной энергии? Может, прямо под нами когда-то что-то закопали большое, и потом оно... оно...

– Ожило? – предположила Настька. Он вновь пожал плечами.

– Может, и не ожило в нормальном смысле, а как бы... Или вообще в другом дело. Земля ведь вся из жизни состоит, почва то есть, понимаешь? Там же сплошные червяки, бактерии, всякие эти... коловратки, жучки, микрофлора... Вот я когда-то и подумал: может, если аномальная энергия это все пропитала, то она, жизнь эта вся разрозненная, как бы слиплась, видоизменилась, ну и стала такой... – он замолчал.

– Ну? – Настька даже подпихнула Рамира в спину, так ей было интересно, что он дальше скажет.

– Ну, в общем, она стала в целом живой и как бы разумной. Вернее, с инстинктами...

– Вся... вся земля? – прошептала она.

– Не вся земля по всей Зоне, а на определенном участке. Кусок, по которому мы сейчас идем. Как бы такой... организм.

– И он может нас съесть? – заключила она. – Переварить?

– «Брюхо», в общем, не опасно. Ни разу не слышал, чтобы оно напало. Но если в этом месте остаться надолго, заснуть, то... Черт его знает, что может произойти. Может, постепенно погрузишься в почву, и она тебя... ну да, может, переварит?

Девушка поежилась, услышав о такой перспективе, и пошла быстрее, подталкивая спутника. Еще с минуту из-под ног доносилось утробное клокотание, земля перекачивалась пологими мягкими волнами, а потом все стало как обычно – они миновали район «Брюха».

– Фуух... – протянул Рамир, проводя рукой по лбу. – Говоришь, не собираешься тут жить? Мне и самому Зона поперек горла.

Он ускорил шаг, стараясь не смотреть на Настьку, чтобы не видеть ее доверчивого взгляда. Спросил:

– Так для чего ты в Бобловку идешь?

– Я не сама иду, меня ведут, – вздохнула она.

– Ну и для чего ведут?

– Не знаю.

Рамир шевельнул бровями, размышляя.

– Ну хоть разговоры ты какие-то слышала тех, кто тебя в Зону привез? Они что, ни словом не намекнули?

– Да в том-то и дело, что нет! Ты как Лесник, он тоже все выяснял. А я... – Настька развела руками. – Ну, не знаю я ничего, и они ничего такого не говорили. Вот просто идем в село – и все тут. А я не против, я Борга хочу увидеть.

– Это кто еще?

– Да это... – она несмело улыбнулась. – А ведь получается, что я и этого не знаю. В детстве мы дружили, он в подземельях жил, я туда спускалась, мы разговаривали. Только он невидимый, потому я и не знаю, как он выглядит. Борг, ну... Он мой друг. Единственный в жизни. Когда его вспоминаю, у меня почему-то в сердце колет. Я очень хочу его увидеть теперь, когда взрослая стала. Потому что теперь, наверное, смогу понять, кто он, разобраться. А то у меня будто тайна была в детстве, которая до сих пор тайной осталась, о которой думаю постоянно: кто такой Борг? И мне его жалко.

– Почему жалко? – спросил внимательно слушавший Рамир.

– Да потому, что он живет там, в этих подземельях, один... Сколько лет уже? Там же угрюмо так, мрачно. И он один. Я бы... я бы теперь вытащила его оттуда, помогла бы.

– Он для тебя как принц, – догадался Рамир. – А? Как этот... из «Аленького цветочка». Смотри, чтобы и Борг не оказался чудовищем.

Против обыкновения, Настька не стала возмущаться из-за такого предположения, а задумалась над ним и надолго замолчала. Они обогнули высокие заросли, поднялись по склону невысокого холма.

– Далеко нам идти? – спросила девушка. Рамир быстро покосился на нее, отвернулся...

И наткнулся взглядом на срез стволов охотничьего ружья.

– Руки! – велел Лесник, выходя из-за кустов.

* * *

– Руки, я сказал! – Лесник шагнул вперед, держа Цыгана под прицелом.

– Дядя Василь! – закричала Настька и бросилась к нему. – Ты живой! – Она обхватила его за пояс, неловко прижав голову к груди под притиснутой к плечу винтовке. Борода Лесника была всклокочена, под глазами – набухшие синие мешки, лицо бледное, глаза горят мрачно решимостью. Сталкер легко отпихнул девушку локтем. Та сделала шаг в сторону, не сводя с него сияющих глаз.

– Хорошо, что ты живой! – сказала она. Не сводя взгляд с Цыгана, который будто ненароко положил ладонь на ствол автомата, Лесник прикрикнул:

– Руки, я сказал! Ствол на землю! Настька посмотрела на Рамира, перевела удивленный взгляд на Лесника.
– Ты чего, дядя Василь? Ведь это Рамир, он меня спас! – Она встала перед сталкером, загоразивая Цыгана.
– Ага, познакомились уже? – зло произнес Лесник. Цыган, прищурившись, смотрел на двустволку со смешанным выражением презрения и облегчения. И не шевелился.

– Отойди! – прикрикнул Лесник на девушку. «А ведь может и пальнуть», – подумал Рамир. Он медленно снял с плеча автомат. Настька стояла между ним и звероловом, как раз на линии огня. Цыган поднял автомат в вытянутой руке, показывая, что не собирается использовать, и сделал шаг в сторону. Стволы ружья переместились за ним, он отбросил автомат к склону холма. Лесника он не боялся и, если бы не девчонка, по-свойски поговорил со старым чертом...

– Дядя Василь, хватит! – подскочив к проводнику. Настька повисла на его руке, стараясь отвести ружье от Цыгана. – Лесник, слышишь?! Рамир спас меня от бюеров! И от контролера! Что ты хочешь сделать, ведь он...

– Он за тобой охотится! – отталкивая девушку, прикрикнул Лесник. Еще секунду назад он собирался без лишних разговоров пристрелить наемника, но, когда Настька сказала, что тот спас ее, заколебался. Угрюмая злость переполняла его, требовала выхода – быстро шагнув вперед и, перехватив ружье за ствол, Лесник обрушил приклад на голову Рамира. Тот едва успел прикрыться, удар пришелся на локоть. Настька вскрикнула, зажав рот ладонью. Лесник толкнул Цыгана и опять ударил, медвежьей хваткой сжал его за плечо, пнув по лодыжке, повалил на землю, почти без замаха врезал по голове. Убить эту тварь – и дело с концом, больше никто не будет мешать! Он поднял ружье. Настька с воплем прыгнула вперед и обеими руками впилась в ствол, не позволяя опустить приклад. Лесник схватил ее запястье, сжал так, что девушка задержалась от боли.

– Не трогай его, не трогай! – закричала она, вырываясь и снова хватая ружье.

Цыган приподнялся. Оттолкнув Настьку, Лесник твердым носком ботинка ударил его под ребра. Рамир захрипел, тряхнул головой и встал на четвереньки.

– Тебе меня не свалить, старик, – сказал он и попытался встать.

Лесник пнул его по руке и опрокинул на землю.

– Нет, не надо! – крик Настьки сорвался на визг.

Сталкер заехал Цыгану стволком по лицу – раз, второй, – пока девушка не повисла у него на локте, рыдая. Прямо перед собой она увидела разъяренное лицо со всклокоченной бородой.

– Он меня чуть не убил! – выдохнул Лесник. – А ты не знала?! Бросил в кустах мутантам на съедение! Я тебя защищаю, его наняли тебя пристрелить – и ты за него заступаешься?!

– Да, да! – крикнула Настька, дергая за ствол ружья. – Он все равно не злой!

– Дура! – Лесник с такой силой оттолкнул ее, что Настька упала.

Он вскинул ружье, целясь Рамиру в затылок. Тот хрипел, пытался встать – и не мог. Трава под ним потемнела от крови.

– Нет! – крикнула Настька, с трудом вставая. – Не надо, не надо!

Ноги ее подогнулись, она упала на бок, перевернулась лицом книзу и накрыла голову руками, пытаясь отгородиться от окружающего мира и от того, что сейчас должно было произойти. Еще секунду Лесник целился в Рамира, потом прошептал что-то и опустил ружье. Повесив на плечо, схватил Настьку за плечи, поднял. Поправил рюкзак, крепко обхватил тонкое запястье и потащил девушку прочь.

* * *

Настька плакала, ладонями размазывала слезы по лицу.

– Рамир хороший, – повторяла она, всхлипывая. Она шла по тропе за Лесником, который крепко держал ее за руку. – Он сказал, что не будет меня убивать! Он не врал, я видела... – Она хлопнула носом, повернув голову, плечом вытерла мокрую щеку. На куртке осталось темное пятно.

– Конечно, чего ему теперь тебя убивать? Он просто отвел бы тебя к своим, пусть те убьют...

– Он обещал, я ему в глаза смотрела, он правду говорил! – стояла на своем Настька, заикаясь на каждом слове. Ее трясло от рыданий.

– Ну, может, совесть его заела, не захотел тебя сразу убивать, после того как ты ему тогда со снарками помогла, – хмуро ответил Лесник. – А все одно убил бы потом. Теперь вы с ним квиты, он тебя тоже спас, а дело ему делать надо. Так что недалеко вы бы с ним ушли, заруби на носу.

Уже совсем рассвело. Они шли по редколесью, мох упруго пружинил под ногами. Начинался новый день, и был он таким же хмурым, как предыдущий, может, лишь немного светлее. Когда лес закончился, взгляду открылось обширное поле, другая сторона которого была скрыта в густой пелене.

– Нам туда? – спросила девушка. Было в этой серой пелене что-то необычное, но что именно, она никак не могла понять. Туман и туман... но почему-то он притягивал взгляд, приковывал к себе внимание.

Кивнув, Лесник ступил на едва заметную тропинку, пересекающую поле.

Девушка уже почти успокоилась, глаза высохли, только немного щипало щеки там, где пролегли дорожки слез.

Страшные холмы бюеров остались позади. Слева лес тянулся огромным полукругом, огибая поле, далеко по правую руку возле горизонта виднелась серая полоска... И вдруг на фоне нее появились сторбленные фигуры. Настька сощурилась, вглядываясь. Шестеро существ – может, людей, а может, мутантов, отсюда невозможно было разобрать – шли, сильно сутулясь, нагнув головы, у каждого была палка, и каждый, кроме первого, держался за плечо идущего впереди. Почему-то при виде этой картины у Настьки сжалось сердце.

– Кто это? – прошептала она. – Лесник, кто там идет? Приостановившись, он глянул в ту сторону, покачал головой и зашагал дальше. Оглянулся – Настька замерла, разглядывая фигуры.

– Ну, чего ты? – позвал сталкер. – Идем.

– Но кто это?

– Шесть Слепцов.

– Чего? Каких слепцов... Кто они такие?

Вздохнув без обычной своей раздражительности, Лесник вернулся к ней.

– Я не знаю. Может, люди, а может, контролеры или еще кто-то.

– Контролеры? – Настька вздрогнула и слегка пошатнулась, хотя существа были очень далеко. Они брели медленно, равномерно и монотонно переставляя ноги, и почему-то при виде их накатывала тоска. Так неприкаянно, безысходно выглядели эти не то люди, не то какие-то странные порождения Могильника, и такая серая унылая бессмысленность была в их движениях...

– Контролеры... – повторила Настька шепотом, комкая воротник куртки. – Но почему они там идут? Почему Друг за друга держатся? Они вправду слепые?

– Не знаю, – повторил Лесник. – Может, это сталкеры, у которых крыша поехала под влиянием Могильника или контролеров. А может, синхроны... Ну, те, у которых сознание слепо в одно...

– Давай подойдем к ним? – предложила она неуверенно.

Он пожал плечами.

– Говорят, это невозможно. Они вроде и медленно идут, но все равно бежишь за ними, а они как бы ускользают от тебя, уходят. И так можно преследовать долго, пока не забредешь в какую-то совсем уж глушь странную, из которой и не выбраться... может, это сам Могильник таким способом людей заманивает? Слепцы вроде легенды местной, как Черный Сталкер, к примеру, или Чертово Колесо. Только Черного Сталкера никто и не видел, а Слепцы – вон они. Ладно, хватит, идем.

Он зашагал по тропинке, и Настьке ничего не оставалось, как пойти следом. Она еще несколько раз поглядывала на Шестерых Слепцов, на облаченные в длинные одежды силуэты, бредущие через Могильник к неведомой цели.

Лесник на ходу полез в карман куртки, вынул яблоко и протянул девушке.

– Ешь.

Тронутая этим знаком внимания грубого и нелюдимого сталкера, Настька взяла яблоко. Оно оказалось теплым и кислым.

– Спасибо, – сказала она дрогнувшим голосом. Девушка откусила большой кусок, хлюпнув носом, принялась жевать. О том, что мутанты ее покормили, она не стала говорить. Ей вообще не хотелось вспоминать о произошедшем в поселке.

Слепцы исчезли из виду, какое-то время они шли молча. Трава была высокая и влажная, ноги вскоре промокли чуть не до колена. Настька шагала, слушая, как шуршит трава, отрешенная, ни о чем не думая. Было сыро, пахло землей и почему-то сеном.

– Расскажи, что было, – сказал Лесник, и она невольно поморщилась.

– Там плохо было, дядя Василь, можно я не буду об этом думать?

Опять наступила тишина. Настька вспомнила избитого Рамира, оставшегося где-то позади, и опять начала тихо всхлипывать. Лесник обернулся к ней, смерил долгим взглядом.

– Пойми: ему заплатили за тебя, – сказал он и закашлялся. Сплюнул в траву, отвернулся от девушки. – Это Зона, тут свои законы, жестокие.

– Ну и зачем в таком злом месте жить?! – рассердившись, крикнула Настька ему в спину. – Уехал бы в город, там бы тебя и вылечили заодно, – добавила она тише. Плечи ее поникли, девушка понуро плелась за проводником. Куртка сталкера едва слышно поскрипывала, шуршала трава под ногами, а так над полем царила тишина. Почему птицы не поют, молчат кузнечики? Настька оглянулась с затравленным видом. Сейчас вокруг не было мутантов-пигмеев, и никакой контролер не собирался жениться на ней, но Настьке вдруг почему-то стало страшно. Пару минут она шагала, иногда резко оборачиваясь, но никого не видела за спиной – хотя ей казалось, что сзади на нее направлен тяжелый, нечеловеческий взгляд.

* * *

– Мужчину оценивают по силе его врагов. – Сплюнув кровью, Рамир уперся ладонями в землю и встал на четвереньки. – У меня сильный враг. Значит, я тоже сильный. Я убью его.

Старый черт таки попал по голове, перед глазами плыло. Цыган осторожно выпрямился. Дьявол, впутался он в переделку, нечего сказать! Гнев медленно закипал в груди. Зачем взялся за это задание, когда с самого начала было ясно, что оно дурно пахнет? Купился на легкие деньги! Кара минжа, так вляпаться! Рамир сделал пару шагов, наклонился за автоматом и застонал. Болела нога, ныла рука, кружилась голова, до правой скулы невозможно дотронуться, щека горела. А вдруг зверолов ему сломал что-нибудь?

Он поднял рюкзак, с трудом сохранив равновесие. Надо было схватиться за эту двустволку, дернуть в сторону, врезать по башке... Пожалуй, он мог бы завалить старого черта. Тот силен, но и Рамир не слабак.

А ведь Умник ждет. Дьявол всех раздери, да что же это такое?! Рамир не мог выполнить задание, но и не мог не выполнить его... Сталкер пнул носком ботинка по земле, в воздух полетели комья и травинки, а он чуть не упал. Нет уж, задание никто не отменял, и времени осталось всего ничего.

Цыган отряхнул штаны, рукавом вытер кровь с губ. Во всяком случае, ему больше не надо смотреть девчонке в глаза. Он может подкрасться сзади... это будет не больно. Все просто. Выстрел в затылок – она ничего не поймет. Зато он больше не будет краснеть и бледнеть под ее взглядом.

Мрачно оглядевшись, Рамир попытался сообразить, не выронил ли чего-нибудь важное, но злость не давала сосредоточиться. Что за нелепое дело! Все наперекосяк и ни к черту не годится, с самого начала все идет вкривь и вкось, ничего не получается – почему? Неужели он неправильно истолковал знаки? Но там ведь, после Лысой балки, небеса явно указали ему путь за девушкой! Что он делает не так? В чем проблема, где загвоздка? В конце концов, за каким-растаким бесом молодой девчонке нужно тащиться в глубь Могильника в сопровождении старого злобного черта? Что за странные тайны развелись в этой проклятой Зоне? Что там, куда они идут?

Там Крепость. Зброшенное село – и Крепость под ним. Хотя что это за Крепость такая, никто толком не знает. А вот Рамиру, кажется, это вскоре предстоит узнать...

Он повернулся в сторону, куда Лесник уволок девчонку, ткнул перед собой указательным пальцем и сказал:

– Теперь ты мой враг. Кровник – потому что пустил мне кровь. Я тебя убью.

Повесив «G-36» на плечо, Рамир зашагал вперед. Он просто убьет их обоих, заберет деньги и свалит отсюда навсегда.

* * *

На краю поля, где начиналась туманная пелена, стало еще сумрачнее. И без того неяркий свет осеннего дня вязнул в дымке, казалось, наступил вечер, хотя не было еще и двенадцати.

Перед тем как войти в туман, они ненадолго остановились.

– Обойти это никак нельзя? – спросила девушка опасливо.

– Центр Могильника прямо впереди, – сказал Лесник. – Туман его со всех сторон окружает.

Пришлось ей вслед за сталкером шагнуть в сырую пелену, казавшуюся густой, как кисель. Они прошли всего ничего, когда Настька ненароком глянула вверх и снова остановилась.

– Что это? – воскликнула она, пытаясь стереть со щек мельчайшие капли влаги. – Почему там два солнца?

На Лесника вид двух бледных круглых пятен, проглядывающих сквозь туман, не произвел особого впечатления.

– Ну да, ну так что?.. – проворчал он.

– Но как же! Ведь оно одно! Как же это так?

– Шестерых Слепцов помнишь? – спросил он, пожимая плечами. – Так и сейчас – как так? А вот так. Это необъяснимо. Мы в Могильнике, здесь все, что угодно, может происходить.

Воздух был перенасыщен влагой, липкий туман оседал на коже, на одежде и волосах, сколько Настька ни старалась вытереть лицо и руки, они все равно оставались мокрыми. Она шла, молча страдая – ей совсем не нравилось окружающее, а еще она переживала за Рамира. Несколько раз порывалась спросить у Лесника, не сильно ли тот избил Цыгана, хотела, чтобы провожатый успокоил ее, сказав, что оставшийся позади сталкер наверняка выживет... Но, понимая, как глупо все это будет звучать, молчала. Она и сама видела, что тогда произошло, видела кровь на траве и как дергался Рамир.

Они шли, а вокруг ничего не менялось. Настька видела только тропинку под ногами да спину Лесника впереди. Иногда где-то сбоку выныривали из дымки дерево или куст – и быстро пропадали.

– Долго нам через эту гадость идти? – спросила она наконец, в который раз пытаясь стереть влагу с лица.

– Сколько надо, – не оборачиваясь, хрипло отозвался Лесник. Голос его изменился – стал ниже и глуше, сталкер как будто не хотел отвечать, говорил через силу. Настька и сама ощущала что-то необычное – туман казался настолько неуютным, что разговаривать совершенно не хотелось, тем более с этим злым дядькой, с которым она знакома всего ничего, который ей не отец, не старший брат и не дядя, но почему-то нужно тащиться за ним черт знает куда, черт знает зачем... Ее передернуло от отвращения. Как вообще она сюда попала? Все тут неладное, и деревья какие-то кривые, скособоченные, и Лесник этот на чудище лесное смахивает – вон волосы на голове так всклокочены, что аж торчком стоят, как будто шерсть на загривке у зверя вздыбилась. А ведь она же была нормальной девчонкой, училась себе в девятом классе киевского интерната, врачом, между прочим, собиралась стать... А теперь что? Вон куда занесло, в глухомань какую заколдованную, да как такое вообще мо-жет быть?.. Настька задышала чаще. За спиной послышались крадущиеся шаги, она резко обернулась. Никого. Нет – вон, вон! – в тумане мелькнула черная тень! Настька догнала Лесника и схватила его за руку.

– Страшно, дядя Василь!

Он обернулся. Вскрикнув, она отдернула руку. Перекошенное нечеловеческое лицо глянуло на нее, из спутанной бороды щерились в кривой гримасе острые зубы.

– Ты виновата! – каркнул Лесник и ткнул в нее огромным корявым пальцем. – Из-за тебя сюда попали, теперь не выйдем никогда!

Настька попятилась.

– Что случилось, дядя Василь? – дрожащим голосом спросила она.

– Сама не видишь, что ли?!

В тумане он напоминал зверя. И как же она раньше не замечала? Заостренные черты лица похожи на хищную морду хорька, глаза блестят злобой, словно у рыси, и волосы всклокоченные – ну прямо медвежья шерсть! Да он же... он же – оборотень на самом деле, мутант-оборотень! Девушка отступила еще на шаг.

Темная фигура проводника будто плеснулась в тумане, словно рябь по ней пробежала.

– Ладно, идем давай, выбиратьеся надо, – буркнул Лесник уже нормальным голосом, отворачиваясь. Снял с плеча ружье. – Опасно тут. В тумане всякие твари притаиться могут...

Он зашагал дальше; поеживаясь, девушка пошла за ним. Обхватила себя за плечи, потеряла их ладонями. Становилось зябко. Сам завел ее сюда, а еще и обвиняет! Помимо воли она вновь начинала злиться. И так страшно, а он вдобавок пугает... Тоже еще – охранник! Да Рамир в сто раз лучше ее спас, чем спасал этот дед звероподобный. А он ударил Рамира, толкнул, потом ногами пинал... Изверг, старый пень, фашист! Злость на проводника переполнила ее, и Настька уже собралась высказать Леснику все, что о нем думает, когда он вдруг остановился, вскинув ружье, повернулся. Сузившиеся глаза недобро блеснули.

– Прячется, тварь, думает, я не вижу! – хищным шепотом произнес сталкер, выцеливая что-то в тумане.

Девушка повернулась туда и ничего не увидела. Хотя вон, левее, дерево растет... или не дерево? Она прищурилась, по спине пополз холодок. Точно – дерево, но почему такие странные очертания? Ветви, как скрюченные пальцы с когтями, узкая крона скособочена и кажется согнутой шеей, и все оно кривое, словно вперед подалось... словно следит за людьми на тропе!

– Там нет никого, дядя Василь, – дрожащим голосом сказала Настька, пытаясь и себя убедить в этом. Страх Лесника пугал ее даже больше, чем все мутанты, которые могли притаиться в тумане. – Это просто дерево, слышишь?

– Как же, не обманешь меня, – Лесник все еще целился. – Тут излом живет. Хитрый, паскуда...

«Да он же с ума сошел, – подумала Настька. – Какой еще излом, что это значит? Как «излом» может «жить»?»

Ее начало трясти. Лесник мелкими шажками пошел дальше, движения его стали дергаными, неровными, плечи подрагивали. Ружье он не опускал, глядел вперед поверх стволов, через каждые несколько шагов дергал ими влево Или

вправо, выцеливая очередное дерево, и при этом бормотал под нос что-то злобное.

«Вот ведь, связалась с сумасшедшим!» — думала Настька, кидая взгляды то влево, то вправо. Из пелены выпрыгивали черные изломанные тени, шевелили корявым ветвями-пальцами, вытягивались и съезжались, пропади ли, возникали опять.

— Вон где! — ухнул вдруг Лесник. Грохот двух выстрелов сотряс туман, Настька вскрикнула. Потрясая ружье, сталкер соскочил с тропы и бросился в сторону раскиди стого дерева. Настька обомлела. Перескакивая через кочки, он подбежал к дереву, бросил двустволку, подпрыгнув, вцепился в корявый сук. — Попался, тварь! — зарычал Лесник дергая. На голову его посыпались желтые листья.

— Ты спятил совсем! — крикнула Настька, бросаясь ним. — Отпусти дерево, что ты делаешь?! — Она схватила его за куртку, потянула, распаясь все больше. — Это не мутант, идиот, это дерево, а ты — псих!

Лесник обернулся, глаза его сверкнули. Настька отскочила, прижав руки к груди.

— Вот и ты, излом... — прошипел сталкер, не сводя с девушки напряженного взгляда и наклоняясь за ружьем. — Я знал, что ты придешь, ждал тебя. Подарочек у меня для тебя есть, свинцовый...

Скрюченные пальцы сжались на прикладе, но Настька не стала ждать и метнулась в сторону.

«Совсем спятил, — подумала она, когда Лесник и дерево исчезли в тумане. — Это безумное место, зачем я сюда пошла! Старик затащил меня, чтобы убить, — вот в чем дело. Говорят, сумасшедшие могут выглядеть как нормальные, пока что-то их не кольнет изнутри, — и тогда они срываются. Лесник меня возненавидел из-за того, что Рамир спас, а он тогда остался на месте, неуклюжий старый болван».

Из тумана донесся протяжный вопль сталкера. Горячая злость распирала Настьку, она задыхалась, ловила ртом переполненный влагой воздух. Старый больной псих, урод, мутант, тварь! Надо же было связаться с таким страшилищем, с чудовищем! Она бы сама прекрасно дошла! Поглощенная яростью и ненавистью, Настька быстро шагала вперед, сама не понимая куда. Сзади доносились глухие крики и выстрелы, она не обращала внимания. Одна дойдет, ей никто не нужен! Да тут и недалеко должно быть. Что ей какие-то уродские бородатые старики, больные на голову, спятившие сталкеры... Она идет к Боргу, и все тут!

Настька резко остановилась, будто на стену налетела. Крик, долетевший сзади, был полон ненависти и боли. После него надолго стало тихо, наконец донесся едва слышный стон. Девушка оглянулась.

Ненависть, будто липкий горячий пот, сочилась из всех пор, но она сумела понять: происходит что-то странное. Ведь она идет к Боргу, а старик... то есть дядя Василь ее провожает. При мысли о Бorge на душе стало чуть-чуть светлее, свет этот разогнал багровую пелену злобы, наполнявшую сознание. Девушка провела рукой по щеке, а потом вдруг дала себе пощечину. Раз, второй — в голове зазвенело.

— Борг, Борг! — крикнула она.

И морок вроде как отступил, съезжился, огромной мягкой тушей отполз обратно в туман. Чтобы успокоиться, надо думать о чем-то хорошем, светлом. Ведь что-то не так, ею как будто управляют... Да это же туман! Это он навевает черные мысли, а на самом деле они — не ее, она так не думает, но это идиотский туман, злой, уродливый...

— Прекрати! — одернула она себя. — Думай о хорошем. И опять сзади донесся протяжный стон. Дяде Василю совсем плохо, сообщила она, повернулась и побежала на голос.

— Не подходи! — прохрипел Лесник, выставя перед собой ружье, когда Настька выскочила из тумана.

Девушка отступила, плотная пелена окутала ее, скрывая от глаз скорчившегося на земле человека.

— Я тебя поймаю, тварюку, — бормотал он, тыкая вокруг стволами двустволки. Сталкер держал оружие левой Рукой — правую скрутила судорога, она будто сама собой подогнулась к животу и мелко тряслась. Лесник лежал на боку, дергая ногами, поворачивался и направлял ружье во все, что возникало из дымки. — Я тебя ждал, излом! — вопил он хриплым голосом. — Иди сюда, паскуда, прострелю твою руку гнилую! Узлом завяжу, в глотку тебе запихну!

Он же выстрелил из обоих стволов, думала Настька, ходя Лесника и осторожно приближаясь к нему сзади. Патронов в ружье нет, а зарядить он сейчас не может. Во всяком случае, она на это надеялась...

Остановившись в двух шагах позади сталкера, она позвала:

— Это я, дядя Василь. Настя. Никого тут нет, кроме меня. Нам идти надо...

Лесник, оборачиваясь, подскочил так резко, что девушка вздрогнула и невольно отступила. Стволы уставились в лоб.

— Не-е, меня не обманешь... — протянул сталкер с глухой ненавистью. Упал на грудь и со стоном перевернуло на бок. Ружье по-прежнему глядело на девушку. — Не пойдет, я вас насквозь вижу, мутантов...

— Это же я, Настька! — повторила она. — Вы совсем меня не узнаете меня, дядя Василь?

— Прикидываешься, мутант, — горячечно шептал Лесник, подползая к ней. Правая рука судорожно дергалась, загребая траву, и казалась самостоятельным живым существом, прилепившейся к человеку огромной пиявкой.

Вдруг непреодолимое желание раздавить эту пиявку размазать по земле овладело Настькой — она шагнула вперед, занося ногу. И наткнулась на ружье, стволы уперлись ей в живот.

— Теперь попался... — по искаженному болью прошла судорога — Лесник пытался улыбнуться. Костра ненависти полыхала в его глазах. Он спустил курки, и Настька облилась холодным потом. Раздалось сухое клацанье, но выстрелов не было.

Она вцепилась в стволы, дернула, однако здоровая Лесника была по-прежнему сильна — вырвать ружье не удалось.

— Так ты вот как?! — вскрикнул Лесник, приподнимаясь, и замахнулся ружьем, как дубинкой. Зажмурившись, Настька пнула его в правую половину груди.

Сталкер заорал, повалился лицом в землю и, выпустив, двустволку, схватился за больное место.

Подхватив оружие, Настька перекинула ремень через голову, повесила ружье за спину.

— Прости, дядя Василь, — прошептала она и опустилась на колени. Поднатужившись, приподняла Лесника. На нее глянуло искаженное мукой лицо.

— Вставай, пожалуйста, надо выбираться отсюда, вставай же, — повторяла она, пытаясь поднять его на ноги. Лесник навалился на нее, ноги его подкашивались, правая рука бессильно висела, левой он пытался упереться в землю, но ладонь

скользила по влажной траве. – Идем отсюда, идем скорей, – твердила Настька. Кое-как ей удалось поднять Лесника, она подлезла ему под мышку, положила здоровую руку себе на плечи и обхватила его за пояс. – Место тут заколдованное какое-то, это оно так действует, понимаешь? Я же знаю, ты не такой, ты мне помогаешь. Мы идем ко мне домой, где я в детстве жила, там спокойно, там отдохнуть можно будет... Шагай, дядя Василь, ну шагай же...

Лесник сдвинул одну ногу, другую. Он был зверски тяжелый, но Настька, закусив губу, поддерживала его, и сталкер медленно побрел вперед. Повезло, что он недалеко убежал от тропы – вскоре они вернулись туда.

– Все хорошо, – ласково, будто обращаясь к младенцу, повторяла она в сотый раз. Это действовало – тупая злоба уходила из глаз Лесника, лицо разглаживалось.

– Надо... уйти отсюда... – пробормотал он, тяжело опираясь на девушку и с трудом передвигая ноги. – Быстрее, а то опять... Здесь аномалия, она действует...

– Идем, мы идем, дядя Василь, – согласилась Настька, пошатываясь под его весом. – Скоро будем дома, ты не сомневайся, я тебе помогу, как ты мне помогал, и все хорошо будет, я правду говорю...

Они шли, она шептала что-то ему на ухо – и скоро глухая серая пелена поредела, туман рассеялся, а когда Настька вытерла рукавом лицо, липкие капли на нем больше не появились. Впереди показалось поле, за которым виднелась роща и крыши домов. Это была Бобловка.

2

Рамир подошел к тропе. Вересковый лабиринт остался позади, тропинка уходила вправо, впереди виднелось редколесье. Надо было сориентироваться.

Он скинул рюкзак, пошарив в боковом отделении, вытащил прозрачный файл с картой. Посмотрел на затянутое облаками небо, пытаясь определить, где солнце, вынул карту, расстелил на земле и склонился над нею. Могильник, изгибаясь, уходил на северо-восток, он тянулся до самой реки. Рамир прикинул расстояние. По всему выходило, что до Бобловки осталось совсем чуть-чуть. Что ни говори, а Лесник этот – хороший следопыт и места знает. В другое время на то, чтобы достичь центра Могильника, много дней ушло бы, но зверолов как-то хитро пошел, и дорога оказалась короткой.

А Умник ждет где-то за лесом, в единственном, не считая руин и Мозголома, относительно безопасном месте, где можно покинуть Могильник. Припомнив лес-аномалию, Рамир внутренне содрогнулся. И это – безопасное место? Относительно безопасное? Относительно чего – пасти слепого пса или желудка псевдоплоти? Ладно, так что тут у нас... Если сейчас быстро догнать зверолова, то можно выйти к Умнику уже через пару-тройку часов. Вон тропка через лес идет – отходит от той, возле которой Рамир сейчас, причем где-то недалеко отходит. Но лучше не соваться туда без кое-чей головы... Умник ждет до вечера, сейчас утро, время есть, хотя затягивать все равно нельзя.

Рамир сунул карту обратно. Надо идти. К черту всех малахольных девиц, какое ему вообще дело до нее? В конце концов, появятся деньги – его и так все любить будут. Мужик он или не мужик? Из-за девки раскис, слюняй. Да таких, как эта, в мире пучок за копейку на каждом углу, далеко ходить не надо. Цыган сплюнул и поднялся. На душе свербило, но он загнал неприятные чувства куда-то в глубину, закинул рюкзак на спину, повесил на плечо автомат и бодрым шагом пошел по тропе.

Зеленый мох пружинил под ногами, шуршали опавшие листья. Длинный холм по правую руку наконец закончился. Покосившись на него, Рамир вспомнил долину бюреров и сталкера Колю Кипятка, который умер на руках у них с девушкой. Глупая смерть. Да и жизнь, надо сказать, среднего удовольствия. Бегаешь, как мальчишка, с оружием по Зоне, собираешь цацки, продаешь, покупаешь на деньги новое оружие, снова бегаешь... Это все подростковая романтика, разве настоящий мужчина может жить так всю жизнь? Только тот имеет право считать, что жизнь удалась, кто занял в роду высокое положение, добился почета и уважения в семье и обществе. И если нет семьи, если ты безродный бродяга, слоняющийся по Землям Отчуждения, – о каком мужском достоинстве вообще говорить?

Деревья росли все реже, впереди показались широкие просветы – лес заканчивался. А дальше – большое поле и деревня за ним.

Девушка из этой деревни – интересно, что там все-таки в Бобловке? Рамир, ясное дело, туда не полезет, сделает дело раньше, но любопытно все же, что скрывается в центре Могильника? Вроде бы слышал он, что в Крепости под деревней водятся какие-то призраки, но что за твари, откуда взялись – непонятно. Вообще-то призраки суть материя потусторонняя... Может, жители деревни чем-то небеса прогневили, вот и покарали их, и бродят теперь неупокоенные души селян по окрестностям да под землей прячутся?

Потянуло холодком, и Рамир невольно оглянулся. Погруженный в свои мысли, он и не заметил, как вышел из леса и отмахал треть поля. Так нельзя, Зона за любую неосторожность быстро наказывает. Совсем запудрила ему мозги эта девица. Цыган пошел медленнее, осматриваясь. На открытом пространстве он – хорошая мишень, если бы зверолов захотел, мог бы сейчас легко его подстрелить...

Хотя они слишком торопятся, чтобы охотиться на него. Да к тому же... Поток мыслей оборвался, Рамир крикнул, увидев две фигурки, входящие в стену плотного тумана далеко впереди. Вот так вот! Он на верном пути и скоро догонит их!

Здесь, у центра Могильника, аномалии не встречались, и Цыган рысью бросился следом, передвинув автомат на грудь. От серой пелены, к которой он приближался, дул ветер и тянуло затхлой сыростью, как от болота, хотя на карте никакого болота не было. Туман, туман... что-то он слышал про этот туман. Почему-то его называли живым, хотя это полная чепуха, даже в Зоне не бывает живых туманов. Впрочем, сам Рамир совсем недавно говорил Насте про живую землю, которой может являться «Брюхо»... Да нет, ерунда – никакой этот туман не живой, обычная пелена влаги, висящая над землей.

Когда Рамир вошел в туман, его сразу облепило пленкой росы. Пару раз он стряхнул липкие капли с лица и одежды, но быстро понял, что это бесполезно. Пригнувшись, прижимая «G-36» к груди, Цыган пробирался по тропе, внимательно глядя перед собой. Он слышал какие-то звуки впереди, но туман глушил их, превращая в смутное рокотание – совершенно непонятно, что там творится. Вроде послышался крик, потом в густой пелене раскатился звук выстрела... На мутантов, что ли, они каких-то наткнулись?

Рамир кинул быстрый взгляд на детектор аномалий, висящий на груди. Детектор молчал, узкий монитор затянула пленка болотного цвета. Проверил – нормально, работает, просто его сенсоры ничего подозрительного не засекают. Вытер монитор рукавом. Ну и хорошо, главное теперь, чтобы эти мутанты, или по кому там зверолов палит, не сожрали их. Подумав об этом, Рамир побежал. А еще лучше – чтобы сожрали, но одну голову оставили. Впрочем, он вовсе не был уверен, что слышал выстрел. Туман искажал звуки до неузнаваемости.

Из пелены то тут, то там выныривали деревья, иногда так неожиданно, что Рамир дергался и пару раз чуть не выстрелил. К тому же они напоминали каких-то тварей, а еще у сталкера начало свербеть в мозгу, будто где-то неподалеку засел контролер. Поле зрения сузилось, как бывает при сильных головных болях, теперь деревья появлялись совсем уж неожиданно, выскакивали из пелены слева и справа.

Поэтому и высокую сутулую фигуру он заметил, только когда был в двух шагах от нее. Цыган вскинул автомат, а человек обернулся.

Что у него с лицом?.. «А, так это же не Лесник, – понял он, – кто-то другой». Рамир перешел на шаг. Звуки впереди давно смолкли, стояла ватная тишина.

Немолодой сталкер в плаще с откинутым капюшоном выпростал из-под плаща худую руку с сигаретой и сказал:

– О-па! Нечасто тут народ появляется... Слушай, а может, прикурить найдется?

Голова у него была обрита налысо, лицо морщинистое, мягкое и какое-то невыразительное.

– Не курю, – буркнул Рамир, однако, пошарив по карманам, вытащил зажигалку. Он действительно не курил, когда отправлялся на задание, потому что признавал только сигары, а их на ходу употреблять нельзя, совсем не то удовольствие.

Мужик раскурил сигарету, пару раз быстро затянувшись, вернул зажигалку. Рамир искоса с удивлением разглядывал его. Что это за человек такой, почему он бродит здесь в тумане?

– Спасибо, браток, – хрипло произнес сталкер, выпуская дым из ноздрей. Блеклые глаза его за покрасневшими веками смотрели благодушно. – Чего потерял в нашем болоте?

– Да так, – неопределенно ответил Рамир. – А ты чего здесь?

– Я тут вроде как живу, – улыбнулся сталкер. – Не прямо здесь, конечно, у границы. Что, удивительно? Ясное дело, необычное место, но... Я давно тут, вроде как привык. А ты это... – он оглядел Цыгана. – Может, в гости зайдешь? Ты вроде не злой, с виду нормальный... Чайку попьем, за жизнь поговорим? А то, честно сказать, скучно здесь.

– Здесь опасно, – поправил Цыган.

– Правда, но когда опасности привычные – они тоже скучные. Главное, никогда почти никого не бывает. Веришь, за последние... – сталкер поднял глаза и нахмурился, вспоминая, – короче, за несколько месяцев ты – первая живая душа. Ну, разве что Слепцы с неделю назад мимо пробрели, так с них какой толк? Да никакого...

Лицо у встречного было, в общем, располагающее, смотрел он открыто, видно, что камня за пазухой не прячет. Глаза, правда, какие-то водянистые, но тут уже человек не виноват.

– Тороплюсь, дела у меня, – сказал Рамир, однако с места не сдвинулся и палец с крючка не снял.

Сталкер еще раз глубоко затянулся, взглянул на напряженно застывшего Цыгана.

– Убивать никого не надо, – почти весело произнес он, взмахнув сигаретой. – Настя, говоришь? Все будет хорошо, я точно знаю.

– Чего? – нахмурился Цыган. – Ты о чем?

Голова у него болела, но было ясно, что этот странный тип – не контролер. Не пытался он взять Рамира под контроль, не гипнотизировал... хотя откуда тогда ощущение ржавой пилы в мозгу, которое у него возникает при пси-воздействии? Соображалось из-за этого туго.

– Аномалия здесь такая, – непонятно пояснил сталкер. Он плюнул на ладонь, затушил об нее сигарету и спрятал бычок в нагрудный карман. – Вроде «Выжигателя мозгов», только действие другое. Питается мозговыми волнами определенной частоты. Сначала вызывает злость, а потом высасывает, высасывает... Никого убить не хочется?

Рамир отрицательно качнул головой и тут же пожалел об этом – новый приступ боли сжал виски. Сталкер удивленно поднял брови:

– Нет? Вот странно. Обычно из людей ненависть так и прет... Может, ты добрый больно? Нет? Влюбленный? Дурак?

Цыган поднял ствол повыше.

– Не забывайся, приятель. Так что ты там говорил насчет...

Собеседник, тихо посмеиваясь, выпростал из-под плаща руку, поднял в шутливом жесте.

– Ладно, сдаюсь, не бей, командир! А все-таки убивать не надо, не надо... Девушки – они жить любят...

Рамир шагнул вперед, хлопнув ладонью по прикладу автомата.

– Тебе чего надо? Кто ты такой вообще? Откуда про девушку знаешь? Отвечай, быстро!

– Мне, братишка, многое известно, – сталкер многозначительно подмигнул. – У меня... ну, способности всякие. И подсобить я тебе могу. Пошли со мной, и я тебе обстоятельно расскажу. Глядишь, помогут тебе мои слова кой-чем, верный путь укажут. Так что, идешь, нет?

– Способности... Телепат ты, что ли? По типу контролера?

– Ты что, никакой я не контролер, – удивился мужик.

– Ладно, иди себе куда шел со своими способностями, – сказал Рамир, ткнув стволом в собеседника. – Дело у меня.

Он плечом сильно оттолкнул мужика, так что тот чуть не упал, и быстро зашагал прочь по тропе. На ходу оглянулся, готовый выстрелить, если сталкер пойдет за ним, но тот стоял на месте. Ладно, черт с ним, Рамир спешит, ему нет дела до всяких странных телепатов...

Звука шагов не было, но вдруг крепкая рука схватила Цыгана сзади за горло. Выпустив автомат, он машинально вцепился в сдавившие шею пальцы, пытаясь разжать. Излом, это же излом! – мелькнула мысль.

Наверное, самый редкий мутант в Зоне. О нем Цыган знал лишь понаслышке, поэтому и не вспомнил сразу. Хотя и приметил, что одна ладонь у встречного вроде чуток побольше другой, но внимания не обратил – туман искажал, к тому же сильно болела голова...

– Хе-хе, – раздался сзади добродушный смешок. Рамир, освободив одну руку, схватился за автомат, но крутануть его на ремне, чтобы дать очередь за спину, не успел – подошедший ближе излом вырвал оружие. Он заехал сталкеру по уху, потом достал пистолет из кобуры и, не отпуская шею Рамира, обогнул его, встал впереди. Цыган тут же попытался пнуть его ногой, но мутант легко отскочил. Гипертрофированная рука провисла и стала похожа на удава.

– Хе-хе, – повторил излом, обходя вокруг Цыгана, обматывая его конечностью.

Два круга – и тот оказался в объятьях мутанта. Излом дышал ему в затылок, посмеиваясь.

– Я люблю свеженькое, – зашептал он, – Пошли в избушку ко мне, пока туман тебя совсем не высосет. Тогда уж мой черед настанет, тогда я за тебя возьмусь... Туман всех высасывает, и добреньких, и влюбленных, и дураков, одних раньше, других позже... У всех ненависть припасена, всех он одолеет...

Рамир дернулся, но излом держал крепко. Воздух едва проникал в легкие, в ушах звенело, кружилась голова, к тому же руки были прижаты к бокам, и он мог лишь идти мелкими шагами да хватать воздух ртом. Подталкивая пленника, излом двинулся прочь от тропинки, в серую мглу.

* * *

– Дальше я сам, – хрипло пробормотал Лесник, останавливаясь. Его все еще шатало, но сталкер сумел выпрямиться, опершись о плечо девушки. За деревьями и кустами виднелись крайние дома поселка, накрытое туманом поле осталось позади.

Лесник медленно повернул голову, глянул на нее. Пожевал губами и произнес:

– Ты меня спасла. Спасибо.

Она отвернулась, слегка покраснев, скованно кивнула. От усталости девушка едва стояла на ногах и часто зевала.

– Это туман во всем виноват, – произнесла Настька полупшепотом, стараясь унять дрожь. – Он... будто живой.

– Пси-аномалия, – коротко пояснил Лесник. – Ружье отдай.

– Да-да, конечно, – девушка протянула ему двустволку, которая давно отдавила ей плечо. Сталкер бегло осмотрел ружье, достал из мешочка на поясе два патрона и зарядил.

– Зачем? – Настька кивнула на деревню. – Там ведь уже свои.

Приглаживая бороду, Лесник неопределенно ответил:

– На всякий случай. Ладно, топаем.

Они пошли дальше. Пахло недавно скошенной травой, облака немного разошлись, показалось солнце, и сразу стало чуть теплее, хотя сзади, от накрытого туманом поля, все еще тянуло холодом и сыростью. Настьку до сих пор не оставляло неприятное ощущение, будто в спину ей уставлен нечеловеческий взгляд – но с каждым шагом чувство это становилось слабее, а когда они достигли деревьев, и вовсе пропало. Немного воспрянув духом, девушка шагала рядом с Лесником, полной грудью вдыхала свежий осенний воздух и пыталась найти что-то знакомое в окружающем пейзаже. Пока что она не узнавала ни рошу справа, ни холм слева, ни саму деревню...

Вскоре они достигли древней грунтовки, дальше пошли по ней.

– Вспомнила, вспомнила! – вскрикнула Настька и указала на деревянный столб линии электропередачи. – Вот это. Вдруг выскочило в голове... И вон тот колодец тоже помню!

Высокий, почерневший от времени колодезный сруб стоял возле дороги. Миновав его, они вошли в деревню. Здесь давно не шли дожди, дорога была сухой и сильно пылила.

– Там дом бабы Нюры! – Настька крутила головой, жадно выискивая знакомые картины. – Она меня клубничкой угощала. А там дед Пахом жил, видишь, синие наличники где? Он сам красил, а я помогала, но только измазалась вся! Теперь вон краска облупилась совсем...

Настька улыбалась воспоминаниям, а Лесник, наоборот, хмурился. Он снял с плеча ружье и нес в руках, иногда поворачивал на звук или движение, когда на краю дороги колыхалась ветка куста или ветер шевелил травой.

Не замечая настороженности проводника, девушка радостно показывала, вспоминая все новые подробности:

– А это скамейка, я дяде Мише помогала ее ставить. Один раз от дождя там пряталась, ливануло вдруг, до дому бежать далеко, так я и залезла под нее, а там щель была, и мне вода за шиворот попала. А за поворотом магазин будет, вон затем...

Десятки воспоминаний, радостных и не очень, теснились в голове, и даже самые грустные из них были окутаны каким-то светлым ореолом. Настька спешила дальше, не замечая, что все дома вокруг нежилые, что деревянные стены потемнели от времени, краска облупилась, окна разбиты, – не замечая, как на самом деле тоскливо и неуютно здесь.

Они прошли дом с синими наличниками, миновали избушку без крыши, покосившееся здание с маленькими окошками и вывеской над развалившимся крыльцом: «...П...ЕКА»...

Дорога повернула, огибая огород, заросший бурьяном по пояс. Лесник поднял ружье. Справа за выкрашенными зеленой краской заборами стояли два одинаковых дома, а по левую руку открылось большое здание с цоколем из крупного камня. Широкое окно, ржавые железные ставни, над ними жестяная вывеска: «ПРОДУКТЫ». Рядом на крыльце сидел здоровяк в камуфляжных штанах и черной майке, в руках у него был пулемет.

Глава 7 В СЕРДЦЕ МОГИЛЬНИКА

1

Видимо, по дороге излом передавил горло – Рамир незаметно для себя потерял сознание. А когда очнулся, первым делом удивился тому, что еще жив.

Излом крутился рядом, брел чем-то на крыльце. Цыган лежал на утоптанном мху перед избушкой, вросшей в землю по самые наличники. Стянутые за спиной запястья болели, ноги тоже были связаны. Рюкзак валялся в стороне, раскрытый, мутант уже покопался в нем. Рядом лежал автомат с завязанным узлом ремнем, в стороне – пистолет и снятые с бедра ножны. Разоружил, связал... так почему не убил?

– А я люблю свеженькое, чистенькое. – Хозяин повернулся, и Рамир увидел в его руках мясницкий тесак. На крыльце были разложены крючья для подвешивания и растяжки туши. – Пока туман тебя не высосет, тело горчить будет, так что я подожду, а чего же, куда мне спешить...

Говорят, изломы – телепаты почище контролеров, вспомнил Цыган.

В тумане все имело необычный вид, серая дымка скрадывала очертания, заставляя мозг домысливать картинку, и самые обыденные вещи казались странноватыми, какими-то неправильными. К примеру, сколько Рамир ни гнал от себя этот образ, хижина излома упорно казалась избушкой Бабы-яги. Просто подогнула свои куриные лапы, а сама хихикает за спиной... Он вздрогнул, кое-как обернулся. Дом как дом – низкая бревенчатая халупа... Затаилась, чертова тварь, прикидывается!

Рамир потряс головой. В затылке вспух алый шар, боль стрельнула между висками – зато сознание прочистилось. Все-таки действует на него эта пси-аномалия, исподволь в мозги заползает. Цыган повернул голову влево, потом вправо. Метрах в полтора от него лежал камень. А по левую руку в траве белела кость... человеческая кость! Поблескивающая, будто лакированная. Кость и камень... Надо что-то делать, время идет, пора выбира... Рамир поймал взгляд излома и сморгнул. Припомнилось вдруг чужое и мудрое: «Времена не выбирают, в них живут и умирают. Больше пошлости на свете нет, чем кланить и пенять, будто можно те на эти, как на рынке, поменять. Что ни век, то век железный...»

Словно заподозрив что-то, догадавшись о хитрости пленника, излом оставил свои крючья, подошел ближе. Глаза на невыразительном лице бегали из стороны в сторону.

– Покушать не хочешь пока? – спросил мутант, опускаясь на корточки. Длинная рука поползла к рюкзаку, вытащила нераспакованный брикет сухпайка, вернулась к хозяину. Излом сунул брикет под нос Цыгана. – Ням-ням? – сказал он, заглядывая в лицо.

«Что ни век, то век железный», – твердил про себя Рамир.

Водянистые глаза излома сузились, он нерешительно отодвинулся, уголки губ опустились. Видимо, не имея доступа к мыслям жертв, мутант терял уверенность в себе. А сталкер бубнил про себя, забывая скороговоркой всякие отчетливые мысли:

«Крепко тесное объятье, время – кожа, а не платье, глубока его печать...»

– Девушку убивать не хочешь? – выпрямившись, желчно спросил мутант. Теперь он куда меньше напоминал человека, эдакого добренького дядюшку с трехдневной щетиной на впалых щеках. – А я тебе скажу, что придется. Слон ведь не простак, его не обведешь. А ты мечтал, как слиняешь от Умника да Слона перехитришь? Ха! Выходит, браток, ты еще глупей, чем я о тебе подумал сначала!

«Ты себя в счастливы прочишь, а при Грозном жить не хочешь?»

Обиженно надув губы, как ребенок, чья хитрость не удалась, излом отошел от сталкера и мстительно забренчал мясницкими крюками. Достал точильный брусок, демонстративно отвернувшись, стал править огромное лезвие тесака.

«Не мечтаешь о чуме флорентийской и проказе? – твердил Рамир, беззвучно шевеля губами. – Хочешь ехать в первом классе, а не в трюме, в полутьме?»

– Хочу, не хочу... – пробормотал излом. – А ты что же, не хочешь со мной разговаривать?.. Ну и ладно. Обойдусь, тебе же хуже. Я-то давно тут живу, в Могильнике, мог бы присоветовать кое-чего, а то и рассказать об этой Крепости, куда девушку твою ведут. Я много чего знаю, многое видел, чего и не снилось твоим умникам...

Он оглянулся с надеждой. Но Рамир на его предложения не велся, слишком это все было наивно – точить тесак на глазах у жертвы и при этом втираться к ней в доверие. Хотя скорее всего излом и не пытался, а просто хотел вывести сталкера из себя, напугать, сломать ментальную защиту, чтобы туману было легче высосать жизненные силы...

«Время – это испытанье, не завидуй никому», – продолжал Рамир, пытаясь вспомнить, как там дальше. Руки с каждой секундой немели сильнее, и надо было все сделать быстро...

Он пополз на спине, твердя: «Что ни век, то век железный...»

Приходилось перебирать ногами, качаться с плеча на плечо. Поясница тут же заныла, но он не обращал внимания, повторяя раз за разом: «Время – кожа, а не платье, время – кожа, а не платье...»

– Ничего, еще заговоришь, кричать будешь, биться головой станешь, ругаться на меня, старого... – Излом оставил крюки и отошел к наполовину выступающему из тумана сооружению, которое с первого взгляда напомнило сталкеру средневековую пыточную дыбу.

«...Глубока его печать. Словно с пальцев отпечатки, с нас черты его и складки, приглядевшись, можно взять», – зачастил Рамир, отгоняя образ освежеванного человеческого тела, свисающего на крюках со скользкой от крови деревянной перекладины. Когда излом пошел к пыточному сооружению, Цыган замер, а теперь опять пополз. Расстояние было всего ничего, но двигался Рамир медленнее полудохлой черепахи.

«Времена не выбирают, в них живут и умирают...»

Он улегся спиной на человеческую кость.

«Большей пошлости на свете нет, чем кланить и пенять...»

Сначала ненароком вдавил ее в землю, но потом кое-как обхватил пальцами и вытащил. Округлая со всех сторон, гладкая – такой ни за что не перерезать...

«...Будто можно те на эти, как на рынке, поменять...»

Излом резко повернулся.

«Крепко тесное объятье! Время – кожа, а не платье!»

Мутант рысью подбежал к нему, и Цыган замер на спине, уставившись в серое небо, повторяя, как молитву:

«Глубока его печать.

Глубока его печать.

Глубока его печать...»

Излом наклонился, заглядывая ему в лицо, скривив рот. «Глубока его печать... Глубока его печать... Глубока-его-печать, глубока-его-печать-глубока-егопечатьглу-бокаегопечать...»

– Почти закончил я, сынок. Сейчас тебе будет очень больно, а потом ты умрешь, и я тебя съем. И ты ничего не можешь сделать, ну совсем. Как это – быть таким беспомощным, а? Расскажи мне, всегда хотел узнать, что вы чувствуете перед тем, как я вас съедаю.

«Время – это испытанье, не завидуй никому». Излом задумался, потом сказал:

– Да я и не завидую.

Разведя руками, он повернулся и пошел обратно, так и не заметив, что пленник переместился в сторону. Ведь времена не выбирают, в них живут и умирают... Как только излом зашагал прочь, Рамир пополз за ним – но теперь он развернулся ступнями вперед и стал передвигаться, вминая каблуки в мягкую землю, сгибая ноги. Так получилось быстрее и немного легче. «Время – кожа, а не платье». Хорошо, что земля мягкая, хорошо, что трава влажная. «Как сильны его объятья». Из-за этого все происходит очень тихо, мутант не слышит... Зад уперся в камень. Излом опять стал точить тесак. Рамир полз. «Век мой, рок мой на прощанье...» «Ш-ш-ширк! Ш-ш-ширк» – разносилось в тумане. «Время – это испытанье». Он выгнулся, приподнимаясь, упал спиной на камень. Больно! «Не завидуй никому». Излом повернулся, Рамир замер, только голова немного тряслась от внутреннего напряжения. «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

– Да уж, умирают, – сказал мутант. Глянул на пленника и пошел к хижине. Шагнув внутрь. Подогнув колени, Цыган опять приподнялся – и вновь обрушился на камень, но теперь костью, которую сжимал в руках. Кость тихо треснула и лопнула.

«Вре-ме-на-не-вы-би-ра-ют-в-них-жи-вут-и-у-ми-ра-ют...», – Рамир твердил это речитативом и в такт словам кромсал веревку острым сколом кости. Он был в каком-то нервическом иступлении, глаза слезились, из уголка рта текла слюна. Излом появился опять, посмотрел на сталкера. «Большей пошлости на свете нет, чем кланяться и пенять, будто можно те на эти, как на рынке, поменять...»

Излом, ласково улыбаясь, пошел к нему с тесаком на перевес. Рамир скоблил веревки сколом кости. Кромсал, рвал влажные неподатливые волокна. «Глубока его печать, глубока его печать!» Мутант приближался. Одна веревка порвалась, и тут же за ней вторая. Согнув ноги, Рамир вскочил.

Гипертрофированная конечность взлетела, как змея, кинулась на сталкера. Он упал на бок, перекатился, прыгнул, вновь упал – и схватил пистолет. Ноги оставались связаны, Цыган поднялся на колени, вдавил спусковой крючок. Несколько выстрелов прогремели один за другим. Из груди мутанта плеснули фонтанчики крови. Уродливая длинная рука метнулась к сталкеру, сжалась на стволе, пригибая «ТТ» книзу... Рамир выдрал оружие из пальцев мутанта, нажал опять – но больше выстрелов не последовало. Излом бежал к нему, Рамир поскакал навстречу. Яростно швырнул пистолет в морщинистое лицо, раздробил нос, сбил мутанта с ног и упал сверху. Ребра излома треснули. Цыган привстал, сжав тощую шею, стянутыми коленями придавил длинную руку к земле.

– Крепко тесное объятье! – бешено взревел Рамир, стискивая сильными пальцами кадык мутанта. – Время – кожа, а не платье! Глубока его печать!

Он наклонился ниже. Излом издыхал.

– Словно с пальцев отпечатки, – сказал ему Рамир, – с нас его черты и складки, приглядевшись, можно взять.

Мутант захрипел, и он заглянул в мутные глаза.

– Расскажи мне, что ты чувствуешь перед тем, как подохнуть, – напомнил мутанту его же слова Цыган.

Мутант дернулся и умер. Покачнувшись, Рамир отпал от него, свалился на землю. Излом лежал неподвижно, только длинная конечность чуть подергивалась, едва заметно шевелились пальцы. Сталкер поднялся, наступил на ладонь, каблуком втоптал в землю, крутанулся на ней. Хрустнули косточки, рука наконец успокоилась. И все равно Рамир старался не поворачиваться к ней спиной. Боком подсеменил к крыльцу, осторожно взял тесак за лезвие, распилил веревки на ногах. Потер опухшие, посиневшие запястья, размял пальцы. Подошел к мертвому излому, пнул его так, что труп подпрыгнул и перевернулся.

– Ничего ты теперь не чувствуешь, – сказал Цыган, поднял «ТТ» и сунул в кобуру. Вспомнив, достал его, нашел в вещах запасной магазин, перезарядил, опять убрал пистолет. Вернулся к вещам, схватил рюкзак, покидал туда то, что излом вытащил, закинул на спину, надел автомат на плечо и, еще слегка пошатываясь, побежал по едва заметной тропинке, ведущей к центру Могильника. Патронов у него оставалось совсем мало. Чертов излом нарушил все планы – теперь он не успевал перехватить зверолова с девушкой до того, как те достигнут Бобловки.

* * *

В деревне стояла мертвая тишина, только из магазина доносился приглушенный шум. Здоровяк на крыльце встал, слегка покачивая пулеметом; Лесник, прижимая приклад к боку правым локтем и поддерживая ружье левой под цевье, медленно пошел к нему. Он не сводил взгляда с долговца, а тот лениво следил за ним и идущей позади Настькой, пожевывая сухую травинку. Наконец выплюнул ее, подвигал мощной челюстью и сказал:

– Левша, что ли? Пушку видишь? Стой давай. Кто такие, че надо?

Лесник презрительно сморщился: он не любил таких наглых самоуверенных парней с накачанной мускулатурой и сдувшимися мозгами.

– Я и левой могу выстрелить, твоя пушка пукнуть не успеет. Ты из «Долга»?

На квадратном лице задвигались желваки. Прищурившись, парень окинул сталкера презрительным взглядом.

– Что это у нас тут за леший из тумана выполз, да шалава малолетняя при нем? Я, борода, только командиру на вопросы отвечаю. А кто первый из нас шмальнуть успеет – это мы еще посмотрим...

Он перехватил пулемет поудобнее.

– Я – Настька! – сказала девушка звонко, выглядывая из-за Лесника. – А ты кто такой, дубина?

Из раскрытого окна донеслось:

– Эй, Жарик, чего там?

Девушка только сейчас расслышала, что внутри что-то жарится – шкварчал и постреливал жир на сковороде.

– Дед, что ли, вернулся?

– Дед, да не тот, – отозвался здоровяк. – И с ним сопля какая-то. Хочу вот, слышь, жару им задать...

– Эй, погоди! – сказал голос. – Костя, погляди, чего там, я не могу от сковородки отойти.

Пригнувшись в дверях, на крыльцо вышел долговязый нескладный человек в кителе и форменных брюках, с большим носом, похожим на вороний клюв. Уныло посмотрел на Лесника, из-за плеча которого торчала голова Настьки, перевел взгляд на Жарика.

– Ты головой вообще способен работать? – тусклым голосом произнес долговязый и безнадежно махнул рукой. – Мы ради чего все перлись сюда и столько людей потеряли? Чего торчим тут который день? Вот ради этой... – обернувшись, он добавил громче: – Пришли они!

Что-то звякнуло, потом из окна выглянуло румяное круглое лицо.

– Ну! Дождались наконец-то. Так, надо капитану доложить... Скажи ему, Костя, а то у меня сгорит.

Нескладный Костя сделал приглашающий жест и вернулся внутрь. Жарик еще секунду недобро глядел на гостей, наконец опустил пулемет.

– Че мне головой работать, – сказал он, – когда у меня вот эта вещь имеется?

Перехватив ружье за ствол, Лесник поднялся по скрипучим ступеням. Когда проходил мимо Жарика, тот отвел взгляд и, сделав едва заметное движение плечом, толкнул его. Лесник слегка качнулся, но даже не повернул головы. Настька возмущенно блеснула на долговца глазами, однако сказать что-нибудь не решилась, слишком уж тот был здоровый.

Жарик снова сел на крыльцо, а они вошли в магазин.

Здесь было полутемно. Напротив входа у стены высились сдвинутые витрины, возле них стоял большой стол, рядом – лавка. Слева была раскрытая дверь.

– Вовремя вы, как раз обед готов.

Лесник с Настькой повернули головы на голос. Из проема к ним шагнул румяный толстячок, лицо которого они видели в окне. Он был в камуфляже, рубашка расстегнута, под нею виднелась белая майка.

– Я Маркелыч. Располагайтесь, сейчас капитан выйдет. Мы вас заждались. Тоскливо тут.

Сказав это, он улыбнулся и ушел обратно. Настька, обойдя Лесника, с облегчением села на лавку и вытянула гудящие ноги.

– Есть ну очень хочется, – сказала она, потянув носом воздух. – Картошка там у вас жареная, да?

Сквозь шкварчание донесся голос Маркелыча:

– Точно. Еще тушенку открою, у меня хорошая, правильная тушенка, там мясо настоящее, а не какая-нибудь гадость.

Подойдя к двери, Лесник окинул взглядом вторую комнату. Небольшая дровяная плита стояла рядом с древним потрескавшимся буфетом без стекол. Сквозь дыры в дверцах шкафчика были видны поржавевшие банки с надписями «Сахар» и «Мука», на буфете возвышалась пирамидка консервных банок, на газете лежал нарезанный толстыми кусками хлеб.

Он поглядел на долговца. Виски Маркелыча были тронуты сединой, румяные щеки немного обвисли... Не меньше пятидесяти ему, решил Лесник. Дальше у стены стояли две железные кровати, заправленные полосатыми одеялами, на одной спал атлетического сложения мужик.

– Это Кабан, после ночного дежурства отсыпается, – пояснил Маркелыч, проследив за взглядом сталкера. – Садитесь, сейчас все соберутся...

Дверь за буфетом распахнулась, и в комнату, поправляя гимнастерку, быстрым шагом вышел невысокий жилистый человек. За ним маячил унылый Костя.

– Долго шли, – отрывисто бросил долговец, шагнув в проем. – Я – капитан Судаплатов. Можешь звать Ожогом, привык. Где девушка?

Насте он почему-то сразу напомнил змею – быструю, опасную... ядовитую. Двигался Ожог как-то очень по-змеиному, *скользяще*, а говорил немного пришептывая.

– Лесник, – представился сталкер и кивнул в угол, отойдя на шаг: – Вот она.

Капитан повернулся к Настьке – и та невольно вскрикнула. Правую половину его лица стянула багровая корка, брови там не было, веко и уголок рта задраны вверх. Девушке тут же стало неудобно, даже стыдно перед этим человеком... А он лишь бросил сухо, окидывая ее взглядом:

– Я привык.

С крыльца донесся приближающийся голос. Скрипнули доски, и в дверь влетел невысокий худой мужик. Вертя в пальцах сигарету, он быстро говорил:

– ...И представляешь, Ожог, вижу, что идет кто-то, прямиком в деревню, дай, думаю, доложу, хоть я и не дежурный.

Лесник обернулся. Худосочный коренастый долговец, продолжая говорить, плавно переместился в угол, к дверям подсобки, в руках его словно сам собой появился пистолет.

– ...А, да вот и они, капитан, ты гляди, сами явились...

Он замер, направив на гостей «ТТ». С этого места коренастый мог контролировать все помещение. Когда в дверях появился Жарик с пулеметом наперевес, Лесник поднял ружье. Настька сжалась на лавке, хлопая ресницами. Повисла напряженная тишина.

– Все сели! – Ожог хлопнул ладонью по столу. Это было так неожиданно, что Настька вздрогнула. – Винт, убери пистолет. Жарик, на место.

Передвинув к столу стул, Ожог сел. Здоровяк буркнул что-то, подался назад – заскрипели доски крыльца. Коренастый, которого капитан назвал Винтом, плавно, будто кошка, перетек к столу, уселся на край лавки, где сидела Настька, положил пистолет рядом.

– Я и говорю, сразу видно, что это те, кого мы ждем, по описанию схожи, ну и думаю, надо доложить капитану нашему, хоть я не на дежурстве, – произнес он, продолжая фразу, будто ничего не произошло. Ожог сидел неподвижно, положив ладони на стол и немного наклонившись вперед, тяжелым взглядом изучал Настьку. Девушка поежилась и отодвинулась поближе к Леснику. Тот сел рядом, двустолку пристроил на коленях. Костя с унылым видом пересек комнату, устроился на лавке возле Винта. Стало видно, что одно костлявое плечо у долговязого долговца немного выше другого.

– Ну вот, готово! – Появившийся из проема Маркелыч кинул на стол газету и водрузил сверху большую сковородку. Все молчали. Толстяк принес хлеб, ложки и банку с солеными огурцами, поставил миску со свежими помидорами,

большую фарфоровую солонку в виде скворечника. – Ладненько, приятного аппетита! – сказал он и, отдуваясь, занял место со стороны дверей. С крыльца раздался сердитый голос Жарика:

– Мне оставьте!

Настька вопросительно поглядела на Лесника, тот кивнул. Сидящий рядом Винт навалил картошки в миску, кинул туда пару соленых огурцов и подвинул ближе к девушке. Она благодарно кивнула, вооружилась алюминиевой ложкой и принялась все это наворачивать, не забыв ухватить толстый ломоть хлеба.

За обедом Лесник и долговцы исподлобья поглядывали друг на друга, только Ожог смотрел прямо перед собой. Он почти не ел. Винт быстро двигал ложкой, громко стучал ею о дно миски, Костя и Маркелыч, наоборот, ели неторопливо, основательно, но первый – как-то уныло, будто выполнял неинтересную скучную работу, а второй всем своим видом давал понять, что получает от процесса большое удовольствие. Винт, взяв третий кусок хлеба, вдруг заговорил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– А вот как-то собирает скупщик сталкера в поход: «Вот положил тебе масло, хлеб и килограмм гвоздей». «Зачем?»

«Понятно зачем! Масло на хлеб намажешь и поешь!» «А гвозди?»

«Ну вот же они – положил!»

Он захохотал, стуча ладонью по столу. Маркелыч скупно улыбнулся, а остальные вообще никак не отреагировали на анекдот, но Винта это ничуть не обескуражило, и он с довольным видом вернулся к еде.

Маркелыч закончил последним, вытер миску коркой, бросил ее в рот и стал неторопливо жевать. Ожог, давно отложивший ложку, сказал:

– Больше ждать нечего, выступаем.

– Девочка устала, ей надо отдохнуть, – неприветливо откликнулся Лесник, отодвигая миску. Капитан Судапла-тов ему не нравился.

– Вы в операции не участвуете, ваше слово не имеет значения, – отчеканил Ожог и со скрипом отодвинулся от стола.

– Мы еле выбрались из тумана, – глядя в стол перед собой, возразил Лесник. – То есть из аномалии. Два дня напряженного перехода и бессонная ночь... Ей надо поспать.

Ожог поднялся, ушел в подсобку и почти сразу вернулся с небольшой плоской сумкой. Положил на стол, сдвинув посуду, со щелчком расстегнул кнопку, откинул клапан. Костя не шевельнулся, Маркелыч спокойно посмотрел на деньги, взял из тарелки последний соленый огурчик и захрустел им. Винт заглянул внутрь, вытянув шею, присвистнул.

– Ни фиги себе, сколько бабок! – воскликнул он, облизнувшись. – Это за что дают? Неужели за то, чтобы этот барышню сюда привел? Наняли бы меня, я за половину привел бы! Ха, делов-то! Стоило со стороны кого брать? Вот мы – мы ж и так дошли...

– Нас двадцать человек было, – негромко вставил Маркелыч.

Настька смотрела то на Ожога, то на Лесника. А тот, поднявшись, уставился на деньги, машинально поглаживая грудь с правой стороны.

– Мы потеряли две трети отряда, – произнес Ожог. – Их двое, и дошли оба. И мы шли совсем из другого места, не было времени... – Он повернулся к сталкеру. – Бери деньги. Мы с тобой в расчете. Девушка остается тут, ты свободен, дальше мы поведем ее.

Настька подняла глаза на Лесника.

– Дядя Василь, не бросай меня, – сказала она и попыталась взять его за руку, но он отодвинулся. – Лесник... я без тебя не хочу. Никуда не пойду! Я...

– Молчать! – оборвал Ожог. Настька захлопнула рот.

Сталкер неотрывно смотрел на деньги. Она глянула на его застывшее лицо, на широкую ладонь, которой он поглаживал грудь, – и все поняла. Плечи ее поникли.

– Конечно, это ведь на операцию, – упавшим голосом сказала она. – Тебе надо вылечиться. Извини, пожалуйста, я глупая, я забыла совсем...

Ожог нетерпеливо подвинул сумку к сталкеру.

– Можете отдохнуть у местных. Тут остались несколько человек, найдете их в деревне. Забирайте и уходите. Мы тоже уходим, прямо сейчас.

Лесник оторвал взгляд от ровно уложенных пачек.

– Ей надо отдохнуть, – повторил он. – И без меня она никуда не пойдет.

Ожог вскинул голову и резко встал.

– Говорите, двадцать вас было? – не дожидаясь его слов, с обычной своей неторопливостью произнес Лесник и окинул взглядом сидящих за столом. – Значит, я пригожусь.

Капитан открыл рот, но так ничего и не сказал. Сквозь проем глянул на Кабана, по-прежнему негромко храпящего на кровати в соседней комнате, развернулся, будто на плацу, и стал мерить шагами комнату, заложив руки за спину.

– Еще один человек лишним не будет, – бросил он, хмурясь. – Да, я могу вас взять, это на пользу делу. Но препирательств в отряде не потерплю. Это надо иметь в виду. – Он остановился возле Лесника, окинул изучающим взглядом. – Вы, бродяги, этого обычно не понимаете. На войне должна быть дисциплина. Отряд – как единый организм. Если кто-то будет создавать проблемы, я его пристрелю. – Он хлопнул по пистолету в кобуре. – Это не угроза. Вы все поняли?

Лесник кивнул.

– Хорошо, еще одно. Деньги с собой не брать. Ничего лишнего, только оружие и припасы.

– Оставляю здесь.

Винт переглянулся с Маркелычем, а Костя, уныло ковырявшийся в остывшей картошке, тускло проговорил:

– Я бы за местных не поручился. Лесник коротко пожал плечами:

– Значит, спрячу.

– Три часа вам на отдых, – заключил Ожог. – В шесть инструктаж, в семь выходим. – Он развернулся на каблуках и ушел в подсобку.

Рамир выскочил из тумана возле роши и бежал, задыхаясь, по полю. Пси-аномалия тянулась полукругом слева и справа, опоясывая Бобловку большим кольцом. Глянув на солнце, он определил направление и взял правее. По карте деревня должна быть к северо-востоку от него, но она прямо на востоке, выходит, излом оттащил его метров на пятьсот к северу. У Рамира оставался совсем небольшой шанс опередить зверолова, встретить его на краю деревни. Пригнувшись, он бежал со всех ног, рюкзак подпрыгивал на спине. Неширокий перелесок, тянувшийся через поле от роши к крайним домам деревни, перекрывал поле зрения – Цыган не мог разглядеть, идет ли кто по тропе, которая должна была находиться где-то в полукилометре слева.

Он достиг Бобловки, тяжело дыша, залитый потом, – и оказался на узкой, заросшей бурьяном улочке между покосившимися заборами. На ветру шелестели лопухи, а в домах за оградами чернели слепые окна. Рамир перешел на шаг, сдвинув автомат на грудь. Впереди показался перекресток – там улочка достигала центральной улицы Бобловки. Если он все верно рассчитал, те, за кем он охотится, должны очень скоро пройти по ней...

– А это скамейка, я дяде Мише помогала ее ставить, – донеслось из-за поворота.

Вот они! Рамир неслышно побежал вперед, пригибаясь, у перекрестка свернул, встал за бурьяном под оградой. Удачно, до чего ж удачно... Сейчас все кончится.

Девушка что-то взволнованно щебетала, он не слушал. Отвел широкий лист лопуха, увидел торец большого деревянного здания с каменным цоколем – то ли склада, то ли сельского магазина. Возле крыльца стоял здоровенный мужик с «Печенегом» – десятикилограммовый пулемет он держал легко, как деревянную игрушку. Черная майка открывала хорошо прокачанные мышцы рук.

Из-за угла показались зверолов с Настькой. Есть! Очень осторожно он поднял автомат, и тут что-то холодное уперлось ему в затылок. Дребезжащий старческий голос прошептал на ухо:

– Опусть, опусти его, милоч.

* * *

Как только дверь за Ожогом закрылась, обстановка в комнате сразу разрядилась. Костя поднялся, вынул из-за уха бычок и пошел к выходу, сказав на ходу:

– Пойду перекурю, позовете, если что.

Настька, разомлевшая после еды, поставила локти на стол и подперла голову руками. Она вовсю зевала. Винт сунул пистолет в кобуру и боком улегся на лавке, благодушно посматривая на нее с Лесником. Маркелыч, стесав перочинным ножиком кончик спички, откинулся на стуле, принялся ковыряться в зубах.

– Ты иди приляг, – сказал он девушке. – Там вторая койка, пустая. По тебе видно, что устала, так отдохни, точно говорю. Трудная дорога была?

Настька тряхнула головой и посмотрела на толстяка, с трудом разлепив тяжелые веки.

– Еще какая трудная, – сказала она. – А где все деревенские? Мне дядя Виталий говорил... ну это тот, который из интерната меня забирал, – говорил, что тут Степан остался да дед Пахом, и тетя Матрена вроде...

– Кто-то да и остался, – согласился Маркелыч. – Но они в деревне где-то... иди спи. Я разбужу, когда надо будет. Слышала, что капитан сказал? Всего три часа на отдых. Тебе по малолетству мало будет, но лучше уж чего-нибудь отоспать, чем потом с ног валиться от усталости. А капитан потом спуска не даст, имей в виду, он такой.

Она кивнула, прошла в соседнюю комнату и нерешительно встала у заправленной койки.

– Ложись, не стесняйся, – подбодрил толстяк. Настька села, развязала ботинки. Ногой пихнув их под кровать, легла, не раздеваясь, завернувшись в худое байковое одеяло. Поворочалась, устраиваясь, и затихла.

– Почти ребенок еще. – Маркелыч начал убирать посуду со стола. – Винт, буди Кабана, пусть гостю постель уступит. Он свое отоспал, хватит. А то разлегся, боров...

Лениво сбросив ноги с лавки, Винт усмехнулся.

– Экий ты заботливый, прямо отец-командир, Маркелыч. А если жалко мне Кабанчика будить? Он, в отличие от вас всех, целую ночь на крыльце торчал, с пулеметом обнимался, холодный, голодный...

– Пошла болтать провинция, – вздохнул Маркелыч. Он вытащил из буфета рюкзак, водрузил на стул и сел рядом. – Буди, говорю.

– Я тут посижу. – Лесник сгреб сумку со стола, застегнул клапан и перекинул ремешок через голову. Прислонился спиной к стене, сдерживая зевок. Глаза закрывались, под веки будто песка насыпали, но он не хотел терять контроль над ситуацией. Долговцам он никогда не доверял, к тому же надо было еще сообразить, куда спрятать сумку. Хорошо хоть приступ не начинается – правую руку на подходе к деревне немного скрючило, но это и все, боли не было, и на том спасибо.

– И скажи потом Косте, чтобы Жарика сменил, пусть тот пожрет, пока с голодухи ленту не сглодал, – сказал еще Маркелыч шустрому Винту, который уже подскочил к Кабану и тряс его за плечо. – Одинаково жаден до еды и до оружия, – пояснил он Леснику. – Никакой управы нет на него, если дорвется до ложки и пулемета. Да ты ложись, не бойся. Мы не волки, глотку во сне не перегрызем, – он спокойно улыбнулся.

– За капитана вашего я бы не поручился, – хмуро отозвался Лесник, скрепя руки на груди.

– Ожог – суровый мужик, но не подлый, – откликнулся Винт из соседней комнаты. В проеме Лесник видел, как он с силой пихнул заворочавшегося Кабана в бок.

– Подъем, пожар, горим!

В дверь с крыльца вошел, заслонив широкими плечами проем, Жарик.

– Я сам сменился, – пророкотал он. – Костя за меня. Где обед?

Маркелыч кивнул на буфет, куда он отнес сковороду, банку огурцов, миску с помидорами и хлеб на газете. Пулеметчик потер ладони.

– Щас задам жару жарчке! А че мало так оставили?

– С Кабаном еще поделишься. – Винт прилег обратно на лавку. Проснувшийся долговец, сев на кровати, кулаками

потер глаза. Лесник с легким удивлением глядел на него. Даже по сравнению со здоровяком пулеметчиком Кабан выглядел великаном. Он был не просто могуч – он казался неестественно, нечеловечески крупным, будто какой-то радиоактивный мутант... «А может, так и есть? – подумал Лесник. – Может, он родился в Зоне? Тут всякое случается... Хотя в «Долг» не взяли бы такого, это тебе не «Свобода»...»

– Мне жратвы дайте, – прогудел Кабан. – Я без топлива не могу.

Он боком вошел в проем, кинув на Лесника косой взгляд, обогнул стол. Две огромных спины загородили буфет, слышалось рокошующее препирательство по поводу того, как делить.

Лесник посмотрел на Маркелыча. Тот казался ему самым уравновешенным и разумным человеком в отряде.

– Куда вы идете? – спросил сталкер. – Зачем я девчонку через Могильник вел?

Маркелыч сходил в угол, принес чехол, вытащил «СВД» старой модификации, снова сел и принялся осматривать оружие.

– Так ты не знаешь? – Он поглядел на осунувшееся лицо сталкера. – Куда ж ты с нею собирался, зачем с Ожогом спорил? Может, и не стоит тебе дальше с нами?

– Мне ваш соратник сказал, что надо довести ее до этой деревни. Что все дело с Крепостью как-то связано – понятно было и так. Про Крепость я слышал, но что оно такое – не знаю, да и никто толком не в курсе... Ну вот, может, вы только. Курильщик, уж на что мужик любопытный, и то не прознал, что за штука эта Крепость. То ли комплекс какой, то ли подземная лаборатория. Я так думаю, что последнее, но...

Винт засмеялся, хлопая себя по бедру.

– Странный ты, папаша! Видать, к черту в пекло за малолеткой готов, раз не узнал, куда идти. А тебя как наняли, через кого?

– Через Курильщика, – ответил Лесник, помедлив.

– А! Известный скопидом. Это, знаешь, была однажды история... Поймал Курильщик в Припяти золотую рыбку. Рыбка: «Курильщик?» – «Да». – «Лучше сразу зажарь».

Винт захохотал, откинув голову. Лесник на него даже не взглянул, выражение лица не изменилось. Винт ему не то чтобы не нравился – просто слегка раздражал своей болтливостью и неуместной сейчас жизнерадостностью.

Маркелыч укоризненно глянул на весельчака. Пожав плечами, отщелкнул магазин и стал заряжать патронами из цинка.

– Капитан все расскажет на инструктаже. Ну и выпросит твою барышню о чем надо. А Бритый и не мог тебе ничего особого сказать... Ну да ладненько, я наводку дам. Крепостью называют засекреченную лабораторию, это ты правду смекнул. Зброшенная она, внутрь не пробраться. То есть можно – но только на верхние этажи, а дальше... Пробовали до нас, а мы уже и не пытались. Сюда-то, видишь, с какими потерями добрались...

– Почему не пробраться?

Маркелыч оглянулся по сторонам и понизил голос:

– А потому что у Крепости хозяин есть. Так его и называют: Хозяин Крепости. И кто он такой, а вернее – что оно такое, никто не знает... Впрочем, капитан наш, может, и знает, да он никому не скажет, пока туда не придем.

– И что этот твой Хозяин делает? – спросил Лесник. – Выглядит как?

Маркелыч pokrutil головой.

– Так в том-то и загвоздка, мил-человек. Если б знать, кто он да что он, – с ним бы и совладать легче было бы. Но – нет, невидимый он.

– Но что он делает? – повторил Лесник.

– Народ крошит почем зря, кто пониже спуститься решил.

– Как крошит?

– А по-всякому. Сведений мало, потому что оттуда редко кто ноги уносил. Но факт тот, что Хозяин этот...

– Борг, – перебил сталкер. – Его Боргом называют.

– Да-да, правильно, так вот Борг этот – что-то уж совсем странное. Я много о нем разговоров наслушался... Нет, не человек он, потому что невидим и как бы... Ну, как бы в воздухе парит.

– Значит, полтергейст.

– Не-е, вряд ли. Борг разговаривает, а полтергейсты дурные, только хохотать могут, да и то – не смех это, если разобраться, а просто они такой звук издают, который на человеческий смех похож. Не мутант, в общем, слишком соображает в человеческой технике. Говорят, он управляет всей электроникой лабораторного комплекса. Оборудование, двери, охрана – все на нем.

– Так, может, он из служащих, которые раньше в той лаборатории работали? – предположил сталкер. – Может, начальником охраны там был, к примеру.

Маркелыч повел плечами.

– Может и так, не знаю. Только почему он один выжил, а больше никого в Крепости не осталось? И как он там столько лет в одиночестве? Что ест? Темное дело, в общем...

Лесник подался вперед.

– Ладно, а девочка тут при чем?

– А! – кивнул Маркелыч. – Она же здешняя. Родилась и росла тут. Местные рассказали, что она по подземельям лазала и дружбу водила с Боргом. Единственная, кто туда много раз спускался и назад выходил. Ну, капитан сложил два и два и барышню твою заказал сюда доставить. Понял ты, что к чему? Она для нас навряд золотого ключика от тех лабораторий подземных...

– И вы не знаете, что там... – нахмурившись, пробормотал Лесник.

– Говорю ж тебе: про это только капитан знает, – развел руками Маркелыч. – И цель, с которой мы туда идем, – тоже только он. Капитан у нас... одержимый, ага. Ну ладненько, я собираться буду, а ты бы поспал часок, мил человек. Ожог потом не позволит медлить, идти будем быстро, никакого роздыху.

– Ты снайпер? – Лесник показал взглядом на «СВД». – Чего винтовка старая?

Маркелыч широко улыбнулся, любовно погладил оружие.

– Да вот, на складе одним откапал. Это ж еще семидесятых годов прошлого века, ага. У них стволы другие, сталь другая... Они лучше, вот что я тебе скажу. Люблю я все старое, надежное. У тебя вон тоже, гляжу, не оружейный модуль с лазером и другой ерундой, э?

Лесник покосился на двустволку, стоящую рядом у стены, и ничего не сказал. Маркелыч отошел к витринам, вытащил из-за них ящик с боеприпасом. Кабан и Жарик, толкаясь и вполголоса переругиваясь, доедали картошку. Шуршала газета, у кого-то из них в зубах громко хрустел крепкий соленый огурец.

Винт оглянулся на Маркелыча, который сосредоточенно складывал в рюкзак плоские жестяные коробки, пересел на лавку к Леснику и, нагнувшись, зачастил громким шепотом:

– Ты, дед, на Ожога не сердись, он мужик хороший. Лучший боец в лагере, а может, и во всем «Долге». Только после случая с контролером у него мозги набекрень малеха, Да ведь у кого из нас своих тараканов нет под черепушкой?

Лесник ткнул себя в щеку.

– После этого крыша съехала?

– Точно, – закивал Винт и пальцем нарисовал у себя на правой половине лица круг. – И кличкой он своей чуть ли не гордится, ну то есть обычно люди уродства такого стыдятся, а он вроде наоборот... Оно ему энергию дает, одержимость, понимаешь? Когда стали его у нас за глаза Ожогом называть, до него дошло быстро, ясное дело, он с тех пор так и сам стал представляться, мол, Ожог, прошу любить и жаловать... Дело года три назад было, контролер ему попался, толкнул его в «Жарку». Та полыхнула. Но Ожог-то волевой мужик, не удалось мутанту его целиком под контроль взять. Вырвался, однако, видишь, как его волной тепловой припечатало? А контролер смылся, и капитан с тех пор все его ищет, чтобы отомстить, да никак найти не может. Так что о контролерах при нем лучше не заговаривать – звереет, как черт. Понимаешь?

Маркелыч поднял голову от рюкзака и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Что-то дед задерживается. Давно уж должен прийти, а все нету его. Надо поискать, а?

* * *

Голос был знакомый.

– Пахом Сергеич? – прошептал Рамир. Опустив оружие, он медленно повернулся.

Перед ним стоял маленький востроносый дедок со старым карабином.

– А, Рамир! – сказал он. – Помню, помню, встречались как-то... И чего тут забыл, милоч? Кого стрелять собирался?

Цыган кинул взгляд через плечо вверх буряна. На крыльце рядом со здоровяком появился еще один незнакомец, высокий, с большим носом, похожим на клюв, что-то уныло сказал, повернулся... Дитина с пулеметом отступил, зверолов и девушка поднялись на крыльцо. Пулеметчик могучим плечом подтолкнул зверолова, тот качнулся, но вроде как не заметил этого – и вошел в дом вместе с Настей.

– Уже никого, – буркнул Цыган и повесил автомат за спину. – Все, провалил я задание. Кто это там, возле магазина?

– И не только возле, а и в магазине тоже они сидят! – подхватил Пахом дребезжащим тенорком. – Из «Долга» эти ребята, эти... группировщики.

Группировщики. Рамир кивнул сам себе. Нуда, логично: «Долгу» надо, чтобы девушка попала сюда, а «Свободе», стало быть, – чтобы не попала. У этих группировок противоположная идеология: если «Долг» стремится не просто держать Зону под контролем, но, по мере возможности, бороться с ее многочисленными проявлениями, подавлять их, уничтожать, то «Свобода», наоборот, считает, что здесь все должно идти как идет, что нельзя вмешиваться, а надо ; сосуществовать с Зоной...

– А ежели никого, так и пойдем отседова, – шепотом предложил дедок. – Подмерз я на осеннем ветерке, согреться надо, а скоро снова идти... Идем, идем, расскажешь, чего забыл тут. Я тебя помню, Цыган, ты парень в целом хороший, без гнильцы.

Он поманил сталкера скрюченным артритом пальцем. Рамир молча пошел вслед за Пахомом прочь от перекрестка, продолжая размышлять: все это дело связано с Крепостью и Боргом – тут уж сомнений нет. «Долг» хочет при помощи девушки разобраться с кем-то... Может, именно с этим Боргом? Подступиться к нему поближе, пользуясь старой дружбой Насти с ним, да и уничтожить? А «Свобода», значит, не желает этого, причем так сильно не желает, что решила потратить изрядную сумму и нанять человека, который убил бы девушку по дороге...

– Давай не отставай. – Пахом стволом карабина раздвинул чахлые заросли сирени, вошел в них. Рамир шагнул следом. И вдруг понял – дед ведет себя нормально! Будто не ощущает антихаризмы сталкера! Это еще что такое? Цыган усталился в спину старика, который шел между зарослями и покосившимся забором. Почему он так спокойно себя ведет? Не потеет, лицо не зеленеет... Рамир даже что-то вроде обиды ощутил, но тут же мысленно стукнул себя кулаком по лбу – радуйся, идиот, что хоть кто-то кроме девчонки может с тобой спокойно разговаривать!

Они вышли из кустов, по тропе обогнули несколько заброшенных домов и вышли к селу. Рядом в маленьком домишке на одно окно и жил дед Пахом.

– Мне много не надо, – пояснил дед, открывая дверь в сени. На гвоздиках, вбитых в бревенчатую стену, висели ватники, под ними рядком стояли валенки, башмаки и стоптанные тапки. – Раздевайся, Цыганчик, и будь гостем, – пригласил хозяин, ставя карабин в угол и сбрасывая болотные сапоги, которые казались огромными на тщедушном старичке. Надев тапки, он прошел в комнату. Рамир скинул рюкзак, развязал ботинки, поставил рядом с сапогами. Перед тем как последовать за хозяином, покопался в своих вещах, вытащил банку тушенки и брикет оонового пайка, а еще тубу с сигарой.

В комнате было чисто и тихо. На стене тикали часы с кукушкой, под ними висели на цепочках две чугунные гири в виде шишек; кровать заправлена покрывалом в аккуратных заплатках, на стене – дряхлый ковер с оленями, какие часто можно увидеть в деревенских домах. Полосатая дорожка вела от дверей через всю комнату к застеленному клеенкой столу. Третью помещения занимала длинная печь.

– Садись, чайку сообразим! – крикнул Пахом из-за печи, гремя посудой.

Рамир прошел к столу, опустился на лавку возле окна, положил автомат рядом. Он все еще удивлялся из-за того, что

Пахом не чурается его, и одновременно размышлял над ситуацией... Хотя думать было особо не о чем. Этим вечером Умник, не дождавшись Рамира с девушкой, даст сигнал Слону. И начнется для Цыгана что-то вроде обратного отсчета. Долго он не пробегает, это понятно. И денег на отъезд из Зоны нет.

– Что угрюмый такой? – Пахом задом вышел из-за печки с кастрюлей в руках, на крышке ее стояли две кружки. – Каша еще теплая, с утра, когда уходил, одеялом укрыл. Ешь, Цыганчик, не жмись в углу.

Рамир положил локти на стол, подперев щеки ладонями, тусклым взглядом следил, как Пахом расставляет кружки с тарелками. У одной, в цветочках, был отбит краешек. За печкой слышался шум вскипающего чайника.

– Вот и чай готов. Я люблю крепкий, по своему обычаю, а ты как?

Рамир равнодушно махнул рукой. Есть не хотелось. Навалилась апатия, он даже перестал удивляться, почему старик не ощущает его ауру. Кажется, это первый случай, когда он провалил дело. Кто виноват? Зверолов ли оказался настолько серьезным противником, он сам ли не приложил достаточно усилий, или небеса за что-то рассердились на него? Неужели наказали за то, что решил все же убить девчонку? Он хотел обхитрить самого себя, привести ее к Умнику... А ведь это, получается, все равно убийство – просто чужими руками. Но и себя-то трудно обмануть – а уж небеса и подавно все видят. Хотя на его совести много смертей, и ничего... Убийства отягощали душу, но небеса не покарали за них Рамира...

«Или покарали? – спросил он самого себя. – Что такое это проклятие контролера, как не кара за все бывшие грехи?»

– Коньяк есть? – хрипло спросил он Пахома. Дедок покачал головой:

– Такого, как ты пьешь, не держу, откуда здесь? Вот самогончик имеется...

– Давай, – кивнул Рамир, откладывая сигару. Терять ему было нечего.

Пахом вытащил из-под стола литровую бутылку с прозрачной жидкостью, выколупнул пробку и стал наливать в кружки.

– Не жалей, – сказал Цыган, берясь за алюминиевую ручку. – Доверху лей.

Пахом поднял бровь, но ничего не сказал и долил. На тарелке перед ним лежало плохо чищенное вареное яйцо и два крепких, в пупырышках, свежие огурца. Дед поднял свою кружку.

– Ну, за встречу, раз так! – Он взял огурец, с хрустом откусил. – Сколько не виделись?

Они подняли кружки, чокнулись.

– Года три вроде? – Рамир опрокинул в себя самогон. В несколько глотков выпил до дна, морщась. Отставил кружку. – Ядреный... – одобрил он и занюхал пучком бледного зеленого лука.

Дед вытащил из миски холодную вареную картофелину, разломал, половину протянул гостю. Тот снял крышку с кастрюли, запахло гречкой с тушенкой. Взял бутылку и налил себе почти доверху. Хозяин свою кружку накрыл ладонью, показывая, что ему пока не надо.

– Теперь не чокайся. За упокой души раба божия Рамира, – сказал сталкер, приподнимаясь и опрокидывая в себя вторую кружку.

– Что так? – удивился Пахом. Он казался гномом – подложил на лавку под себя подушку, но стол для него все равно был высоковат. Хозяин бодро доел картофелину, закусил лучком, положил себе каши. – Так чего случилось?

– Дело не сделал, задание не выполнил, теперь мне кранты. – Рамир вновь навалился локтями на стол, подпер голову ладонями. – Короче, попал я, дед, в большую задницу. Очень большую – не выбраться...

– Это из-за этих двоих, которых капитан третий день поджидает? – Пахом деловито работал ложкой.

– Меня наняли девушку убить, – процедил Рамир с горечью. Теперь ему было без разницы, он мог всё выложить хоть первому встречному. – А я, видишь, не сумел. Последний шанс был – ты вот остановил. Надо бы мне на тебя рассердиться... но не могу.

Дедок отложил ложку и назидательно поднял указательный палец, скрюченный артритом.

– Без Его воли ни один волос с головы человека упасть не...

– Да знаю я! – Рамир бухнул кулаком по столу. – Ты мне еще заливать будешь! Ты вот скажи, за что это? Ведь это наказание, кара – за что? За то, что и раньше людей убивал? Так сколько их, таких убийц, по Зоне бродит, еще и почище меня, совсем безжалостных – почему же им кары нет никакой? Да тот же Слон – ведь он иногда совсем лихие дела творит! И что? А ничего – живет себе в богатстве... Эх! – Цыган еще раз стукнул кулаком по столу, отвернулся и обреченно уставился в окно.

– А ты мне по порядку Расскажи, может, и прояснится чего, – предложил Пахом, снова берясь за ложку. – Я тут, Цыганчик, соскучился по людям. Живет нас тут совсем мало, вести из мира не доходят... Пришли вот товарищи из «Долга», но со мной общаться не желают. Один есть там паренек разговорчивый, да только капитан им не позволяет особо с местными балакать. Так вот я хоть тебя послушаю. Расскажи, не пожалеешь.

Рамир махнул рукой.

– Чего там рассказывать. – Он налил себе еще, пошарил по карманам, выискивая зажигалку. – Было дело, перешел я дорогу одному большому человеку тут в Зоне. Перехватил у него из-под носа хороший артефакт. Да ведь они его не застолбили, я случайно на него вышел и взял, не без труда, между прочим. Они его заприметили, сразу достать не могли, поставили одного человека охранять, а сами смотались за нужным снаряжением и вернулись. Я человека того даже не заметил, он как раз отошел по глупости и тоже меня проворонил. Артефакт взял и пошел сдать хабар. Удачная тогда была ходка, надо сказать... А они меня по следам догнали и напали. Я, конечно, отбивался, ну и убил одного в перестрелке. Не знал тогда, не понял, чего на меня напали, не мародеры, не бандиты вроде...

– Ценный артефакт? – Пахом доел вареное яйцо, крошки желтка застряли в его седой бородачке.

– «Душа» это была. – Рамир скривился, вспоминая, и как следует отхлебнул из кружки, уже не морщась. Самогон действовал, в голове загудело. – Короче, одного я тогда застрелил и ушел от остальных. «Душу» загнал... А убитый оказался Пилотом, напарником Слона. Знаешь Слона?

Дед Пахом поцокал языком.

– Да откуда ж мне? – Он сделал глоток самогона и занюхал лучком. – Даже если и большой человек твой Слон – я ведь уже сколько годков тут, в Могильнике, сижу... Не, ну выхожу наружу иногда, пробираюсь сквозь туман этот да мимо других всяких опасностей, через Оазис...

но так, тишком, только чтоб снаружи артефакты выменять на соль, сахар и другое всякое нужное, чего тут не раздобудешь. Потому про Слона не слыхал, не. И что, прямо так ты его убил, да? И совесть не мучила? Рамир набылся.

– Не хуже меня знаешь, старик, в Зоне все убивают. А кто не убивает, тот в могиле лежит.

– Есть малеха. – Старик потянулся за вторым огурцом. – Ну, так и чего?

– А то, что Слон за убийцу Пилота награду назначил... – Цыган заглянул в кружку, покатав самогон по стенкам. – Но меня на этом не поймали, потому я свободно ходил. А сейчас задание было девушку убрать, ту, что «Долг» здесь поджидает. «Свобода» наняла, деньги большие предложила. Очень. Я поначалу согласился, потом вижу: нет, не могу. А Умник, ну, парень из «Свободы», который подрядил меня на задание, шантажировать стал. Мол, не сделаешь дело – заложим тебя Слону, мы знаем, что это ты был, тут тебе и конец. Что мне оставалось?

Дедок покачал плешивой головой. Посреди лысины на макушке у него темнело родимое пятно.

– Это зачем же тебе деньги так нужны, что ты ребятенка убить согласился?

Рамир ткнул себя ребром ладони в горло.

– Вот где у меня уже ваша Зона, ясно? Здесь! – и добавил тише: – Думал, уберусь отсюда куда-нибудь в Европу, дом куплю возле моря, в университет поступлю... Я ведь когда-то поступал, два курса отучился. Да сбежал потом, приключений захотелось. А ведь сколько Ма трудов положила на то, чтоб выучить меня... – И пояснил на немой вопрос Пахома: – Бабка моя. Старая цыганка, весь табор держала вот где! Железная хватка, сейчас таких женщин уже нет. Цыганский барон в юбке. Дед мой помер, ей пятидесяти не было, так она одна табор вела. Отца с матерью нету, погорели они, когда я совсем еще малым был... Ну, а я у нее любимый внук был. Она меня и в школу отправила, и в университет потом... Короче, чего вспоминать? Думал, покончу с этим, а еще тайная мыслишка у меня была... – Рамир вдруг замолчал, вспомнив. Заморгал, глядя на деда Пахома. – Слушай, старик, – начал он, нахмутив брови и пытаясь свести разбегающиеся мысли. – Мы ведь с тобой познакомились когда? Года три назад? Я ведь тогда нормальный был?

– Хороший парень, правильный был, – согласился Пахом, пальцами выгребая из бороды крошки. – Помню, как нанял ты меня проводить тебя к...

– Потом, старик, потом! – перебил Рамир, хмурясь еще больше. – Ты сюда слушай. Меня ведь потом контролер проклял. Я его в зыби притопил, ну, он и наслал на меня такую дрянь... Короче, с тех пор никто со мной говорить не мог. Это проклятие людей от меня отпугивает. С полминуты, минуту, может, кто выдерживает – а потом все убежать норовят, хоть на два метра, да отойти. Отвращение вызываю я в людях, понимаешь?

– А ты не нажрамшись, часом, милоч? – Дед Пахом наклонился, вглядываясь в раскрасневшееся лицо Цыгана.

Тот гневно привстал:

– Ты что несешь? Два года не просыхаю, по-твоему?! Все от меня прячутся! Только вот ты да девушка от меня никакого излучения ядовитого не чувствуете. Вот это ты мне объясни! Она тут родилась, ты живешь... Откуда у вас иммунитет на мое проклятие? Думай, Пахом, думай!

И Рамир, перегнувшись через стол, схватил дедка за грудки, глядя на хозяина горящими глазами.

– Чего тут думать? – Старик осторожно отцепил пальцы Рамира, легонько толкнул. Тот бухнулся на скамью, не сводя с него напряженного взгляда. – За деревней подземелья странные, прозываются Крепостью. Ты и без меня про них слыхал. Теперь там пусто, а что раньше было – никто не знает. Но я вот мыслю себе, что там проводились опыты с контролерами. Или... – он задумчиво пожевал старческими сухими губами... – Или, может, их же здесь и вывели? Кто его знает... Так вот, наверное, потому и не чуем мы с Настькой ничего от тебя. Снизу всякие излучения, может, шли, эти... как же, ведь слыхал слово...

– Пси? – спросил Рамир. – Пси-волны? Мозговые...

– А, вот, оно! Сквозь землю от оборудования они поднимались или от самих контролеров, и мы, стало быть, привыкли теперь к этим мозговым делам, – дедок многозначительно постучал себя по лбу скрюченным пальцем.

– Постой, контролеры? – вдруг встрепенулся Рамир, словно охотничья собака, почуявшая дичь. – Э, а ну давай подробнее!

– Да чего там подробнее, коли мы не знаем ничего, – Пахом пожал узкими плечиками. – Если в подземельях и вправду лаборатории были, как я считаю, то у-у какие засекреченные... – Старик, оглянувшись, наклонился к Рамиру. – Я так понял, что «Долг» для того Настьку нашу ждал, чтобы с нею спуститься туда, в подземелье, – он заговорщически подмигнул. – Она ведь с детства там играла. В округе два места есть, где земля провалилась и открыла коридоры эти тайные. Настоящий-то вход далеко лежит, но и тут можно проникнуть. Ну, Настька в детстве и лазала там. Больше никто не мог, она одна...

Рамир встал, выпрямился во весь рост. Подумав, взял со стола сигару и торжественно раскурил.

– Вот что за знаки небеса мне подавали! – произнес он, сверкая глазами. – Вот почему не должен был я ее убивать! Чтобы она привела меня сюда! – Цыган радостно поглядел на удивленного деда. – Ты понимаешь, Пахом? Понимаешь?! Ну, сделал бы я дело, убил бы ребенка, получил деньги, уехал... и что? Купил бы дом – и куковал бы в нем до старости в одиночестве? А теперь... контролеры, а? Лаборатории, опыты, говоришь? Так! Отведи меня в это подземелье. Чувствую, я там найду лекарство от своего проклятья.

2

– Да ты, милоч, совсем, я вижу, пьяненький, – улыбнулся дедок. – Куды ж ты полезешь? В подземельях ведь не выживешь. Знаешь, сколько народу там полегло, пробуя пониже спуститься? Думали, там, может, оборудование какое ценное, эти... драгметаллы... Много людишек перемерло, много...

– Так будь моим проводником, как когда-то! Хочешь, найму? Все честь по чести...

– Эх, Цыганчик! – Дед Пахом, глянув через плечо на мерно тикающие часы, встал, отодвинув стул. – Пора мне идти, результаты разведки моей докладывать. Уже опоздал изрядно. Звиняй, не смогу я тебя проводить, потому что этих поведу, из «Долга», до провала. Да и не важно это, все одно ты вниз спуститься не смог бы...

– Ну, я-то...

– Э, мил-человек! – дедок поднял скрюченный палец. – Там ведь не просто аномалии и мутанты, как в Зоне. Ежели бы так было, давно бы мы, местные, все разведали да все ценное... кхе-кхе, уж мы-то бы прошли, не сомневайся.

– Так почему не прошли? – нахмурился Рамир и покосился на автомат, раздумывая, не взять ли собутыльника на испуг. Хотя вряд ли выйдет: Пахом Сергеич хоть с виду и хлипкий, а не из пугливых, Рамир ведь с ним ходил, знает. К тому же понимает дед ценность свою для сталкера. – Это из-за призраков? – спросил он. – Ходят слухи, что в Крепости обитают какие-то призраки и больше таких тварей во всей Зоне нет. То ли мутанты такие странные, то ли всамделишные призраки, невидимые и неосязаемые, – Рамир коснулся крестика, – которые сзади подкрадываются неслышно и берут за горло ледяными руками...

Дедок пригнул голову, прикрыл рот морщинистой артритной ладонью и задребезжал серьезным голосом, без обычного своего лукавства:

– Не знаю насчет призраков, но знаю, что там голос какой-то всем заведует. Я однажды туда сунулся, по молодости еще, ну то есть, конечно, не молодой был совсем, и внуки уже народились, и борода седая, в общем, лет семь назад... Аккурат вояки деревню эвакуировали, и нас тут всего ничего осталось, которые уходить не захотели. С годик поскучали, и решил я делом заняться, вниз спуститься. Нашел вход, где после землетруса почва провалилась. Спустился. Жутко там, конечно, но привычно – развалины и развалины. А в коридор-то только сунулся – как этот голос... – Пахом мелко перекрестился. – Но вначале я взгляд ощутил. Вот так глядит на меня, пристально, прям из воздуха. В душу заглядывает, до костяшек пробирает. А потом как гаркнет: «Настя где?!» – старик аж присел, округлив глаза. – От чертова сила! Так, слышь, и спрашивает: где Настя, почему ее нет, понимаешь, Цыганчик? И вроде грозно говорит – но при том тоскливо очень, муторно... Я отвечаю: так и так, мол, увезли всех детей и баб, одна Матрена и осталась, а еще племянник мой, Степан. Голос-то и разгневался, захрипел, да жутко, сипеть что-то начал, я не разобрал... А потом откуда непонятно в меня пульки полетели...

– Пульки? – переспросил Рамир, и дед часто закивал:

– Во-во. Я не знаю откедова, но там такое началось... Затарахтело, загудело, и давай по мне палить! Рядом, в стену, камешки полетели, все ближе... И я ходу! Передо мной дверь сама собой – хлоп! – закрылась! Хотя на самом деле – не-е, не передо мной она закрылась, а после, потому как успел я в щель нырнуть... Так вот и вырвался.

Рамир сгреб со скамьи «Г-3б», накинуд завязанный узлом ремень на плечо.

– Все одно смерть, а так хоть, глядишь, от проклятья избавлюсь, – решил он. – Это знак, старик, я точно говорю. Небеса дают мне один шанс, последний, избавиться от кары. И если я сумею туда проникнуть... Давай, показывай – где вход?

Дедок задумчиво наморщил лобик.

– Экий пряткий, Цыганчик... Говорю же: мне другое дело делать надо. Группировщики ждут меня, часа два уже как я должен был прийти к ним. Недосуг тобой заниматься...

Пахом снял со спинки стула линялую салфетку, прикрыл еду на столе.

– Ну, ты поспи, ежели хочешь, вон на печке, а я пошел. Шаркая, он направился к дверям.

Придерживая автомат, Рамир выскочил из-за стола, обежал Пахома и заступил ему дорогу. Хилый дедок едва доставал высокому сталкеру до груди, однако хозяин ничуть не испугался, когда Рамир угрожающе навис над ним. Наоборот – хитро улыбнулся в бороду.

– Ну, что ты хочешь? – Цыган положил ладонь на приклад.

Дед кинул быстрый взгляд в окно.

– Ждут ведь меня. Ежели не приду...

– Не юли, Пахом! – Рамир сунул ему под нос грязный кулак. – Говори! Ведь по старой дружбе мог бы меня отвести к этому провалу, так чего артачишься? Хотя... – опустив руку, он отступил в сторону. – Шагай, дед. Я за вами прослежу, без тебя обойдусь. Выслеживать я умею.

– Постой, постой, милоч, у «Долга» тут отряд целый стоит, – забеспокоился Пахом. – Заметят тебя – пристрелят, как щеночка.

– Не заметят, – усмехнулся Рамир. – Я в Зоне не первый день хожу, ты знаешь.

Хозяин прищурился.

– Ну так я им про тебя скажу. Шустрый какой нашелся... Они тебя враз отловят.

– Темнишь, темнишь, старик, – процедил Цыган, качая головой. – Ну так чего ты хочешь?

Брякнул засов на калитке, послышались быстрые шаги, веселый голос крикнул:

– Эй, дед, ты тут, что ли?

Рамир нырнул вниз, присев за столом, навел автомат на дверь. Пахом, приложив скрюченный палец к сухоньким губам, шагнул к окну, выглянул.

– Чевось тебе, Винтик? Человек остановился под окном.

– Как это чевось, здрасте пожалуйста! Второй час ждем всем отрядом. Девчонку уже привели, пока ты тут прохлаждаешься! Условились ведь – сразу к нам. Чего тут торчишь?

– Да я иду уже, иду! – Старик махнул рукой в окно, грохнул на столе кастрюлей и потопал к выходу. – Забежал перекусить, устамши по дороге-то. Погодь, милоч, только тапки скину да сапоги надену... Подожди.

Он приоткрыл дверь в сени, та громко скрипнула. Рамир глянул на старика снизу, показал ему автомат.

– Вот еще, не буду я тебя ждать, – откликнулся голос.

Послышались удаляющиеся шаги. – Топай давай в штаб, и никаких гвоздей!

– Я тебя догоню! – крикнул дед вслед и, присев перед Рамиром на корточки, зашептал: – Слышь, Цыганчик, короче, я так мыслю. Эти-то, долговцы, когда уходить будут, оставят кое-что из оружия да боеприпасов своих. Они сюда кучу всякого барахла притащили. Шли, понимаешь, большим отрядом, прорывались... Половину их Могильник покрошил, если не больше, но они часть снаряжения да оружие погибших не бросали, с собой волокли. Там у них парочка таких здоровенных парнищ, один так вообще чистый Илья Муромец, на них кучу всего навьючить можно... Но вот в подземелья они это всё не возьмут, я им четко сказал: с такой амуницией даже до провала не поведу, туда налегке надо. – Пахом ухмыльнулся, сощурился. – Значит, оставят снарягу тут, чтоб на обратный путь из Могильника были запасы. И, боюсь, могут дверь заминировать с окнами. Так вот, значит, мы как с тобой поступим: я когда их уведу – ты как-нибудь

изловчись да дверь-то и обезопась, чтобы мы со Степаном потом могли себе кой-чего взять. Только не сразу, погоди с четверток часа, когда мы уже отойдем. Сделай дело, чтоб Степан в магазин зайти смог, а потом по следам за нами иди. Я тогда тебе покажу тайный лаз один.. Мне он уже не по силам, а ты вослед «Долгу», может, и проберешься. Ежели голос-то тот Настьку услышит, глядишь, и успокоится, и удастся миновать его...

– А зачем голосу Настька? – спросил Рамир, по-турецки садясь на полу.

– Того не ведаю, – ответил Пахом и скрылся в сенях.

– И зачем долговцы в подземелья лезут? Ты мне так этого и не сказал!

– Дык оттого, что сам не знаю, – донеслось из сеней. – Хоть разговорчики-то ихние я слушал, канешна. Капитан говорил такое странное... щас, дай припомнить... а! Пси-конверт, во. За ним они вниз и хотят, я так мыслю – пси-конверт ентот самый им нужен.

– Конверт... – повторил Рамир в полной растерянности. – Что за ерунда? А может, конвертер?

– А! – Снаружи скрипнула дверь, потянуло легким сквозняком. – Да, точно, пси-конвертер. В общем, ты все понял насчет того, как нам далее с тобой поступать?

– Все понял.

– От и договорились. Стукнула дверь – старик ушел.

– Пси-конвертер, – произнес Рамир удивленно. – Минжа, да что же там такое спрятано, в этой Крепости?

* * *

Лесник проснулся, когда на крыльце послышались громкие шаги. В помещение вслед за Винтом вошел щуплый низкорослый старичок с хлебными крошками в седой бороде. В руках у него был древний карабин.

– Ты с ним еще в Первую мировую воевал? – Винт, сев на лавку напротив двери, кивнул на оружие.

– Шуткуешь, солдатик? – не обиделся дедок. – Я в ту пору еще не родился.

Потерев лицо, Лесник оглядел комнату. Настька спала, закрывшись одеялом с головой; Маркелыч, надев круглые очки и сутулившись, читал возле стола газету. Кабана с Жариком в магазине не было, зато с крыльца доносился их негромкий разговор. На второй кровати сидел и листал какую-то рваную брошюру унылый Костя.

– Наш подрывник-то, – Винт махнул в его сторону рукой. – Видал его уже, дед?

– А? – встрепенулся Пахом.

– Да я не тебе, а вон бороде. Это он малолетку вашу привел. Вон она дрыхнет.

Старик, прищурившись, поглядел на Лесника и подошел к нему, протягивая скрюченную артритом ладонь.

– Вот спасибо! Живая? Эх, хороший проводник! По нашим-то местам сложно шнырять без знающего человека...

Лесник без охоты пожал морщинистую руку.

– Это он тебе завидует, дед, – засмеялся Винт. – Мы как сюда пришли, он все ныл, почему его не наняли. Да кто ж знал, что тут свои проводники есть. К тому ж за эти-то деньги я и сам бы...

Укоризненно покачав головой, Пахом погрозил парню неразгибающимся пальцем.

– Какой он тебе дед, солдатик? Это я – дед, а он молодой еще мужик.

Пахом присел на стул возле Маркелыча, и тот поднял на него глаза.

– Ну, чего скажешь, старый? Куда пойдем, к северу или на восток, где спуск лучше?

Дед почесал искривленным желтым ногтем кончик носа.

– На восток пойдем, милоч. Разведаль я то место, а на севере все-таки погано, как и предупреждал я вас. Да вон диверсант-то ваш, – он кивнул на Винта, – шустрый-то, сам все видел, коли шел за мной. Не зря же следил, ноги топтал, не за ради прогулки по свежему воздуху...

– Заметил, да? – засмеялся довольный Винт, разваливаясь на лавке. – Я и не скрывался, чего мне. Видел я тот спуск, да, хреново там, Маркелыч, правду дед говорит, хоть и хитрая у него морда. Провал узкий, ни Кабан, ни Жарик не пролезут, хоть голыми их спускай, без оружия. И главное, не расширить никак – там не земля, а бетон сплошной.

Снайпер снял очки, положив на газету, моргнул пару раз.

– Что ты все время лезешь, Винт, – беззлобно проговорил он. – Дался тебе Пахом Сергеевич, чего за ним следить? Не обманывает он, видишь же, а все вокруг него крутишься...

– Это я со скуки! – замахал руками Винт. – Не от недоверия, а надо же делать что-то... И как он во мне десантника-то угадал, а?

Лесник молча слушал разговор, пытаясь до прихода Ожога понять обстановку. Бросил взгляд на часы – половина шестого. Разбудить, что ли, Настьку?

– Какой же ты снайпер в очках? – негромко спросил он, нагнувшись через стол к Маркелычу. Тот спокойно улыбнулся.

– Дальноточность у меня. Цель хорошо вижу, а буквы перед носом расплываются.

Хлопнула дверь подсобки, в помещение вошел, неся папку с бумагами, Ожог.

– Все на месте? – спросил он. – Пахом, давно здесь?

– Да он только пришел, товарищ командир. – Винт сел прямо и поправил куртку, приняв серьезный вид, хотя глаза его улыбались. – Два часа, считай, ждали.

Ожог устремил на старика испытующий взгляд.

– Я ж только поесть заскочил, – пояснил Пахом, – на минуточку, изголодался ходимши...

– А самогоном чего несет? – Капитан положил папку в центр стола. – Маркелов, зови Кабана, Жарик пусть дежурит. Потом объяснишь ему вводную. Все сюда.

Дед развел руками, показывая, что, мол, самогон – дело житейское, подумавшись, выпил малеха, нашему мужику немного первача – как водицы колодезной хлебнуть. Не глядя на него, Ожог открыл картонную папку с обожженными углами. Лесник заметил смазанную печать «Совершенно секретно» в центре обложки.

Поднялся шум, заскрипели стулья, затрещали половицы. Маркелыч, приподнявшись на месте, крикнул в дверной проем:

– Кабан, давай сюда!

– Заседание начинается! – в тон ему воскликнул Винт и ухмыльнулся. Ожог покосился на него, но ничего не сказал. Нескладный Костя, оставив на кровати свою брошюру, перебрался за стол, пихнув в плечо Винта, устроился рядом. С крыльца шагнул Кабан, и в комнате разом стало тесновато.

– Там этот, Степан пришел, – прогудел он, обходя стол и усаживаясь возле Кости. Винта задвинули в угол, он уперся спиной в сходящиеся стены, закинул руки за голову, положив ногу на ногу, окинул оживленным взглядом собрание. Лесник поднялся, чтобы растолкать девушку.

– Всем сидеть, я сказал! – бросил Ожог. Лесник, словно не услышав, вылезал из-за стола. Глаза капитана блеснули. Дед Пахом постарался незаметно отодвинуться, слов **но** предчувствуя, что сейчас будет. Лесник невозмутимо ответил:

– Девочку разбудить надо. В бою командовать будешь, я к тебе не нанимался.

Правый глаз капитана, обрамленный красно-розовой обожженной кожей, налился кровью и почти мгновенно потемнел.

– Я тебя предупреждал, сталкер! – он вдруг потянул из кобуры пистолет. – Ты мне не нужен. Пошел вон!

– Тебе не нужен, а ей нужен. – Встав у скамьи, Лесник завел руку за спину и нащупал ствол прислоненного к стене ружья.

Настька, проснувшаяся от шума, вскочила и с испугом посмотрела на них. Узнала деда Пахома, несмело улыбнулась.

Шрамы на лице капитана побагровели.

– Мне нужен дядя Василь! – сказала Настька, босиком подходя к столу. – Я без него с вами не пойду, ясно?

– Молчать! – Ожог поднял пистолет, другой рукой схватил Настьку за плечо и дернул к себе. Девушка ахнула, чуть не потеряв равновесие, вырвала руку.

Винт, с жадной радостью наблюдавший за этой сценой, толкнул в бок поникшего Костю. «Каков капитан у нас, а?» – прошептал он на всю комнату. В руках его уже был пистолет. Костя передернул костлявыми плечами, опустив голову и не отрывая взгляда от стола, ему скандал был неприятен. Маркелыч смотрел на Лесника спокойно, даже, кажется, с сочувствием, однако он тоже положил руку на лежащий на коленях «АКМ».

И тут в магазин вбежал, переваливаясь, щенок слепого пса.

– Ой! – сказала Настька, мгновенно позабыв обо всем на свете. Она оказалась ближе всех к толстолапому лобастому зверенышу. – Какой хороший!

Девушка присела, протянула к нему руки.

– Ты глянь, мутант! – Винт приподнялся и навел на него «ТТ».

Ожог подскочил, развернувшись, в ярости уставился на незваного гостя.

– Это еще что такое?! Здесь! Зверье! – вытолкнул он сквозь зубы и пнул щенка. Тот с визгом подскочил, пролетев через порог, свалился где-то на крыльце. Снаружи донеслось удивленное кряканье Жарика.

Лесник поднял двустволку и сказал:

– Не трогай его. Тварь тебе ничего не сделала и никому пока вреда принести не может. Пусть живет.

Багровая корка на лице Ожога сложилась жесткими складками, правый глаз полыхал темно-красным огнем.

– Сталкер! Ты – язва на лице земли! – пролаял он. – Ты мне еще указывать будешь, кто имеет право жить, а кто нет?! Мутантов надлежит уничтожать всегда и везде, независимо от возраста! Любой из них – угроза для человека.

– Этот нет, – упрямо возразил Лесник. – Потому что мелкий еще слишком.

– Какая разница?! – окончательно взъярился Ожог. – Все они опасны! На Зону давно следовало сбросить ядерную бомбу. Но раз правительство не может решиться на эту единственно правильную меру, следовало отдать кордон нам, охотникам на мутантов, и ученым, которые искали бы новые пути, как справиться с Зоной! А вас всех, бродяг и бандитов, собрать вместе – и к стенке! – разгорячившись, Ожог взмахнул пистолетом перед лицом Лесника.

Тот стоял ровно, с ружьем на изготовку, глядел в грудь Ожога и молчал. Настька спряталась за его спиной.

– Позиция «Долга» всем известна, – наконец хмуро произнес Лесник. – И никто, кроме «Долга», ее не разделяет. Раз Зону не уничтожить, надо существовать в ней по ее правилам. Каждый тут имеет право на жизнь.

– И контролеры?! – чуть не взвизгнул Ожог. Тут даже Винт перестал улыбаться и втянул голову в плечи.

Лесник, припомнив его рассказ, впервые поднял взгляд на капитана. Лицо того перекосило, глаза превратились в узкие щели, палец танцевал на спусковом крючке. Настька за спиной шмыгнула носом. Он сказал:

– Контролеров я всегда бил.

Горящий взгляд Ожога уперся в него. В помещении стояла гробовая тишина, все замерли. Капитан повернул голову и сплюнул.

– Сталкеры! Ничего хорошего от вас не жди.

– Контролеры – такая же часть Зоны, как псевдопсы или «Долг», – сказал Лесник, пожав плечами.

Винт фыркнул и засунул в рот костяшки пальцев, сдерживая рвущийся наружу смех. Ожог резко шагнул к столу, нагнувшись, ладонями разгладил лежащий в центре план.

– Сели все, – бросил он.

Щенок вновь появился на пороге. С крыльца донесся скрип досок, что-то рокотнул Жарик, и в проеме возникла взлохмаченная голова. Седоватый мужик лет пятидесяти сграбастал щенка, сунул за пазуху. Они с Пахомом обменялись быстрыми взглядами, дед едва заметно кивнул, и мужик тут же исчез из виду.

– Степан это, племянник мой, – прошептал Настьке дед Пахом. – Помнишь его, Настена?

Она кивнула и села на краешек скамьи рядом с Лесником.

* * *

Рамир опустился на ступеньки крыльца и задумался, обхватив голову руками. Теперь он совсем не был уверен в том, о чем недавно так горячо толковал деду Пахому. С чего он взял, что в Крепости отыщется что-то, способное помочь ему? Из бестолковых рассказов деда про контролеров, мозговые волны и какой-то пси-конвертер? Глупость, одна сплошная глупость...

Под досками раздался писк, и на свет божий, раздвинув желтоватую траву лысой мордой, выполз толстый щенок.

Рамир рассеянно подхватил его ладонью под гладкое пузо, поднял. Попискивая, тот тыкался мокрым мягким носом в запястье. Цыган присел на корточки возле крыльца, заглянул под доски. Там лежала крупная слепая собака, под боком у нее шевелился еще один щенок. Когда тень человека упала на нее, мутант глухо заворчала. На собаке был широкий ошейник, от него куда-то вглубь, под дом, уходила цепь.

– Ты смотри, что старик у себя прячет, – усмехнулся Рамир и осторожно погладил слепого детеныша. Собака заворчала опять. Почему она не набрасывается на stalkера? Выходит, приученная и видела, что он пришел вместе с хозяином...

Умирать не хотелось. Хотелось жить, дыша полной грудью, хотелось двигаться, бегать, стрелять, целовать женщин, гладить щенков... Цыган опустил звереныша на траву, подтолкнул под крыльцо, и детеныш-мутант, путаясь в неуклюжих лапах, заполз матери под бок.

Ладно, еще повоюем, решил Рамир. Во-первых, выходов из Могильника много, всю территорию Слон не способен под контроль взять – просто есть наиболее вероятное место, через которое можно покинуть именно этот район Могильника, там-то люди Слона и будут ждать... Не важно, он сумеет как-нибудь отсюда свалить. А потом выберется из Зоны. Но – только если удастся снять «метку» контролера. Тогда он перестанет быть заметным, выделяться из толпы. Смешается с обывателями – найти его будет куда сложнее. Рамир не сомневался: если Слон точно узнает, кто завалил Пилота, он поднимет свои связи вне Зоны и попытается достать убийцу там. Можно пристать к табору и с ним уйти за границу, а то и вообще уехать за океан... Там-то Слон точно не достанет. Но все это возможно, только если избавиться от проклятия. Следовательно, как ни крути, надо идти в подземелье. Даже призрачный шанс – все же шанс.

А во-вторых, внизу можно найти что-нибудь интересное. Раз уж получить деньги «Свободы» ему не суждено... Хотя какие-то артефакты или секретные приборы, чтобы загнать их и иметь средства на первое время. Конечно, была заначка у Курильщика, кое-что спрятано в «Сундуке»... но оттуда ему вряд ли удастся забрать деньги, люди Слона в первую очередь станут караулить его в таких местах.

В общем, надо идти под землю. Окончательно убедившись в этом, Цыган вернулся в сени и присел у рюкзака.

Вытащил ноутбук, проверил, ничего ли не побилось. Потом достал малогабаритную радиостанцию. Ноутбук сунул обратно, а ее поставил на пол, выпрямился – и вдруг пинком отправил в пыльный угол, где валялись какие-то тряпки и стояли веник с граблями. Умник ждет, что наемник выйдет на связь, – пусть себе караулит, не дожидается. Рамир начал новое дело.

– Всем слушать, два раза повторять не буду. – Ожог ткнул пальцем в схему. – Смотрите сюда. Это план лабораторного комплекса, который мы сумели добыть в прошлую ходку.

– Ну, так туда все-таки можно проникнуть? – ухмыльнулся Винт.

– Из всех вышел только я, и то повезло, – отрезал Ожог. – Так... Четыре уровня, по два-три этажа каждый. На схеме не все понятно, поэтому ориентируемся на местности и корректируем план по ходу дела.

Маркелыч надел очки, склонился над картой, Винт с Костей тоже придвинулись поближе, только пулеметчик не проявил никакого интереса.

– Кабан! – позвал Ожог.

– Куда скажешь, туда и буду стрелять, – прогудел тот в ответ. – Я в этих крючках все равно не разбираюсь.

Капитан отвернулся от него и стал водить пальцем по карте.

– Этот план лежал у охраны, которой, видимо, до конца не доверяли, – сказал командир отряда, указывая на заштрихованную часть. – Возможно, он был в распоряжении младших офицеров, начальников караульных смен... Так или иначе, на схеме отсутствует нижний этаж. На среднем ярусе расположено некое «хранилище материала»... Я решил, что это тюрьма для подопытных. Ниже собственно лаборатории, три этажа. И внизу – вот эта заштрихованная область. Наша цель.

Лесник поднял на него взгляд, собираясь спросить, что же это за цель, – но передумал, решив, что капитан все равно не ответит.

– Тут есть лифты, – заметил Маркелыч, поправляя очки. – Вот это – это ведь шахты, правильно?

– Мы не будем пользоваться лифтами, – сказал Ожог. – Наверняка разрушены. Пойдем по лестницам. Запасные, пожарные – по краю каждого яруса. Теперь подробности.

Он прямо взглянул на Настьку. Правый глаз был еще бледно-розовым, и она невольно поежилась.

– А что я? – неуверенно спросила девушка.

– Рассказывай, что там внутри. С чем мы можем столкнуться. Охрана, вооружение, мутанты, аномалии? Кто или что этот Борг? Как он работает... или чем живет? Насколько разрушены лаборатории? Как глубоко ты спускалась? Да поживее!

– Не гони, – осадил Лесник. – Ее увезли, когда ей семи не было. Много ребенок запомнит? Вооружение, охрана... Она военный разведчик, по-твоему?

Ожог демонстративно игнорировал его, неотрывно глядя на девушку.

– Рассказывай, – повторил он. – Все, что помнишь, – я жду.

Настька оглянулась на Лесника, тот кивнул, и она начала рассказывать, теребя воротник куртки.

Рамир спал с ноутбуком на коленях, спиной прислонившись к стене, когда в комнату вбежал всклокоченный мужик.

– А? – stalkер схватился за висящий на груди автомат.

– Степан я, Степан! – Деревенский запустил пальцы в седеющие кудри и стал всполошенно дергать их. – До провала всего полчаса идтить, дядьку Пахома не отпустили до дому сбегать, сразу забрали. А он предупредил, шта нужно подойти сразу за должговцами, слышь, парень? Шевелись, бежать надо! Пахом предупредил, шта ежели пока они не дошедши, взрыва не будет, то он дожидаться тя не станет. Так шта собирайся скорей!

– Какого еще взрыва? А, которым я дверь разваляю... Ладно, не суетись. – Рамир быстро поднялся, сложил ноутбук. Степан бегал туда-сюда по комнате, в конце концов вывалился в сени и схватил лежащий под стеной рюкзак:

– Я понесу, идем!

Выйдя следом, Цыган посмотрел на нескладную фигуру мужика, усмехнулся. Степан был среднего роста, в потасканном кургузом пиджачке поверх свитера, грязных брюках и заляпанных навозом сапогах. Седоватые волосы торчали во все стороны, а еще у него был багровый нос в сизых прожилках – большой, круглый, как картошка. За спиной Степана болтался старенький «калаш».

Он повел Рамира огородами, на ходу охая и ахая, то и дело ныряя в обширные проломы оград. Головки чертополоха цеплялись за штаны, пахло сеном и сухими листьями. Было семь вечера, еще светло, но уже по-вечернему неярко. Солнце подсветило розовым облака у горизонта.

– Я видел, как один ихний проводочки тянул всяческие, – на бегу оглядываясь, горячим шепотом частил Степан. – Не зря дядька Пахом боялся, чуяло его сердце, ой и не зря... И я тож... этот их, главный, с мордой ошпаренной, даже денег не дал за помощь, ни патрончиков, ничего, а я – ходи тут им за бесплатно, помогай...

Рамир почти не слушал, ему почему-то было весело. В голове еще немного шумело после самогона, в движениях оставалась легкая неуверенность, но в целом он чувствовал себя великолепно, как давно не бывало. Азарт согревал кровь, ощущение близкой опасности опьяняло и в то же время делало голову ясной.

– Не подходи близко, – предупредил он Степана, когда они выскочили на дорогу недалеко от магазина.

Но тот и не думал приближаться.

– Я там, там постою, – он махнул на дом по другую сторону улицы, наискось от магазина.

– Нет, погоди, – Рамир огляделся. Ему нужно было возвышение, на которое можно было бы... Ага, вон то подойдет.

– Лестница есть? – спросил он у Степана. – Надо на ту крышу антенну закинуть.

– Ась? – мужик повернулся к Цыгану, отнимая ладонь от уха. До того он прислушивался, будто надеялся уловить шаги уходящих из деревни должговцев. – Лестница-та? Ясное дело, сейчас сообразим. Куда ее? Тута в каждом доме была, небось остались...

Они перебрались через покосившийся забор, Степан положил рюкзак на землю, нырнул за дом, тут же выскочил, метнулся куда-то вбок. Заскрипела дверь сарая – и почти сразу он появился вновь, таща на плече лестницу.

– Рассохлась немного, но крепкая! Вдвоем они прислонили лестницу к стене.

– Так, ты лезь и поставь это, – нагнувшись, Рамир вытащил из рюкзака несколько металлических деталей, прикрутил к круглой подставке с острыми штырями на дне, распрямил короткое «колено»... Щелчок – и раскинулся сетчатый зонтик антенны. – Крепко установи, чтоб не шаталась от ветра, и провод мне кинь. И как поставишь – на кнопку нажми, видишь, квадратная, на подставке. Я тут пока разберусь... – он уселся прямо в траву, скрестив ноги, положил на колени ноутбук. Рамир делал то, что ему всегда нравилось. Пальцы забегали по клавишам, он улыбнулся краем губ. Тем временем Степан поднялся по лестнице, кое-как заполз на конек и стал возиться с антенной.

Размотав, кинул вниз провод с USB-разъемом, Рамир поймал его, воткнул в ноутбук.

– Туда поверни! – он махнул в сторону магазина. Потом запустил программу, которую ему когда-то склепал Борода, известный электронщик, работающий у Курильщика. Тот не одобрял, когда Борода трудился не на него, но поделаться с этим ничего не мог – Борода был ценным спецом с капризным нравом.

Зонтик антенны на крыше двигался влево-право, сканируя магазин – на мониторе высветились зеленые контуры здания. Качество было не ахти, но это не важно. Цыган Подвигал мышкой, изучая изображение под разными углами. На дверях и окнах, на задней стене, под крыльцом часто мигали густо-зеленые конвертики с буквой «М» посередине. И еще какие-то символы высветились в углах под крышей... Нахмурившись, Рамир щелкнул курсором по одному из них. Сбоку выскочило длинное вертикальное меню, в нем – условные обозначения. Черт, ну да, это же датчики движения! – вспомнил он. Так, а «М»... ага!

– Че у тебя? – Степан сполз по лестнице и встал за плечом у Цыгана.

– Магнитные мины, – отозвался тот, закрывая программу. Он уже выяснил все, что хотел. – Зайдем с тыла.

– Так я здесь подожду, – тут же предложил Степан, ероша волосы. Рамир усмехнулся.

– Ну, подожди.

Он закрыл ноутбук, сунул в рюкзак и встал, снимая ремень автомата с шеи. Скорее всего, датчики настроены на пересечение периметра крупными объектами вроде человека, чтобы не сработали при появлении крыс, псов и прочей живности.

Рамир хорошо запомнил картинку, но, когда вынырнул из кустов и увидел заднюю стену магазина, ненадолго задумался. Судя по схеме, мина находилась примерно в левой трети стены, на высоте головы. Однако ничего такого он там не видел... Или они изнутри заминировали?

На бледных досках виднелся мох, и Цыган припомнил зеленые контуры схемы. А, ну вот же! Вскинув автомат, он дал лихую очередь по пухлому, бархатистому островку мха.

Грохнул взрыв, Рамира отбросило взрывной волной. Взмахнув руками, Цыган повалился спиной в кусты, с треском ломая ветки.

Поднялся, потирая затылок и расцарапанную шею. В стене появилась дыра, по краям торчали обломки досок. В воздухе висела пыль. Помахав рукой перед лицом, он прицелился и пальнул в угол под крышей. Фонтанчиком взметнулись осколки черепицы, Рамир отвернулся, прикрылся локтем. Теперь можно залезть внутрь – этот датчик не работает. Долговцы не рассчитывали, что деревенские увальни проявят такую прыть и смекалку... Ха, ну так он и не деревенский увальень!

Сзади появился Степан. Возбужденно гримасничая, он мелкими шажками приближался вдоль ближнего края дороги, стараясь держаться поближе к кустам у обочины. Рамир кивнул на проем.

– Готово, приятель.

И сам первый пошел вперед. Отломал несколько досок, расширяя отверстие, наклонился, шагнул внутрь.

– Да ты шта, мы уж сами как-нить, не утруждайся... – Степан топтался сзади, протягивая сталкеру рюкзак.

– Ну да, ясное дело. – Рамир огляделся в полутьме. Свет проникал только сквозь пробитую взрывом дыру. – Хорошо, есть чем поживиться.

Степан просунул внутрь голову.

– Ты бы скорей догонял дядьку Пахома, – пробормотал он, пожирая глазами несколько ящиков с военной маркировкой.

– Догоню, не бойсь, – откликнулся Рамир, быстро обходя тесный закуток и читая надписи на ящиках. – Патронами только заправлюсь, у меня мало осталось...

Степан скривился, но ничего не сказал, лишь следил за Цыганом, дыша тяжело, с присвистом, иногда причмокивая губами.

Тут были в основном цинки с патронами для «ПКМ», нашелся и один со снайперскими, но нужных для «G-36» натовских на пять-пятьдесят шесть Рамир не видел.

– Черт, неужели нет? – ножом он поддел крышку одного ящика. – А это что... А!

Под фанерой он увидел коробки с заветной маркировкой. Отломал крышку, вытащив несколько, вернулся к дыре.

– Где Пахом меня ждет? – спросил Рамир, сунув одну коробку в рюкзак. Вторую он раскрыв, присев, сыпанул патроны на крышку ящика. Порылся в рюкзаке, достал пару пустых магазинов и стал их снаряжать.

– Я покажу, покажу, – засуетился Степан и полез обратно. – За мной давай, времени немного. Только сразу за отрядом можно будет тебе пробраться, ежели вообще выйдет шта...

Рамир быстро набил оба магазина, сунул руки в лямки рюкзака и побежал сквозь бурьян за Степаном.

Отряд остановился на краю рощи, возле провала. Это была окруженная кустами глубокая темная яма – земля осыпалась, обнажив сломы бетонных плит с торчащей арматурой.

– Прямо внизу мертвая зона, – сказал Ожог. На нем был серый китель без погон, перетянутый широким солдатским ремнем, на плече висел «АКМ» с подствольником, на ремне с кармашками – сорокамиллиметровые гранаты.

– Винт, идешь первый, Маркелов второй.

– А ну как этот бегемот мне на голову свалится? – улыбнулся Винт, снимая с плеча моток веревки. На нем был разгрузочный жилет с кучей всяких мелочей, расованных по карманам.

Настька стояла на краю ямы рядом с Лесником, оба глядели вниз. Холодный вечерний свет озарял кучу земли внизу, поросшую редкой травой, обломки бетонных плит и уходящий в две стороны туннель с широким проломом в крыше.

– Как же ты туда ребенком лазала? – спросил сталкер. – Здесь высоко, под три метра.

– Три с половиной, – уточнил Винт. Он закрепил веревку на стволе растущего за кустом деревца и спускал ее вниз, отматывая кольца.

– Да я и не здесь совсем играла, – неуверенно ответила Настька, отступая от края. Из-под ботинок посыпалась земля.

– Я тут первый раз. Отсюда не смогу вас никуда повести...

Ожог обернулся.

– Нет? А кто рассказывал, что помнит коридоры... Дед Пахом присел под кустом на корточки, зажав карабин между колен, раскурлил самокрутку.

– В другой провал, куда Настена маленькой лазила, вам все одно не пролезть, – продребезжал он. – Там узко совсем, для ребенка как раз...

Девушка кивнула.

– Там была как нора кроличья такая. И потом лестница железная, вертикальная, вроде приставной...

– Разберемся, – отрывисто проронил Ожог. – Сначала я вас поведу, потом ты места вспомнишь. Я однажды уже бывал внизу. Маркелов, пошел!

Винт скользнул в яму, быстро перебирая руками. Толстяк снайпер, вздохнув, хлопнул себя по пузу, взялся за веревку и с некоторым сомнением подергал ее. Потом, упершись ногами в край плиты, начал спускаться.

– Теперь ты, – сказал Ожог девушке.

Жарик, с пулеметом наперевес стоящий спиной к яме, оглянулся и прогудел через плечо:

– Сопля-то сама не сможет, вы ее обяжите и того...

– Ах ты кабан! – вспылила Настька. – У меня по физкультуре пятерка была!

Жарик заржал, запрокинув голову.

– Гы-ы! Я-то Жарик, это он Кабан!

– Заткнись! – велел Ожог и повернулся к девушке, взявшейся за веревку. – Он правильно говорит...

Но она уже повисла, упершись ногами в склон.

– Слушаться меня! – рявкнул сверху Ожог.

– Ногами обхватывай! – подал голос Винт. Он держал нижний конец, чтобы веревка не раскачивалась. Девушка, перебирая руками, спустилась, как в школе по канату. Спрыгнула, отряхнув ладони, довольно крикнула вверх:

– Порядок!

За ней спустились остальные; здоровяки Кабан и Жарик тащили на себе больше всего вооружения и припасов, поэтому их пулеметы с рюкзаками переправили вниз отдельно. Когда Жарик с метровой высоты спрыгнул на кучу земли, под ним образовалась приличная яма.

– Если Маркелыч бегемот, то ты слон, – пробормотал Винт, переключая фиксатор в карабинчике. Он как-то хитро дернул веревку, пустив ее волной, и она сорвалась с дерева наверху, полетела вниз.

Глаза привыкли к сумраку подземелья, Лесник огляделся. Они находились в начале коридора с бетонными стенами. Через каждую пару метров плоский железный потолок поддерживали «П»-образные штанги, вверх виднелись световые панели, забранные металлической сеткой. Ни одна из них не работала – коридор уходил во мрак.

Он оглянулся. Сзади короткий отрезок коридора заканчивался обвалом, накренившаяся потолочная панель перекрывала его, снизу в нее упиралась присыпанная землей бетонная плита.

Маркелыч, спустив с плеча винтовку, сделал шаг по земляному склону.

– Стоять! – окликнул его Ожог, не поднимая головы от карты, которую изучал в свете, падающем из пролома. – Не

двигаться никому.

Сделав по инерции шаг, снайпер остановился. Раздался неприятный скрежет металла о металл, затем низкое гудение полилось из темноты коридора. И вдруг резко, неожиданно застрочил пулемет. Вспышки пробуравили мрак, осветив турель на потолке впереди. Толстый ствол дрожал, выплевывая пули.

– Ложись! – заорал Ожог, отпрыгивая с линии огня. Винт мгновенно растянулся на земле. Лесник, толкнув Настьку, встал перед ней, сорвал с плеча ружье и направил вдоль коридора, но стрелять не стал. Настька вскрикнула, закрыла уши. Она видела, как Маркелыч с винтовкой навскидку запрокидывается назад и грудь его перечеркивает широкая красная рана. На круглом розовощеком лице было детское удивление.

Турель имела форму конуса, обращенного острым концом книзу. Между основанием и потолком оставался зазор, в глубине которого виднелся подъемный механизм, уходящий в круглое отверстие в железной плите.

Кабан с Жариком залегли позади кучи земли и поливали пулемет огнем из «Печенегов», но только напрасно тратили патроны. Винт лежал плашмя и не шевелился, Костя присел в углу под стеной, сжался, ткнувшись длинным носом в грудь.

Ожог схватил обломок бетонной плиты, рванул на себя, вырывая из кучи спрессованной земли. Прикрывшись им, как щитом, побежал вперед. Видно было, как ствол опускается, меняя угол, – пули били в бетон, обломок содрогался в руках капитана, того мотало из стороны в сторону, ноги заплетались, но он все равно бежал, да к тому же – зигзагами, резко поворачивая, так что пулемет немного запаздывал...

Ожог подбежал к турели, остановился прямо под ней. Ствол накренился, однако конструкция не позволяла ему повернуться вертикально, и он обстреливал полукруг у ног должовца. Тот отбросил похудевшую, дырчатую плиту – пулемет довернулся следом. Расстегнув пряжку, Ожог сдернул с себя ремень, сделал петлю и накинуд на ствол, который, превратив обломок в серую труху, поехал вверх, стреляя по засевшим в конце коридора.

Ожог повис. Ствол продолжал плевать огнем, со скрежетом кренясь вниз под его весом. Поворотный механизм крикнул и сломался, пулемет рывком сдвинулся, кроша бетонный пол. Ремень пополз вниз, но Ожог, прежде чем соскочить, вскинул руку с гранатой. Сжимая одной рукой концы ремня, он другой всунул ее в узкий просвет между верхней частью турели и потолком, где жужжали, вращаясь, шестерни подъемно-поворотного механизма.

– Ложись! – крикнул капитан. Спрыгнув, он бросился в глубь коридора, в противоположную от ствола сторону.

Граната взорвалась. Турель со скрежетом наполовину выворотило из гнезда, ствол безжизненно повис, выстрелы смолкли. Лесник, потом Винт, Костя и пулеметчики подняли головы. Из глубины коридора показался Ожог. Лесник, обернувшись, потряс девушку за плечо.

– Слышишь меня?

Настька качнула головой, моргая, потеряла виски.

– Что с Маркеловым?! – крикнул капитан, приближаясь.

Винт был уже рядом со снайпером. Тот лежал на спине, уставившись неподвижным взглядом на быстро темнеющее небо в проломе.

Десантник присел на корточки рядом, ладонью провел по лицу, с которого смерть так и не стерла детского удивления, закрыл веки.

– Возьмите у него из рюкзака тротил и патроны, – велел Ожог, останавливаясь рядом.

– Так у него снайперские, нам не нужны, – прогудел Кабан, поднимаясь из-за кучи земли.

Костя осторожно перевернул тело на бок, достал из рюкзака два брикета взрывчатки, протянул Жарику. Тот засунул их в жилет.

– Эк его поджарило, – пробормотал здоровяк, потирая низкий лоб. – Че-то оно так... глупо получилось совсем.

Костя негромко произнес:

– Маркелыч после этой операции уходить из Зоны собирался. Домой написал...

Винт оглянулся, посмотрел на выглядывающую из-за плеча Лесника девушку.

– Ты чего молчала? – грубо спросил он.

– А что я должна была сказать? – растерялась Настька. Ей до слез было жалко румяного толстяка, который понравился девушке больше всех в отряде. И ведь правда – очень это вышло неожиданно и... глупо. Если только смерть может быть глупой.

– А я знаю?! – крикнул десантник. – Для чего мы тебя взяли?

– Отставить разговоры! – приказал Ожог. – Кабан, идешь первым. Винт – второй. Потом я, за мной девчонка и сталкер. Жарик, Костя, прикрываете. Пошли!

– Маркелыч тоже был вторым, – пробормотал Винт, сматывая кольцами веревку.

* * *

Степан с Рамиром подбежали к роше.

– Туточки оно, осторожней, – мужик потянул сталкера за рукав, оттаскивая от ямы. Дед Пахом, кутивший на краю, поднялся, последний раз глубоко затянулся и кинул вниз хабарик.

– Да вижу я, – Цыган дернул локтем, стряхивая руку Степана, шагнул к провалу. – Так что, туда мне, а, дед?

Старик тихо засмеялся.

– Зря я, что ль, с тобой пил, Цыганчик? – он потыкал вниз скрюченным пальцем. – Ты глянь, глянь!

Покосившись на него, Рамир заглянул в провал и увидел лежащего лицом вверх толстяка.

– Они туда как сунулись, их сразу и накрыло, – пояснил Пахом, потирая ладони. – Идем? Лучше тебе другим ходом спуститься.

– А Настя? – спросил Цыган, отворачиваясь от мертвеца.

– У нее спасителей шесть человек осталось, – улыбнулся дед. – А нам в сторонку чуток отойти надо, больно тут место опасное.

– Ладно, веди.

– А магазин-то как? Степан замахаал руками.

– Взорвали!
– Совсем? – хихикнул старик.
– Ты шта! – племянник его схватился за жидкие волосы. – Дыру сделали, ровную, шта твоя дверь. Спец парень, ага. Быстро, как полстопаря опрокинуть...

Поправив на плече карабин, дед Пахом поманил Цыгана за собой и углубился в рощу.
– Туточки недалече, – сказал он. – Дюжинка шагов, только под ноги поглядывай, милоч.
«Дюжинка» оказалась пятьюдесятью метрами. Раздвигая руками кусты, старик пояснял:
– Группировщики все равно не пролезли бы. И толстяк ихний, и пулеметчики – крупняк, а дыра небольшая совсем. Даже ты, может, не вместишься... – старик, обернувшись, с сомнением окинул взглядом Рамира. – Вот она, постой-ка. Они остановились. Следом, ломая ветки, ахая и охая, неуклюже пробирался Степан.
– Тихо ты! – шикнул старик. Племянник, прикрыв ладонью рот, шагнул в сторону, чуть не упал, зацепившись за сук, и обхватил кривую ольху. Пахом кивнул Цыгану, поднял ветви развесистой бузины. Под ними обнаружилась узкая дыра, окруженная густой травой. Старик присел, вынул из-за пазухи фонарик и посветил внутрь. Рамир наклонился над отверстием. Желтый луч выхватил из темноты скол бетонной плиты и уходящий во мрак железный трос.
– Лифтовая шахта? – догадался Цыган, опускаясь на колени и заглядывая в отверстие.
– Я туда камушки бросал, не слышать, как падают, – предупредил Пахом. Рамир кивнул и начал разматывать веревку с пояса. Дед положил ладонь на его руку.
– Мы с тобой, Цыганчик, свои люди, – сказал он. – И вот чего тебе скажу: не лез бы ты туда. Опасно внизу очень. Оставайся. Паренек ты бывалый... приживешься, э? Глядишь, не найдут тебя здесь никакие Слоны. Через Могильник поди проберись...

Рамир похлопал его по плечу.
– Спасибо, старик, за заботу. Нет, сидеть и ждать у Зоны погоды я не могу, лучше попытаю счастья. Так что, того... Прощай, дед Пахом, вряд ли еще свидимся.
Привязав веревку к старой березе в двух шагах от провала, он кинул конец вниз. Сел на край, ногой сбил небольшой пласт почвы, расширяя дыру. Повесил рюкзак на одно плечо, освободив другое, взялся за веревку, кивнув деду Пахому и чешущему в затылке Степану, – и стал протискиваться. Пришлось повернуться влево, потом вправо. Рюкзак зацепился за корень, его потянуло вверх, Рамир поерзал – рюкзак шмякнулся на спину, качнув его.

Вскоре стало просторнее. На груди у Рамира вместе с детектором аномалий и автоматом висел фонарик, светящий тусклым желтым светом. Спустившись на пару метров, он оглядел бетонные стены, украшенные длинными ржавыми потеками. Пахло солидом. Широкая шахта наверняка предназначалась для грузовой кабины. Внизу были толстые горизонтальные штанги крест-накрест, к ним приварен двигатель с лебедкой, с нее свисал обрывок троса.

Цыган слегка раскачался и закинул руку на балку. Подтянулся, отпустив веревку, лег животом, пополз. Возле лебедки сел верхом, потом кое-как выпрямился, расставив для равновесия руки. Сверху вниз шел ровный поток прохладного воздуха, под ногами темно. Он вновь присел, осмотрел трос и расстегнул куртку. Глянул вверх – голов Пахома и Степана видно не было, деревенские уже ушли. Рамир распахнул полы куртки, ругнувшись про себя. Надо было попросить у деда какие-нибудь рукавицы или перчатки, да кто ж знал, что здесь внизу находится... Ладно, придется иначе. После приключений в Могильнике куртка была порвана в нескольких местах, он оторвал два длинных лоскута от подкладки, обмотав ладони, стянул на запястьях крепкие узлы. Упершись ногой в лебедку, потянул трос и стал разматывать. Толстый железный вал проворачивался с натужным скрипом, балка подрагивала. Даже сквозь ткань жилы царапали ладони, тряпки тут же покрылись слоем черной вонючей смазки. Рамир продолжал тянуть, оборванный конец троса скрылся в темноте, спускаясь все ниже.

Спина затекла, ладони горели. Трос размотался до конца – он увидел сплюснутый конец, прибитый к валу стальными клиньями. Насколько хватит длины? Рамир решил пока не думать об этом. Улегшись поперек балки, обхватил ногами трос и начал спускаться.

Шахта состояла из больших щитов, укрепбалки были установлены через каждые три метра, по ним Цыган и считал расстояние. Пару раз он отдыхал на балках, потом лез дальше. Руки устали, ткань на ладонях порвалась, и солидол едко ципал в ранках. Рюкзак оттягивал ноющие плечи. А шахта все не кончалась, и нигде не было дверей, через которые можно наконец выбрать из этого чертова колодца.

– Скоро долезу до центра планеты, – пробормотал он, в очередной раз раскачиваясь, чтобы схватиться за балку и передохнуть. Каждый новый отрезок пути давался все тяжелее, отдыхать приходилось дольше. Присев на уголке, которым были сварены концы двух балок, Рамир посмотрел вниз. Луч фонаря выхватил из темноты крышу лифта. – А! – сказал он. Поплевав на ладони, полез дальше и вскоре, утвердив ноги на кабине, отпустил трос. Тот лежал, свернувшись кольцами.

Кабину заклинило в шахте, перекорежило – смятая крыша накренилась, часть механизма сорвало с крепления, вверх торчал обломок толстого металлического листа, на котором застыло ржавое железное колесо.

Ломило суставы, руки ныли, да еще и начало тянуть в пояснице. Тяжело дыша, Рамир обошел крышу, осторожно переступая через сломанные детали. В одном месте был небольшой просвет, но слишком узкий для него. Цыган поднял голову – светлое пятнышко далеко вверху перекрещивали балки-спички. Попытаться залезть обратно, чтобы пойти через большой провал вслед за отрядом Долга? Нет, этот подъем он просто не осилит. Тогда что делать? С возрастающим беспокойством он еще раз оглядел смятую крышу – выхода не было.

Глава 8 КРЕПОСТЬ: ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ

1

Кабан толкнул плечом дверь из грязного серого пластика и сунул в проем пулемет.
За дверью было темно, серый рассеянный свет, падающий в провал, сюда не доходил. Не опуская ствол, Кабан левой рукой включил фонарик – желтое пятно упало на бетонные ступени. Здоровяк оглянулся на Ожога.
– Туда, – кивнул капитан, снимая автомат с предохранителя. Кабан шагнул внутрь, за ним скользнул Винт, вода

«калашом» из стороны в сторону.

Это была лестница, запертая в глухой бетонный мешок. Стены кое-где покрыты желтой плиткой, в других местах – неровно наляпанная штукатурка. Кабан спускался вдоль перил, Винт крался у стены, поднимая оружие, следом шли остальные. Придерживаясь за пояс Лесника, Настька с любопытством и испугом крутила головой, пытаясь узнать что-то знакомое.

– Дверь! – крикнул снизу Кабан.

Ступени были усеяны мелким мусором, осколки кафеля хрустели под ногами.

– Что за дверь? – спускаясь вслед за Настькой и Лесником, спросил Ожог. – Открыта?

– Заперта, – отозвался Винт, изучавший замок. Настька выглянула из-за плеча Лесника, который остановился на нижних ступенях последнего пролета. Над ними на площадке стоял Жарик, спиной к стене, ствол «Печенег» был направлен вверх. Костя вытянул тощую шею, изучая бронированную дверь, перекрывающую выход на этаж.

– Такую тротил не возьмет, – скорбно сообщил он.

– Ежу понятно, – ухмыльнулся Винт. – Но для этой красавицы у меня другая штука есть. – Он обернулся. – Кабан, доставай.

Настька с любопытством следила за Винтом, который поднес к электронному замку небольшую коробку с жидкокристаллическим монитором и рядом кнопок. На экране замелькали зеленые цифры, прибор защелкал. Наконец аппарат пискнул, на мониторе застыли какие-то цифры.

– Давай, братан. – Винт отступил, а Кабан плечом налег на броню. Толстая дверь стала медленно открываться. Ожог с Винтом стояли рядом, поднимая оружие.

Кабан вошел первым и сразу отступил в сторону, удерживая помещение за дверью под прицелом. Жарик замыкал.

– Закрывать? – прогудел он.

– Оставь, – бросив Ожог, вынимая план. – Мы на втором охранном уровне, впереди полигон, смотрите в оба. Кабан, вперед, Винт второй, пошли!

Здоровяк чуть помедлил, подозрительно оглядывая потолок. Металлические плиты были пригнаны ровно, стык в стык, нигде ни намека на отъезжающие панели, люки или что-то подобное. Расположенные через каждые три метра плоские лампы тускло светились.

– Вперед! – нетерпеливо повторил Ожог. Кабан медленно двинулся вдоль левой стены, Винт пошел по другой стороне коридора. Стены тут были обшиты металлическими листами, между ними от пола к потолку протянулись узкие подпорки. Лесник поднял голову.

– Это видеокамера? – негромко спросил он.

Ожог проследил за его взглядом. В углу под потолком из подпорки выпирала черная пуговица, похожая на головку болта. Капитан сделал еще шаг, пуговица едва заметно повернулась. Тогда Ожог поднял автомат и выстрелил. Она взорвалась, из дырки выплеснулась струйка дыма, запахло паленой изоляцией.

– Глазастый, борода, – похвалил Винт.

Ожог молча шел дальше, не опуская автомата. Жарик, поравнявшись с Лесником, презрительно покосился на него.

– Типа пригодился? – Он плюнул сталкеру под ноги. – Отрабатывай давай, чтоб не зря тебя тащили.

Кабан сказал:

– Впереди зал.

Теперь стало видно, что коридор выводит в большое круглое помещение с покатым потолком и дверями по окружности. Почти все они были открыты. В стене напротив – большое окно, забранное толстым стеклом и решеткой, помещение за ним скрывал мрак. На потолке горели лампы, но так высоко, что свет почти не доходил вниз, зал был погружен в полутьму.

Кабан осторожными шагами, поднимая пулемет, вдоль стенки приближался к залу. Винт, оглянувшись, спросил:

– Куда нам, командир?

Ожог не успел ответить – с потолка донеслось гудение.

– Назад! – крикнул капитан, отпрянув к стене. – Девчонку прикрыть!

Лесник задвинул Настьку себе за спину, снял с плеча двустволку. Кабан вскинул «Печенег», повел стволом из стороны в сторону.

С потолка зала упала решетка и перекрыла выход из коридора. Прутья плотно вошли в гнезда в полу. Здоровяк шагнул к ней, сильно дернул – решетка не шелохнулась.

– Хых! Крепкая... – сказал Кабан.

– Откуда здесь вообще электричество? – Встав у решетки, Ожог осмотрел зал. Двери по окружности одна за другой закрывались, слышались щелчки замков. – Откуда энергия поступает?

– Капитан! – позвал сзади Жарик. Все оглянулись. Пулеметчик стоял в конце коридора возле бронированной двери, через которую они вошли. Ожог бросился к нему.

– Держи ее! – заорал он. Жарик уже и сам догадался – налег плечом на дверь, но она легко сдвигала его, подошвы скользили по полу. Жарик, ругнувшись, отскочил. Бронированная плита закрылась, громко щелкнул замок. Ожог остановился, окинув дверь взглядом, крикнул: – Винт, сюда!

Жарик вытащил из рюкзака прибор Винта, поспешившего к ним. Десантник схватил пластиковую коробочку, поднес к замку, примерившись, вонзил куда-то в щель игольчатый штекер на конце проводка, потом приставил к металлу магнитную присоску. Нажал – на мониторе замигали красным какие-то буквы.

– Дверь заблокирована, – сказал он. – Ничего не могу сделать.

Кабан, все еще стоящий у решетки перед залом, крикнул:

– Эй, гляньте! Это че такое?

В полу зала было множество небольших круглых отверстий. Из них полилось тяжелое красное сияние, пошел дымок... И вдруг выплеснулись струи раскаленного газа. Загудело, струи слились в пылающий круг. Жар пошел во все стороны, Кабан отступил на шаг – решетка начала нагреваться.

– «Жарка»! – воскликнул он потрясенно. Лицо великана покраснело, на лбу выступил пот. Он стал медленно пятиться в глубь коридора.

– Что это, откуда? – пробормотал Винт, глядя за решетку. Воздух в зале дрожал и плавился.

– Может, имитация аномалии? – предположил Лесник. Настька во все глаза глядела из-за его плеча, держась за локоть сталкера.

Ожог прошел мимо пятящегося Кабана, остановился.

– Винт, что с дверью? – крикнул он. Искусственная «Жарка» гудела ровно и сильно, заглушая голоса.

Десантник развел руками.

– Три раза пытался. Кто-то заблокировал доступ к кодам, замок не принимает пароль.

– Э, да нас же поджарит щас! – с тревогой пробасил Жарик, опуская «Печенег».

– Но ведь огонь сюда не доходит? – Настька посмотрела на Лесника. Тот качнул головой.

– Кислород выгорает. Если здесь все герметично, а «Жарка» будет гореть долго... задохнемся.

Винт обернулся к подрывнику:

– Костик, ну че?

– Тротил эту дверь не возьмет... – уныло произнес тот, пожимая костлявыми плечами.

Ожог озирался. Правый глаз его налился кровью, шрамы на лице побагровели, кожа натянулась, казалась твердой и маслянистой. Он сунул автомат стоящему рядом Косте, скинул рюкзак, открыл, вытащил небольшой приборчик с дисплеем и кнопками на пластиковом корпусе.

Лица стоящих в другом конце коридора людей раскраснелись, по ним катился пот. В зале отдельные струи газа уже невозможно было разглядеть, они слились в круглое огненное облако, раскаленно-багровое, дрожащее. Низкий гул наполнял помещение, горячий сухой воздух был насыщен запахом разогретого железа.

Ожог пошел в сторону «Жарки» вдоль левой стены, приставив к ней широкую чашечку на боку прибора.

– Капитан! – позвал Винт беспокойно, но тот не ответил. Сухощавая подтянутая фигура мелко дрожала на фоне раскаленного жерла коридора.

– Что он делает?! – испуганно крикнула Настька. Ожог зашел настолько далеко, насколько позволял жар.

Прикрыв локтем лицо, он вытянул руку, искося глядя на показания прибора. Сделал еще шаг. Еще. Силуэт его совсем искажился в потоках раскаленного воздуха.

– Да куда ж он прется?.. – заговорил Винт, но тут капитан отпрыгнул к противоположной стенке и двинулся обратно, не опуская прибор. Примерно на середине коридора остановился, словно прислушиваясь к чему-то, положил пластиковый ящик у стены, пригнувшись, побежал к остальным. Винт бросился навстречу, открывая флягу с водой.

– Справа пустота! – крикнул Ожог. – Другой коридор или подсобное помещение... – Он вырвал флягу из рук Винта. Лицо капитана пылало, правый глаз казался сгустком крови. Он плеснул воды на лицо, облизнулся. – Константин, быстро туда. Жарик, за ним со взрывчаткой. Пулемет здесь оставить.

Дернувшийся с места пулеметчик остановился, поставил «Печенег» на пол и, прикрывая лицо растопыренной пятерней, побежал за Костей. Встав над пластиковым ящичком, тот снял с петель на поясе долото и молоток, вручил Жарику, указав место в полуметре над полом. Ожог плеснул воды из фляги на ладонь и растер по щекам. Он все пытался отдышаться, но воздух стал слишком горячим и спертым.

– Дядя Василь, мне трудно дышать, – прошептала Настька, расстегивая верхние пуговицы куртки.

Толкнув ее в дальний конец коридора, Лесник сказал:

– Ляг на пол и попробуй не напрягаться. Ожог кивнул, соглашаясь:

– Кабан, Винт – к двери, тоже ложитесь. Надо экономить кислород.

– Дай флягу, – сказал Лесник, протягивая руку. Другой он вытащил из кармана чистую тряпку.

Капитан глянул на него, отдал фляжку и шагнул вслед за остальными поближе к двери. Лесник положил тряпицу на ладонь, плеснул немного воды, сжал ткань, чтобы хорошо пропиталась. Поднял голову. Казалось, стены и решетка на другом конце коридора плавятся. В струящемся воздухе было видно, как Костя пассатижами торопливо обжимает капсулы-детонаторы. У ног его лежали четыре шашки.

Из дрожащего марева прибежал Жарик. Глаза были выпучены, лицо багровое, грудь, осыпанная бетонной крошкой, тяжело вздымалась. Долговязый Костя, похожий на цаплю, нагнулся и стал вместо пулеметчика долбить отверстие в стене невысоко над полом.

– Воды... – прохрипел здоровяк. Выхватив у Лесника флягу, сделал большой глоток.

*

– Винт, смени! – велел Ожог, ногой толкая десантника, который лежал на боку у двери. Тот вскочил и рванулся по коридору к Косте. Отдав инструмент, подрывник вернулся к отряду. Худое лицо с большим крючковатым носом, шея, руки – все было мокрое, пот тек тонкими струйками, они засыхали, впалые щеки стали полосатыми. Серые волосы Кости стояли дыбом и потрескивали. Подрывник вдохнул несколько раз, Лесник приладил ему на лицо мокрую тряпку, и Костя побежал обратно. Навстречу, пошатываясь, уже шел Винт – ему было совсем плохо.

Жарик сел у стены, вытирая пот со лба.

– Тяжело там, командир, – прохрипел он. – Дышать ваше нечем...

Лесник, истекая потом, отступил в самый конец коридора, но легче не стало, воздух сушил рот и нос, затвердевшие губы потрескались. Настька лежала ничком, прикрыв лицо руками. Лесник присел возле нее.

– Что такое твой Борг? – спросил он, тяжело слатывая. – Где он прячется?

Сидящий в углу Жарик покосился на девушку.

– Расклеилась сопля, – презрительно прогудел он.

– Заткнись, мясо без мозгов, – не оборачиваясь, бросил Лесник.

Жарик хохотнул:

– Это Кабан мясо, гы-ы! Опять мимо, дед!

– Какое я тебе мясо? – зашевелился лежащий рядом Кабан. – Щас получишь, слышь?

– Всем тихо! – прикрикнул Ожог, рубанув ладонью воздух. Приковылял Винт и тут же повалился на колени, припав лбом к стене. Лесник протянул ему флягу, но десантник не заметил, он стоял с закрытыми глазами.

Сразу за ним прибежал Костя, рот его был разинут. Губы совсем потрескались, язык распух, волосы слабо тлели.

– Хы... – начал он и мучительно заперхал, будто курильщик, наглотавшийся дыма. Содрогаюсь всем своим длинным костлявым телом, подрывник поднял руки и резко опустил их. – Ых-хы!

Он повалился под стенкой.

– Ложись! – заорал Ожог, падая вместе с ним. Лесник рухнул на бок, прикрывая голову руками.

Впереди рвануло, волна невыносимого жара накатила на них, и сталкер услышал, как трещат волосы на висках. Ему показалось, что глазные яблоки вскипают.

– За мной! – крик Ожога едва донесся сквозь адское гудение «Жарки».

Капитан вскочил, рванулся вперед, подхватив рюкзак. Лесник приподнял Настьку, потащил за собой. Девушка, вцепившись в его поясицу и низко пригнувшись, быстро перебирала ногами. Жарик с пулеметом на спине, сжимая одной рукой Костю, а другой – его рюкзак, побежал к пролому, оставшемуся от взрыва. Следом двигались Кабан и Винт.

Навстречу ударил ветер: воздух из помещения за стеной хлынул в коридор.

Настька не успела вдохнуть – по лицу будто хлестнули тяжелой холодной простыней. Она закашлялась, разинув рот, упала. Лесник схватил ее за плечи и впихнул в темный пролом.

Взрыв разворотил стену, потолочная плита просела, накренившись. Сталкер шагнул в темноту следом за Настькой, все еще придерживая ее.

– Быстро, быстро! – орал Ожог. Он стоял у дыры и подталкивал каждого, кто подбегал к пролому. Жарик пихнул внутрь Костю, почти потерявшего сознание. Обливаясь потом, с трудом дыша, пулеметчик влез следом. Ожог выбрался последним.

* * *

Цыган опустился на корточки, подсвечивая фонариком, изучил крышу кабины. Да, это тебе не пассажирский лифт в жилом доме – хорошая сталь, толстая арматура, крепления и блоки... Кое-что поржавело со временем, но в целом конструкция крепкая, не ломать. Он выпрямился и пнул лист металла. Обошел крышу по периметру, то тут, то там ударяя каблуком. Кажется, вот здесь слегка шатается... Цыган присел, постучал по ржавому пятну на крыше.

Посмотрел вверх. Спускаясь, метрах в десяти выше он заметил широкую каверну в бетоне, похожую на сделанную при строительстве нишу для ремонтных нужд. Рамир взглянул на протертые до дыр, черные от солидола тряпки на ладонях, взялся за трос, подпрыгнув, обхватил его ногами – и полез.

Он выдохся уже на четвертом метре, когда достиг следующей укрепбалки. Качнувшись, вцепился в нее, перебирая руками по тросу, сел и опять глянул вверх. Эдак он до ночи тут проползает. Черт бы побрал деда Пахома с его добрыми советами!

Поразмыслив, Рамир освободил руки от остатков ткани, стащил с плеч лямки рюкзака и некрепко обвязал их вокруг балки. Продолжать все эти трюки с ношей на спине было слишком сложно.

Вздыхнув, он опять полез и больше не останавливался – времени на отдых не было.

– Нет покоя для грешных, – пробормотал он, преодолевая очередной отрезок пути. Вот и третья балка, дыра где-то над ней. Еще одно небольшое усилие... Рамир вцепился в трос, прижался щекой к колючей поверхности и сделал несколько глубоких вдохов. Руки дрожали. Он задрал голову. Каверна уже недалеко. Последний рывок... Ладонь соскользнула с троса, и Рамир закачался на одной руке. Дьявол! Пальцы ослабели, с трудом держали трос. Если упасть с такой высоты на кабину с торчащими из крыши железяками, он все кости переломает. Трос вонял солидолом, Рамир закашлялся. Не для того он сюда залезал, чтобы сдохнуть, свалившись на крышу лифта... Впрочем, не для того ли он пошел в подземелье, чтобы сдохнуть по собственному желанию, а не погибнуть от пуль мстителей?

Трос, закручиваясь, качнулся к стене. Цыган оттолкнулся ногой, по дуге пролетел через шахту и стукнулся плечом о противоположную стену. Застонав, вцепился в край широкого отверстия, отпустил трос, подтянулся, упираясь носками ботинок в шершавый бетон, сунул руку внутрь, нащупывая, за что бы ухватиться... Фонарик на плече осветил заросли ржавых волос в глубине ниши. Рамир невольно отшатнулся, заскользил вниз, лишь в последний момент схватился за выступающий из бетона металлический уголок и повис. Пальцы пронзила боль, и они соскользнули. Трос висел сзади по оси шахты. Цыган оттолкнулся, поворачиваясь, прыгнул к нему.

Хотя скорее – упал, а не прыгнул. Он пролетел метра полтора, прежде чем сумел ухватиться. Ладони с ободранной кожей будто кипятком ошпарило. Скрежетнув зубами, он застыл на качающемся тросе, припав к нему и зажмурился. Подождет, пока перед глазами перестанут плавать круги, а амплитуда раскачивания уменьшится, и влез немного повыше. Еще немного, еще...

Вновь поднявшись на высоту ниши, оглядел ее. Бетон, которым была облицована рама утопленной в стену шахты опалубки, в одном месте растрескался и осыпался, обнажив вертикальный каркас, сваренный из железных уголков. За ним и была каверна. Ржавые волосы росли в глубине, свободное место там есть, хотя его совсем мало.

Он вновь раскачал трос, в нужный момент выбросил перед собой руку и вцепился в боковину рамы. Другой Рамир держал трос. Просунув внутрь голову и плечи, осмотрелся. Фонарик светил слабо, аккумуляторы садились. Скоро он останется в полной темноте.

Густые заросли оплетали всю противоположную стену ниши. Цыган прикинул расстояние, пролез в дыру, извиваясь, как змея, развернулся. Волосы едва заметно зашевелились.

Он лег на краю, спиной к ним, и выглянул. Луч фонарика скользнул вдоль шахты. Рамир достал из подсумка гранату, выдернул кольцо, отпустил рычаг предохранителя и швырнул ее вниз. Отпрянул, спиной ощущая ржавые волосы совсем рядом. Они еле слышно зашелестели, будто почуяли добычу, хотя скорее – просто шевельнулись в легком движении воздуха. Если не получится, ему отсюда уже не выбраться...

Внизу рвануло, от лифта ударила волна, грохот взлетел по шахте, и у Рамира заложило уши. Он лежал ничком, закрыв глаза. Что-то скрежетнуло, просев... и все стихло.

Подождав немного, Цыган выглянул. И выругался – трос-то он отпустил, тот опять болтался посреди шахты!

Первый раз Рамир прыгнул с перепугу, неожиданно увидев ржавые волосы, – и едва не убился тогда, окончательно разодрал ладони. Теперь опять прыгать на трос? Ему стало мутно при этой мысли.

Цыган обжег взглядом шахту, вернее, то, что мог разглядеть в свете почти угасшего фонарика. Надо решаться, иначе он останется в темноте, и тогда конец.

Пошарив в кармане на бедре, он вытащил моток бечевки. Из нагрудного кармана достал гайку. Привязал к ней бечевку, размотал. Только как кинуть? Тут и не замахнуться...

С третьей попытки гайка закрутилась вокруг троса. Рамир потянул, трос поехал к нему – и бечевка соскользнула. Он стукнул кулаком по бетону, тут же испуганно глянул через плечо. Ржавые волосы были совсем близко. И совершенно нет места для нормального замаха!

Он бросал еще четырежды, наконец бечевка зацепилась за надорванную железную жилу, из которых был сплетен трос, тогда Рамиру удалось подтащить его к себе. Он вцепился обеими руками, боясь упустить. От усилий и нервов Рамир весь покрылся потом, руки вновь дрожали. Не теряя больше времени, он соскользнул с края ниши, кинув прощальный взгляд на ржавые волосы, которым так и не достался, полез вниз на качающемся тросе. Натертые мозоли на ладонях давно лопнули и немилосердно саднили. Матерясь вполголоса, Цыган сполз до предпоследней балки, качнувшись, ухватил рюкзак. Кое-как развязал лямки, которые специально стянул так, чтобы было легко справиться с ними.

В быстро слабеющем свете фонарика он уже почти на ощупь проверил крышу кабины. Так и есть, в проржавевшем углу, где была скользкая мелкая лужица, теперь испарившаяся от взрыва, изъеденный коррозией металл погнулся и сломался в одном месте. Рамир несколько раз ударил каблуком, пробивая и расширяя дыру. Сев на корточки, достал из подсумка две последние гранаты. Пришлось слегка повозиться, пропуская бечевку под скобу-предохранитель у одной, пальцы от напряжения плохо слушались. Закрепив связку на гайке морским узлом, Цыган вытащил кольцо, отпустил рычаг и кинул гранаты вниз. У него было три секунды. Он схватил трос, взлетел на нижнюю балку и распластался у стены, накрыв голову рюкзаком.

Гранаты взорвались. Лязг, скрежет металла по бетону... Крыша накренилась и одной половиной свалилась внутрь. Покореженная кабина сдвинулась с места, ее с жутким скрипом протаскило по шахте, но потом, судя по звуку, сломалась какая-то стенка – кабина провалилась. Она ухнула вниз, и у Рамира на мгновение захватило дух от ощущения бездонной глубины под ним. Шахта шла дальше на многие десятки метров.

Фонарь, мигнув, погас. Цыган сморщился. Далеко внизу под ногами раздался лязг и грохот: кабина упала. То ли достигла дна, то ли опять где-то застряла...

А Рамир остался торчать в полной темноте на стене шахты.

2

Винт включил фонарь и повел им из стороны в сторону. Они попали в узкий коридор, по стенам которого тянулись кабели и собранные в пучки разноцветные провода. На каждом была крошечная маркировка. Потолок земляной, кое-где с него капала вода, на бетонном полу собирались лужицы. По стене тянулся ряд тусклых горящих круглых ламп.

– Служебный коридор, – бросил Ожог. – Надо проверить по плану.

– А давайте все эти кабели перережем? – мстительно предложил Винт, выхватывая один из ножей, висящих на ремне. Лезвие тускло блеснуло в свете фонаря.

– И останемся без электричества? – спросил Лесник.

Десантник, пожав плечами, убрал нож и погасил фонарь. Ожог встал под лампу, вытащил из нагрудного кармана план, развернул. Они отошли от пролома, но жар из коридора все равно доходил сюда.

– Куда двигаться, капитан? – спросил Жарик, топчущийся сзади всех с «Печенегом» на плече. В коридоре было не разминуться.

– Туда, – показав направление, Ожог спрятал схему. – Кабан, первый, пошел. Винт, за ним. Потом Костя, я, Лесник, девушка. Жарик, замыкаешь.

Настька, держась за локоть Лесника, оглянулась на Жарика. С крупного грубого лица постепенно сходила краснота, хотя лоб и грудь здоровяка еще лоснились от пота. Куртка его была расстегнута, под ней – черная майка и железная цепочка с большим медальоном.

Здоровяк подмигнул ей.

– Сдрейфила, сопля? Это тебе не в куклы играть. Зря тебя Ожог сюда потащил, без тебя бы справились в три раза быстрее.

– Ах ты! – Настька задохнулась от возмущения. – Да ты просто баран без мозгов, балка чугунная!

Лесник, оглянувшись, сказал ей:

– Чего ты с ним говоришь? На дебилов внимание обращать – только время терять.

Жарик заржал, и девушка резко отвернулась, растрепанный хвост волос хлестнул ее по плечам. Чувствовала она себя неважно, в голове немного шумело, в висках стучала кровь. Настька прошептала Леснику:

– Дядя Василь, не нравится мне тут. Тогда такого не было, когда я в детстве здесь гуляла...

Лесник не ответил. Они шли уже долго – гудение «Жарки» смолкло. Шаги звучали приглушенно, эха не было. Кабели иногда разветвлялись, от них отходили новые провода и скрывались в тонких алюминиевых трубках, утопленных в бетон. Технический коридор, проложенный с небольшим уклоном вниз, несколько раз поворачивал.

– Долго идти-то? – спросил Винт, на ходу оглядываясь.

– На плане вентиляция и проводка не отмечены, – сердито отозвался Ожог.

Кабан впереди громко выругался, споткнувшись обо что-то.

– Что там? – крикнул капитан. Винт, остановившийся вслед за пулеметчиком, присел на корточки и сказал:

– Люк в полу, затворное колесо торчит.

– Открывайте.

Винт схватился за колесо и с усилием повернул; Кабан, присевший по другую сторону люка, стал помогать ему. Люк был плоский, присыпан пылью, поэтому пулеметчик и не заметил его.

Они подняли крышку, со скрежетом провернув ее на петлях, уронили на пол. По коридору разлетелся гулкий звон.

– Тут лестница, капитан, – доложил Винт, включив фонарик. – Скобы в стену вбиты. Так... колодец неглубокий, метра три, внизу какое-то помещение. Освещение вроде этого, под колодцем ничего не стоит, пол кафельный. Тоже служебное, похоже...

– Ладно, лезь, – распорядился Ожог, подходя ближе. – Как спустишься, сразу в сторону. Кабан – за ним, сразу берешь помещение под прицел.

Винт лихо отсалютовал, спустив ноги в люк, слетел по лестнице, быстро перебирая руками по скобам. Пулеметчик с сомнением поглядел на узкий прямоугольник колодца.

– Капитан, я ж сюда не помещусь с пулеметом...

– Костя! – тут же позвал Ожог и прижался к стене. Подрывник, протиснувшись мимо него, сунулся в люк. Снизу донесся шлепок – Винт прыгнул на пол. Все замерли, прислушиваясь.

– Чисто! – доложил десантник, появляясь в проеме. Костя добрался до последней скобы, замер на мгновение, повиснув на руках, прыгнул и сразу шагнул в сторону.

– Винт, прими пулеметы, – велел Ожог. Встав на краю колодца, он протянул конец веревки с карабинчиком. Кабан, с неохотой зашелкнув его на ремне «Печенег», стал осторожно спускать оружие вниз.

– Теперь твой, – Ожог обернулся к Жарику. Тот уже протискивался мимо Настьки. Оказавшись возле Лесника, он раздул грудь, прижав стalkerа к стене. Лесник с невозмутимым лицом едва заметно шевельнулся – Жарик охнул и дернулся, пытаясь согнуться.

– Су-ука... – прошипел он с перекошенным лицом. Казалось, здоровяк сейчас укусит Лесника за бороду.

– Отставить! – рявкнул Ожог раздраженно. Жарик, плюнув Леснику на ботинки, передал пулемет Кабану, уже поднявшему пустую веревку.

Помещение внизу напоминало небольшой склад. Вдоль стены слева тянулись пустые металлические стеллажи, справа лежали длинные железные ящики со всяким ржавым мусором, инструментами и деталями, а на другом конце стояли два покрытых пылью строительных робота – приземистые бронированные полусферы на гусеницах и с манипуляторами. Сбоку каждого торчал узкий козырек, под ними прятался небольшой монитор с кнопками и верньерами управления. Настька оглядела все это, по-прежнему пытаясь припомнить хоть что-нибудь. Нет, в детстве ей не приходилось бывать здесь...

Ожог первым делом направился к железной двери за ящиками.

– Закрыта, – бодро доложил Винт, сдвигая автомат за спину. – Проверил уже.

– Ну так открой! – рявкнул Ожог. С каждым новым препятствием раздражение его росло. – Чего встал, работай!

Десантник пошел к дверям, на ходу отстегивая кодировщик, прицепленный на боку тощего рюкзака. Основное снаряжение Винт нес в карманах и петлях своего жилета.

Стальная плита плотно прилежала к металлическому косяку, на высоте лица в нее была вмонтирована панель замка – кнопки и крошечный сенсорный экран.

Раздалось натужное гудение. Настька, стоящая позади всех, под люком, задрала голову и ойкнула. Из стенки колодца на высоте потолка выезжала решетка.

– Что?! – Ожог метнулся назад, посмотрел. – Так... Он знает, что мы здесь.

– Хто... Борг этот? – пробасил Кабан. – А как же он вычислил? Я глядел, в коридоре том с проводами камер вроде не было никаких...

– Кто-нибудь курит? – Лесник кивнул на едва заметные красные диоды в нижней части широкого дверного косяка.

– ИК-сенсоры! – Винт отпрыгнул от дверей, к которым только что поднес свой прибор.

Из недр одного робота донеслось низкое жужжание. Бронированная полусфера вздрогнула, качнулась и приподнялась на гусеницах. На панели под козырьком мигнула зеленая лампочка, монитор замерцал. Боковой манипулятор поднялся – и вдруг на нем включилась циркулярная пила. Она крутилась все быстрее, издавая неприятный скрежещающий звук. Настька попятилась.

– Кабан, Жарик! Обезвредить, – распорядился Ожог. – Винт, отойди пока.

Десантник плавно скользнул мимо робота, который уже разворачивался к нему. Гусеницы заскребли по бетонному полу, гибкий манипулятор с колющей насадкой метнулся к Винту, тот едва сумел увернуться, прижавшись спиной к стене.

Ударил «Печенег», падающие гильзы застучали по бетону. Грохот наполнил небольшое помещение. Пули отскакивали от титановой полусферы и мощного короба, на котором она покоилась, рикошетили от гусениц. Робот пополз к людям, ошестинившись манипуляторами. С другой стороны включилась вторая циркулярная пила, ее диск с визгом завращался. На коробе под полусферой сдвинулся щиток, из углубления показался отбойный молоток необычной конструкции, и дробный стук влился в грохот пулеметов.

– Да мы же ему ниче сделать не можем! – крикнул Кабан и прекратил огонь. Жарик продолжал самозабвенно палить по приближающемуся роботу, все остальные отступили в дальний конец склада. Настька прижалась спиной к холодной бетонной стене, Лесник прикрыл ее, машинально снимая с плеча двустоволку. Возле нее в стену уперся Костя, рядом Винт с веселым сумасшествием палил по роботу из пистолета.

– Прекратить огонь! – заорал Ожог. Голос его потонул в общем шуме, однако Винт услышал, опустил «АКМ» и пнул стоящего рядом Жарика. Тот оглянулся, не убирая палец с крючка. Ожог рубанул ладонью воздух, и пулеметчик, нахмурившись, перестал стрелять.

– Чего? – тяжело дыша, спросил он.

– Не трать патроны! – крикнул Ожог, перекрывая громкое гудение механизма. – Это горный робот, он обрушение пород выдерживает!

– И взрыв тротиловой шашки тоже, – добавил Лесник.

Все посмотрели на робота. Он приближался тяжело и неотвратно, похожий на уродливую черепаху-мутанта. Гусеницы медленно вращались, из-под них летела цементная пыль. Панель управления скрыл щиток из бронированного

стекла.

– Капитан, что делать будем? – Винт повернулся к Ожогу. Правый, красный глаз того был неподвижен, левый бежал из стороны в сторону. Лесник тоже оглядывался, но не видел пути к спасению. Толстая выдвижная решетка перекрыла колодец, через который они проникли сюда, и ясно было – на то, чтобы справиться с нею, уйдет не меньше получаса. Никаких окон, единственная дверь – позади робота. А тот был все ближе, пилы визжали, грохотал отбойный молоток. И гранату тут не взорвешь, осколки всех зацепят. Да и нет смысла, ничего она не сделает этому монстру...

Гибкий манипулятор метнулся вперед, Лесник вскинул ружье – и отстреленное острие с куском шланга, бешено вращаясь, упало под стеной. Сыпанули искры, из-под черной изоляции вылезли обрывки проводов.

– Твой драндулет еще и стреляет? – криво ухмыльнулся Жарик.

– Но почему он нас убить хочет?! – вдруг выкрикнула Настька. – Это же Борг, это он!

– А сколько лет прошло? – сказал Лесник, перезаряжая двустволку. – Ты изменилась сильно.

– Борг, это я, Настя! – выкрикнула она. – Я к тебе вернулась!

Жарик презрительно сплюнул, поднял «Печенег» и без команды вновь открыл огонь.

Отскакивающие от брони пули полетели во все стороны, Винт, ругаясь, присел, отвернулся к стене.

– Идиот! – Ожог врезал здоровяку между лопаток, и тот недоуменно обернулся, убрав палец с крючка.

– А че? Все равно сдохнем. Так я хоть поджарю гада на прощанице...

Настька вдруг вывернулась из-под руки Лесника, бросилась вперед, встав прямо перед роботом, замахала руками.

– Борг, Борг, это я! Это Настя!

Он был уже совсем рядом, циркулярная пила почти коснулась ее груди, бешено вращавшееся сверло нацелилось в живот. Лесник бросился к девушке – и тут визг пил стал тише, вращение их замедлилось. Прекратился громкий стук отбойного молотка, сверло остановилось, дрогнуло и втянулось внутрь. Наступила тишина. Все устали на робота. На фоне его угловатого могучего силуэта фигурка съжившейся Настьки казалась беззащитной и очень уязвимой.

С гудением бронированное стекло над панелью управления поднялось. Раздался писк, и на мониторе появились зеленые буквы:

НАСТЯ?

– Эге! – вскочивший Винт подтолкнул ее дальше. – А ну-ка, а ну-ка... Иди, поболтай с ним, куколка...

Лесник замер, подняв руки, глядя на нее. Настька неуверенно шагнула вперед, помедлила и, обойдя робота, встала сбоку от него. Манипуляторы с тихим скрипом опустились.

– Там клавиатура, скажи ему что-нибудь, – напряженным голосом произнес Ожог. – Ну же, не тни!

Девушка положила пальцы на клавиши под монитором, подумала и напечатала: «Здравствуй, Борг».

Экран мигнул, буквы исчезли. Робот дернулся, внутри что-то рокотнуло, гусеницы слегка прокрутились. Настька вскрикнула, отшатнулась, подскочивший Лесник схватил ее за руку и отдернул в сторону.

Запищала панель управления, на экране стали появились буквы: Я... Потом: Д... О... Л... В конце концов возникли слова:

Я ДОЛГО ЖДАЛ ТЕБЯ

Робот вздрогнул и медленно поехал назад. Тонко затренькал электронный замок на двери, в ней что-то щелкнуло. Слова исчезли с монитора, вместо них возникли другие:

СПУСКАЙТЕСЬ В СЕКТОР Z-3

СПУСКАЙТЕСЬ В СЕКТОР Z-3

Винт проскользнул мимо робота и толкнул дверь. Она была открыта.

* * *

Цветные пятна перед глазами медленно растворялись в темноте. Распластавшись на балке, Рамир одной рукой держал трос, другой прижимал к себе рюкзак. Он боялся пошевелиться. Теперь под ним была куда большая высота, чем до этого. И что делать дальше? Ползти в темноте, надеясь, что как-нибудь да удастся выбраться? Он поморгал, глядя на вытянутое светлое пятно внизу... Эге! Это не обман зрения, он действительно видел полоску тусклого света. Немного ниже, в стене напротив, был проход, свет пробивался сквозь неплотно закрытые лифтовые двери. Сообразив это, Цыган сел, оттолкнулся и прыгнул. Трос качнулся, он ногами врезался в дверь. Металлические листы не поддались, Рамира отбросило назад.

Он бы долго мотался туда-сюда, пытаясь выбить двери или зацепиться за узкую щель, ругаясь на всю шахту, – но, к счастью, на четвертый раз ему удалось попасть носком ботинка между створками и остановиться. Цыган осторожно повернул ногу, раздвигая их. Створки поддались, он всунул внутрь ботинок, перебирая руками по тросу, спустился ниже. Взялся одной рукой за дверь, надавил, затем сумел вставить в щель плечо – дальше дело пошло веселее.

Одну створку заклинило намертво, но вторую удалось отжать почти целиком. Рамир встал на потрескавшийся кафель и вдохнул всей грудью. Наконец-то! Отпустив трос, он поправил лямки рюкзака и пошел вперед по коридору, начинавшемуся возле лифта.

Световые панели на потолке работали через одну, а то и реже. Стены бетонные, на полу кафель, потолок затянут металлической сеткой, с которой кое-где свисают пучки ржавых волос. Заметив их, Рамир потянулся к рюкзаку, чтобы достать детектор аномалий. В шахте прибор на шее мешал, но тут другое дело. Кровосос его знает, какие еще сюрпризы поджидают его в этой Крепости... Хорошо хоть не слышен тот загадочный голос, то есть Борг, с которым так хотела увидеться Настя. И ловушек никаких – никто не стреляет по Рамиру «пульками», как по деду Пахому, не захлопывает позади него двери... Или это просто потому, что Хозяин Крепости пока не узнал о появлении гостя? Если Борг на самом деле – искусственный интеллект, сложный набор компьютерных программ, отвечающий за безопасность подземного комплекса, то он следит за территорией посредством датчиков, сенсоров, видеокамер – так, может, ничего из этого не было в шахте? Или от времени оно в том секторе успело выйти из строя... «Да нет, какие там программы! – подумал Рамир. – Из рассказов деда и Насти выходит, что у Борга есть эмоции, а программное обеспечение неспособно на них...»

«Надо найти должовцев, – решил он. – Ведь у меня ни схемы, ни плана, ни малейшего соображения, куда идти, – я вообще понятия не имею, что именно ищу здесь. Значит, нужно следить за ними, незаметно...»

Рамир остановился, увидев, что коридор выводит в верхнюю часть большого квадратного зала, озаренного красным светом аварийных ламп. По периметру его опоясывала галерея: с наружной стороны низкие перила, с внутренней – решетчатые двери камер, по большей части открытые. Ниже была еще одна галерея, это напоминало двухуровневую тюрьму, и в тускло-красном свете выглядела она довольно зловеще. Цыган передвинул автомат на грудь, положил палец на спусковой крючок. Он пока не видел, что находится у третьей стены, закрытой углом коридора.

Рамир шагнул дальше, и тут на него бросилось какое-то существо. Прыгнуло на грудь, вцепилось в лицо – он повалился на спину, пытаясь отодрать тварь. Та завизжала, плюясь и царапая кожу, подбираясь к горлу. Рамир перехватил тощие жилистые лапы, перевернулся, скинув, навалился сверху. Одной рукой он прижал запястье, другую занес, чтобы ударить, – но на спину ему прыгнул второй мутант.

Цыган вскрикнул, когда свалившаяся на плечи тварь сжала горло холодными лапами. Откинулся на спину. Раздался глухой стук, мутант, сильно приложившись затылком о бетон, затих.

Зато первый вскочил, взмахнув руками с растопыренными пальцами, оттолкнулся от пола и прыгнул на Рамира. Тот дал короткую очередь. Тварь с продырявленной грудью повалилась на него, разбросав руки. Цыган спихнул с себя подергивающееся тело, скатился со второго мутанта, выпрямился. На полу растекалась лужица кровавой слизи. Тяжело дыша, он пнул голое тощее тело. Мутант лежал на боку и скреб кафель широкими когтями-лопатками. Лысая башка отливала синевой, лицо с отдаленным подобием человеческих черт было неестественно бледным, почти прозрачным. Из-под выпирающих ребер сочилась кровь. Мутант щелкал мелкими острыми зубами и кривил розово-серые губы, словно пытался что-то сказать, – но лишь стонал.

Второй шевельнулся. Крепкий, чертяка! Рамир наставил на него оружие, но тварь оказалась на удивление проворной. Автомат грохнул, пули отрикошетили от кафеля – он стрелял по пустому месту.

Цыган развернулся, ведя стволом за мелькнувшей тенью. Мутант вскочил на стену, оттолкнулся от нее, метнулся к другой, вновь оттолкнувшись, прыгнул на Рамира со спины. Все случилось почти мгновенно, человек не мог двигаться так быстро. Очередь еще колотила по стене, а тварь уже сидела у Цыгана на плечах, вцепившись длинными пальцами в горло. Он захрипел, бросив автомат, безуспешно попытался разжать хватку. В глазах потемнело. Рамир попятился, стискивая узкие запястья, резко качнулся назад и ударил повисшим на загривке телом о стену – раз, второй, третий. Наклонился вперед и присел, рывком выпрямился, глухо стукнув башкой мутанта о бетон. Пальцы на горле разжались, заскребли по скулам, оставляя царапины, попытались ухватить за уши. Рамир ударил еще дважды, и мутант, свалившись с него, затих на полу. Тогда сталкер повернулся, подхватил болтавшийся на животе автомат и дал длинную очередь. Тело у ног дергалось и подпрыгивало, из ран била кровь. Он остановился, только когда щелкнул затвор.

– Живучий хрен, – пробормотал Цыган. Перезарядив оружие, переключил режим и сделал контрольный в голову. На всякий случай. Обернулся – второго мутанта нигде не было. Дорожка красных пятен тянулась вдоль перил, уходя за угол.

– Что же ты за зверь такой? – Цыган ногой толкнул труп, разглядывая.

Щеки неестественно впалые, надбровные дуги выпуклые, но бровей почти нет – так, щепотка белесых волосков. Кожа на лице натянута и белая до прозрачности, словно мутант никогда не видел солнца, всю жизнь провел в этих темных коридорах... Рамир невольно оглянулся. А ведь наверняка так и есть – это подземное племя. Он никогда не видел ничего подобного в Зоне, а ведь исходил ее почти всю и кого только не встречал. Даже вот с изломом довелось познакомиться. Об этих же и не слышал ни разу, хотя... а не они ли те самые легендарные призраки из Крепости? Рамир покачал головой и зашагал к перилам, чтобы осмотреться получше.

Тюрьма оказалась трехэтажной, однако что находится на самом нижнем уровне, сверху он разглядеть не сумел – там было темно. Цыган прошелся вдоль перил. С трех сторон квадратного внутреннего «двора» располагались обычные камеры, а вот четвертая оказалась интересней. Там галерея становилась гораздо шире, часть большой прямоугольной площадки отгораживала решетка от пола до потолка, за ней стояли какие-то аппараты, от них тянулись провода. Некоторые – к белым стульям, другие – между прутьями решетки, к компьютерам на массивных железных столах. Цыган прищурился, соображая. За столами, значит, сидели ученые, ну или лаборанты, а в прямоугольных отсеках-клетушках за решеткой...

Он замер. В дальнем отсеке что-то шевельнулось, донесся едва слышный шорох. Подняв оружие, Рамир осторожно обогнул стол – и уперся взглядом в еще одну решетку, перегораживающую зал. Хмыкнув, вернулся и пошел в обход по галерее, поглядывая через внутренний «дворик» в тот угол, откуда донесся звук.

Он дважды поворачивал под прямым углом, следуя повороту галереи. Когда ряд камер кончился, Рамир миновал глубокую нишу, где была закрытая бронированная дверь, и приблизился к крайней клетушке. На потолке ее горела красная лампа, внутри возле агрегата, напоминающего холодильник, но с лампочками, кнопками и экраном на передней панели, стояли три соединенных вместе пластиковых стула. На среднем полулежал труп. Рамир перешагнул через бетонный порожек, толкнув решетчатую дверь – та коротко скрипнула. Человек был совсем тощим, руки неестественно вывернуты в локтях, ноги скрещены, из дыр в истлевших больничных штанах торчат острые колени. Запястья лежат на раскрытых железных браслетах, торчащих из подлокотников – от них пучки разноцветных проводов тянулись к агрегату. Цыган дважды обошел тело.

– Экспериментаторы хреновы, – с отвращением сказал он, опуская автомат и оглядываясь.

В стене слева не хватало большого куска бетона, в темной неровной каверне виднелись ржавые трубы, внутри булькало. За креслом в бетоне тоже была глубокая выщербина, там протянулся жгут стянутых пластиковыми «крокодилами» проводов, иногда с них сыпались искры.

– Не понимаю, – сказал Рамир, и голос его отозвался коротким эхом, будто кто-то на дне внутреннего «дворика» повторил слова. Шагнул к трубам, он положил на них руку. – Теплые... Что тут может качать воду по всей системе? Это ведь мощный насос нужен. Да еще и нагревать ее как-то... А сантехник им бы не помешал, совсем проржавели.

Он еще раз прошелся по комнате и в задумчивости присел на стул рядом с трупом, не снимая рюкзака. Вытянул ноги, откинувшись на спинку, облокотился на подлокотник и прикрыл глаза. Он устал за эти дни, очень устал. Куда теперь идти? Спуститься в этот бетонный квадратный колодец или поискать другие выходы из подземной тюрьмы? Вон там дверь еще одна есть...

Громкий щелчок прозвучал неожиданно. А ведь Рамир думал, что вся техника тут мертвая. С треском из проводов, видимых в проломе стены, сыпанули искры. Он подскочил – и железный браслет впился в локоть.

– Э, эй!! – заорал Цыган, дергаясь. Браслет крепко обхватил руку, не позволяя поднять ее.

В мертвой тишине тюрьмы скрежет прозвучал пронзительно, резанул по нервам. Решетчатая дверь захлопнулась, коротко вжикнул электронный замок.

– Твою мать! – сказал Рамир, осознав, что его заперли. Труп поднял голову и взглянул на него.

Глава 9 КРЕПОСТЬ: СРЕДНИЙ УРОВЕНЬ

1

Они вышли в большой гулкий бетонный коридор.

– Капитан, вы знаете, где этот Z-3? – спросил Винт. Ожог расправил скомканную карту, повернул, разглядывая.

– Если бы я знал, где мы сейчас... – пробормотал он. Настька, перед тем как покинуть комнату, положила ладонь на панель робота и легонько погладила его.

Отряд двинулся по коридору. Шагающий в авангарде Кабан не опускал пулемет, за ним шел Винт, сжимая «АКМ» У пояса и озираясь. Ожог, сунув план в карман, обернулся.

– Костя, Жарик, чего застряли?

С их приближением лампы под потолком зажигались, а когда они проходили – медленно угасали.

– Туда, – сказал капитан, показывая на горящий впереди свет. – Там разберемся. Жарик, прикрывай!

Лесник исподтишка осматривал стены и потолок, примечая висящие тут и там мини-камеры. Наверняка были здесь и датчики движения, как еще этот Борг мог следить за ними? Хотя вообще-то совершенно непонятно, откуда в старых, давно заброшенных лабораториях электричество, что питает все эти устройства, механизм дверей, видеокамеры, пулеметные гнезда? Конечно, в Зоне случается, что начинает работать давно сдохший аккумулятор, но это все влияние ионизированных облаков, а они не могут питать всю Крепость. Нет, что-то еще здесь есть...

Миновали несколько закрытых дверей, Винт бросался к каждой, проверял – все были заперты. Вдруг впереди справа запищал электронный замок, и одна дверь открылась сама собой. Кабан остановился возле нее, нерешительно заглянул.

– Сюда, что ль, капитан? Лестница там. Ожог кивнул.

– Борг нас ведет, – недовольно ответил он. Перешагивая через порог, Лесник покосился на Настьку. Девушка словно светилась от радости и шагала, почти не видя, куда идет, на лице блуждала мечтательная улыбка. Хотя под глазами ее залегли тени, а щеки были совсем бледные.

– Кажется, здесь я была, дядя Василь, – сказала она Леснику, тронув его за рукав. – Если по этой лестнице спуститься и пройти по коридору, то попадешь в большой зал, вроде кинотеатра.

Ожог быстро обернулся.

– Знаешь, куда идем?

– Вроде да, – кивнула Настька.

– Так веди, – велел он. Капитан не доверял загадочному Боргу, который включал свет, открывал двери, но в любой момент мог учинить какую-нибудь пакость.

– Но я не знаю никакого сектора Z-3! Ожог раздраженно рубанул ладонью воздух.

– Ладно. Все – по сторонам глядеть внимательно, не расслабляться!

Кабан, несмотря на габариты, двигался мягко, а Жарик сзади топал, как слон.

– Живет тут кто-нибудь? – спросил капитан у Настьки, вновь оглядываясь. – Люди, мутанты, звери? Кого ты видела тогда, от кого тебя Борг защищал?

Девушка задумчиво покачала головой, невольно морщась и потирая висок – она давным-давно отвыкла от подземелий, это в детстве ей здесь нравилось, а теперь... Настьке хотелось наконец-то встретиться с Боргом, но ей все равно было нехорошо. Массы земли и бетона давили, девушку немного тошнило, временами начинала кружиться голова. Мучительно хотелось обратно, наверх, чтобы вокруг было просторно, чтобы никаких стен и низких потолков – и лишь воспоминания о вездесущем добром голосе согревали душу.

– Я никогда никого не видела, – ответила Настька на вопрос капитана. – Но Борг несколько раз предупреждал, чтобы я не ходила в тюремную секцию. Там был кто-то опасный, и почему-то Борг в том месте не мог этому помешать. Или мог, но с трудом... возможно, мы сейчас где-то неподалеку от нее?

– Вспоминай! – потребовал Ожог.

– Не кричи, – сказал идущий рядом с девушкой Лесник. – Я говорил: ей семь лет тогда было, много она запомнить могла?

– Ты, чертов сталкер! – вспыхнул капитан. – Хватит указывать мне, что делать и о чем спрашивать! Твое дело – молчать и слушаться!

Сзади раздался голос Жарика:

– Капитан, а можно я его пристрелю? Он мне задолжал проверить, чья пушка быстрее, моя красotka или его паровоз.

– Заткнись, – не оборачиваясь, бросил Ожог.

По облицованной металлическими плитками лестнице они спустились на два этажа, и впереди с протяжным скрипом сдвинулась вбок дверь, за которой оказался широкий коридор. Он имел почти жилой вид, будто еще совсем недавно здесь проходили люди, спешили куда-то по своим делам... Оштукатуренные стены выкрашены светлой краской, кое-где под ними стояли узкие кожаные кушетки, рядом с выходом лестницы даже криво висела выцветшая от времени картина – какой-то пейзаж.

– Вот! – крикнула Настька, указывая вперед. – Это я помню!

Коридор закончился широкой аркой, ведущей в темное помещение. Внезапно там вспыхнул свет, и все зажмурились. Что-то обрадованно пробормотав, Настька вбежала в большой зал.

– Привет, Борг! – крикнула она. – Это я, мы пришли! Это Настя!

Глухой голос откуда-то из-под потолка произнес:

– Здравствуй.

Лесник перешагнул порог, оглядываясь. Винт перетек на середину помещения и остановился, подняв автомат, Кабан крутился с «Печенегом» на изготовку, выискивая источник голоса.

В стене над дверью поблескивала решетка динамика.

– Можете отдохнуть здесь, – предложил голос.

Долговцы разошлись по залу, осматриваясь. Жарик подступил к стоящему в углу холодильнику, дернул ручку – и едва успел отпрыгнуть. На него посыпались консервы. Винт подскочил к нему, выхватил из образовавшейся на полу кучи банку, повертел.

– Каша гречневая с мясом! – провозгласил он. – Кто жрать хочет, граждане долганутые?

Костя остановился возле огромного, на полстены, экрана.

– Я бы на твоём месте проверил срок годности, – мрачно заметил он.

Лесник обошел зал по периметру. Помещение было похоже на комнату отдыха – очень большую комнату отдыха. Здесь стояли диваны и кресла, между ними столики, заваленные книгами и журналами. Кое-где на столиках – шахматные доски с расставленными фигурами.

– Пожрать – дело хорошее, – прогудел Кабан, пытаясь открыть металлическую дверцу на стене. – Но сначала я бы выпил...

Бар оказался заперт, Кабан поднял пулемет, собираясь расстрелять замок.

– Отставить! – сказал Ожог.

– И верно, все бутылки перебьешь, если они там есть, – засмеялся Винт и пошел к бару, доставая нож. – Сейчас мы его...

– Я сказал, отставить пить! – повторил Ожог и обернулся к девушке, которая, забравшись на диван с ногами, неотрывно глядела на решетку динамика. – Попроси его, чтобы провел нас вниз. В самый нижний сектор Крепости.

– Зачем? – удивилась она.

– Какая тебе разница? – Ожог навис над нею. – Давай! Он сделал ошибку, напирая так сильно, – в Настьке тут же проснулось чувство противоречия.

– Но я не хочу, – уперлась она. – Вы ничего не сказали мне, зачем привели сюда. Увезли из интерната почти без объяснений, притащили, не спрашивая моего согласия, вниз... Зачем? Почему я должна все время вас слушаться?

– Ты! – взревел Ожог, вскинув руку. Правый глаз его полыхнул красным, и Настька вжалась в мягкую спинку дивана.

Лесник перехватил запястье долговца.

– Потише, – сказал он.

Ожог зашипел, как змея, вырвал руку, отпрыгнул и схватился за пистолет.

Громко зашипело, по телевизионному экрану на стене побежали полосы.

– Не трогайте Настю, – произнес голос из динамика. Винт скользнул от бара к дивану, встал перед капитаном, закрывая от него Лесника.

– Командир, мы пока не добрались до цели, она нам еще нужна, да и Борода пригодится, – зачастил он, примиряюще улыбаясь. – А потом я его и сам убью, только прикажите... Я вот думаю: а как этот, невидимый, слышит нас? Видит – я понимаю, вон камеры...

Все посмотрели туда, куда он указывал. Десантник плавно повел рукой по периметру зала.

– Ну и микрофоны где-то, – отрезал Ожог, отворачиваясь. Он раздраженно пересек зал, остановившись на другом конце, задрал голову – напряженный, как туго натянутая струна. Лесник, сняв ремень двустволки с плеча, присел возле девушки.

– Спроси его, зачем они спустились в Крепость, – тихо произнес он. – Пора все выяснить.

Настька кивнула.

– Зачем вы сюда пришли? – громко сказала она в спину Ожогу. Тот опустил голову, помолчал, потом глухо ответил, не оборачиваясь:

– Мы – охотники на мутантов. Мы уничтожим контролеров.

Девушка и сталкер непонимающе глядели на него. Ожог добавил:

– Мы пришли сюда, чтобы уничтожить контролеров. Всех контролеров Зоны.

– Что? – воскликнула Настька. – Но как? Зачем? Она быстро глянула на Лесника. Тот нахмурился, кустистые брови сошлись над переносицей.

Ожог развернулся, лицо его искажала гримаса.

– Зачем? – выплюнул он. – Зачем?! Они – худшее, что есть в Зоне! Они насиляют мозг, заставляя выполнять свои прихоти. Они не звери, они умны, способны организовывать других мутантов в отряды! Ты видела их ритуалы? Ритуалы контролеров? Они – демоны и должны исчезнуть!

Правый глаз капитана пылал огнем, и Настька поежилась. Убить кого-то... ей была противна сама мысль об убийстве, даже если речь шла не о людях. Ведь мутанты – это просто звери, хотя бы тот щенок в Бобловке... Но тут она вспомнила деревню татуированных пигмеев. Ведь там заправлял контролер! Этот косматый толстяк, который хотел... хотел жениться на ней. А проклятье, которое они наслали на Рамира? Красавец Цыган не может теперь общаться с людьми. Да и самого Ожога изуродовали контролеры, значит, поняла Настя, он ненавидит их за дело, а не потому, что такой злой... Он, может, был нормальным человеком раньше, но после того как контролер толкнул его в аномалию...

Она кивнула.

– Хорошо, я попрошу. Только вы успокойтесь, ладно? Капитан отвернулся. На плечо девушки легла тяжелая ладонь, и она вновь глянула на Лесника. Тот выглядел обеспокоенным.

– Нельзя уничтожать всех контролеров, – напряженно сказал он, глядя ей в глаза. – Не знаю, как он собирается такое проверить, но это неправильно. Зона – экосистема. Система, понимаешь? Если убрать одно звено, тут такое начнется...

– Но дядя Василь! – воскликнула девушка. – Ты не видел, что они собирались сделать со мной в том поселке! И

виноват был именно контролер, это он управлял карликами, он был их бог! Он заставил Таракана и Тараторку... Он был совсем страшный! – Настька, покраснев, отвернулась от него.

– Почему ты кричишь, Настя? – спросил голос из динамика. – Кто-то хочет сделать тебе что-то плохое?

Над динамиком раздвинулись узкие створки, выкрашенные в тот же цвет, что и стена, из гнезда выполз ствол, повернулся, ощупывая комнату. Кабан возле холодильника громко сглотнул. Все замерли.

– Нет, нет! – крикнула Настька, вскидывая голову. В глазах ее стояли слезы, но она не плакала. – Борг, послушай, нам очень надо вниз! Ты пропустишь нас?

– Не делай этого, – прошептал Лесник. – Не проси его. Ствол замер, и пулемет плавно ушел обратно. Долговцы перевели дух, Жарик опустил «Печенег», Винт стукнул кулаком по холодильнику и ухмыльнулся.

– Ты уверена, что хочешь спуститься? – с сомнением произнес Борг. – Охранная система спроектирована в основном для контроля периметра базы. На нижних уровнях у меня будет меньше возможностей защитить тебя. Чем ниже, тем реже стоят сенсоры, да и боевые части системы... Хотя я по мере сил расширяю ее, но...

– Мы ее прикроем! – крикнул Ожог. – Слово «Долга»!

– Ваше слово ничего мне не говорит, – отозвался Борг. – Вы обещаете, что девочка будет жива и невредима? Тюремный сектор – самый опасный уровень, там я почти бессилен.

– Нас пять человек тренированных бойцов, – сказал Винт.

– А то! – солидно кивнул Кабан и похлопал по пулемету.

– Там, где вам надо пройти, живут призраки, с ними сложно справиться. Я уже много лет не могу уничтожить эту стаю.

Жарик поднял «Печенег» стволом вверх и потряс им.

– Разберемся! – он кровожадно ухмыльнулся.

Голос надолго смолк. Ожог от нетерпения начал переминаться с ноги на ногу, теряя остатки выдержки. В гробовой тишине вдруг заговорил Винт:

– А вот, было дело... Командир разведотряда «Долга» новичка муштрует: «Почему серьга в ухе?!» – «Виноват, вытащить забыл...» – «Это отец твой забыл вытащить!»

Некоторое время стояла тишина, а потом Кабан заухал – сначала тихо, потом все громче и громче, откинув назад голову, содрогаясь всем своим огромным мощным телом.

– Молчать! – приказал наконец Ожог. Кабан отступил, привалился к стене, лицо его покраснело – он пытался сдержать смех, сцепив зубы, а тот рвался наружу, изо рта пулеметчика вылетало какое-то утробное фырканье.

Когда он затих, Борг произнес:

– Отдохните, и я покажу вам, как идти.

* * *

– У меня есть схема, – сказал Ожог, доставая из кармана листы бумаги. – Борг, ты нас видишь? Слышишь?

После паузы голос ответил:

– Да. Везде стоят камеры, датчики движения, инфракрасные сенсоры, микрофоны. Но когда после тюрьмы вы спуститесь в лаборатории, там ничего этого не будет...

– Так кто ты такой? – перебил капитан. – Где находишься? Ты – человек?

Тишина. Все подняли головы. Настька комкала воротник куртки, закусив губу, с замиранием сердца ждала ответа. Борг наконец сказал:

– Я больше чем человек. Я разум Крепости.

– Разум подземного комплекса? – переспросил Ожог. – Искусственный интеллект, что ли?

– Нет. И да. Я не искусственный... Не совсем. Просто я – мозг комплекса. Это место – мое тело, провода – артерии, технические кладовые и коридоры – органы... – Он замолчал.

Морщась, капитан присел на диван, расправил бумагу на стоящем рядом столике. Лесник, оторвавшись от своих мыслей, из-за плеча Ожога кинул взгляд на схему. Между бровями сталкера залегла тяжелая складка.

– Куда идти? – спросил капитан, поднимая голову.

– Сейчас придется спуститься в тюремный ярус, – откликнулся Борг. – Отсюда это единственная дорога вниз. Дальше уже недалеко.

– Так... Ладно. Все передохнули? – Ожог поднялся. Видно было, что оставаться на месте ему невольно, злое напряжение переполняло долговца.

– Угу, – ответил Жарик, жуя. Они с Кабаном и Винтом сидели вокруг столика, доедая свои пайки. Поверх журналов лежала груда пустых оберток. Вытерев жирные пальцы о штаны, Жарик громко рыгнул и сказал: – Готовы, капитан.

Лесник презрительно посмотрел на пулеметчика, поднялся и отошел к дверям, по очереди настороженно изучая всех долговцев, словно видел в первый раз. Настька проводила его вопросительным взглядом, тоже встала.

– Я есть не хочу, – объявила она. – Идемте скорей. Костя сидел в кресле в углу и крутил настройку маленького радиоприемника.

– Не понимаю, зачем его тут держат, если ничего не берет? – уныло спросил он, откладывая приемник. Подняв за лямку рюкзак, он направился к выходу, остановился возле Лесника. К ним присоединились Винт с Кабаном. Жарик немного задержался, чтобы снять почти пустой короб с пулемета и пристегнуть новый.

– Я этим мутантам задам жару, – сообщил он, надевая рюкзак и перекидывая через голову ремень «Печенег». – Кто там в программе? Призраки... Гы! Пепел от них останется, от этих призраков.

– Выходим, – велел Ожог. Дверь зала отдыха раскрылась, выпуская отряд, в коридоре зажегся свет. Ожог с легким недоумением пробормотал: – Все равно непонятно – откуда здесь электричество?

– Третья дверь налево и прямо до первого поворота, – произнес вслед им Борг.

Двери и дальше открывались перед ними, включались светопанели под потолком. Лесник, погруженный в мрачные раздумья, старался держаться немного в стороне от других. Настька, в конце концов не вытерпев, подошла к нему и

сказала тихонько:

– Дядя Василь, ведь контролеры – плохие. Ты их сам убивал, разве нет?

Сталкер исподлобья глянул на нее.

– Ты ничего не понимаешь. Нельзя уничтожить их всех разом, это очень плохая идея.

Отряд спустился на уровень ниже и через тяжелую бронированную дверь попал в новый коридор. Здесь начиналась тюрьма. Настька с любопытством уставилась на лифт, мимо которого они прошли. Одна створка была сдвинута, но кабины за нею не видно, лишь темнота пустой шахты. – Всем приготовиться, – сдвигая со спины «АКМ», приказал Ожог.

– Кабан первый, Винт второй, пошли! Жарик, прикрываешь.

Великан взял «Печенег» наперевес, идущий следом десантник поднял автомат. Костя повторил его движение.

Лесник тоже снял двустволку с плеча, но как-то рассеянно, думая о своем. Он шел за девушкой, хмурясь, и сверлил затылок Настьки тяжелым взглядом.

Впереди был зал с галереей и рядом решетчатых дверей. Галерея шла по периметру, вдоль наружной части тянулись невысокие перила, за ними – широкий квадратный проем.

Кабан замедлил шаг.

– Что там? – спросил Ожог, разглядывая пятна крови на полу. – Нам туда. Винт, проверь!

Десантник бросился вперед, упал на пол перед поворотом, перекатившись, вскочил на одно колено возле перил. Выставил автомат, осторожно выглянул из-за металлической колонны, подпирающей потолок на углу галереи.

– Чисто! – крикнул он, быстро оглядев клетки-камеры. Вдоль клеток стояли железные столы с компьютерами. – Но в дальние камеры я отсюда не могу заглянуть.

Кабан, войдя в зал, остановился, повел пулеметом из стороны в сторону. Сразу за поворотом в стене справа находились два окна и красная железная дверь. Стекла были выбиты, за ними – темнота.

– Впереди лестница, но перед ней зал перегороден решеткой, так что надо обходить, – доложил Кабан рокочущим басом. – Капитан, че делаем?

Ожог медленно поднял голову, скользя взглядом по дорожке из пятен крови, исчезающей за поворотом.

– Отступаем! – вдруг крикнул он.

В это мгновение на другой стороне зала раздался одиночный выстрел.

А потом из оконного проема выскочила тварь, похожая на белую лягушку с человеческим лицом. Кабан дал очередь, и тварь припечтало к стенке – «лягушка» распласталась по бетону, разбросав тощие конечности, сползла на пол, оставляя на стене полосу крови. За осколками стекла, торчащими из рамы, показалось сразу несколько уродливых бледных лиц со впалыми щеками.

– Кабан, назад! – гаркнул Ожог. Он схватил за руку замершую рядом с ним Настьку и потащил к камерам, где присел Винт. Кабан попятился, не опуская «Печенег», а десантник открыл огонь по окнам.

* * *

Труп поднялся, и Рамир понял, что это призрак. Может, потому их так называли, что они хоть и выглядят как люди, но вот на *живых* людей совсем не похожи...

Одна рука Цыгана была крепко сжата широким металлическим браслетом, прикрепленным к подлокотнику. На втором подлокотнике было такое же кольцо, только раскрытое. Рамир сорвал с плеча ремень автомата, поднял оружие, но призрак с воем набросил на него, дернул за ствол – оружие отлетело в сторону. Мутант даже не попытался схватить его, сразу вспрыгнул на кресло возле Цыгана и по тянулся цепкими длинными пальцами к горлу. Рамир откинулся на спинку, согнув ногу, пинком в грудь сбросил его на пол. Призрак отлетел к двери, ударился затылком. Решетка зазвенела. Перекатившись на бок, он вскочил, уперся ладонями в пол, – и снова напал. Браслет на подлокотнике надежно держал правый локоть, руку не поднять. Мутант вспрыгнул Рамиру на колени, придавил его к креслу, впился зубами в плечо. Рамир взвыл, дернулся, свободной рукой схватил призрака за шкуру, пытаясь отодрать от себя. Тот вцепился ему в волосы и грыз плечо, подбираясь к горлу.

Неподалеку раздался голос. Долговцы? Скрипя зубами от боли, Цыган сунул руку между мутантом и собой, потянулся к кобуре. Из разорванного плеча текла кровь. Призрак приподнялся, и Цыган воспользовался этим, чтобы вытащить пистолет.

Он выстрелил – и попал мутанту в ступню. Тот рванулся так, что чуть не вывихнул руку сталкера, пистолет вылетел, со звоном упал возле решетки. Цыган приподнялся, спихивая призрака. Мутант свалился на бетонный пол, суча ногами, красные брызги из раны полетели во все стороны.

На другом конце зала раздалась длинная очередь.

Призрак привстал, бесцветными глазами глядя на Рамира, – и вдруг тот понял, что сейчас сделает противник. Единственный шанс для него убить человека... Согнув ногу, Рамир рванул шнуровку ботинка. Пальцы скользили и срывались, узел никак не поддавался.

Мутант сел на корточки и бочком стал быстро обходить кресла, держась ближе к решетке. Цыган наконец справился с узлом, упершись в каблук носком второй ноги, начал стаскивать ботинок. Зайдя сзади, призрак набросился на него, вцепился в шею, раздирая когтями кожу. Острые мелкие зубы вонзились в ухо. Схватил ботинок за носок, Цыган взмахнул рукой, со всех сил ударил подкованным каблуком. Хватка мутанта немного ослабла. Яростно мыча, Цыган еще раз саданул по голому черепу – пальцы на горле разжались, призрак обмяк. Заведя руку как можно дальше за спину, сталкер схватил его за шкуру, дернул на себя.

Лысая башка оказалась на плече, зубы щелкнули возле надкушенного уха. Рамир снова дернул, подтаскивая его ближе. Призрак начал приходить в себя, длинные пальцы заездили по подлокотнику. Цыган еще подтянул его, призрак почти лег головой ему на грудь. Он вздрогнул, попытался выпрямиться, но Рамир успел перехватить его, прижал локтем к себе, сдавливая жилистую шею. Мутант захрипел, забил руками, царапая затылок и плечи.

Зал наполняли крики и выстрелы, однако Рамиру было не до того.

Он душил мутанта, чувствуя, как слабеет рука, – рваные раны на плече болели и кровоточили. Прижав гладкую башку к груди, Рамир рывком перекинул тщедушное тело через себя, рванул... Громко хрустнули шейные позвонки, и

труп свалился ему на колени. Цыган разжал хватку, привстав, сбросил его с себя.

Мутанта он убил, но оставался прикованным к креслу. Вывернув голову, Рамир посмотрел влево. С той стороны доносились частые очереди из автоматического оружия. Столы с компьютерами загораживали обзор, но он сумел разглядеть за ними стреляющих должовцев и Лесника, который, волоча Настьку, отступал за широкий квадратный столб, что высился на углу галереи.

Один за другим выпрыгивая из темной комнаты, призраки бросались на людей. Кабан и Жарик били из пулеметов, рядом с ними Костя поливал насканивающих мутантов длинными очередями. Грохот заполнил тюремный ярус. Тощие призраки падали, но по их телам бежали другие. Мутанты скакали зигзагами, уходя от выстрелов, прятались за железными столами, вскакивали на стены.

– Справа! – заорал Жарик, когда один призрак, проехавшись грудью по кафелю, ушел в сторону, прыгнул на стенку, оттолкнулся от нее и кинулся на Костю. Мутант упал ему на грудь, повалив, вцепился зубами в горло. Винт метнулся к ним, выхватил нож и всадил в тощую спину по самую рукоять. Отбросил тело к перилам.

– Отступаем в камеру! – крикнул Ожог, толкая Винта за открытую решетку. – Жарик, сюда! Кабан, прикрой!

Костя остался лежать, раскинув руки, из шеи била кровь – призрак прогрыз сонную артерию. Кабан попятился, вдавливая спусковой крючок, водя стволом из стороны в сторону. Жарик, сдвинув «Печенег» за спину и наклонившись, побежал назад. Мутанты спрятались за столами, присев на корточки, осторожно выглядывали, ожидая момента, чтобы вновь броситься на людей.

– Заряжаю! – оглушительно прогудел Кабан, потянувшись к запасному коробу. Развернувшийся Жарик открыл огонь.

– И вы сюда! – рявкнул Ожог, обернувшись к Леснику и Насте. – Прячь ее, идиот, пока не убили!

Лесник, наставив дустволку на капитана, схватил девушку и попятился за угловой столб. Они с Настькой находились напротив зала с решетками, где засели мутанты.

– Я ухожу и беру ее с собой! – крикнул он.

– Ты спятил?! – заорал Ожог, бросаясь вперед, но сталкер, не целясь, выстрелил из одного ствола. Капитан бросился на пол, пуля, чиркнув по бетонной стене за его спиной, едва не угодила в камеру. Винт и Жарик разом оглянулись.

– А, сука! – взревел Жарик, направляя пулемет на Лесника. – Я знал, что он предатель!

Настька вскрикнула, Ожог обернулся.

– Отставить! Не стрелять, заденешь ее!

Один призрак выскользнул из-под стола и длинным прыжком вскочил на перила. Кабан не успел среагировать, он держал под прицелом два ближайших стола и открывал огонь, если кто-то показывался из-за них. Призрак оттолкнулся, тощее тело вытянулось в прыжке.

Этим прыжком он срезал угол, перемахнув над квадратным внутренним «двориком» с одной части галереи на другую. Миг – и призрак вцепился в перила за Ожогом, повиснув боком над темной площадкой далеко внизу. Мутант побежал по решетке, цепляясь руками и ногами, потом перемахнул на перила возле Лесника. Сталкер дернул стволом, вжал второй крючок. Грохнул выстрел, призрак дернулся, вскинув руки, отпустил решетку и свалился вниз.

Примеру первого мутанта последовали двое других. Они проползли под столами так, что Кабан не мог их видеть, вскочили на перила и, длинными прыжками преодолев угол, оказались на ограждении напротив камеры, где прятались должовцы, в двух шагах позади Ожога.

– Жаха-арю-у! – завопил Жарик, открывая огонь. Мутанты задержались, когда их прошла длинная очередь, и свалились вниз.

– Он не успел зарядить ружье! – крикнул Ожог, оборачиваясь. – Винт, достань сталкера, но чтобы девчонка осталась жива!

Из разбитого окна высунулось еще несколько призраков. Капитан вытащил из кармана на поясе гранату, вставил в подствольник и навел оружие на крайнее окно.

– Кабан, ложись! – крикнул Ожог и выстрелил. Пулеметчик повалился на бок, прижимая к груди «Печенег». Граната пронеслась над ним, в помещении за окном полыхнуло, взрывом вынесло остатки стекол. Оторванная рука мутанта вылетела из окна и шмякнулась перед лицом Кабана.

Винт выкатился из камеры, скользнул вдоль стены, вынимая нож. Он двигался мягко, но очень быстро и широко улыбался.

– Не понравились тебе мои анекдоты, борода! – крикнул десантник с радостным предвкушением.

Стоящий за широким столбом Лесник швырнул Настьку на пол и закинул ружье на плечо. Вторую руку он опустил вниз. Винт вылетел из-за столба, прыгнув к нему, полоснул по горлу, но Лесник повел плечом – и лезвие напоролось на обращенный вперед приклад ружья. В опущенной руке блеснул большой охотничий нож, со щелчком из рукояти выскочило широкое лезвие. Нож рванулся вверх, Винт булькнул горлом и повалился навзничь. Настька закричала. Лесник развернулся и побежал, волоча ее за собой. Настька топала следом, стуча кулаком по широкой спине, вопя:

– Пусти! Что ты делаешь, пусти меня!!!

Лесник затащил ее в небольшой предбанник перед бронированной дверью в конце зала. Подергал ручку – заперта.

Из динамика сверху донесся голос, плохо слышный сквозь грохот пулемета:

– Отпусти ее, или я убью тебя.

Панель на потолке возле ниши поехала в сторону, оттуда опустилась турель пулемета, ствол с гудением развернулся к Леснику.

Цыган краем глаза видел драку. От грохота выстрелов у него заложило уши. Сталкер несколько раз с силой дернул правой рукой, но вырвать крепление браслета из гнезда не смог. Он огляделся. Дьявол, да как же отсюда выбраться?!

Попробовал на крепость левый, раскрытый браслет. Кажется, тот держится хуже, можно расшатать... Он вцепился в стальное кольцо, стал раскачивать, дергая из стороны в сторону. Крепление скрипело и качалось. Крак! – что-то сломалось в гнезде. Рванув, Цыган поднял тяжелый браслет с обломком ножки. Врезал им по охватывающей локоть

полосе металла.

Но второй браслет был куда крепче, сломать его никак не получалось. Рамир старался изо всех сил, снаружи стреляли, грохот разносился по тюремному комплексу, визжали пули, колотили в стены и потолок... его могут убить каждое мгновение – стоит кому-нибудь заглянуть в камеру. И не вырваться никак! Захват не поддавался. Тяжело дыша, он откинулся на спинку, прижавшись к рюкзаку. Сломанное кольцо лежало на коленях. Что делать?! В голове звенело от напряжения – и ни одной толковой идеи, ни единой мысли. Цыган повернул голову в одну сторону, изогнувшись, оглядываясь. С лязгом пуля ударила в прут решетки, срикошетила, впилась в стену сбоку, по полу застучали отколовшиеся кусочки бетона. Рамир машинально посмотрел туда. Сощурился и несколько секунд сидел неподвижно. Выстрелы снаружи смолкли, но ненадолго – вскоре загрохотало вновь. Раздался крик, где-то за углом резкий каркающий голос что-то приказал.

Рамир схватил оторванный браслет и опять вывернул голову назад. Попасть отсюда будет очень трудно. Мало того что левой рукой, так еще и практически за спину...

Он долго целился, рука дрожала. Второй попытки небеса ему не дадут, поэтому сталкер медлил.

Наконец он швырнул браслет – и тяжелое стальное кольцо врезало по трубе в стене. Та треснула, надломилась. Заклокотало, от трубы отпал пласт ржавчины, и наружу хлынула вода.

Цыган подобрал ноги. Коричневая от ржавчины, пахнущая тухлятиной вода быстро заливала пол. Посмотрев наружу, он увидел, как вдоль противоположной части галереи, по другую сторону квадратного «двора», Лесник волочит Настьку. Брови Рамира приподнялись. Оглянувшись, зверолов выстрелил над головой девушки из двустволки, после чего они скрылись из виду. Что происходит, почему сталкер палит в должовцев? Старый черт совсем свихнулся! Рамир вывернул шею, стараясь разглядеть, насколько поднялась вода. Она была из трубы kloкочущей почти черной струей, уровень повышался. Скалясь от напряжения, он выгнул шею так, что хрустнули позвонки. Еще немного, какой-то сантиметр...

Но тут вода остановилась. Плеск стал громче, Рамир обернулся на звук и застонал. Вода стала переливаться через бетонный порожек, вытекая в зал.

Он выругался – так витиевато, что позавидовал бы любой цыган из табора. Ну что за день такой – с утра не задался?! И что делать теперь? Других путей к спасению даже изощренный ум Рамира не видел...

Мимо кресла проплыл подхваченный легким течением труп призрака. Со свистом вдохнув сквозь сжатые зубы, Рамир вытянул ногу без ботинка, пытаясь как-то зацепить призрака. Труп закачался, пальцы соскальзывали. Тело подплыло к решетке, ударилось о нее и качнулось назад, к креслу. Цыган приподнялся на правом локте, извернулся, вытянул носок, как балерина, всунул большой палец в раскрытый, обметанный пеной рот мутанта и осторожно потянул труп к себе. Едва дыша, подтащил к креслу, наклонившись, схватил тщедушное тело за шею, приподнял – и, не глядя, швырнул через плечо.

Он едва успел поднять ноги. Тело упало возле дыры с искрящими проводами, до которой вода не дошла каких-то пяти сантиметров. Поднялась небольшая волна – и захлестнула дыру. С треском сыпанул сноп искр, над головой загудело.

Во всем тюремном ярусе погас свет.

...Свет погас, и Лесник услышал легкий щелчок в замке. Повернувшись, он нащупал ручку, налег на дверь – та поддалась. В непроглядной темноте он раскрыл ее шире, протиснулся в щель, волоча Настьку. Девушка упиралась в стену, шумно дыша, пытаясь отцепить его пальцы.

Над головой зажглась маленькая красная лампочка, забранная провололочной решеткой, такие же включились над всеми перилами, тускло осветили зал. Смолкнувшие было пулеметы заговорили снова: призраки, воспользовавшись темнотой, кинулись на должовцев. Кабан, вставив новый короб, отступал по галерее, его «Печенег» сотрясался, выплевывая огонь и пули. Жарик, перегнувшись через перила, стрелял по прыгающим на столы мутантам, сшибая одного за другим. Худые тела с торчащими лопатками падали на кафельный пол, но на их месте появлялись новые твари, прыгали на решетку, скакали по стенам, уходя от пуль.

Сзади ахнула Настька, Лесник оглянулся и увидел Цыгана.

...Свет погас, и в браслете на локте щелкнуло. Рамир дернулся, кольцо раскрылось. Он вскочил на кресле, оттолкнулся и прыгнул на решетку, целя плечом в дверь.

Рюкзак на спине мешал, а порог оказался слишком узким, нога в мокром носке соскользнула в воду – его шибануло разрядом, дрожь продрала от пяток до макушки. Заболели глаза, затрещали волосы, дыхание перехватило. Он вылетел в коридор, ревя и корчась, повалился на пол.

По всему ярусу зажглись маленькие красные лампы. Рамир поднялся, прихрамывая, подбежал к углу, куда спрятался зверолов с девушкой. Все оружие осталось сзади, в залитой водой камере.

Цыган прыгнул, обеими руками схватил Настьку за пояс. Девушка обернулась – и ахнула, узнав его.

– Ты опять меня спасаешь! – крикнула она.

С ненавистью глянув на Рамира, Лесник рванул девушку на себя. Настька вскрикнула, невольно подавшись к нему.

Дверь заклинило, дальше Лесник не мог ее сдвинуть – Борг включил аварийное питание, стараясь восстановить хотя бы частичный контроль над системами тюремного уровня. Пулеметный ствол под потолком дернулся к Цыгану, а Лесника зажало дверью. Выпустив Настьку, он обеими руками уперся в косяк, спиной налег на толстую стальную панель и выскользнул в темноту за нею. Дверь закрылась. Пулемет опустил, целясь Рамиру в грудь.

Услышав гудение сервомоторов турели и увидев направленный на сталкера ствол, Настька закрыла собою Цыгана, подняла лицо к пулемету и крикнула:

– Не надо, Борг! Это свой, свой! Это Рамир, он спас меня от контролера!

Из-за угла высочил Ожог с автоматом наперевес.

– Руки! – заорал он. – Отойди от нее, руки за голову, ну!! – Лицо его превратилось в маску смерти, обожженная половина побагровела, глаз налился кровью.

Рамир поднял руки, отступил на шаг.

– Ладно, приятель, не горячись, я бы, наоборот, помог вам, а то Лесник утащил ее...

Настька бросилась к Ожогу.

– Рамир спас меня, он пришел за мной! Не трогайте его! Поймав девушку за кисть, Ожог выкрутил ей запястье, и Настька слабо вскрикнула. Лицо Рамира помертвело, он сжал зубы.

– Отпусти! – пискнула она, выдираясь.

Долговец оттащил ее в сторону, толкнул к стене. С другой стороны зала доносились короткие очереди «Печенег». Капитан ощерился.

– Я против вас ничего не имею, – сказал Рамир, пожимая плечами.

– Ладно, сейчас узнаем, что ты за зверь.

За спиной капитана послышался глухой топот – по галерее к ним неся Кабан, и вправду похожий сейчас на мутанта, в честь которого получил свою кличку. Зарывав, он с разбегу врезался в Цыгана, вбил его в стену, пудовым кулаком ударил в челюсть. Рамир охнул, ему показалось, что сломан позвоночник, так основательно его приложило к бетону.

– Цыган! – выдохнул долговец с ненавистью. – Ты... Это ты Ржавого замочил! Командира! Я в его отряде был... – Он захрипел, когда сталкер коленом заехал ему между ног и тут же, собрав все силы, сцепленными кулаками ударил в живот. Кабан согнулся, с сипом вдыхая, стиснул поясницу Цыгана и приподнял, чтобы ударить затылком о бетонный угол. Рамир сдавил горло великана, тот напряг шею – она словно окаменела.

Подскочившая к Кабану Настька замолотила кулаками по выпятившимся мышцам на огромной спине:

– Отпусти его! Ты... ты, мутант! Отпусти, или я никуда с вами не пойду! – Она повернулась к Ожогу. – И Боргу скажу, чтобы не пускал вас!

– Кабан, отставить! – крикнул Ожог, шагнув вперед. К ним уже бежал Жарик. – Отставить, я сказал! Уходим, все вниз!

* * *

Они быстро спустились по лестнице и попали во внутренний двор, где валялись тощие костлявые тела, упавшие с перил. Отсюда вели несколько дверей.

– Куда идти, Борг?! – крикнула Настька. Она крепко держала Цыгана за руку, будто боялась, что тот исчезнет. А может, после предательства Лесника чувствовала себя совсем уж неуверенно рядом с жутким Ожогом и цеплялась за единственного, кто ей нравился. Рамир осторожно потрогал челюсть. Было ощущение, что он поцеловался со мчащимся паровозом.

Борг не ответил, но в противоположной стене откатилась дверь, в проеме зажегся свет. Они побежали туда. По лестнице вверх застучали босые пятки – отряд преследовали призраки.

– Откуда они взялись? – пропыхтел Жарик. – Я же всех поджарил...

Цыган втолкнул Настьку в дверь и схватился за ручку, но железная плита уже сама поехала обратно. В тусклом красном свете было видно, как призраки спрыгивают с лестницы и бегут через внутренний «двор» тюремного яруса. Некоторые перебирались по перилам, как большие тощие обезьяны. Кабан, подняв пулемет, сильно толкнул плечом Цыгана, что-то с ненавистью прорычал ему в лицо, сунул ствол в сужающуюся щель и дал очередь. Прямо на него выскочил призрак, пули ударили в узкую грудь, и мутант отлетел, сбив с ног бегущего за ним. Третий, припав к полу, скользнул в щель и вцепился зубами Кабану в лодыжку. Тот взвыл, тяжело запрыгал на одной ноге, перевернул стоящий под стеной стул, пытаясь стряхнуть тварь, но призрак держался крепко. Урча, он вгрызался в икру. Дверь закрылась, придавив тощую руку, раздался громкий хруст костей, потом – щелчок замка. На пол упала раздавленная кисть. Настька вскрикнула и отвернулась, зажимая рот ладонью.

Жарик схватил мутанта поперек живота, отдирая от Кабана. Вцепившийся намертво призрак лишь утробно урчал. Ожог вынул пистолет, приставил к безволосому виску и выстрелил. Из другого виска плеснулся бледно-розовый фонтанчик, призрак обмяк, съехал на пол. Стало тихо, толстая бронированная дверь не пропускала топот беснующихся в тюрьме мутантов.

– Теперь разберемся с тобой, – Ожог наставил пистолет на Цыгана. – Кто такой, как сюда попал, зачем?

– Он меня от контролера спас! – воскликнула Настька. – Еще в Могильнике!

– Убил? – нахмурившись, уточнил Ожог.

– Ясное дело, – хмыкнул Рамир, снимая рюкзак и кладя его под стеной у двери. – Задушил собственными руками. У меня с этими дьяволами свой счет.

– Какой он был? – спросил капитан, опустив пистолет. – Маленький, кривой, над правой бровью два шрама?

– Не-а, толстый такой, гнусный тип. – Рамир присмотрелся к лицу капитана, к багровому пятну на правой половине. – Ты Ожог? Про тебя говорят...

– Я привык. Контролера убил – хорошо. Но твоя рожа мне подозрительна. Что делаешь тут? Как смог в Крепость залезть?

– Он за мной пришел! – Настька смотрела на Цыгана сияющими глазами. – Борг, ты слышишь? Рамир меня спас!

– Кто все эти люди с тобой, Настя? – донесся голос из динамика над дальней дверью. Цыган поднял голову, посмотрел туда.

– А... – протянул он. – Хозяин Крепости.

– Кто все эти люди? – повторил Борг.

Капитан шагнул назад, стараясь отойти от Цыгана и не осознавая этого. Кабан с Жариком уже отодвинулись в другой конец помещения и оттуда наблюдали за чужаком.

– Так, надо отдохнуть, перевязать раны и все обсудить, – сказал Рамир, оглядываясь. В прямоугольной комнате стояли несколько стульев, железные и деревянные столы, в стену были утоплены полки стеллажа – пустые. Рамир

подвинул стул и сел. Покрасневший Ожог, смахнув со лба пот, сделал еще шаг назад.

– Теперь тайн нет, – сказал он. – Мы из «Долга» и пришли уничтожить контролеров. Это все, что нас интересует здесь.

– Это правда, Настя? – донеслось из динамика. Присев на краешек стола, девушка вяло пожала плечами. Она чувствовала себя выжатой, как лимон, и дело заключалось не только в усталости – в подземельях ей было совсем плохо. Спихавтившись, что Борг может и не увидеть ее жеста, Настька сказала:

– Наверное, да. Они так говорят.

– Ты им веришь?

Настька заправила выбившиеся пряди за уши. Цыган исподтишка наблюдал за нею, стараясь не выпускать из поля зрения пулеметчиков. Жарик распаковывал на дальнем столе аптечку, а Кабан сверлил Рамира напряженным ненавидящим взглядом.

– Да, я им верю, Борг, – сказала девушка. – Контролеры плохие. Я думаю, что надо попробовать уничтожить их всех, как он предлагает. Только не знаю, как это сделать.

– Я знаю, – сказал Борг. – А этот? Который забрался через лифтовую шахту?

Рамир поднял голову.

– Слушай, приятель, если ты знаешь, как можно уничтожить контролеров, может быть, сумеешь снять с меня их проклятье? Я Рамир, Цыганом кличут, сам по себе сталкер. Залез сюда, собственно, за этим. Ну и за ней тоже, – он кивнул на девушку. У Настьки от смущения порозовели уши. – Я давно за ней слежу, – добавил он, усмехнувшись.

– Что за проклятье? – тут же насторожившись, спросил Ожог, обходя стол, чтобы тот оказался между ним и Рамиром.

Цыган широко улыбнулся ему.

– А то самое, которое заставляет тебя пятиться, приятель.

– Я не!.. – вскинулся капитан и осекся. – Ты мне просто неприятен, – процедил он. – Ты скользкий. И будто пахнешь чем-то... хотя никакого запаха нет.

Настька с удивлением слушала его, а Цыган криво ухмылялся.

– Ничем не пахну, и я не скользкий. Это все... на пси-уровне. Ты привык к своей роже и кличке, а я – к своему проклятию.

– Нет никаких проклятий, – сказал Ожог, но без особой уверенности.

Рамир предложил:

– А ты подойди ближе. Постой возле меня. Можешь пушку свою опять достать, чтобы спокойней себя чувствовать. У меня оружия нет. Подойди, если, конечно, не боишься.

Девушка прошла по комнате, оглядываясь.

– Это место ты мне раньше не показывал, – сказала она. – Что это?

– Лаборатории, – пояснил Борг.

Через квадратную арку Настька заглянула в соседнее помещение, увидела на другом его конце еще одну арку, дальше – опять прямоугольную комнату и снова проем... Все они были похожи – небольшие залы, вдоль стен длинные лабораторные столы, на которых сохранилось еще кое-какое оборудование, расставленные в беспорядке небольшие офисные столики с компьютерами, стулья, стеллажи в стенах. Настьке показалось, что откуда-то издали донесся короткий смешок, и она вздрогнула.

– Здесь же только мы, и всё? – спросила девушка, поежившись. В детстве она под охраной Борга беззаботно играла во всех этих коридорах и комнатах, но теперь чувствовала себя тут неуверенно. Подземелье давило на нее, Настьке то и дело мерещилась всякая жуть – то тени на стенах, то приглушенный смех... К тому же голова у нее побаливала и слегка кружилась. Здесь было слишком темно и мрачно, а она любила простор. Если бы не Борг, Настька давно бы сбежала отсюда, постаралась выбраться обратно наверх, к солнцу.

Жарик затянул на ноге у Кабана повязку, и тот спустил закатанную штанину.

– Что дальше, командир? – окликнул он Ожога.

Тот стоял напротив Цыгана, красный, напряженный, весь подобрался, словно готовясь к прыжку; на виске билась жилка, правый глаз побагровел, по лбу катилась капля пота. Рамир наблюдал за ним. Наконец Ожог не выдержал и отошел, вытирая рукавом пот.

– Отвращение и страх, – бросил он через плечо. – Говоришь, контролер?

– Больше минуты... – сказал Рамир. – Молодец, капитан, сильный. Да, это контролер.

– Тебе не повезло. Идешь с нами?

– Конечно.

Настька подняла голову, оглядывая стены и потолок, выискивая камеры и микрофоны.

– Борг, я хочу у тебя спросить, – сказала она. – Ты меня видишь?

– Да, – откликнулся Борг.

– А я тебя нет, – девушка взглядела в маленькую камеру слежения под потолком. – Почему ты никогда мне не показывался? Я хочу тебя увидеть!

– Это невозможно, – прошептал Борг. – Не надо. Ты... тебе будет плохо.

– Нет, правда нет! – горячо откликнулась она. – Не будет! Как бы ты ни выглядел – это не важно, я хочу...

Борг помолчал.

– Ты изменилась, – произнес он наконец. – Раньше ты не думала об этом.

– Конечно, я же выросла! – ответила Настька, засмеявшись. – Мне уже четырнадцать лет.

– Четырнадцать, – повторил он. – Я ждал тебя семь лет...

– Так я смогу увидеть тебя?

– Ты даже не знаешь, кто я, – едва слышно произнес голос.

Цыган с интересом прислушивался к их разговору.

– А кто ты? – громко спросил он.

Борг замолчал, и Настьке послышался упрек в этой тишине. А еще повторился приглушенный смех, теперь – ближе и отчетливее.

– Что это? – воскликнула девушка.

На этот раз звук услышала не только она. Цыган вскочил, озираясь, сказал Ожогу:

– Ствол. Дайте мне ствол.

Секунду тот смотрел на него, потом приказал:

– Кабан, дай ему пистолет.

– Че? – вскинулся пулеметчик. – Этому... червя этому навозному тэтэшник свой?! Капитан, в натуре, да я ему лучше пару пуль дам, в лобешник и в грудину прямиком... – он схватился за пулемет.

Дальнейшее произошло очень быстро – Настька с Цыганом и моргнуть не успели. Ожог стремительно переместился вдоль стены, резко вдохнул, согнув правую руку в локте отвел назад – и, зашипев, как гадюка, распрямил. Рамир только успел заметить, что пальцы его сжаты костяшками вперед, а потом острый кулак жалом вонзился в брюхо Кабана.

Великан сдвинулся, как воздушный шар. Воздух вышел из него с шумом, он глухо охнул, ноги подогнулись, и долговец повалился на пол. Где-то в соседних лабораториях вновь раздался смех. Ожог пролаял:

– Рядовой, встать! Встать!!!

Слепо пошарив вокруг руками, Кабан ухватился за стенку и поднялся, кряхтя. Видно было, с каким трудом ему это далось – пулеметчика качало. Должно быть, при ударе он прикусил язык, из угла рта бежала тонкая струйка, стекала по мощному, поросшему щетиной подбородку, по толстой шее, за воротник. Кабан привалился к стене, взгляд его бессмысленно блуждал.

– Рядовой!

– Я... Да, капитан, – хрипло прошептал пулеметчик.

– Меня не волнуют твои разборки с тем, кто убил твоего прежнего командира. Сейчас – я твой командир. Ты выполняешь мои приказы. Отдай ему пистолет, быстро!

Цыган шагнул к пулеметчику мимо ухмыляющегося Жарика. Кабан толком еще не пришел в себя, и сталкер сам вытащил пистолет из кобуры на его ремне, оглядел, быстро сунул руку в сумку на боку, достал запасной магазин. Тем временем Ожог приблизился к проходу в соседнее помещение, передвинув «АКМ» со спины на грудь.

И именно на капитана пришелся первый удар. Дикий вой, перемежаемый истеричным смехом, заметался по залу, отражаясь от стен.

– Ай! – вскрикнула Настька, хватаясь за голову. Что-то невидимое дернуло ее за волосы, слегка приподняв над полом. В комнате померк свет, лампы пригасли, хотя непонятно было, какая сила затушила их. Нечто невидимое носилось по лаборатории, завывая и хохоча. Оно дергало людей за волосы и за уши, било по головам.

– Что за хрень? – прогудел растерянный Кабан, слизывая кровь с губы. Он поднял «Печенег» и открыл огонь.

– Не стрелять! – крикнул Ожог. – Это полтергейст! Когда гроыхнул пулемет, Цыган пригнулся. Выстрелы смолкли, он выпрямился, оглядываясь... И крякнул – невидимка сильно ударил его по уху. Голова дернулась, Рамир вскинул «ТТ», не зная, куда стрелять. Полтергейст врезался в грудь Кабана, да с такой силой, что великан, качнувшись, как подрубленное дерево, рухнул на пол.

– Жарь по гаду! – заорал второй пулеметчик, вдавливая спусковой крючок. Очередь прошла одну из ламп, и в комнате стало темнее.

– Прекратить огонь! – заорал упавший на пол Ожог. – Нас перестреляешь!

Жарик снес еще одну лампу – комната погрузилась в полутьму – и только тогда остановился, осознав, что не сможет попасть из громоздкого пулемета по невидимому противнику, который постоянно перемещается. Полтергейст взвыл, захохотал у него над головой. Пулеметчик присел на корточки, задрал ствол и дал пару коротких очередей. Третья лампа лопнула, а из дальнего угла донесся громкий смех.

– Борг! – крикнула Настька.

Полтергейст, выдернув ее из-под стола, вскинул высоко в воздух – девушка стукнулась теменем о потолок и свалилась обратно. Рамир прыгнул к ней, вытянув руки, она сбила его с ног, оба упали на пол. Цыган быстро поднялся, помогая Настьке встать.

– Я ничего не могу сделать, – отозвался Борг. – Там нет оружия...

Под потолком вспыхнул свет, и комок огня рванулся к Кабану. Тот тяжело откатился, шар попал в ствол упавшего пулемета и взорвался, рассыпав снопы искр. Стол рядом задымился, запахло горелым пластиком.

Рамир схватил рюкзак, лежащий у бронированной двери.

– Тут есть тепловые сенсоры? – крикнул он. На его голос рванулся возникший из ниоткуда огненный шар, и сталкер едва успел пригнуться. Деревянный стул рядом вспыхнул факелом.

– Да, но компьютеры не работают, я не смогу дать вам показатели, – отозвался Борг.

– Зачем тебе? – крикнул Ожог из другого конца комнаты.

– Где сетевой разъем? – спросил Рамир, доставая ноутбук. И нырнул под стол, уходя от нового огненного шара. Ожог выстрелил из пистолета в то место, откуда появился шар, полтергейст взвыл и швырнул в долговца два больших клубка огня. Капитан покатился в сторону, китель его дымился.

– У тебя за спиной, – сказал Борг. – Я смогу перевести поток данных с сенсоров на твою технику.

– Отвлеките его, он реагирует на звук! – крикнул Цыган Ожогу.

На другом конце комнаты завизжала Настька. Ожог бросился к ней, схватил за плечо, пригнув, толкнул под железный лабораторный стол.

– Поймай меня! – крикнул капитан, вскочил на стол, пробежал по нему, спрыгнул с края и метнулся к пулеметчикам. Возле арки догорали перевернутые стулья, пахло нагретым железом.

– Я здесь, урод! – в тон Ожогу взревел Жарик, потрясая «Печенегом». Кабан сел на полу, потирая грудь, поднял пулемет и повел стволом, ожидая, когда полтергейст проявит себя.

Сразу три вспышки полыхнули под потолком, два шара устремились к Ожогу, еще один – к Жарику. Оба бросились под прикрытие узкого стола и едва не столкнулись лбами. Шары над их головами взорвались, рассыпая искры. Полтергейст захохотал и завыл на разные голоса.

– Стрелять по команде! – приказал Ожог.

– Капитан, может, в другое помещение перебежим, там его кончим? – предложил с другой стороны стола Кабан.

Операционная среда наконец загрузилась, и Рамир лихорадочно защелкал клавишами, запуская программу, настраивая ее на прием показаний датчиков. Черт знает, сработает ли, этот софт делали под мутантов из плоти и крови, а полтергейст, если верить легендам, – бесплотный дух. Но как-то же он двигает предметы, поднимает людей... Значит, должен отразиться на мониторе.

– Крупная тварь! – сказал он через секунду, увидев на экране размытое зеленое пятно, мечущееся под потолком комнаты. И добавил вполголоса, стараясь не привлекать внимание полтергейста: – Вы где там? Я его вижу, сейчас он на десять часов. Старайтесь не в одну точку класть, а рядом. На двенадцать, ближе к двери!

Грохот наполнил комнату. Кабан с Жариком били короткими очередями, Ожог стрелял из пистолета. Полтергейст носился над ними, хохоча и воя.

– Два часа! – командовал Цыган, следя за передвижениями зеленого пятна на экране. – Восемь! Шесть! Стреляйте, он прямо за мной!

Вспыхнул яркий свет, Рамир едва успел пригнуться., Ему обожгло затылок, запахло палеными волосами. Огненный шар снес крышку ноутбука и взорвался за столом.

– Минжа! – взревел Цыган, прикрываясь рукой от яркой вспышки. Лужица огня на полу быстро погасла, развев жутко воняющий линолеум. От жидкокристаллического монитора осталась обгорелая пластиковая пластина.

Настька выползла из своего укрытия и на четвереньках перебежала к Рамиру.

Что теперь будет? – спросила она. – Что эта штука с нами сделает?

Кабан с Жариком продолжали палить наугад, прячась под столами от огненных шаров. Одежда их была в подпалинах, на лицах – пятна копоти, волосы обгорели.

– У меня лента кончается! – крикнул Жарик, и тут же в него полетел огненный снаряд. Пулеметчик повалился на пол.

Ожог, пригибаясь, перебрался между столами к Цыгану. Охотясь на полтергейста, долговцы перебили последние лампы, в комнате было темно, озаряли ее только частые огненные вспышки да совсем тусклый свет, проникающий из соседнего помещения.

– Почему молчишь?! – крикнул капитан. Рамир показал остатки монитора.

– Проклятье! – Ожог подняв голову. – Эй, Борг! Говори нам, куда стрелять!

Пулемет замолчал. Послышался щелчок отстегиваемого короба.

– Я не могу вас сориентировать, – сказал Борг в наступившей тишине.

Полтергейст под потолком захохотал.

– Он понимает, что мы говорим? – пробормотал Рамир себе под нос.

Ожог выстрелил на голос, ответом ему был протяжный гулкий смех.

И тут же Настька, дрыгнув ногами, с визгом вознеслась к потолку.

– Не стрелять! – заорал Ожог, прыгая. Он схватил девушку за ботинки, потянул вниз. Визг сменился глухим хрипом.

Кабан выстрелил – и опустил ствол, боясь задеть Настьку.

– Эта тварь ее душит! – Рамир вскочил на колени. Ожог отпустил ноги девушки, спрыгнул – хрип стал тише. Настька дергалась в полутьме под потолком, полтергейст душил ее. Все замерли, не зная, что делать.

– Кабан, Жарик, хорошо видите девчонку? – быстро проговорил Ожог. – Кабан, стреляй слева от ее головы, Жарик – справа. Сталкер, отойди влево, стреляй оттуда, прямо над ней. Понял? Он где-то рядом с ней, мы должны его зацепить.

Настька задергалась сильнее, полтергейст захохотал, и Цыган поднял «ТТ», на коленях отходя к стене. Быстро пятясь, Ожог вскинул «АКМ».

– Огонь! – крикнул он.

Грохот наполнил комнату, заглушив вопли полтергейста. Настька повалилась на пол и осталась лежать неподвижно. Рамир бросился к ней, приподнял голову. Глаза были закрыты, она не дышала. Рамир приложил пальцы к сонной артерии – та едва ощутимо подрагивала под кожей.

Он ударил ее по щеке, по другой и уже собрался было сделать искусственное дыхание, но тут Настька дернулась, судорожно вдохнула и открыла глаза. Услышав шаги, Цыган оглянулся – Жарик с Кабаном глядели из-за его плеча.

– Мы его убили? – спросил Ожог, стоящий у перевернутого стола с поднятым автоматом.

Борг помолчал и ответил:

– Полтергейст растворился. Исчез, сенсоры не ощущают его. Не знаю, можно ли его убить.

– Так он вернется?

– Возможно. Что с Настей? Я не вижу ее.

Капитан бросил быстрый взгляд на пол, где лежала девушка.

– Она в порядке, – сказал он. – Почти.

– Борг, я жива! – слабым голосом подтвердила девушка.

– Тогда поторопитесь, полтергейст может вернуться. Идите через лабораторию, за ней лифт. Спускайтесь сюда, я жду вас.

Глава 10 КРЕПОСТЬ: НИЖНИЙ УРОВЕНЬ

1

Лифт привез их в небольшую естественную пещеру, и голос Борга донесся из динамика над дверями:

– Быстро идите дальше. Здесь опасно из-за проломов.

Это была обширная карстовая пещера, которую освещал прожектор, стоящий возле входа в тоннель на другой

стороне. Кабан, прихрамывая, пошел вперед, за ним – Ожог и Цыган с Настькой, замыкал Жарик. Огненные шары полтергейста обожгли ему шею и плечо, теперь Из-под ворота куртки торчал слой бинтов.

От пещеры отходила еще пара тоннелей, их черные зевы виднелись справа и слева от лифта.

– Может, проверить, нет ли засады? – тихо сказал Цыган и взглядом показал на две огромные катушки с кабелем, возвышающиеся возле тоннеля по правую руку. Рядом стояла платформа с наклонной стрелой подъемного крана, крюк его едва заметно покачивался. Ожог кивнул.

– Кабан, ты впереди! – велел он, жестом показывая Жарику, чтобы проверил за катушками. Подняв «Печенег», здоровяк осторожно пошел в ту сторону. Цыган взял Настьку за руку.

Она первая заметила Лесника, появившегося из левого тоннеля с поднятой двустволкой. Вскрикнула, оборачиваясь. Ружье было направлено на нее.

– Отдайте девочку, – сказал он.

Цыган толкнул Настьку себе за спину, крикнул:

– Беги к Кабану!

Он вскинул «ТТ», двустволка гроыхнула, Рамира развернуло вокруг оси, он упал на одно колено, держась за левое плечо. Пуля прошла вскользь – но это было плечо, покусанное призраком. Сталкер выпрямился, скрежеща зубами от боли. Настька кинулась обратно к нему, но Кабан перехватил ее, и девушка замолотила кулаками по огромной руке, сжавшей ее талию.

Выстрелив по Леснику, Ожог бросился под платформу. Лесник отпрыгнул, вновь скрылся в тоннеле.

– Жарик, задержи его! Это важно! – приказал Ожог. Он вылез позади платформы и встал за катушкой рядом с пулеметчиком. – Выходи, я прикрою.

Сунув пистолет в кобуру, капитан сдвинул на грудь «АКМ». Жарик широко улыбнулся:

– У меня к деду старый счет, командир. Жару я ему задам, не сомневайся.

Из темной дыры тоннеля высунулось ружье, Ожог дал очередь, и оно исчезло. Жарик переступил через свернутый конец кабеля, выйдя на открытое пространство, вдавил спусковой крючок. Когда забухал «Печенег», Ожог побежал ко входу в главный тоннель, куда уже спрятались Кабан с Настькой и Рамиром.

– За мной! – бросил он на ходу. Выдолбленный в породе коридор шел наклонно, правую стену затянула пленка тихо журчащей воды, под которой сероватая порода стала желтой. Влага скапливалась в выемке под стеной, вдоль прохода тек ручеек.

Возле большой бронированной двери пришлось остановиться. Предбанник перед дверью представлял собой один большой металлоискатель, непрерывно пищавший. Табличка на стене гласила: «Реагирует на металл».

– Это еще че такое? – Кабан зло глянул на Цыгана. – Я рядом с ним без ствола не останусь!

Ожог несколько секунд глядел на табличку, потом сказал:

– Борг, отключи автоматику!

– Не могу, – откликнулся голос после паузы.

– Врет он! – рявкнул Кабан, скалясь. Ожог повторил, шагнув к Настьке:

– Борг!

– Металлоискатели нижнего уровня не подчиняются мне, – сказал тот. – Там ручное управление, ими ведал только глава охраны проекта, он давно погиб. Пульт находится в его кабинете, это далеко отсюда.

Ожог поглядел на Цыгана с Настькой, на Кабана. Сняв «АКМ» и кобуру, положил оружие на пол снаружи возле стены.

– Какого проекта? – спросил Рамир, внимательно слушавший разговор.

– Проекта «Пси-Конвертер».

– Командир, да он же опасный, как кровосос, – прогудел здоровяк. Остаться без пулемета для него было равнозначно потере руки.

– Ты себя в зеркало видел?! – выверился Ожог. Он был так близко от цели, что не мог больше ждать. – Ты ему хребет голыми руками сломаешь! Снимай пулемет!

Заворчав, как разбуженный посреди зимы медведь, Кабан вышел из будки, стянул ремень «Печенега», положил оружие на пол. Скинул рюкзак с боеприпасами, бросил рядом.

– Пистолет давай, – хмуро посмотрев на Цыгана, сказал он. Рамир вытащил «ТТ» и швырнул ему под ноги. Туда же отправился запасной магазин.

– Борг! – позвала Настька несмело. – Ты ведь рядом, правда? Я скоро увижу тебя?

– Да, – произнес он странным тоном.

Они опять вошли в камеру, и теперь толстая стальная панель отъехала в сторону.

Первым шагнув вперед, Ожог окинул взглядом большую естественную пещеру. В стенах слева и справа были проемы, из одного доносился плеск воды, за другим что-то тяжело рокотало.

Настька вошла следом, потом, косясь друг на друга, Цыган с Кабаном.

– Где пси-конвертер? – спросил капитан, и эхо подхватило его голос.

Посреди пещеры лежал наполовину разобранный кожух большой турбины, из-за него донеслось:

– Здесь.

Настька бросилась туда, Ожог, что-то прорывав, за ней. Цыган с Кабаном тоже поспешили в обход кожуха.

В дальней части пещеры находился приземистый помост, каменный пол там был закрыт рифленным металлическим настилом. Под стеной располагался компьютерный терминал – длинный пульт, большой экран и несколько мониторов. Сбоку стояла будка без дверцы, размером с телефонную кабинку, на крыше ее крепились какие-то приборы.

– Борг! – позвала Настька и вдруг, вскрикнув, зажала рот ладонью.

На треногах по краям настила горела пара больших прожекторов – они освещали лежащий на четырех подпорках стеклянный саркофаг, от которого к терминалу тянулись десятки кабелей и проводов.

* * *

Подождав, когда остатки отряда отойдут подальше, Жарик вышел из-за катушки. Он крикнул, опустив ствол:

– Дед, сюда давай! Проверим, кто быстрее стреляет?

Мрачный Лесник показался из проема, ружье он держал за ствол.

– Разрядился драндулет? Могу дать фору, – ухмыльнулся Жарик, покачивая в руках тяжелый «Печенег». Голос звучал гулко, эхо разносило его по всей пещере.

– Давай, – хмуро сказал сталкер. Жарик заржал, Лесник нагнулся, положил ружье на пол и сунул руку в мешочек на поясе. – Сейчас кое-что увидишь, – сказал Лесник.

– Гранату, что ль?

– Другое. – Сталкер полез во второй мешочек и показал раскрытые ладони, на которых лежали два артефакта.

– Голыми руками, ты че, дед, спятил? – забеспокоился Жарик. Сумасшедших он побаивался, а какой нормальный сталкер возьмет артефакты прямо так... Долговец слегка попятился, поднимая «Печенег».

– Какой я тебе дед, свиная туша? Я вас всех переживу! – Лесник сумрачно глянул в ствол пулемета и резко свел руки. Нервы Жарика не выдержали – вскинув «Печенег», он открыл огонь.

Но Лесника на том месте уже не было. Он упал, откатился к тоннелю и швырнул сборку. Кроваво-красный шар, раскидывая во все стороны струйки огня, полетел к долговцу, за ним тащился дымный хвост. Жарик ударил очередью по сгустку пламени, но тот не взорвался, не рассыпался, не исчез – шар будто впитывал пули, они врезались в него и пропадали, не падали на пол, но и не улетали дальше. Сборка жадно заглатывала летящий в нее металл и разбухала, раздувалась. Она вспыхнула, и Жарик возблагодарил судьбу за то, что в лифте, когда ему бинтовали шею, снял ремень пулемета и дальше понес его в руках.

Он действовал, как во сне, – закрывшись оружием, разжал пальцы и боком повалился за катушку. «Печенег» завис в воздухе, будто приклеился к артефакту, мгновенно раскалился, полыхнул вишневым светом – и вдруг с хлопанием втянулся внутрь огненного солнца.

После этого сборка взорвалась.

Комья огня разлетелись по всей пещере. Жарик прикрыл голову руками, между пальцев он видел, как Лесник, пригнувшись, бежит к главному тоннелю.

Вывавив «ТТ», долговец вскочил. Лесник, обернувшись на бегу, выстрелил с разворота. Пулеметчик повалился на спину, тело выгнулось поверх рюкзака, удивленное лицо запрокинулось, кровь из пробитого лба потекла по виску и волосам.

– Борг! – Настька бросилась к нему.

Бритый череп мужчины в саркофаге усеивали поблескивающие крепления электродов. На лбу и за ушами, на висках, на темени...

У него не было левой руки. И левой части торса. В отверстии на груди билось искусственное сердце – клубок ребристых шлангов и гармошки-насосы – от которого в глубь саркофага отходила прозрачная трубка. По ней толчками бежала алая жидкость. Такие же трубки тянулись от локтевых вен.

– Почему ты такой? – прошептала Настька.

Борг молчал. Вместо одного глаза было гнездо, от него спиралью шел оптический кабель, но второй, целый, тусклый и полный затаенной боли, не моргая, глядел на девушку сквозь прозрачный гель, наполнявший саркофаг.

Ожог встал рядом, изучая оборудование. Кабан, что-то бормоча, обошел пластиковую будку, стараясь не упускать из вида Цыгана.

Тот осмотрелся. Как и в предыдущей пещере, справа и слева здесь были проходы, но там было тихо, здесь же из одного доносился рокот, а из другого лился приглушенный плеск. Подойдя к саркофагу, Рамир поглядел на лежащего внутри и сочувственно спросил:

– Как тебя угораздило, приятель? Ты сталкер?

Губы человека зашевелились, из динамика в верхней части саркофага полился голос:

– Я был сталкером. Или, вернее, исследователем Зоны. Артефакты я собирал только для того, чтобы как-то финансировать свои экспедиции. Нашел эту лабораторию, начал спускаться. Другим путем, не тем, каким пришли вы, через сеть катакомб, к которым комплекс примыкает на севере. Это было давно, комплекс еще действовал. И охрана подстрелила меня. Потом ученые вернули к жизни, засунули в эту машину. Они как раз проводили эксперимент... Подключили мою нервную систему к системам комплекса. Охранным, коммуникационным, вывели на меня контуры схем жизнеобеспечения...

– И ты помогал им? – удивился Цыган.

– Глава проекта велел системщикам прошить в мой мозг утилиты, принуждавшие меня к этому. В конце концов я привык. А потом стало даже интересно. Я стал больше чем человек. Не я был приставкой к комплексу, это он был продолжением меня. К тому же я помогал в опытах, был важной частью экспериментов. Как только к нему подключили живой мозг, дело пошло лучше, – из динамика донесся слабый смехок. – До этого у мозгоголов ничего не получалось.

– Что не получилось, что? – почти выкрикнул Ожог. – Что они делали здесь? Моя информация верна? В этом месте создали первых контролеров?

– Здесь проводили опыты, в результате которых человек должен был превратиться в пси-оружие, – в голосе, льющемся из динамика, не было эмоций. – В суггестивный излучатель. Представьте себе, как один такой, выйдя перед боем вперед, на расстоянии превращает солдат противника в послушных марионеток... Контролеры? Я не знаю. Было землетрясение, авария, подопытные вырвались... Был большой бой, часть сбежала, некоторые остались. Они убили персонал. Все это было так давно... прошли десятилетия, я уже плохо помню.

– Что такое пси-конвертер? – спросил Ожог.

– Излучатель. Излучатель, сконструированный здесь. Главная часть эксперимента. Конвертер создали позже, уже после того, как я... – Борг ненадолго замолчал. – Вскоре после того, как я попал сюда.

– С его помощью можно уничтожить контролеров? Всех контролеров Зоны?

– Да, вероятно. Я мало интересуюсь тем, что происходит вне комплекса. Контролеров там много? Они расплодились? И откуда ты знаешь про конвертер?

– К нам попал один из ученых, когда-то работавших здесь, – сказал капитан. – Глубокий старик, к тому же сумасшедший. Он все твердил про подземелья и особую машину, импульс излучения которой, накрыв Зону, уничтожит контролеров. Он ненавидел их и одновременно любил. Станный человек.

– Это возможно, – согласился Борг. – При определенной калибровке волновой резонанс может полностью расстроить жизнедеятельность определенного вида живых организмов. Надо только провести тонкую настройку, чтобы импульс затронул только их.

– Ну так где он? – спросил Ожог. – Где конвертер? Борг посмотрел на него из своего саркофага и сказал:

– Здесь. Это я.

– Ты?! – поразила Настька.

– Точнее, я усилитель, без которого конвертер действует лишь на очень ограниченном пространстве. Нейроны моего мозга использовали как естественный каскадный ретранслятор.

Ожог нахмурился, приглядываясь к саркофагу.

– И как тебя включать?

– Я сам делаю это, – донеслось из динамика. – Но я не уверен, что...

Цыган выступил вперед, склонившись над стеклом, сказал:

– Эй, приятель, а как насчет того, чтобы снять мое проклятие? Протестируем твою штуку?

– Проклятие? – повторил Борг. – О чем ты говоришь?

– Я убил контролера, но он успел... ну, проклясть меня. Теперь у меня аура, которая отпугивает людей. Вызывает омерзение и... – Рамир развел руками, не зная, как объяснить.

– Интересно, – сказал Борг, подумав. – Возможно, какой-то вид биоизлучения... Да, наверное, я бы мог погасить его. Видишь кабинку возле терминала? Стань в нее, я просканирую тебя.

– Ты не тем занимаешься! – Ожог положил руку на пояс, но не нашел там кобуру. Цыган усмехнулся, пятясь к будке с прозрачными стенками. От нее к терминалу и саркофагу тянулись провода.

– Командир, убить его? – прогудел Кабан. – Меня, блин, тошнит от этой рожи! – Великан покраснел, на лбу выступил пот. Ожог тоже смотрел на Цыгана с отвращением: проклятие контролера действовало на них.

– Конвертер не включали много лет, – сказал Борг. В кабине зажегся слабый синий свет. Цыган, пригнув голову, вошел туда, повернулся к саркофагу. – Могут быть всевозможные флуктуации. Я должен проверить, не сбились ли настройки. Малейшие нарушения частоты резонанса – и пострадают не только контролеры.

Ожог скривился, плюнул себе под ноги. Он был возбужден и с трудом сдерживал ярость. Он достиг цели – и должен медлить! Правая половина лица побагровела, глаз налился кровью.

– Тогда быстрее! – крикнул он. – Проверь на нем свои настройки!

Как только Рамир отошел от них, Кабан вздохнул с облегчением.

– Гадостная какая морда, – пробормотал он, отирая пот широкой, как лопата, ладонью.

Настьке больно было глядеть на Борга – больно и почему-то стыдно. Он всегда казался ей очень сильным, всемогущим в пределах Крепости, а еще – красивым. Хотя она никогда не пыталась представить, как он выглядит, но подсознательно думала о нем как о крупном сильном мужчине... ну вот таком, как Рамир, только почему-то светловолосом и светлокожим. А в саркофаге она видела калеску-киборга с бледной рыхлой кожей.

– Я посмотрю тут? – полувопросительно сказала она, попятилась от саркофага, развернулась и медленно пошла прочь, сутулясь, опустив голову.

Кабинка негромко заурчала. Рамир выпрямился, сложил руки на груди и замер, глядя перед собой. Он сильно волновался, то хмурился, то через силу пытался улыбнуться. Левую щеку подергивало в нервном тике.

– Долго это? – спросил Цыган.

– Стой спокойно, не шевелись пару минут, если понадобится больше времени, я скажу.

Пройдя вдоль терминала, Настька заглянула в пещеру, откуда доносился непрерывный рокот. Ей было не очень интересно – но хотелось скрыть от Борга душившие ее слезы. В детстве она не задавалась вопросом, кто такой на самом деле Хозяин Крепости. Он ее друг – и этим все сказано. Позже, в интернате, когда ей было плохо, тоскливо (а такое случалось часто), Настька думала о Борге – но даже не пыталась понять, кто он. Она помнила, что он говорил с ней, открывал двери, рассказывал что-то интересное, водил по странным помещениям... Борг представлялся ей ангелом-хранителем, и этого было достаточно ее детской душе. И только сейчас она узнала правду: Борг – одинокий калека, которого заперли здесь, чтобы он работал на ученых без отдыха, не мог ни ходить, ни делать что-то руками... Она рукавом смахнула слезы. Тут везде видеокамеры, через которые он может за ней наблюдать, а ей не хотелось, чтобы Борг думал, будто она его испугалась.

Войдя в пещеру, она остановилась и задрала голову. От каменного пола поднимались три больших трубы, они изгибались, две крайних соединялись со средней, она расширялась и примыкала к огромному круглому барабану в стене. Оттуда неслось ровное мощное гудение.

– Что это? – робко спросила Настька, обходя трубы. Под барабаном стоял двигатель, от него отходили кабели, упрятанные в решетчатый металлический кожух, исчезали в стене. Рядом – железная дверь, на ней висела табличка с черепом и надпись «Опасно, высокое напряжение!».

– Газопаровая турбина, – голос Борга донесся непонятно откуда, эхо разнесло его по пещере.

Настька вздрогнула, когда сзади раздалось:

– Она дает электричество и горячую воду в трубах? Девушка обернулась – Ожог вошел в пещеру следом.

Вид у него был совсем безумный, левый глаз сверкал, губы кривились, капитан часто облизывался.

– Это геотермическая электростанция, – сказал Борг. – Турбинный зал, эксплуатационная и нагнетательная скважины, парогенератор. Частично охлажденная в парогенераторе вода идет в систему отопления комплекса, после чего сбрасывается в скважину. Трубу в том месте частично демонтировали как раз перед катастрофой, но пока что случает

затопления не было.

Ожог ухватил Настьку за руку и потянул обратно.

– Ладно, идем, – процедил он. – Сейчас твоего дружка лечить будут. Потом скажешь Боргу, чтобы включил конвертер. Ты поняла? Поняла, я спрашиваю?

Она кивнула, закусив губу.

Когда они вернулись, синий свет в будке стал ярче. Затем он превратился в фиолетовый и немного потускнел, будто часть излучения ламп перешла в невидимую область спектра. Сверху вниз внутри кабинки побежали полосы белого света, они словно ощупывали Цыгана. Это длилось несколько секунд, потом фиолетовое сияние вокруг сталкера замерцало, высвечивая нечто вроде прилипшей к нему пленки. Рамир опустил глаза, завороченно разглядывая сиреневые огоньки, мерцающие на запястьях.

Борг сказал:

– Это визуализация излучения, влияющего на определенные участки мозга и вызывающего стойкие отрицательные эмоции.

На одном из мониторов позади саркофага бежали зеленые синусоиды, на другом извивалась красная кривая.

– Я попробую стереть его. Могут быть неприятные ощущения, терпи и не выходи. Я вызову синаптический резонанс, активное выделение нейромедиаторов... если без специальных подробностей – ты почувствуешь то, что чувствуют другие рядом с тобой, только сильнее. Постарайся сдержаться и не кинуться на кого-нибудь. Готов?

– А что, пусть кинется, – кривя рот, произнес Кабан, успевший закатать рукава куртки и громко хлопавший себя по бицепсам, будто разогревая их. – Пусть, я не против...

В гудение кабинки вплетлся новый звук. Поначалу очень низкий, он становился все выше и пронзительней, вызывая вибрации где-то в солнечном сплетении. Ожог поморщился, Настька закрыла уши. Кабан, казалось, ничего не слышал, он кровожадно глядел на Рамира, неторопливо потирая ладони, похожие на ковши экскаватора. Пулеметчик явно готовился открутить сталкеру голову. А звук все нарастал – и наконец перешел в визг. Кабинка мелко задрожала, зазвенел металлический настил. Рамир сжал зубы, сцепил руки на груди, лицо его, светящееся фиолетовым, стало маской отвращения и ненависти, глазные впадины превратились в темные провалы. Белые полосы стремительно бежали сверху вниз, казалось, что фигура сталкера мерцает.

– Еще немного, потерпи, – с легким беспокойством произнес Борг.

Полосы пожелтели. Цыган нагнул голову, набычившись, уставился на стоящих перед ним. Залепившая кожу пленка из фиолетовой стала кроваво-красной. Настька невольно отступила – не только лицо, вся фигура сталкера полыхала ненавистью. Его начало трясти, лицо перекосилось, Рамир дернулся вперед, чтобы выскочить из будки, но напрягся, сдерживаясь. До них отчетливо донесся скрип зубов. На руках набухли вены, лицо покраснело... Наконец, не выдержав, Рамир запрокинул голову и заорал. И тут же окутавшее сталкера алое свечение лопнуло, взорвалось мелкими брызгами.

И растворилось в воздухе.

Красная синусоида исчезла с монитора, теперь там, как и на соседнем, бежали зеленые кривые. Цыган покачнулся и упал, ударившись о стенку будки.

– Рамир! – крикнула Настька, бросаясь к нему, но Ожог схватил ее за руку. Последнюю минуту капитан о чем-то напряженно размышлял и теперь, крепко ухватив девушку за кисть, потянул к себе.

– Все прошло удачно, – бесстрастно произнес Борг.

Синий свет в кабине погас. Рамир поднял голову, посмотрел на Настьку и долговцев, кое-как выпрямился и вышел наружу. Размял шею, глянул на свои руки, растопырив пальцы, вытянул одну перед собой – она дрожала.

– Я не чувствую никакой разницы, – сказал он.

– Зато я чувствую, – проворчал Ожог. – Всё, закончили с проверкой? Теперь включай конвертер.

– Я не уверен, что есть необходимость... – начал Борг, и тогда капитан, зарывчав, дернул Настьку на себя.

– Я это предвидел! – хрипло крикнул он. – Девка дорога тебе? Включай или сверну ей шею!

Цыган дернулся было к нему, но остановился, когда Ожог сжал горло Настьки так, что она разинула рот, пытаясь вдохнуть. Капитана перекосило от ненависти, глаз стал вишнево-красным.

– Я искал способ много лет и больше не буду ждать. Рамир обернулся к стеклянному саркофагу.

– Так включай его, чего ждешь? – спросил он. – То есть – включайся сам.

Борг молчал. Ожог сжал Настьку сильнее, она захрипела, и он немного ослабил хватку. Кабан стоял рядом, слегка покачиваясь с носков на пятки и обратно, будто готовясь прыгнуть на Цыгана. Из динамика донесся тихий голос:

– Отпусти ее. Настя, ты хочешь, чтобы я включил конвертер?

Капитан прижимал ее спиной к себе, девушка почти висела в его руках. Когда Борг задал вопрос, она слабо кивнула, попыталась оттолкнуть Ожога, ухватила за его руку, лежащую на шее, и наконец сказала:

– Контролеров ведь надо уничтожить, правда? Почему ты спрашиваешь? Разве это сложно сделать?

– Чтобы уничтожить всех контролеров, мне придется включить конвертер на максимальную мощность. Но я – усилитель, нейроны моего мозга встроены в систему, через них развивается резонанс... Пси-индукция просто убьет меня, – сказал он.

– Что... как? – секунду до Настьки доходило, потом зрачки ее расширились, и она выдохнула: – Нет, тогда не надо, я не хочу этого!

– Включай! – заорал Ожог, вновь сдавливая ее шею. Рамир помимо воли шагнул к ним, протягивая руку, и Кабан что-то глухо прогудел, резко качнувшись вперед. На широком грубом лице его было предвкушение, бицепсы вздулись, натянув ткань рукавов. Цыган остановился. Настька трепетала, судорожно дергалась в объятиях капитана.

– Если ты убьешь ее, Боргу будет незачем включать конвертер, – облизнув пересохшие губы, сказал Рамир. Ожог широко улыбнулся, и багровая кожа на правой половине лица собралась складками.

– Ну так я сломаю ей палец, – прошипел он, свободной рукой сжимая правую ладонь девушки. – Потом еще один, еще... Вы, двое, знаете, какая это боль?

– Я знаю такую боль, которая тебе и не снилась, – произнес Борг.

– Ты здоровый взрослый мужик, она – ребенок! Она будет кричать до тех пор, пока ты не сделаешь все, что мне надо...

Настька дернулась опять, Ожог силой разжал ее мизинец, ухватился за него, и Цыган не выдержал – зарывчав, бросился к долговцу.

– Кабан, убей его, – приказал тот.

Здоровяк преградил сталкеру путь, а Ожог потащил Настьку к саркофагу. Она хрипела и мотала головой.

– Смотри! – крикнул капитан, сжимая тонкий мизинец и поднимая ее руку. – Видишь? Решай, ну!

– Не надо, не делай этого! – крикнула девушка Боргу. Ожог отстранил ее от себя, развернув вполоборота, врезал кулаком в живот, опять прижал к груди. Настька разинула рот, скорчилась, не в силах вздохнуть. Капитан зажал ей рот, девушка повисла на его согнутой руке.

– Решай! – повторил Ожог. Правый глаз его полыхал безумным огнем и выпучился так, что казалось – еще немного, и он выскочит из орбиты, черным шариком заскачет по железному полу.

Кабан ударил. Цыган увернулся, отпрыгнув, врезал пулеметчику ребром ладони по шее. Здоровяк, кажется, даже не заметил этого.

Лихорадочно расстегивая ремень и бросая вокруг быстрые взгляды, Рамир стал медленно отступать. Сзади саркофаг, его нельзя задеть – Борг должен включиться и уничтожить всех контролеров, тут Цыган был заодно с Ожогом. Если бы тот не вел себя как идиот, не стал бы угрожать, что покалечит Настю, они могли бы столкнуться и действовать сообща, но теперь... Кабан слишком ненавидит сталкера, с ним не договориться.

Из динамика донесся голос Борга:

– Хорошо, я все сделаю. Отпусти ее.

– Начинай, и тогда решу, что делать с твоей... – Ожог замолчал. Черный глаз шевельнулся, прищурившись, капитан уставился куда-то вбок. Из-за ярко горящего прожектора выступил силуэт с двустволкой. – Опять ты... – процедил капитан. – Жарик тебя не остановил?

Лесник прижимал приклад к плечу, глядя на долговца через мушку. Он хромал, на щеке была рана, от засохшей крови борода слиплась в жесткие темные сосульки. Сделав еще один шаг, он медленно произнес:

– Отпусти ее. Я не позволю включить эту штуку. Две пули размажут твой череп по всей пещере.

Кабан тем временем медленно наступал на Цыгана. Впереди был голый каменный пол, там как на ринге, помочь самому себе нечем, а Рамир знал: в честном бою против Кабана ему не выстоять. Рамир высокий и широкоплечий, но долговец почти на две головы выше и раза в полтора шире. Бицепсы не вмещались в рукава, шея как ствол старого дуба...

Ослабив хватку, Ожог спросил:

– Как ты прошел с оружием?

Он не собирался отпускать Настьку даже под прицелом, но она вдруг яростно дернулась, врезав локтем ему по ребрам, вывернулась и отбежала к саркофагу. Проводив ее взглядом, капитан добавил, обращаясь к Леснику:

– Там же автоматическая дверь.

– Необязательно входить через дверь, – ответил сталкер, медленно приближаясь к нему. – В этих пещерах искусственная вентиляция, решетки там ржавые. Отойди. В тот угол – быстро, ну!

Ожог попятился, не сводя с него взгляда.

– Дальше, – велел Лесник.

Настька остановилась возле саркофага. Неподвижный Борг смотрел на нее единственным глазом. Слабо улыбнувшись, она повернулась, испуганно поглядела в напряженное лицо Лесника – оно показалось ей совсем чужим. Капитан, отступив еще на пару шагов, сказал:

– Почему ты не хочешь, чтобы контролеры исчезли? Ведь ты же сталкер. Знаешь, что они делают с людьми. Почему...

– Потому что они – часть большого равновесия Зоны, – сказал Лесник. – Потому что вы нарушите его, уничтожив один из местных видов. Потому что... – Он замолчал ненадолго и добавил: – Потому что я люблю Зону такой, какая она есть. Поэтому надо убить Борга. – Повернувшись, Лесник опустил ружье ниже и прицелился в голову человека в саркофаге.

Кабан целиком сосредоточился на ненавистном Цыгане, его куцых мозгов не хватало на то, чтобы обращать внимание еще на что-то. Не замечая Лесника с ружьем, он прыгнул вперед, выбросив перед собой мощную руку. Рамир едва успел отклониться, сделал шаг в сторону. Краем глаза он видел, что в пещере появился Лесник, но сейчас было не до того. Он опять шагнул назад, услышал тихий плеск, скосил глаза – и бросился к проему в стене.

Лесник выстрелил из одного ствола.

– Нет! – крикнула Настька, бросаясь к нему. Пуля пробила бедро, она пошатнулась, схватилась за рану. Потекла кровь, нога подогнулась, девушка упала, но тут же вскочила, заслоня собой саркофаг. Прижала ладони к ране, потом широко раскинула измазанные в крови руки.

– Не трогай его!

– Отойди, – сказал Лесник, целясь ей в грудь. – Или убью обоих.

Всхлиывая от боли, она стояла на месте. Сталкер набычился, палец на втором крючке напрягся – но он не выстрелил.

– Отойди, – повторил Лесник. На выпуклом лбу его выступил пот, руки задрожали. Он пытался – и не мог убить ее.

Застучали шаги, сзади раздалось полное ненависти шипение, в котором не осталось ничего человеческого. Развернувшись, Лесник выстрелил – и попал Ожогу в плечо.

Пуля вылетела сзади, со звоном упала на металлический настил. Вытянув руки, капитан налетел на сталкера и повалил его.

* * *

Рамир едва успел увернуться от следующего выпада, Кабан все же задел его, в голове загудело. Когда Цыган ударил в ответ, противник легко отбил его руку – но сталкер левой заехал ему в живот. Долговец слегка согнулся, пробурчал что-

то и отступил на шаг. Рамир тоже попятился, потряс кистью.

Они попали в круглую пещеру с прямыми каменными стенами, вдоль которых тянулись металлические штанги. На середине был огороженный низкой оградкой зев скважины, к нему с потолка протянулась вертикальная труба. Она заканчивалась на высоте человеческого роста, вниз лился поток воды. Под стеной лежали металлические кольца жесткости, размонтированные части трубы и элементы железного колпака-полусферы, когда-то накрывавшего отверстие. Труба была куда шире дыры – и если напор увеличится, вода станет захлестывать скважину.

Цыган пятился, Кабан шел за ним, сжимая и разжимая кулаки.

– Думал, тебя еще в «Пьяной плоти» пристрелили, – пророкотал он.

– Прослышал, а? – откликнулся Рамир. – Вы ведь уже долго в Могильнике, значит, последних новостей не знаешь?

– Каких еще новостей?

– Я тогда троих убил. Лося и тех, кто с ним был. Все твои дружки мертвы, не только Ржавый.

Этим враньем он хотел вывести великана из себя, но не преуспел – тот лишь пожал могучими плечами, продолжая медленно наступать на Цыгана.

– Не дружки они мне. Вот Ржавый – тот справный командир был. Такое прощать нельзя!

Все же этим разговором Рамир немного отвлек долговца. Пока они говорили, сталкер расстегнул ремень и теперь одним движением выдернул его. Пальцем он проверил остроту заточки на пряжке. После неудачной попытки выбраться из клетки бюреров та затупилась, но была еще пригодна для того, чтобы распороть чью-нибудь шею.

Падающий из трубы в отверстие поток будто пульсировал: то становился шире – тогда рокот усиливался, то сужался. Эхо разносило плеск по пещере, звуковой прибой накатывал, ударялся о каменные стены и отступал. Над скважиной поднимался едва заметный пар. Рамир наполовину обошел ее, они с Кабаном остановились боком к ограждению, состоявшему из железных прутьев и приваренной поверх трубы. Концы некоторых прутьев отошли от нее – долговец ухватился за один, крикнув, широко расставил ноги, поднатужился, рванул и с хрустом выломал железную палку. Рамир поморщился, наблюдая за ним. Ну и кабан этот Кабан! Сильнее Жарика, сильнее всех людей, которых сталкер встречал в жизни...

Отламывая прут, пулеметчик качнулся назад, и Рамир бросился на него. Он вспрыгнул на ограждение, сделал несколько семенящих шагов, оттолкнувшись, наскочил на Кабана сбоку. Повис, просунув руку под подбородок, сдавил горло, задрал голову – и полоснул заточкой по шее.

Кабан не издал ни звука, лишь присел еще ниже и взмахнул рукой. Железный прут врезал Цыгану по темени. В глазах сверкнуло, руки разжались сами собой, и он свалился на пол.

Его спасло только то, что удар пришелся вскользь – прут проехался по черепу, едва не содрал ухо. Откатившись, Цыган кое-как встал. Кабан медленно повернулся, держась за шею. Заточка прорезала кожу, но не горло, крови было много, хотя рана – вряд ли опасная.

Кабан стал вести себя осторожнее. Вытянув руки, он медленно пошел на врага. Рамир ждал, пригнувшись. Его тошнило, качало из стороны в сторону, перед глазами летали белые мушки – сотрясение мозга, не иначе. Главное – не подпустить великана близко, если тот сумеет еще раз огреть прутом по голове или сжать в своих кабаньих объятиях – конец Цыгану. Хотя прут короткий, Кабану надо подойти близко, чтобы ударить... Вот он это и пытается сделать, зная, что у противника нет оружия для дистанционного нападения... Нет? А вот и есть!

Когда долговец сделал еще шаг, Цыган хлестнул его по лицу, перехватив ремень за конец. Пряжка острым ребром вонзилась в бровь, продрала ее, опустившись, прорвала веко и глазное яблоко. Кабан взревел – дико, яростно, – занес прут и бросился на Рамира. Тот нагнулся, прикрываясь руками. Пулеметчик налетел на него, железная палка опустилась на плечо, кость хрустнула, мир вспыхнул тысячами кровавых огней. Кабан толкнул его грудью – Рамир уперся спиной в ограждение. Нога соскользнула, он повалился на пол, цепляясь за прутья. Долговец, подвывая от боли, пнул его огромным ботинком. По лицу великана стекало что-то желто-красно-белое, будто яичница пополам с кровью. Цыган обеими руками схватил его ногу и сжал зубы на икре, куда Кабана укусил призрак. Долговец вцепился в волосы Рамира, отодрал его от своей ноги и приподнял. В шее хрустнули позвонки. Сталкер лег спиной на ограждение, ногами пихнул великана. Тот отклонился назад, взмахнув руками, упустил прут. Через левую щеку его от глазной впадины пролегла дорожка слизи, из рассеченной брови текла кровь. Вращая мутным от боли правым глазом, Кабан шагнул к Рамиру.

Тот перевел дыхание, поднялся. Ему казалось, что с правого плеча сняли кожу и поливают обнажившиеся мышцы соляной кислотой. Ключица наверняка треснула – как теперь драться? А может, кость все же цела, просто удар железной дубинкой повредил сухожилия, потому такая боль... Но сотрясение мозга он точно получил: тошнило, пещера казалась.

Рокот воды стал громче, напор усилился, пар над скважиной сгустился. Сталкер не стал ждать, когда Кабан дойдет до него, закричал и бросился вперед, нагнувшись. Пулеметчик встретил его прямым ударом в голову, Рамир упал, но успел погрузить руку с пряжкой в живот Кабана.

Могучие брюшные мышцы оказалось не так-то просто пробить – прорезав ткань, кожу и верхний слой мышечных волокон, пряжка соскользнула. Цыган повалился на четвереньки, на затылок ему опустился пудовый кулак. Он до крови прикусил язык, ткнувшись в пол, навалился на ноги Кабана, обхватил их руками. Пулеметчик упал через него, ударился лбом о перила, приподнялся. Бьющий из скважины пар окутал их.

Мужчину оценивают по силе его врагов. Рамир знал это. Но в то мгновение, когда Кабан начал душить его, он понял кое-что еще: этот враг сильнее. Его не победить.

2

Лесник скинул Ожога, схватил разряженное ружье за приклад и ударил, но капитан успел увернуться. Сталкер был силен – а Ожог проворен, увертлив. И быстр, как змея.

Настяка прижала ладонь к ране, закусив губу, поковыляла к саркофагу, но не дошла – упала в метре от него. Зарывав, поползла, ухватилась за одну из штанг-подпорок, приподнялась, прижалась к стеклянной стенке. Нога пульсировала болью, из-под пальцев сочилась кровь.

– Настя, – произнес голос из динамика на пульте. Она повернула голову – лицо Борга было совсем рядом. Страшное, изуродованное... Лицо единственного друга, который был в ее короткой, полной несчастий жизни.

– Тебе больно?

– Да. – Она не знала, что сказать еще. – Да. Но тебе там... наверное, тебе еще больнее?

Сзади донесся звук удара, что-то промывал Лесник, застучали подошвы по железу. Она не оборачивалась.

– Оставайся со мной, – прошептал Борг. До сих пор он не шевелился, лишь зрачок двигался, а сейчас единственная рука приподнялась, и пальцы коснулись толстого стекла, будто хотели погладить приникшее с другой стороны лицо. – Не уходи опять, останься. Тогда ты исчезла, и я был один, очень долго. Останься в этот раз. Я покажу тебе другие уровни. Тут много этажей, много интересного. Коридоры, естественные ходы, как паутина, на километры вокруг, там живут странные существа, но ты будешь в безопасности, я защищу тебя. В моем распоряжении еще много роботов. Целый мир, Настя, под Зоной – целый мир. Геотермальная станция будет снабжать энергией, в кладовых продукты... Не уходи. Наверху тебе плохо. Здесь я буду беречь тебя, защищать, как раньше.

Она слушала его – и плакала, вытирала слезы, а они текли опять, падали на саркофаг. Они глядели друг на друга сквозь стекло. Она покинула Могильник много лет назад, и все же до сих пор Борг оставался для Насти самым близким существом на свете – он был ближе к ней, чем воздух в ее груди, ближе, чем кровь в ее сердце. Но они не могли коснуться друг друга. Борг что-то еще шептал, просил ее остаться, она не слушала и тоже шептала:

– Я не могу, не могу. Там солнце, я люблю его, ветер, дождь... Там животные, звери, люди. Ты знаешь, я на ветеринара хочу учиться, буду лечить зверей. И собак, и кошек, а может, и мутантов, они тоже живые. Я люблю живое, Борг, а здесь все такое мертвое...

Вдруг новая мысль пришла ей в голову, и Настя перестала плакать. Впившись взглядом в бледное лицо за стеклом, она горячо зашептала, забыв про боль в ноге:

– Пойдем со мной, Борг! Зачем тебе здесь? Пойдем наверх! К людям, понимаешь? Я не хочу здесь, не могу... А там тебя вылечат!

Борг смотрел на нее, и Настя затаила дыхание, ожидая ответа.

* * *

Присев, Ожог схватил протянувшиеся от прожектора провода, на которых стоял Лесник, и рванул. Сталкер повалился на бок, выпустив ружье. Железный настил загремел под ним.

– Пес! – выдохнул долговец, отскакивая и подбирая Двустволку. – Вы, сталкеры, – псы Зоны. Бешеные твари, чума, язва! Падалычики, вы жрете все подряд, жрете Зону!

Лесник приподнялся, презрительно глядя на него.

– Что ты знаешь о Зоне? – спросил он. – Все вы, из группировок... Живете в лагерях, высовываетесь оттуда, только чтобы кого-то убить или обделать свои делишки. И не в одиночку, всегда отрядом, потому что боитесь. Боитесь Зону – потому и ненавидите. А я ее не боюсь. Она – мой дом. Долговец, ты и не нюхал настоящей Зоны!

Лесник встал. Ожог отбросил ружье далеко в сторону и пошел на него.

– Тебя я голыми руками задушу, – сказал он. – Вот в чем мой долг.

Оглянувшись, Лесник сделал шаг в сторону, чтобы обойти кабинку, где недавно стоял Цыган. Ожог тут же прыгнул на него, они упали, и капитан оказался сверху. Усевшись сталкеру на грудь, схватил за горло. Хватка у него была железная. Лесник захрипел, коленом ударил противника по копчику, опрокинув на себя. Вытянув в сторону руку, схватил вьющиеся по полу провода, крутанув, свернул петлей и накинул на шею капитана.

Тот рывком выпрямился. Тонкие, но твердые, как железо, пальцы сомкнулись на запястье Лесника, продавили кожу – и рука невольно разжалась. Провод выскользнул, Ожог перехватил его и набросил на горло сталкера, сдавил так, что у Лесника потемнело в глазах. Собрав последние силы, тот обнял Ожога за поясницу, приподнял и опрокинул на бок. Ожог скрипнул зубами, когда локоть врезался в рифленое железо. Хватая ртом воздух, Лесник пополз за будку и там кое-как поднялся, упираясь в стенку. Кабинка ненадолго скрыла его от Ожога. Сталкер оглядел ее – похоже, из пластика. И внизу нет креплений, короб просто стоит на полу...

Ожог пружинисто вскочил на ноги. Зрачок правого глаза исчез в багровой пелене, лицо потемнело. Зашипев, он бросился вперед, и тогда Лесник, навалившись плечом, опрокинул на него кабинку.

Основание у нее было металлическим, к крыше крепились приборы – кабинка была не такой уж и легкой, сталкеру пришлось напрячься, чтобы столкнуть ее. Прозрачный параллелепипед рухнул на пол вместе с Ожогом, но тот догадался упасть сам, погасив падение руками, проем пришелся как раз на него, и будка лишь слабо толкнула, целиком накрыв капитана. Оказавшись внутри, Ожог приподнялся, пытаясь спихнуть ее с себя.

Лесник побежал к ружью.

* * *

– Посмотри на меня. Я не могу уйти отсюда. Я больше не человек, я машина. И у меня нет половины внутренностей, сердце, легкие – все искусственное. Эти коридоры, комнаты, весь комплекс – это и есть я. Провода, кабели – моя нервная система, вентиляторы – легкие, вода из скважины – кровь. Ты понимаешь, Настя, понимаешь? Через строительных роботов я могу расширять себя, я бурю новые тоннели, прокладываю там кабели, иногда натыкаюсь на старые катакомбы или естественные пещеры, увеличиваю свое тело за счет них. Если меня вытащить отсюда, я сразу умру. Оставайся. Оставайся! – повторил Борг с тоской. – Семь лет я ждал тебя. Семь лет в темноте. Кроме тебя у меня никого нет. Ты смысл моей жизни. И ты хочешь уйти.

– Но я не смогу жить здесь! – выкрикнула она. – Борг, я не смогу! Я... я здесь умру, в этих подземельях, мне здесь плохо, совсем плохо... прошу тебя – давай попробуем подняться. Мы отсоединим тебя от кабелей, я потащу тебя, мы что-нибудь придумаем!

– Ничего не выйдет.

– Ведь наверху есть ученые, врачи. Они помогут...

– Я никому не нужен. Кто станет мне помогать, для чего? Да я и не доживу...

– Ты нужен мне!

– Меня не отсоединить. А ты не сможешь тут жить. Не сможешь?

Глядя в лицо киборга за стеклом саркофага, Настя медленно покачала головой. Борг смотрел на нее. У нее уже не

было сил плакать, все слезы вытекли, и вместе с ними вытекла ее душа, по капле покинула тело – там не осталось влаги, оно превратилось в безводную пустыню, сухую, полную мертвенного жара. Она стала взрослой. Взрослой – ничего от ребенка не осталось в ней. Настя поняла: они не могут быть вместе. Он был существом подземелий, она – человеком с поверхности.

Борг тоже понял это.

– Тогда я включу конвертер, – сказал он.

* * *

Кабан сдавил горло Цыгана одной рукой, а другой выкручивал кисть, в которой тот держал ремень. Пряжка прорезала кожу, ладонь стала скользкой от крови. Наконец пальцы разжались, и ремень упал. Рамир спиной чувствовал глубину скважины за собой, слышал клокотание воды. Оно стало громче:

Он сцепил зубы. Пройти треть Зоны, Могильник и этот чертов подземный комплекс, освободиться от проклятия контролера – чтобы сдохнуть тут?! Волна угрюмой глухой злобы поднялась в нем. Рамир взревел и коленом врезал Кабану между ног. Раз, другой, третий. Он не мог вдохнуть, и в глазах потемнело от усилия. Кабан, проревев что-то, схватил Цыгана за горло обеими руками. Для этого ему пришлось отпустить правое запястье, и сталкер тут же вцепился в поручень. Долговец уже почти перевернул его через ограждение.

В этот момент поток падающей из трубы воды стал больше. Он не просто усилился – клокоча, вода стала затопливать пещеру.

* * *

– Но ты ведь можешь прожить еще долго, – сказала она. Стекло запотело от ее дыхания, Настя потерла его рукавом. – Я буду спускаться. Буду навещать тебя.

– Не будешь. Это сейчас ты так говоришь, но потом... Это – центр Могильника, сюда трудно попасть. Ведь не поселишься же ты в Бобловке. Я включу конвертер. По крайней мере, все контролеры погибнут. Ведь ты хочешь этого?

– Да, – прошептала она.

Он кивнул. Качнулся свернутый спиралью провод, протянувшийся от устройства, которое скрывало левый глаз Борга.

– Тогда в Зоне станет лучше? – неуверенно спросила она.

– Не знаю.

– Но ты умрешь, если включишь эту штуку. Нет, не надо! Живи, пожалуйста, живи!

– Я существую – не живу. Я не должен был привязываться к тебе. Ты стала моим последним человеческим чувством. Когда ты уйдешь, я превращусь в машину. Окончательно. Механическое давно побеждало, оно лишало меня эмоций. Я становился все более расчетливым, как вычислитель, никаких чувств, только математика. Ты, воспоминания о тебе, надежда, что ты снова появишься, удерживали во мне человеческое. Но теперь... Что мне делать? Целую вечность лежать здесь, одному, обслуживая мертвый комплекс, убивая заходящих сюда сталкеров, подчиняясь прошитым в меня программам? Я не хочу этого. Никакой боли, я уйду спокойно, если буду знать, что ты счастлива. Ведь ты будешь счастлива?

– Я постараюсь... – едва слышно прошептала она. – Но Рамир может вытащить тебя, поднять наверх. Борг, послушай! Он сможет...

– Тогда скажи им. Если отключить вспомогательный сброс и задвинуть заслонки, вода затопит все...

– Не надо, перестань! Не включай конвертер, я не хочу этого. Лесник говорит, что контролеры должны жить, что нельзя нарушать систему...

– Значит, ты передумала?

– Я не знаю! Наверное, не надо уничтожать их? Они ужасные, но... нельзя убивать их всех.

– Хорошо, я просто затоплю комплекс. Эту систему придумали на случай, если понадобится уничтожить его. Скажи им – сейчас я затоплю Крепость.

* * *

Подхватив валявшуюся возле прожектора двустволку, Лесник вынул из мешочка на поясе два патрона и стал заряжать. Ожог закричал зубами, спиной приподнимая будку. Сталкер вскинул ружье, прижал приклад к плечу. Из-за железного основания и приборов поднять кабинку было трудно. Ожог выставил одну ногу, уперся в пол, просунул пальцы под края и тогда наконец смог распрямиться.

Лесник выстрелил из обоих стволов. Ожог упал.

Пластиковая стенка разлетелась вдребезги, осколки по сыпались вокруг. Поджарое тело выкатилось из дыры, долговец змеей метнулся к Леснику. Тот врезал прикладом по раненому плечу, Ожог с хриплым стоном упал на колени. Провода от прожектора тянулись по настилу, образуя кольца и петли, Лесник стоял в одной такой петле. Схватив пучок тонких черных кабелей, Ожог дернул, затянул петлю вокруг ног Лесника и рванул изо всех сил. Сталкер повалился на него, капитан пригнулся, обматывая провод вокруг лодыжек. Прожектор над ними тихо гудел, в широком луче света по полу протянулись длинные тени.

– Я обещал тебе, что задушу голыми руками? – крикнул Ожог.

Кабели крепко стянули ноги Лесника. Он махнул ружьем, отползая, словно удав, к краю настила. Ожог выдрал двустволку из его рук, ударил стволами по голове, крутанул и сильно ткнул прикладом в лоб. Зрачки Лесника поползли вверх, он судорожно вздохнул. Отбросив ружье, капитан приподнялся над сталкером и сжал его шею. Лесник моргнул, взгляд стал осмысленнее, он уставился в искаженное, изуродованное ожогом лицо над собой. Долговец душил его. Лесник задергался, пытаясь вдохнуть, но противник держал крепко, пальцы его были как железные крючья, теперь уже ничто не могло оторвать их от горла.

– Другой смерти ты не достоин, – сказал Ожог, наблюдая, как дергается в приоткрытом рту язык, как вылезают из орбит глаза.

Грудь горела огнем, пальцы скребли пол. Лесник умирал. Мир уходил от него, сознание гасло. Луч прожектора стал багровым. Сталкер дергал ногами, пытаясь сбросить Ожога, но сил на это уже не было. Он попробовал выгнуться, но не

мог сделать и этого.

Ожог тихо засмеялся. Пальцы Лесника наткнулись на провод. Сжали его. Фигура должника подернулась рябью, смазалась. Красные сумерки окутали Лесника. Уже ничего не видя, он дернул. Тренога прожектора пошатнулась, заваливаясь набок, световой столб качнулся. На миг тренога замерла – и рухнула на них. Огромная лампа накрыла голову Ожога. Громкий треск, вспышка, сноп искр... Капитан привстал, поднимая прожектор, – и упал на бок.

Лесник откатился, и воздух хлынул в его грудь обжигающим, кислотным потоком. Он закашлялся, забился, корчась, ударяя ладонями по настилу. С хрипом выдохнул, вдохнул опять, одной рукой ухватил себя за горло и приподнялся. Оглядевшись, встал на колени. Долговец лежал неподвижно, чаша прожектора накрывала голову. Лесник уперся в нее ногами, толкнул, перевернув, увидел лицо капитана – волосы обгорели, все лицо превратилось в сплошную спекшуюся корку.

– Ожогу ожогово, – Лесник сплюнул кровью и встал.

* * *

Рамир, прижатый спиной к перилам, увидел над собой падающую воду. Что-то случилось? Почему поток стал таким сильным? Почему...

Он извернулся, упирающийся в ограждение хребет хрустнул. Взмахнув ногами, Цыган перевернулся в скважину.

Кабан перелетел через него, пальцы проскревели по плечам и спине, вцепились в поясницу. Цыган с размаху ударился грудью о бетонный край дыры. От боли сердце пропустило удар, потом зачастило, под ребрами что-то будто сдвинулось. Постанывая, сталкер держался за бетонный край, Кабан висел на нем, обхватив за пояс. Вода била сверху, норовила сбросить их в скважину.

Цыган пнул великана каблуком в живот. Воды стало еще больше, она нагрелась. Пальцы скользили.

Страхнуть должника не удавалось, а держать двойную тяжесть не хватало сил. Рамир медленно соскальзывал в бездну геотермальной скважины. Снизу начал подниматься горячий пар. Да что это происходит? Нагнув голову, он глянул вниз. Под ногами уже кипятик! Удерживаясь за край согнутой в локте рукой, Рамир с резким выдохом выбросил над головой другую и вцепился в прут. Повернулся – Кабана ударило затылком о стену. Цыган выгнул спину, придавливая его руки, чувствуя, что вот-вот упадет, поерзал по бетону, всмятку давя пальцы Кабана. Тот взвыл и наконец отцепился. Пальцы скользнули по ногам – и пулеметчик полетел вниз. Рокот воды заглушил его крик. Рамир попытался поднянуться, но не смог, сил не осталось совсем. Он застыл, не дыша, прижимаясь лопатками к краю дыры. Как теперь выбраться отсюда?

Задрав над головой другую руку, нащупал второй прут. Вода уже обжигала, из-за бьющего снизу пара было трудно дышать. Уперев подошвы в бетон, он стал приподниматься, спиной елозя по стенке. Ботинки скользили, но потом один каблук попал в выемку, и Цыган сумел распрямить ногу, приподняв себя сразу на полметра. Вот лопатки легли на пол, потом и поясница оказалась на бетоне... Он схватился за горизонтальную трубу – и сел на краю, прислонившись к ней мокрым лбом. Передохнув пару секунд, повернулся, начал вставать, упал, разбрызгивая горячую воду, кое-как поднялся, подобрал выломанный Кабаном прут и похромал к проходу в центральную пещеру. По дороге еще дважды падал, но потом сердце перестало бешено колотиться в груди, чуть успокоилось, Рамир пошел быстрее. Рокот воды за спиной нарастал, в пещере становилось жарко, затылок обдавало горячим паром. Рамир сделал еще несколько шагов и криво улыбнулся, увидев Лесника.

Глава 11 ЛИЦОМ К ЛИЦУ

1

Подойдя к саркофагу, Лесник достал из мешочка патрон.

– Последний, – с сожалением сказал он и зарядил ружье. Настька медленно поднималась на ноги, пытаясь закрыть собой Борга. Из-за потери крови она была смертельно бледна, лицо в красных пятнах от слез.

– Поздно, – слабым голосом произнесла она. – Он сейчас все затопит и умрет. Надо уходить, всем уходить.

– Не мешай, – сказал Лесник, не слушая. – Я не хочу тебя убивать, отодвинься.

Из динамика раздался голос Борга:

– Дверь закроется через пять минут после того, как вода поднимется до уровня пола. Уходите. В машинном зале за турбиной я открыл запасной выход, оттуда ведет наклонный тоннель. Примерно в километре – ворота старой аварийной системы, но они закрыты намертво. Над ними колодец и люк, он выводит в Оазис, на север Могильника.

Лесник поднял ружье, вжал приклад в плечо.

– Ты не слышал, что сказал Борг? – крикнула Настя ему в лицо. – Где Рамир? Надо уходить!

Сталкер глядел на нее отрешенным, пустым взглядом.

– Иди, тебя никто не держит. Я пристрелю этот живой труп, чтобы никто больше не мог включить его.

– Настя, беги, – сказал Борг. – Мне больше незачем жить.

– Никто не будет убивать контролеров! – отчаянно закричала Настя, видя по мертвым глазам сталкера, что он ни слова не услышал и не осознал. – Лесник! Дядя Василь! Очнись, что с тобой?!

Он шагнул вперед, стволы уперлись ей в грудь.

– Ведь могу и тебя застрелить, – сказал он. – Потом разбить стекло и просто вытащить из него провода. Порвать шланги, которые у него вместо сердца. Я не хочу, Настя, но если ты...

Подскочивший сзади Цыган врезал железным прутком по ружью. Прогремел выстрел. Пуля ударила в основание саркофага, зазвенело стекло, двустовка вылетела из рук Лесника. Цыган ударил второй раз, и сталкер повалился на бок.

– Что происходит? – тяжело дыша, спросил Рамир у Насти. – Там вода хлещет, заливает скважину, скоро сюда потечет.

Не отвечая, девушка расширенными глазами глядела на дыру в нижней части саркофага. Из перебитых прозрачных шлангов струилась розоватая жидкость. Она перевела взгляд на колпак. Лицо Борга казалось удивленным.

– Хорошо, – произнес слабеющий голос из динамика. – Так даже лучше. Прощай, Настя.

– Борг! – она упала на саркофаг и обхватила его руками. – Нет, что ты? Я хотела, чтобы ты поднялся с нами! Рамир

вытащит тебя, он сильный!

– Уходите скорее, – повторил Борг. – Через пять минут дверь закроется, тогда пещеру быстро затопит. Уходите. Уходи... – голос прервался. Голова его вдруг мелко затряслась, дрогнула рука. Настя заколотила кулаками по стеклу, саркофаг отозвался протяжным звоном. Глаз Борга широко раскрылся, зрачок увеличился, почти скрыв белок. Пальцы скрежетнули по стеклу, киборг громко вдохнул, дернулся – и сердце в его груди остановилось, перестали пульсировать ребристые шланги-гармошки, опали влажные пластиковые мешочки искусственных желудочков. Кровь больше не бежала по трубкам, остановился поток физраствора в прозрачных шлангах, идущих внутрь раскрытого левого бока.

– Ну, ты, красавчик, – раздалось сзади, и Цыган обернулся. Лесник стоял, широко расставив ноги. – Ты мне надоел, еще в Лысой балке надоел. Что ты ходишь за мной, таскаешься уже столько дней? Надо тебя убить – и дело с концом.

Настя сползла с саркофага, в котором лежало мертвое тело, присев на корточки, повернулась лицом к мужчинам и замерла, неподвижно глядя перед собой. Ей вдруг стало все равно – не важно, кто из этих двоих останется в живых и останется ли хоть кто-нибудь, не важно даже, выживет ли она сама. Ей только не хотелось умирать здесь, в этих угрюмых темных подземельях, на нижнем уровне мертвого комплекса.

Отступив от Лесника, Цыган зажал прут под мышкой, другой рукой схватил ее за плечо, вздернул на ноги и крикнул:

– О какой двери он говорил? Эй, очнись! Быстро найди ее!

Он толкнул девушку, голова Настьки мотнулась, лицо стало осмысленное. Глянув на сталкеров, она направилась в машинный зал, с трудом переставляя ноги, хромая.

Рамир повернулся к Леснику – тот медленно шел к нему.

– Да ты-то мне не был нужен, зверолов, – сказал Цыган. – Мне за нее заплатили. Вернее, должны заплатить. Но теперь не заплатят, потому что я ее не убью. Но ты... веришь – я тебя всей душой возненавидел! С тобой у нас есть о чем поговорить.

Выломанный Кабаном железный прут он взял левой рукой, правая плохо слушалась.

– Нет, говорить не о чем, – сказал Лесник, беря ружье за ствол. – Я просто очищу Зону от еще одного отморозка. Я тебя давно узнал, красавчик, ты Цыган-убийца. Сколько сталкеров ты жизни лишил, мутант?

Рамир криво улыбнулся.

– Ма хотела, чтобы я прославился. Вот и стал знаменит. Хотя бы в этом дурном сне под названием «Зона».

Лесник взмахнул ружьем, Цыган выставил прут, железо звякнуло о железо. Лесник сделал шаг в сторону, будто собирался ударить еще раз, но вместо этого швырнул оружие. Рамир вновь подставил прут, от удара тот вывернулся из пальцев. Лесник бросился на него, повалил. Из разбитого саркофага все еще вытекал физраствор, пол стал скользким, Цыган спиной проехался по настилу, потом Лесник прижал его.

– Ты сам – как Зона! – выплюнул ему в лицо Рамир. – Такой же вонючий и грязный!

Лесник коротко, без замаха, ударил его в челюсть. Рамир вырвал из-под него левую руку и заехал противнику по почкам. Удары не были сильны – оба ослабели.

– В Зоне я свободен! – выдохнул Лесник, одной рукой придавливая Рамира к полу, другой пытаясь подтянуть к себе ружье. – Только здесь, только в ней можно выйти из-под системы!

Рамир крикнул в ответ:

– Идиот! Мечтатель! Тут своя система!

Лесник наконец сумел подцепить ремень, потащил двухстволку и схватил за цевье. Лежащий под ним Цыган пошевелил пальцами правой руки. Слушаются плохо, но надо рискнуть...

Противник занес над его головой приклад, и Рамир, собрав остаток сил, правой схватился за куртку Лесника. Дернув вниз, левой подхватил приклад снизу и толкнул, наклоня к себе. Лесника качнуло назад, стволы ударили его по лбу. Он ослабил хватку, Цыган повернулся на бок, сталкивая его, и вывернулся.

– Свободен?! – крикнул он, отскакивая и лихорадочно оглядываясь. Прут закатился куда-то, нигде не видно. – Ты думал, что, попав в Зону, стал свободным? В Зоне своя система, здесь ты такой же винтик!

– Это вы винтики. – Лесник медленно поднимался. – Вы все: группировщики, скупщики, наемники, вся эта шваль – части системы, которую сами и создали. А я свободен.

– Знаешь, какова цена твоей свободы? – спросил Рамир и наконец увидел прут – раньше тот был скрыт телом врага, а теперь вставший Лесник поднял его. – Цена твоей свободы – личное ничтожество.

Он попятился за саркофаг, и тут из соседней пещеры хлынула горячая вода. Растекаясь по настилу, толкнула лежащую на боку будку, немного сдвинула ее. Лесника, потом Цыгана ударило по ногам. Пещеру стало заволакивать паром.

– Да, я бродяга, – произнес Лесник, наступая, – бомж без дома и семьи. Но ты – еще хуже. Ты бандит и убийца. Вы испоганили весь мир, а теперь поганите мою Зону.

Раздался плеск, он быстро оглянулся – от прохода сквозь пар к ним ковыляла запыхавшаяся Настя.

– Я нашла дверь! – крикнула девушка. – И она загудела, вроде в ней заработало что-то! Борг сказал, что...

– Я слышал, что сказал Борг! – крикнул из-за саркофага Цыган. – А этот псих ни слова не понял! Беги туда и жди! Попробуй подпереть ее чем-нибудь!

Закусив губу, Настя кивнула и побежала обратно, навстречу потоку. Вода все прибывала – она поднялась до щиколоток, передвигаться стало труднее. Рамир отступал, оглядываясь, но не видел пути к спасению. Лесник медленно шел за ним. Проходя мимо саркофага, с размаху врезал по нему прутom – зазвенело стекло, на мертвого киборга посыпались осколки, некоторые провалились в грудную полость, другие усеяли лицо. Совсем обезумел, решил Рамир, приглядываясь к искаженному лицу зверолова. Кровь из раны на его лбу заливала глаза, темная борода висела сосульками.

Испуганно закричала в другой пещере Настька. «Дверь, дверь закрывается!» – подумал Цыган в отчаянии. Вода kloкотала под саркофагом, билась в каменные стены. Будка опять сдвинулась, медленно потащилась к ним, стуча железным основанием о прутья настила.

– Здесь я свободный человек, – глухо повторил Лесник.

Взгляд Цыгана метнулся влево, вправо... Он прыгнул навстречу Леснику, тот замахнулся, но Рамир, на мгновение опершись о саркофаг, отскочил.

Лесник вскочил на покатый стеклянный колпак, продавив разбитое стекло, оттолкнулся от тела Борга и бросился на врага. Железный прут вошел под ключицу справа, раздирая мышцы. Рамир закричал, поднял левую руку, защищаясь. Лесник ожесточенно лупил его прутом – по руке, по плечам, Цыган едва успевал отдергивать голову. И в какой-то момент не сумел увернуться. Прут опустился на череп, перед глазами потемнело, перехватило дыхание, он упал на колени. Краем глаза увидев, как зверолов заносит палку для нового, последнего удара, Рамир вскинул руку, вонзив длинный клин стекла ему в правую половину груди.

Рот Лесника раскрылся в беззвучном крике, прут упал. Сталкера скрутило, рука задергалась, он повалился на бок, сотрясаясь в судороге.

Цыган, подавляя тошноту, оперся о край саркофага, выпрямился. Голова кружилась, колени подламывались. Налитыми кровью глазами он уставился на упавшего противника, хищное выражение появилось на лице. Держась за саркофаг, сделал шаг вперед и пнул зверолова в живот.

Тот замычал. Правая рука его дергалась, колотилась о железный пол. Лесник левой обхватил ее за кисть и пытался прижать к груди, чтобы унять дрожь. Вода плескалась вокруг.

– Ну, кто сильнее? – Цыган еще раз ударил его, наклонился, схватил за шиворот, приподняв обмякшего сталкера, со всей силы врезал кулаком в челюсть. Лесник царапал куртку Рамира левой рукой, пытаясь зацепиться за него, дергал ногами.

К ним подбежала Настька.

– Что ты делаешь?! – она толкнула Цыгана в бок. – Ты же его убьешь!

– Да неужели?! – прорычал Рамир и снова ударил. Голова Лесника мелко тряслась, глаза затянула мутная пленка, из разбитых губ стекала струйка крови.

– Прекрати, перестань немедленно! – она замахала на Цыгана кулаками... и вдруг, неожиданно для самой себя, влепила ему звонкую пощечину. Ахнув, опустила руку, недоуменно поглядела на нее, отступила.

– Ах ты!.. – Рамир бросил Лесника – тот кулем повалился на пол, мыча от боли, – схватил Настьку, занес над ней руку...

И наткнулся на взгляд широко раскрытых глаз.

– Ты же не убийца, – проговорила Настька, и в словах ее было больше вопроса, чем утверждения.

Гнев исчез, рука опустилась сама собой. Рамир осторожно отпустил девушку.

– Да... – растерянно пробормотал он, машинально дотрагиваясь до крестика. – Больше не убийца. Я ведь ухожу отсюда, из Зоны, значит, надо... Надо уничтожить ее в себе.

Настька нагнулась, приложила ладонь к ране. Та ныла, боль пульсациями расходилась по ноге.

– Дверь закрывается, – пожаловалась она. – Медленно так, но двигается. Большая, железная... Я трубу поставила, она ее сгибает!

С пола донесся тяжелый стон.

– Бери его, – сказал Рамир, просовывая руку Леснику под мышку и приподнимая тяжелое тело. Настя подхватила с другой стороны.

– Быстрее, надо быстрее, – тяжело дыша, твердила она.

Сквозь густой пар они потащили сталкера в соседнюю пещеру. Оба покраснели, по лицам катил пот. Лесник слабо дергался и пытался что-то сказать, но лишь разевал рот, как рыба.

– Вот что с тобой сделала твоя Зона, – сказал ему Цыган. – Это твоя цена за свободу? Смертельная болезнь?

– Туда, за турбину! – крикнула Настя, когда они втащили сталкера в машинный зал.

Вода плескалась вокруг труб, пар клубился под потолком, конденсируясь на холодной породе, – в пещере шел дождь.

– Туда, держи дверь! – велел Рамир. Он сам потащил грузное тело вокруг огромного барабана газопаровой турбины, Настя убежала вперед, крикнув:

– Я не смогу!

Вода дошла до лодыжек и становилась горячее с каждой секундой. Рамир увидел широкий прямоугольный проем, к которому вели три ступени, уже почти затопленные. Толстая бронированная плита очень медленно сдвигалась в пазах, между нею и косяком оставалось около полуметра, из проема выглядывала Настя. На ступенях лежала согнутая, треснувшая труба. Выругавшись, Цыган перехватил Лесника поудобнее и потянул к смыкавшейся щели, сквозь которую теперь едва мог протиснуться крупный мужчина.

Лесник дернулся, затянутые пленкой боли глаза глянули на Рамира.

– Борг умер? – прошептал он.

– Да, да! – заорал Цыган.

Настя, высунувшись из проема, тянула его за пояс.

– Рамир! – кричала она. – Дядя Василь!

Лесник слабо улынулся, корка на лице треснула, из царапин потекла кровь. Рамир поддержал его, сталкер встал на ноги – и вдруг толкнул Настьку.

Она повалилась в проем. Щель стала еще меньше. Лесник всунул туда левое плечо, взялся за край двери руками, нажал, придерживая. Вены на лбу вздулись, он присел, сгибая колени, упираясь в ступени, уже скрывшиеся под водой.

– Давай! – прохрипел он.

Рамир, схватившись за косяк, встал ему на колено, боком нырнул в щель. Гудение приводов стало громче, и край плиты придавил сталкером. Схватив Цыгана за руку, Настя дернула изо всех сил. Он уперся спиной, нажал, напрягая мышцы, – и проскользнул на бетонную площадку, озаренную тусклым красным светом.

– Давай, дядя Василь! – крикнула Настя, хватая за плечо Лесника. Дверь давила его, вжимая в косяк.

Он молча покачал головой.

– Нет, нет, мы тебя вытащим! – она продолжала тянуть его. Руки Лесника опустились, взгляд скользнул по Насте, и голова упала на грудь.

Моторы взвыли, дверь сдвинулась еще немного. Лесник не шевелился. Настька вскрикнула, отшатнулась, Цыган обнял ее и заставил отвернуться. Из рта Лесника вытекла струйка крови. А из щели между ним и дверью, не закрывшейся до конца, побежала вода.

2

На столе в тесной подсобке горела керосинка с треснувшим стеклом. Она освещала топчан в углу, заправленный тонким солдатским одеялом, старый сейф и стоящие вдоль стен ящики с маркировкой. По проходу между ними ходил, потирая ладони, дед Пахом. С хитрого морщинистого лица не сходила улыбка. Загибая артритные пальцы, старик высчитывал, сколько сможет выручить за боеприпасы.

– А тут что? Эх, вы мои миленькие... – бормотал он, ножом приподнимая крышку очередного ящика и заглядывая внутрь. – Все, конечно, нельзя брать, – жалостливо поцокав языком, решил наконец Пахом, останавливаясь в конце подсобки. – Группировщики вернутся, а нам тут еще жить. Спросят, эх спросят...

– Или не вернутся? – старик огорченно огляделся. – Там призраки, там Хозяин... – Дед Пахом взялся за край, приподнял – и с довольным охом опустил ящик. Тот был тяжелый, одному не вытащить, надо Степана звать. – С ними Настька, – бормотал старик, нежно оглаживая шершавый дощатый бок. – Ох-ох, жалко, если их там всех не перебьют...

Совесть деда Пахома не мучила. Они в Зоне, а группировщики – как солдаты на войне, знали, на что шли. Настьку, конечно, можно было бы и оставить, да только что с нее толку? И раньше-то была непутевая девчонка, только под ногами путалась, а теперь вроде как теля нескладное, не вырастет из нее справной бабы – так чего зря небо коптить? Старик прижался щекой к ящикам, глубоко, с наслаждением втянул резкий запах смазки. Вот он, Пахом, всех переживет...

Снаружи зашелестела трава, послышалось тяжелое дыхание. Старик торопливо шагнул к дыре, загораживая проход.

– Чего тебе? – спросил он Степана.

Тот запустил пальцы в шевелюру и дернул.

– Там такое творится, такое! – возопил он в отчаянии. – Идем скорей, дядька Пахом!

Старик знал своего племянника давно и манеру паниковать по пустякам изучил, однако сейчас на лице Степана отражался неприкрытый ужас, какого Пахом давненько не наблюдал. Слегка стухнув, он выбрался из магазина, подхватил стоявший возле стены карабин.

– Орать-то чего? – сердито сказал он, шагая по пыльной дороге. – Так что происходит, спрашиваю? Или говорить от страха разучился?

– Сейчас увидишь, – стонал Степан, хватая деда Пахома за руки, но тот все время отталкивал его. – Мы умрем, я давно знал, что этим кончится!

– Да не ной, – брюзгливо одернул старик, – ты внятно скажи. Группировщики возвращаются? Так мы им наплетем чего. Или лучше правду скажем, мол, страшный цыганище разворотил ихний магазин, но мы его спугнули, и он убег...

Степан вновь запустил руки в волосы и с силой дернул, выкрикнув:

– Если б они, дядька Пахом! А то ж вроде конец света настал, шта делать-та?

– Не мели ерунды, – отрезал дед. Миновав крайний дом, они остановились. Чтобы лучше видеть, старик взобрался на скамью под раскидистым кустом боярышника.

И обомлел.

Перед ним раскинулось когда-то колхозное, а нынче бесхозное поле, поросшее сорняком и луговой травой. Вдали, перед стеной аномального тумана, стояла роща. Земля вокруг осела, образуя большую, метров двадцать в диаметре, воронку – ту самую/на дне которой был провал, ведущий в Крепость.

Теперь из него лилась вода. Она уже почти затопила воронку, над озером колыхались кроны рощицы, сверху взволнованно кружились две вороны. Дед Пахом снял карабин с плеча, постучал прикладом о лавку. Глаза его, тонувшие в морщинках, радостно блеснули.

– Не вернутся группировщики-то! – воскликнул он, вновь накидывая ремень на плечо и возбужденно потирая руки. – Айда к магазину, Степанушка, уж теперь нам есть с чего поживиться... – Пахом захихикал, спрыгивая со скамьи, болотные сапоги его скрипнули.

– Да ты шта?! – возопил Степан, по-бабьи ломая тощие руки. – Там же ж Настька, опомнись!

Дед Пахом на секунду задержался, чтобы глянуть на племянника, который метался возле скамьи, порываясь бежать к озеру, но не решаясь.

– Да ты вконец одурел, племяш? Что нам с той шебутной девчонки? Все померли, в таком-то потопе не выжить, ну и ладно. А ну за мной, балбес! На крыше отсидимся. Надо патроны тудысь затащить!

И побежал обратно. Степан, напоследок дернув себя за шевелюру, рысью припустил следом, всполошенно крича:

– И еду, дядька Пахом! Да побольше, побольше!

Вода прибывала. Вскоре она достигла крайнего дома и размыла землю под скамейкой, на которой стоял дед Пахом. Наскоро присыпанная землей дощечка приподнялась. Небольшой водоворот вынес из ямы под ней сумку, течение поволокло ее вдоль забора, покачивая. Клапан зацепился за торчащий из доски ржавый гвоздь, и сумка остановилась. Воды становилось все больше, она клокотала, подмывая кусты и забор, шла мелкими волнами. Сумку дернуло, щелкнула кнопка, и клапан открылся. Следующая волна перевернула ее, наружу выплыло несколько бумажек. Волны набегали одна за другой, сумку качало, вода вымывала из нее деньги.

Пахом и Степан не видели этого. Они бежали со всех ног, чтобы успеть перетащить на крышу магазина патроны и еду. Позади них озеро банкнот расходилось все шире, бумажки плыли, будто опавшие листья, и некому было подобрать их.

* * *

Приподняв головой круглую крышку, Цыган выглянул из люка. Окинул взглядом тесное полутемное помещение – бетонные стены, пыль по углам, приоткрытая дверь. Он присел, опустив руку, ухватил за шиворот Настьку. Девушка

мелко дрожала, прижавшись к лестнице: ей было совсем плохо.

– Давай, – сказал Рамир и потянул ее вверх. – Всего ничего осталось.

Настька полезла, не открывая глаз, кос-как цепляясь за перекладины. Он выбрался на бетонный пол, свесившись, взял ее под мышки и вытащил. Девушка легла у края люка, свернулась калачиком. Ее трясло, штанина задубела от засохшей крови.

– Лежи здесь, – сказал Цыган, осторожно закрывая люк, чтобы крышка не стукнула. Шагнув к дверям, высунулся. Ни пистолета, ни ножа, ничего – без оружия он чувствовал себя голым. Взгляду открылось длинное помещение, под стеной пустые пирамиды из-под оружия. Окон не было, на противоположной стороне виднелась вторая дверь, а посередине посверкивали молнии «Электры», синие всполохи тускло озаряли комнату. Прижимаясь к стене, Рамир миновал аномалию, приоткрыл дверь, выглянул и надолго замер.

Кивнув самому себе, он вернулся в комнатку с люком. Настька лежала в той же позе, дышала она тяжело, с присвистом. Цыган поднял девушку на руки, а она будто не заметила этого, даже глаз не открыла.

Аномалия затрещала чуть громче, но больше никак не среагировала, когда он пронес девушку мимо. Коротко скрипнула дверь, и Цыган шагнул наружу. Он стоял посередине большого КПП, вокруг было несколько бетонных зданий, деревянный дом с начисто прогоревшей крышей, невысокая кирпичная башенка. Сквозь проломы в ограде виднелись заросшие деревьями холмы Зоны. Ясное осеннее утро было тихим и прохладным. Настька пошевелилась, открыла глаза и без всякого выражения взглянула на Рамира.

– Плохо тебе? – спросил он сочувственно.

– Нога болит, – прошептала она. – Отпусти, я сама пойду.

Цыган поставил ее на землю, придерживая под локоть, повел к обгоревшему дому.

Они выбрались из-под земли в Оазисе – небольшом безопасном участке на севере Могильника. В доме не нашлось ничего полезного, кроме старого зубила, завалившегося под сломанным плинтусом. Цыган решил, что вместо ножа сгодится, и сунул его за ремень. Настьке на свежем воздухе стало лучше, но ее все еще сильно знобило. Сталкер отдал ей свою куртку, заставил лечь на сломанную койку в задней комнате, накрыл драным одеялом, которое нашел в рассыпшейся тумбочке.

– Отдыхай, – сказал он. – Надо осмотреться, я поднимусь повыше.

Рамир вышел наружу, огляделся, еще раз убедившись, что никого, кроме них, здесь нет, и направился к кирпичной башенке на краю КПП. Забравшись по шаткой при ставной лестнице, он выпрямился во весь рост, вдохнул полной грудью. В голове было пусто, ни одной мысли. Рамир не думал о том, что делать дальше, как он покинет Зону и покинет ли ее вообще. Не думал о Слоне, Умнике и свободе, не вспоминал о том, что происходило совсем недавно в подземельях, – он просто смотрел вокруг.

Он сел, вытянув ноги. Скрипнула лестница – на крышу выбралась Настька. Села рядом, прижалась к его плечу и тихо сказала:

– Жалко Лесника.

Рамир не ответил. Было тихо, а еще – очень просторно и ясно. В молочной дымке вокруг раскинулись долины, леса и холмы Зоны, ветер нес по небу одинокое облако, и осень медленно сгорала в багрянце листвы...